

АКАДЕМИЯ
РУССКОЙ МЫСЛИ

Н.С. ДЕРЖАВИН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
РУССКОГО НАРОДА

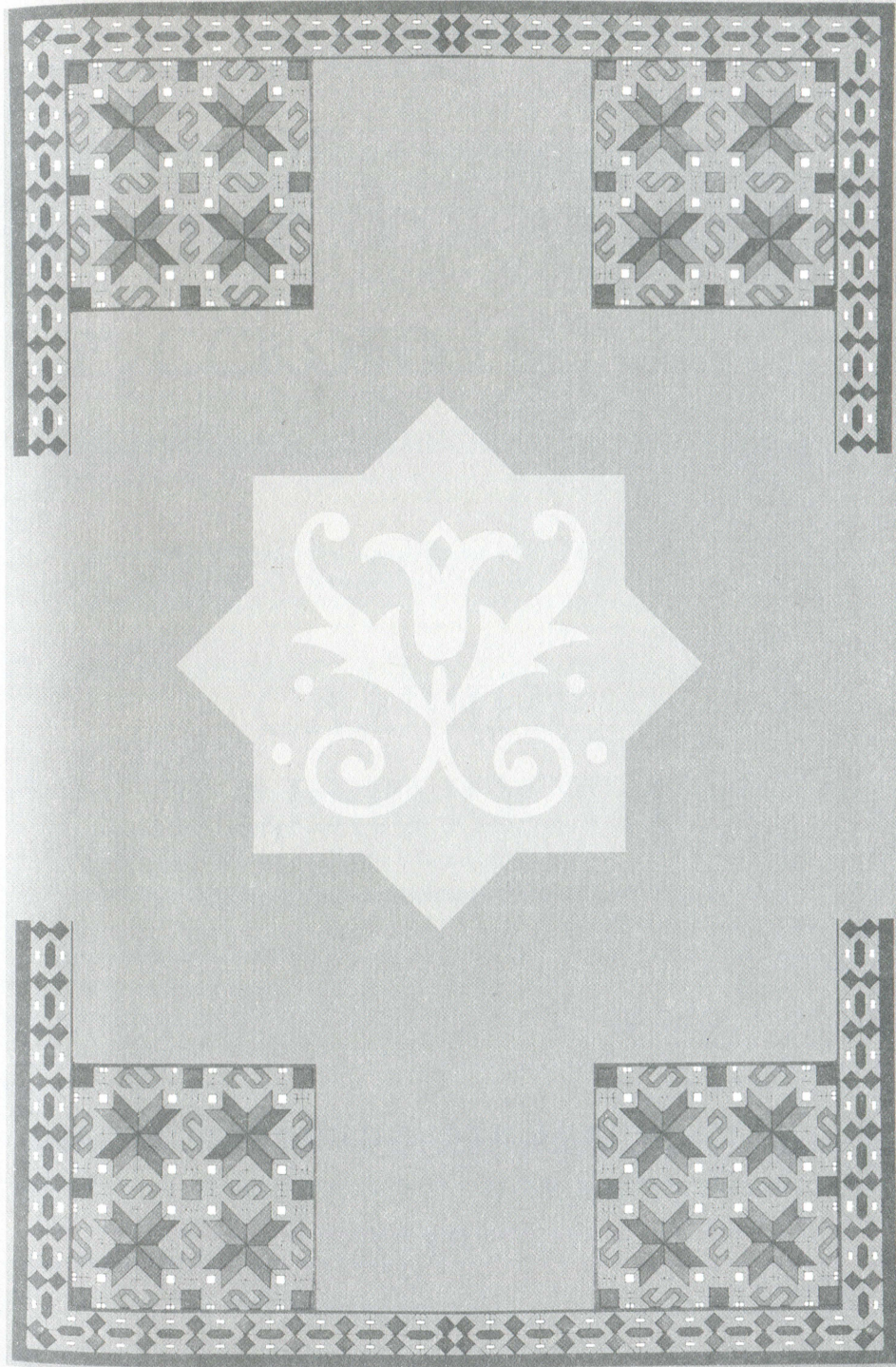
ВЕЛИКОРУССКОГО, УКРАИНСКОГО,
БЕЛОРУССКОГО

СЛАВЯНЕ
В ДРЕВНОСТИ

Николай ДЕРЖАВИН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОГО НАРОДА

ВЕЛИКОРУССКОГО, УКРАИНСКОГО, БЕЛОРУССКОГО

СЛАВЯНЕ В ДРЕВНОСТИ

Культурно-исторический очерк

**Москва-Минск
«Русская Правда»
2010**

УДК [94 + 811] (= 16)

ББК 63.3(2) + 80

Д36

ДЕРЖАВИН Н.С.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОГО НАРОДА

ВЕЛИКОРУССКОГО, УКРАИНСКОГО, БЕЛОРУССКОГО

СЛАВЯНЕ В ДРЕВНОСТИ

авт. **Н.С.Державин**

Д36 **Происхождение Русского народа – великорусского, украинского, белорусского. Славяне в древности. – М.-Мн.: «Русская Правда», 2010 – 320 стр.**

ISBN 978-5-904021-02-3

Издание содержит неперезидававшие после 40-х годов XX века монографии известного русского советского учёного-слависта академика Н.С.Державина (прямого потомка Гаврилы Романовича Державина), посвящённые вопросам происхождения и развития восточнославянских народов и опубликованные по личному указанию И.В.Сталина.

Публикуемые труды представляют интерес как для научных работников, историков-педагогов и студентов, так и для широкого круга читателей, не равнодушных к проблемам истории славянства.

Рекомендовано для изучения студентам всех учебных заведений Российской Федерации и Республики Беларусь.

*Славянская
Витавина & Ко*

© «Русская Правда»

© Яновский О.А., Темушев С.Н.,
послесловие, 2010

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Имя академика Академии наук СССР историка-славяноведа **Николая Севастьяновича Державина** (03.12.1877–26.02.1953), чьи труды предлагаются уважаемому читателю, сегодня, к сожалению, почти забыто. Фактически оно было вычеркнуто усилиями послевоенной академической номенклатуры. В результате во многих монографиях ссылки на работы этого крупнейшего учёного, посвятившего всю свою жизнь исследованию корней славянства и русского народа, просто отсутствуют. Между тем работы Н.С.Державина «Происхождение русского народа» и «Славяне в древности», удостоенные в 1948 году Сталинской премии 1-й степени, не утратили своего значения для науки, в частности историографии, и по сей день.

Несколько слов о самом учёном, являвшемся прямым потомком знаменитого поэта Гаврилы Романовича Державина.

Николай Севастьянович был выдающимся историком-славистом, одним из немногих в Европе учёных-албановедов, крупнейшим специалистом в области русской филологии, знатоком болгарского языка и культуры, автором многочисленных работ, посвящённых балканским славянам (в том числе 4-томная «История Болгарии»). Всего наследие учёного насчитывает более 500 публикаций по истории, археологии, этнографии, филологии, палеографии и языкознанию.

Н.С.Державин был превосходным организатором, талантливым педагогом и подлинным учёным-общественником. После 1917 года он активно участвовал в процессе становления системы советской средней и высшей школы, выступая при этом активным пропагандистом новой орфографии. В течение 1918-23 гг. вышел в свет ряд методических трудов Николая Севастьяновича по педагогике. Державин стал первым советским ректором Петроградского университета, возглавив знаменитый вуз в тяжелейшие годы разрухи после Гражданской войны. Одновременно Н.С.Державин стоял во главе реорганизованного по его инициативе Института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока (позже переименован в Институт речевой культуры), сыгравшего заметную роль в формировании современной лингвистики и литературоведения.

В 1931 году Н.С. Державина избрали действительным членом Академии наук СССР. В том же году он впервые в стране организовал и возглавил Институт славяноведения.

За огромный вклад в науку и активную общественную и педагогическую деятельность Николай Севастьянович был награждён орденом Св. Станислава 2-й степени (в царской России), двумя орденами Ленина (в СССР), орденом Св. Александра 2-й степени (в Болгарии).

Своё исследование древнейшей истории славян Н.С. Державин начал ещё до революции. Однако результаты объёмной и обстоятельной работы учёного, посвящённой спорному вопросу о происхождении русского народа, вызвали (и продолжают вызывать) весьма неоднозначные оценки. В своих научных взглядах на проблему этногенеза славян Державин проявил себя последовательным продолжателем дела своего учителя Н.Я.Марра, сторонника крайнего автохтонизма. В книге «Происхождение русского народа» Державин, вслед за Марром, прямо утверждает преемственность земледельческих племён Скифии от протославян, к которым он причисляет носителей так называемой трипольской культуры, сложившейся в III тысячелетии до нашей эры на огромной территории, охватывающей Северное Причерноморье, Балканы, Апеннины, остров Крит и Малую Азию. По мнению Н.Державина, Русь существовала задолго до появления варягов. Скорее всего, ядро протославянской народности сформировалось на территории нынешних Украины и Беларуси – в бассейнах среднего Днепра и Припяти, где *«начиная с эпохи палеолита и вплоть до наступления железного века... жил один и тот же... народ»*.

Монография Н.С. Державина **«Происхождение русского народа»** вышла в свет небольшим для многомиллионной страны тиражом единственный раз – в 1944 году. Издана по личному указанию И.В.Сталина. Однако после смерти вождя и самого автора, ушедших из жизни в одном и том же 1953 году, книгу изъяли из большинства библиотек Советского Союза и упрятали в спецхраны. Сходная судьба постигла и вышедшую в 1946 году работу **«Славяне в древности»**. С тех пор обе эти книги не переиздавались. Данное издание, спустя более 60 лет, восполняет этот пробел.

Монографии Н.С. Державина являются частью нашего культурного наследия и, несомненно, достойны того, чтобы быть представленными широкому кругу читателей.

АКАДЕМИК Н.С. ДЕРЖАВИН

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
РУССКОГО
НАРОДА**

**ВЕЛИКОРУССКОГО
УКРАИНСКОГО
БЕЛОРУССКОГО**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СОВЕТСКАЯ НАУКА“
МОСКВА 1944**

A. Depmabuhri

І. ДОСЛАВЯНСКИЙ ПЕРИОД

1. Население восточно-европейской части территории СССР в доисторические времена

Русский народ в составе трёх образующих его братских народов – великороссов, украинцев и белорусов – ведёт своё начало с глубокой древности, с тех времён, когда о русском народе *как особой этнографической группе* на европейском материке не было ещё и речи. Не было тогда речи и ни об одном из ближайших соседей русского народа: ни о литовцах и латышах – на западе, ни о финнах – на севере и северо-востоке, ни о турко-татарах – на востоке. Это время восходит к ледниковому или послеледниковому периоду нашей территории, к которому относятся наиболее ранние следы пребывания здесь человека. Следы эти представлены огромным материалом археологических раскопок на территории Восточно-Европейской равнины и свидетельствуют о наличии здесь с доисторических времён – с так называемого четвертичного периода – какого-то осёдлого, в основном, заселения в тех именно районах, которые в исторические времена занимает русский народ.

Время, когда впервые выступает человек ледникового периода с его древнекаменной культурой эпохи так называемого верхнего палеолита*, исчисляется десятками тысяч лет до нашей эры; оно характеризуется своеобразным комплексом примитивных каменных и костяных орудий в обстановке весьма своеобразного мира флоры и фауны, окружавшего тогда человека. Та же культура, начиная со среднего Приднепровья в прилегающих к нему с востока районах Заднепровья вплоть до рек Донца и Дона, распространяется на западе в районы Прикарпатья, т.е. Подолии и Галиции, верхнее Повисленье с Краковом и ещё далее на запад – в Моравию. Генетически культура названного района не увязывается с палеолитической культурой так называемого Неандертальского типа, открытой на Пиренейском полуострове, а также во Франции и затем в некоторых других местах Западной Европы. Палеолитическая культура интересующего нас района по археологическим данным представляет собою своеобразный местный тип, увязываемый с культурой Эгейского моря.

Таким образом часть европейской территории – нынешняя Моравия, Прикарпатье, Галиция, Волинь, среднее Поднепровье и Заднепровье вплоть до верховьев Донца и Дона – уже в древнейшее время была местом обитания первобытного человека, стоявшего на сравнительно высокой стадии общественного и культурного развития. В эту эпоху человек уже не только использовал в качестве орудий труда естественный материал, но и научился изготавливать орудия из кремня и костей животных, а от охоты на мелкую дичь уже

перешёл к крупной охоте. Это естественно было связано с коллективной организацией труда и общественностью, в обстановке которых быстро совершенствовалась техника, развивались мышление и звуковая речь и шёл общий подъём культуры и общественной жизни. К периодам верхнего палеолита относится начало скотоводства и мотыжного земледелия [1, 2]⁰.

Судя по данным раскопок, жизнь насельника палеолитических стоянок в местах, населённых позднее *великорусским, украинским и белорусским* народами, а также в примыкающих районах западного *славянства*, представляет довольно яркую картину начального периода так называемой средней ступени дикости, характеризуемого в области общественных отношений формированием кровнородственной семьи и возникновением материнского рода (матриархат) [3].

Одно из основных положений нашей науки говорит, что никакой народ не исчезает бесследно со своих мест поселения, но и после того как он сходит так или иначе со сцены, продолжает преемственно жить в культурном наследии последующих насельников той же территории. Это положение подтверждается обширным материалом многочисленных раскопок и результатами палеолингвистических исследований. Поэтому есть все основания рассматривать нашего диллювиального* человека и его культуру на территории, начиная на западе от Моравии и кончая на востоке средним Приднепровьем и далее – поречьем р. Десны и р. Доном, как древнейшего предка позднейшего славянского населения той же территории, культурно смыкавшейся со Средиземноморьем и составлявшей северо-восточную часть средиземноморской культурной области. Это заключение подтверждается материалами археологических раскопок, доказывающими непрерывность населения на данной территории, начиная с эпохи верхнего палеолита и вплоть до эпохи железа, когда на исторической сцене, по данным письменных источников, здесь впервые выступают *славяне*.

Начиная со средней ступени дикости (верхний палеолит), это население переживает затем период высшей ступени дикости (неолит*), представляющий собою переходную стадию к низшей ступени варварства и характеризуемый в частности зачатками коллективного деревенского поселения.

Более поздний период в истории населения нашего юго-запада представляет собой так называемая «Трипольская культура», приблизительно датируемая тремя тысячелетиями до нашей эры. Эта культура замечательна не только своими памятниками, характеризующими сравнительно высокий уровень развития местного населения. Она замечательна также тем, что общностью типа своих вещевых памятников и вскрываемого на их основе социального строя теснейшим обра-

0. Цифрами в квадратных скобках обозначены литературные источники и комментарии, помещённые в конце книги.

зом связывает наш Дунайско-Днестро-Бугско-Днепровский район не только с территорией нынешней Румынии и Венгрии, но и далее – с Балканским полуостровом, с Фессалией и древнейшими культурными центрами Средиземноморья – с Микенами и Критом, а на востоке – с Малой Азией. Это даёт основание нашим археологам характеризовать «Трипольскую культуру» как домикенскую [4].

Киевский археолог В.В.Хвойка, которому принадлежит заслуга открытия в конце XIX в. на Поднепровье памятников «Триполья», тогда же пришёл к заключению, что носителем этой культуры был осёдлый земледельческий народ и что именно в нём *«можно видеть только наших предков праславян (или протославян), предшествовавших и переживших в нашей местности все известные доселе передвижения и нашествия других иноземных племён, потомки которых удержали в своём владении край предков до настоящего времени»*.

В своих археологических работах В.В.Хвойка вообще неизменно подчёркивал, что народ – носитель и строитель «Трипольской культуры», занимавший громадное пространство и оставивший на всём его протяжении бесчисленные памятники своего постоянного пребывания от неолитических времён до IV века н.э. и далее, очевидно, не мог исчезнуть бесследно или быть заменён каким-либо другим и что, следовательно, в течение своей долгой исторической жизни он был постоянным насельником данной территории.

«Трипольское общество» представляло собой родовое общество, которое развивалось по линии разложения материнского рода к патриархату. Семейно-родовая община у «трипольцев» вскрывается археологическими данными, характеризующими жилище «трипольца». Тип его посёлка, открытый, например, вблизи с. Халепье в 1934-67 гг., также вскрывает наличие у трипольцев родовой общины. С нею мы впоследствии встретимся на этой же территории у полянских славян.

По наблюдениям археологов во все периоды неолитической эпохи наблюдаются одинаковый образ жизни древних поселенцев среднего Приднепровья и постепенность их культурного роста, которую легко проследить по древним памятникам этой эпохи, отличающимся цельностью и неизменностью своего основного типа.

Основываясь на телосложении и строении черепов (длинноголовые) насельников интересующего нас района в эпоху неолита, принимая также во внимание характер некоторых оставленных ими предметов и, главным образом, многочисленность роговых и костяных изделий, связывающих культуру неолита с предшествующей ей культурой палеолита, В.В.Хвойка признаёт неолитических обитателей среднего Приднепровья прямыми потомками их палеолитических предшественников, следы существования которых открыты как в Среднеприднепровской области, так и в Прикарпатье.

Нет нужды, конечно, ещё раз подчёркивать, что в истории развития человека культурные типы сменяются не вдруг, а постепенно и одновременно в разных районах, даже и объединённых типовой общностью предшествовавшей стадии культурного развития. Эпохи истории общества, подобно эпохам истории земли, не отделяются одна от другой строгими разграничительными линиями.

Эпоху неолита, характерную для высшей ступени дикости и последующей за нею низшей ступени варварства, сменяет на территории интересующего нас района эпоха меди и бронзы – средняя ступень варварства, приурочиваемая на территории СССР ориентировочно к третьему и вплоть до начала 1-го тысячелетия до н.э. Социальный строй этой эпохи характеризуется развитием патриархально-родовых отношений.

Таким образом на основании материалов, выявленных археологическими раскопками в юго-западной части территории Советского Союза, мы можем заключить, что, начиная с эпохи палеолита и вплоть до наступления железного века, подводящего нас уже вплотную к новой эре, здесь жил один и тот же в основном ядре народ, прошедший на протяжении ряда веков длинный путь материального и культурного развития и в процессе своей жизни и своего этнографического становления вырабатывавший тот комплекс характерных соматических*, материальных и социально-бытовых особенностей, который в целом даёт определённый этнографический тип. Мы не имеем никаких оснований не видеть в этом типе субстрат позднейшего славянского населения интересующего нас района, испокон веков занимавшего ту самую территорию, которую сейчас занимают в этом районе восточные славяне – украинцы, белорусы и великорусы.

С наступлением железного века кончается доисторический период в жизни наших предков. Начиная с этого момента, мы вступаем в историю и располагаем уже значительно большими данными для изучения древнейших исторических судеб и быта славянского народа. Наряду с материалами археологических раскопок мы получаем в своё распоряжение показания историков и географов древности. Эти документы начинают воспроизводить перед нами все более и более широкую картину международных связей, культурных влияний и быта того народа, из недр которого впоследствии возникает *русский народ*.

На протяжении нескольких предыдущих страниц мы бегло очертили период приблизительно в сорок тысяч лет, которые наши предки прожили на территории Советского Союза, начиная с эпохи палеолита и вплоть до начала нашей эры. За эти сорок тысяч лет мы не встретили на этой территории ни одного определённого, этнографически оформившегося народа. Мы видели ряд культур, преемственно сменявших собою одна другую, но не встретили пока ни одного народа, как группу людей, объединённую *«исторически сложившейся общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»*.

Правда, палеолит, неолит и бронза представляют собою известные культуры, которыми, надо полагать, обуславливалась и известная общность психического склада людей, проявлявшаяся в общности культуры. Мы можем также с известной уверенностью говорить и о некоторой общности экономической жизни, характерной для каждой из этих культур. Но мы ещё не можем на этом этапе развития человека с такою же уверенностью говорить о наличии общности территории и общности языка. А это значит, что в эпохи палеолита, неолита и бронзы на территории СССР не было ещё народа или нации как исторической категории, а были только племена, являющиеся категорией только этнографической.

По материалам раскопок нам известно, что в древнейшую для территории СССР эпоху так называемого верхнего или более позднего палеолита (Мадленское время), характеризующего как эпоху средней ступени дикости, наши предки жили тотемическими* матриархальными *родовыми и хозяйственными общинами*, каждая из которых считала себя происходящей от того или иного животного или растения – тотема, т.е. божества – покровителя данной родовой группы, причём имя бога-тотема служило и названием рода.

Этот же социальный строй в более полном развитии продолжает в основном оставаться характерным и на последующей ступени культуры, на так называемой высшей ступени дикости, соответствующей эпохе неолита (приблизительно от 5 до 3,5 тысяч лет до н.э.). Однако между начальным периодом неолита и его концом в области социальных отношений наблюдается весьма существенная разница: *родовые общины* (союз родов) перерастают в *племена*; матриархат доживает свои последние дни. Об этом ясно говорят памятники «Трипольской культуры», культуры нашего юго-запада (3500–2100 лет до н.э.), показывающие начало разложения здесь материнского рода и предпосылки к образованию отцовского рода.

С другой стороны, те же вещевые памятники эпохи неолита вскрывают наличие уже в это время на восточно-европейской территории Советского Союза разделение труда. Это обусловлено окружающей человека природой: в лесной и степной полосах сидят охотники и рыболовецкие племена; на территории «Триполья» – землеробы-мотыжники с первобытным земледелием «огородного» типа.

Эпоха меди и бронзы (2100–1000 лет до н.э.), средняя ступень варварства, представляет собою дальнейший и знаменательный этап в развитии народного хозяйства, быта, мировоззрения и социальных отношений наших далёких предков – доисторических насельников западной части территории СССР. Мотыжное «огородного» типа земледелие в это время в связи с изобретением металлических орудий постепенно уступает место технически более совершенным формам полевого хозяйства; значительно развивается скотоводство, что ведёт к выделению пастушеских племён из остальной массы варваров (Эн-

гельс), с одной стороны, и к созданию, по выражению Энгельса, всех условий для обмена между членами различных племён, для его развития и упрочения как постоянного учреждения. Главный предмет, которым обменивались пастушеские племена со своими соседями, по Энгельсу, был скот; скот сделался товаром, посредством которого оценивались все товары и который повсюду охотно принимался в обмен – одним словом, скот стал выполнять функцию денег и уже на этой ступени играл роль денег, что в частности прекрасно иллюстрируется латинскими словами pecus – скот и pecunia – деньги.

На этом, однако, общественное разделение труда не остановилось. Изобретение металлических орудий труда вызвало развитие горного промысла и металлургии, что в свою очередь привело к появлению горнопромышленных районов или центров, т.е. к выделению племён новой производственной спецификации. Огромные производственные сдвиги в эпоху меди и бронзы, тесно связанные с изобретением металла, привели к полному разложению матриархальной родовой семьи и к развитию патриархально-семейных и патриархально-родовых отношений.

2. Этнография восточно-европейской части территории СССР к концу эпохи меди и бронзы

Если, подводя итог сказанному, мы представим себе на основании археологических раскопок этнографический состав населения европейской части территории нашего Союза к концу эпохи бронзы, то увидим множество отдельных племенных образований, не успевших ещё оформиться в определённый этнографический тип. Эти племенные образования разбросаны на огромном пространстве – от Причерноморья и Приазовья на юге до Белого моря на севере и от западных этнографических границ современных украинского и белорусского народов, вплоть до реки Волги и предгорий Урала на востоке.

Племена эти, ещё не объединённые в племенные союзы, живут на началах патриархального строя. По характеру основного хозяйства мы видим здесь четыре больших производственных района: степной – скотоводческий, лесо-степной – земледельческий, лесной – охотничье-рыболовческий и северо-восточный – металлический.

Племена эти находились в постоянном материальном и культурном взаимообмене друг с другом, причём единицей обмена служил скот. Однако взаимоотношения этих племён не ограничивались только обменом продуктами производства и своею культурой, в том числе, в первую очередь, языком. В своих взаимоотношениях они, естественно, находились в процессе постоянных племенных скрещений, вызывавших новые племенные образования и новые языки.

По своему культурному и языковому развитию эти племена стояли на примитивной, доиндоевропейской, т.е. яфетической стадии развития. По своей культуре и языку это были яфетиды*.

По определению **Н.Я.Марра**, племя – «это определённое скрещение ряда племён, собственно племенное образование по признакам классового производства, классовое племенное образование» [5].

«Племенное образование, – говорит Н.Я.Марр в другом месте, – это построение одной из входивших в его состав производственно-социальных группировок, с которой и переносилось на всё племя её название, оно же – звуковая сигнализация магической силы, оси соответственного объединения, с определённой поры – тотема, впоследствии – бога или богини (собственно, сначала богини и потом уже бога)».

«Не случайно же в самом деле, – замечает Н.Я.Марр, – то, что в индоевропейских языках Рим (Roma), Афины, Спарта, не говоря о Трое, женского рода, как и название стран – отложения так называемых племенных названий» [6].

И подобно тому как племя всегда представляет собою известную племенную скрещённость, так же точно мы должны видеть и в каждом племенном наименовании скрещённость, т.е. «слияние двух и более однозначных различных слов того же количества племён, образующих одну общественность и скрещивающихся уже физически» [7].

Исходя из этих основных предпосылок, мы легко можем себе представить не только статику этнографического состава населения восточноевропейской части нашего Союза к концу эпохи меди и бронзы (средняя ступень варварства), но и его динамику, вскрываемую акад. Марром на анализе огромного топонимического* и ономастического* племенного материала.

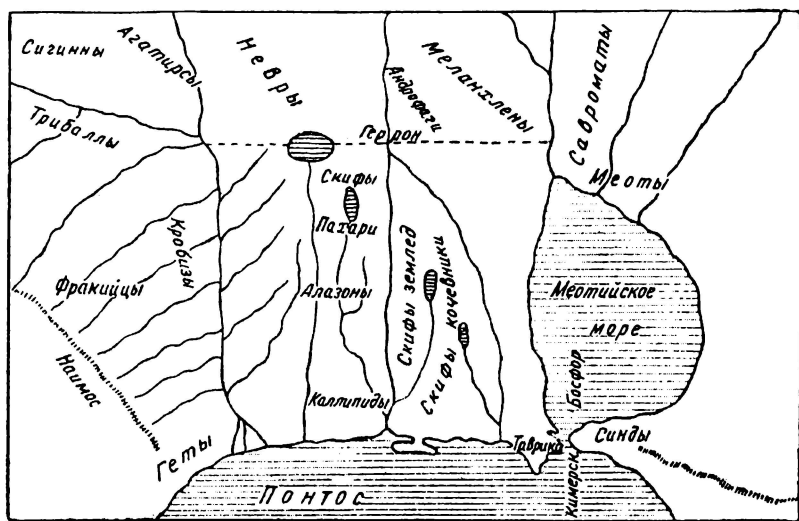
3. Скифы и сарматы

Начиная приблизительно с VIII в. до н.э. и вплоть до II в. н.э., на территории современного украинского народа СССР живёт группа племён, известная у древних авторов под общим названием *скифы* и именующая самих себя *сколотами*. В этом последнем племенном термине Н.Я.Марр, как известно, видел протооснову термина *скловен*, рассматривая его основу «*скло-*» как стяжнённую форму основы «*сколо-*». Предшественникам скифов на той же территории, по Геродоту, были киммерийцы.

Скифская проблема – это огромная проблема в смысле своего материала. Но она огромна и в смысле своего значения для разрешения вопроса о происхождении русских славян.

Без учёта киммерско-скифского материала нельзя даже подходить к проблеме происхождения русских славян, потому что *киммеры* и *ски-*

фы продолжают жить до наших дней в русском, украинском и белорусском языках настолько значительным культурным вкладом, что Н.Я.Мартин имел все основания утверждать, что «славянский, понимасмый палеонтологически, есть скифский, вернее – кимерский».

Геродотова Скифия

Особенный интерес с этой точки зрения представляет собою западная, днепровско-бугско-днестровская группа осёдлых земледельческих скифских племён – прямые потомки насельников названного района в эпохи палеолита, неолита, меди и бронзы. По характеристике Геродота, это *древние скифы*. Их он противопоставляет восточной группе скифских племён, так называемым *царским скифам*, очевидно, политическим гегемонам всего обширного скифского союза племён. Названные Геродотом две группы скифских племён этногонически разного типа, хотя в языковом отношении и близки друг к другу. По характеристике Геродота, западные скифы отличались от восточных и чертами быта, и религией, и, по-видимому, также своим типом.

Мысль о том, что западные, осёдлые, земледельческие скифы были славянами, в своё время усердно, на основании веских доводов поддерживалась одним из лучших знатоков скифских древностей, русским историком акад. **А.С.Лаппо-Данилевским** (1887 г.). Мы не будем настаивать на этой мысли Лаппо-Данилевского, представляющей собою известное предположение, хотя и весьма вероятное, особенно для середины первого тысячелетия до нашей эры. Были ли западные, геродотовы, скифы славянами, – вопрос этот,

при отсутствии совершенно определенных в данном смысле показаний, не представляется для нас сейчас существенным. Гораздо более существенно то, что западные скифы во всём своём облике, как он представлен у Геродота, выявляют черты, дающие основания одному из крупнейших русских историков, весьма осторожному вообще в своих высказываниях, видеть в них русских славян.

Интересно также и то, что называемые Геродотом западно-скифские племена – *каллипиды*, они же карпиды после-Геродотовых авторов – Эфора, Скимона Хиосского и других, палеонтологически увязываются с наименованием *Карпаты* и племенными наименованиями *карпы*, *карпианы*, *хорваты* киевского летописца. Как и Геродоты *каллипиды*, все это жители Прикарпатья.

Все эти наименования имеют своим двойником племенное наименование *сармат*, то же *сармар*, отложившееся до наших дней в имени приволжских городов: *Самара*, *Саратов*, а также древнего города хазар *Саркел*. Что же касается самого племенного наименования *сармат* – *сармар*, то оно, как и все племенные наименования, представляет собою двуплеменный скрещенный термин *сар-мат* или *сар-мар*. В первой части этого термина, т.е. в слове «сар», отложилось наименование древнейшего доисторического населения европейской части нашего Союза, народа *салы*, то же *талы* или *италы*, на Кавказе *талыши*, на Балканском полуострове *теталы*, т.е. *фессалы*, страна *Фессалия*, город *Фессалоники*, позже *Салоники* и *Солунь*.

Народ *салы* оставил значительные отложения в русском языке. В частности, язык этого народа продолжает пережиточно бытовать в русском и в других языках братских народов на той же территории СССР в наименовании населённого пункта *село*: у чувашей *сал* или *сала*, у черемисов *сола*, как в русском наименовании другого типа населённого пункта *город* или *град* (гард) отложилось наименование того же доисторического народа на нашей территории *салов* или *саров*, *сарматов*, но в спирантизированной* его разновидности *кары*, которое ярко выступает в наименованиях гор *Карпаты*. В данном случае эта основа выступает в значении «камень», затем «гора».

В халдском клинописном языке языческой Армении на Ванском озере в Малой Азии, относящемся к IX–VII вв. до н.э., т.е. к тому же времени, о котором идёт у нас сейчас речь, когда мы говорим о скифах, имеется, до показанию Н.Я.Марра, между прочим, слово *ri-l* – камень, которое в усечённой форме *ri-* присутствует у халдов же в составе слова *ka-ri*, чаще *кари* – камень. Первая же часть этого слова в халдском оформлении значит крепость, замок. Такого же происхождения и русское *кремль* [8].

Вторая составная часть племенного наименования *сармат* – *сармар* отложилась в черемисском *мар* в значении человек, муж и т.п. По мнению некоторых исследователей, название народа *меря* есть славянское изменение слова *мари* [9].

Что касается основы *кар-* в значении «город», то она имеет очень широкое распространение не только на территории восточно-европейской части нашего Союза, но и на Кавказе и далее на юг за пределами СССР вплоть до Африки, где она отложилась в названии города *Карфаген* (у римлян) или *Кархедон* (у греков). В Месопотамии *карха* значит «город», а также «ограда»; на Кавказе – *Ахалкалаки* (Ахал-караки), *Карси*; у чувашей на Волге *кар-да* – «огороженное место», «изгородь», «скотный двор», «хлев» и просто «город» – в составе названий главных городов *чувашей* или *шивашов*: *Шивашкар*, у зырян *Сыктивкар* (Усть-Сысольск).

Эта основа *кар-*, то же *кор-* или *кур*, в экающей форме *кел-*, как это мы имеем, например, в названии древнего хазарского города *Саркел*, представляет собою спирантизованную разновидность сибилантного* *сар-*, то же *сал-*; его спирантный двойник *хар-* или *хаз-*, который мы имеем в отложении в наименовании города *Казань*, по-чувашски *Хоз-ан* или *Хузан*, по-черемисски *Озан*, что значит «город хазов» или «город хазаров»; то же – в отложении в названии города *Харьков*, представляющем собою племенное название тех же *хазов* или *хазаров*.

Таким образом мы уже частично вскрыли, что в языке русских славян, т.е. в великорусском, украинском и белорусском языках, а стало быть и в народах-носителях этих языков, заключён большой слой культурного наследия их доисторических предков на занимаемой ими сейчас территории. Кое-кого из этих древнейших предков нам уже удалось установить на основании имеющегося в нашем распоряжении такого замечательного в этом смысле документа, как язык. Предки эти, во-первых, *кимеры*, они же *ибсры* или *беры*, и во-вторых, *салы* или *сары*. К другим предкам мы подойдём позже, а сейчас возвратимся к Геродотовым скифам.

Второй после *каллитидов* скифский народ, включаемый Геродотом в состав западных скифских племён, это *алазоны*. Они жили там, где реки Днестр и Буг ближе всего подходят друг к другу, т.е. на современном Подолье; стало быть, это были *подоляне*. Расшифровать название Геродотовых алазонов совсем нетрудно. Ведь древние греки буквою ζ (дзет) обыкновенно обозначали отсутствующий в их языке славянский звук «ч». Следовательно, можно полагать, что Геродотовы *алазоны* в действительности были какие-то *алачоны*, или *аличи*, или *галичи*, т.е. *галичанс*. Мы не прибегаем к какой-либо искусственной натяжке в истолковании этого геродотовского термина, как склонны думать некоторые исследователи. Наше толкование совершенно закономерно. Основа этого термина *ал-* представляет собою весьма обычную усечённую форму спирантизованной разновидности племенного наименования *сал* или *сар*, т.е. основы *гал-* с утратою начального спиранта. Аналогичный случай мы имеем, например, в наименовании балканского и кавказского народов *албаны*, т.е. албанцы.

Я думаю, что нам нет надобности расшифровывать, кто такие Геродотовы *скифы-пахари*, сидевшие на территории южной части Во­лыни и Киевщины, и *скифы-земледельцы*, занимавшие восточную часть Херсонщины и часть Киевщины. Это, несомненно, потомки уже известных нам на Приднепровье землеробов – «трипольцев», продолжавшие и в Геродотово время оставаться на тех же местах, где они и до Геродота сидели испокон веков.

Таким образом вопрос о том, кто такие были народы, сидевшие в районах западной Скифии, которых Геродот называет общим термином *скифы*, не вызывает никаких сомнений. Я почти убеждён в том, что и Геродотовы скифы-кочевники, или номады, занимавшие западную часть нынешней Запорожской области, представляли собою пастушеские, скотоводческие племена. В эпоху железа, на средней ступени варварства, они в связи с ростом скотоводческого хозяйства выделились из основной массы тех же приднепровских и приднестровских варваров, которые в Геродотово время составляли западную ветвь скифского народа.

Подлинными скифами были, вероятно, только так называемые «царские скифы». Но, очевидно, по стадильности своего культурного развития и по своему языку и эта, восточная, ветвь скифов была близка к западной ветви. В середине I тысячелетия до н.э. все известные Геродоту скифские племена говорили на каком-то, по-видимому, общем для всех их языке, стоявшем на доиндоевропейской, т.е. яфетической стадии, не исключавшей, конечно, диалектических отличий, которыми разнились друг от друга отдельные племенные языки, обнимавшиеся у греков понятием *скифский язык*.

Вобрав в себя культурное наследие своих предшественников на занимаемой ими территории, т.е. *кимеров* или *иберов* и *этрусков*, скифы передали его своим преемникам. Это наследие в скифском оформлении продолжает жить до наших дней как в русском языке, так и в языках соседящих с русскими народов Поволжья – удмуртов (вотяков), коми (зырян) и др.

Для примера укажем, что скифским наследием в русском языке считают слова: *скот*, *золото*, *соха* и др. [10].

4. Ближайшие соседи скифов на севере: негры и будины

В своём рассказе о Скифии Геродот не ограничивается сообщением о племенах, населявших Скифию, но называет целый ряд соседних с ними племён, живших за пределами Скифии на север от неё.

Вспомним, что северная граница Скифии, восстанавливаемая по показаниям самого же Геродота и археологическим памятникам (скифские могилы), шла от верховьев Буга и Днестра на восток че-

рез область правого притока Днепра р. Роси к Киеву и отсюда в юго-восточном направлении к низовьям Дона.

По показаниям Геродота, на север от скифов-пахарей жил народ *невры*. Зная, что скифы-пахари занимали южную часть Волыни и Киевщины, мы можем с несомненностью говорить о том, что Геродотовы *невры* жили на территории нынешней Подолии, Волыни, Галиции и части Польши. Большинство русских и западноевропейских учёных старшего поколения, начиная с Карамзина, польского историка Лелевеля и знаменитого чешского слависта Шафарика, и кончая лучшим знатоком славянских древностей, нашим современником, чешским учёным проф. Л. Нидерле, считали Геродотовых *невров* славянами. В этом убеждает и то обстоятельство, что на территории, занятой в Геродотово время *неврами*, до сих пор память об этом народе живёт во множестве названий рек и деревень в области поречья Буга и средней Вислы, т.е. главным образом, на территории нынешних западных украинцев. Это именно: р. *Нура* (приток Буга у киевского летописца под 1102 г.), местечко *Нура*, *Нурец* – правый приток Буга и населённый пункт, *Нурчик* – левый приток *Нурца*, деревни *Нурец*, *Нурица*, *Нуры*, *Нурвяны*, *Нурвицы* и т.д. Наименование этой области «Земля нурская» держалось вплоть до исторических времён [11].

У римского писателя Валерия Флакка (Caius Valerius Flaccus), жившего в I в. н.э., встречается интересный эпитет, которым он характеризует *невра*, говоря о нём: «*raptor amorum Neurus*», т.е. «похититель возлюбленных невр». Это очень напоминает показание киевского летописца о том, что древляне, радимичи, вятичи и кривичи похищали себе жён у источников и что таким образом у них заключались браки. Рассказывая о неврах, Геродот передаёт, между прочим, распространённую, очевидно, в его время среди ольвийских греков легенду, будто негры – колдуны. «*По словам скифов и живущих в Скифии эллинов, – говорит он, – каждый невр раз в год на несколько дней становится волком и затем опять принимает прежний вид...*» (гл. 105). Эта легенда, связанная первоначально с неврами, дожила, по-видимому, в устах южан до XII в. н.э. и нашла, между прочим, отражение в «Слове о полку Игореве», где это колдовство приписывается автором полоцкому, сейчас бы мы сказали – белорусскому, князю Всеславу, который «людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь волком рыскаше; из Киева дорыскаше до кър Тмутороканя; великому Хорсови волком путь прерыскаше...».

Рядом с неврами, к востоку от них, современные исследователи (Нидерле) помещают Геродотовых *будинов*. Они жили между сред-

ним Днепром, по Десне и верховьям Дона, т.е. на стыке (впоследствии) юго-восточных белорусов, северных украинцев и юго-западных великороссов. Упомянутые исследователи считают будинов славянами, опираясь, с одной стороны, на географические и этнографические данные Геродота об этом народе, с другой – на широкую распространённость личных имён и топографических названий с основой *буд-* не только у всех славян, но в частности и у восточных славян. Таковы, например, собственное имя одного из воевод Ярослава – *Буды*, упоминаемого киевским летописцем под 1018 г., а также: р. *Буда* в Могилёвском районе на территории современной Белоруссии; р. *Будка* у Полтавы и множество населённых мест на той же территории: Буда, Будаево, Будина, Буднищи, Будовка, Будки, Буды, Будаки, Будиновка, Будно, Будники и т.п. Какому бы языку по своему начальному происхождению ни принадлежала основа *буд-*, сейчас она является характерною для всех славянских языков и народов на востоке, на западе и на юге, что даёт нам уже достаточно оснований видеть в Геродотовых *будинах* протославян, позднейших восточных, т.е. русских *славян*, которых Геродот называет большим и многочисленным племенем, характеризуя в то же время *будинов*, как голубоглазый и рыжеволосый народ.

Исследования акад. Н.Я.Марра показывают, что другие народы, жившие, по свидетельству Геродота, на север и северо-восток от Скифии, оставили глубокие следы в народах Поволжья и прилегающих к нему районов – в черемисах, чувашах, в коми (зырянах) и удмуртах (вотяках).

Начиная с IV в. до н.э. на территории Украины впервые выступает новый народ – *сарматы*, который постепенно продвигается на запад и начинает нажимать на скифские племена и на греческие причерноморские колонии. Под влиянием этого нажима часть скифских племён продвигается к Дунаю и даже уходит за Дунай.

Вслед за сарматами выступают на занимаемой ими территории и другие народы. На этнографической карте Скифии появляются новые многочисленные племенные образования – *кробизы*, *физаматы*, *савдораты*, *амадоки*, *бастарны*, *кораллы*, *языги*, *аланы* и др. Появление на территории Скифии к началу нашей эры этих имён нельзя, конечно, рассматривать как заселение Украины какими-то новыми народами неизвестного происхождения. Это, в основном, не новые народы, а новые классово-племенные образования, возникающие в процессе племенных скрещений и получающие своё имя от одного классово-доминирующего, руководящего и организующего слоя, имя которого переносится на всё племя. Поэтому мы не имеем

никаких оснований предполагать, будто к началу нашей эры все старое население Геродотовой Скифии поголовно исчезло, а его место заняли какие-то новые народы. Старое население оставалось на своих прежних местах, но в его внутреннем племенном составе произошли неизбежные перегруппировки, передвижки, возникли новые племенные образования, в которых известную роль могли играть и новые этнографические элементы. Во всяком случае, *скифский союз племён* продолжал существовать и после того, как на его территории начиная с IV в. до н.э. впервые стало выдвигаться новое племенное образование, известное под именем *сарматов*, имевшее до этого, т.е. ещё во время Геродота, своей опорной базой территорию привольного для скотоводства Задонья. Начиная же с I–II вв. н.э. наименование скифов, как и сарматов, у древних авторов приобретает уже общий, чисто географический смысл. Это – народы, населяющие территорию на север от Чёрного и Азовского морей и на восток от Дуная, Карпатских гор и Вислы.

II. ДРЕВНЕЙШИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ СЛАВЯН

1. Венеды

Сравнительно с древнейшими европейскими народами, каковы, например, греки или римляне, славяне впервые выступают в истории довольно поздно, но не позже, чем другие современные европейские народы – германцы, французы, англичане. Первые упоминания о славянах восходят к концу I и ко II вв. н.э. В этих известиях славяне выступают под именем народа *венеды* или *венеты*.

Известия эта мы находим, прежде всего, у знаменитого римского учёного и писателя **Плиния Старшего** (23–79 гг. н.э.). В его капитальном энциклопедическом труде «Естественная история» (*Naturalis historiae*), состоящем из 37 книг, мы читаем следующие строки (кн. IV): *«Некоторые рассказывают, что здесь (у Каданского залива) живут до р. Вистулы сарматы, венеды, скифы, гирры. Называется Килипенским заливом, а в устье его остров Латрис. Вскоре другой залив, Лагнус, смежный с кимврами. Кимврийский мыс, выдаваясь в море, образует полуостров, который называется Картрис»*. Каданский залив Плиния это Данцигский залив, куда впадает р. Висла. Название этого залива отложилось в имени города Данцига (польское Gdańsk). Залив Килипенский – это Штеттинский залив, куда впадает р. Одра (нем. Одер). Остров Латрис, расположенный, по Плинию, в устье Килипенского залива, – это славянский остров Usedom-Wolin. Залив Лагнус Плиния – это Любекский залив. Восточнее Вислы, по Плинию, уже начиналась Азия, и вопрос о том, какие народы жили к востоку от Вислы, по-видимому, не интересовал автора.

После Плиния Старшего вскользь упоминает о венетах римский историк **Тацит** (P. Cornelius Tacitus, род. около 55 г. н.э., умер около 120 г.). В написанном в 98 г. классическом сочинении под заглавием «О происхождении, местоположении, нравах и народах германцев» (*De origine, situ, moribus ac populis Germanorum*), известном чаще под сокращённым названием «Германия», мы читаем следующие строки: *«Здесь конец Свевии (т.е. Германии, у р. Вислы). Что касается певкинов, венетов и финнов, то я колеблюсь, причислить ли их мне к германцам или к сарматам... (Более похожи на сарматов) венеды: (они) сходятся с ними (до известной степени) и обычаями, ведя бродячую жизнь и живя грабёжом. Тем не менее, я их также скорее отнёс бы к германцам, так как они умеют строить дома, знают употребление щитов и, будучи проворными пешеходами, охотно ходят пешком: всех этих черт нет у сарматов, которые живут на телегах и на конях...»*.

Третью справку, из наиболее ранних показаний о славянах, мы находим у знаменитого греческого географа, астронома и физика, жившего во II в. н.э. (умер около 178 г.), **Птолемя Клавдия** в его восьмитомной географии, где имеются следующие два упоминания о *вендах*: 1) «*Сарматию ограничивают великие племена: венеды по всему Венедскому заливу, а к северу от Дакии – певкины и бастерны и со всех сторон Меотиды (Азовского моря) – языги и роксоланы, и близко к ним – амазобии и аланы – скифы*» (III, 5, 7); 2) «*По р. Висле под венедами – гутоны, затем финны, затем сулоны*» (III, 5, 8). Кроме того, этому же автору принадлежит упоминание о *Венедских горах*, в которых естественно видеть Карпатские горы.

По указаниям Птолемя (или Птоломея), относящимся ко II в. н.э., славяне – венеты, таким образом, занимали в это время пространство между Балтийским морем у Данцигского залива на севере и Карпатскими горами на юге; т.е. поречье р. Вислы от её верховьев в Карпатских горах до побережья Балтийского моря. По характеристике автора, венеды были великий народ – $\mu\epsilon\upsilon\iota\sigma\tau\omicron\nu\ \acute{\epsilon}\theta\nu\omicron\varsigma$.

Случайные упоминания о *венетах* имеются и у более ранних греческих и римских авторов. Так, например, **Геродот** (V в. до н.э.) говорит о том, что янтарь приходит с р. Эридана от *венетов*. *Венеты* в древности славились разработкой янтаря и торговлей им. Специальные химические исследования установили, что оказавшийся в микенских могилах XIV–XII вв. до н.э., а также в египетских гробницах эпохи V династии (третье тысячелетие до н.э.) янтарь именно северного происхождения. Греческий поэт **Софокл** (497–406 гг. до н.э.) знал, что янтарь родится где-то далеко на севере, в какой-то реке у *индов*, живущих у северного океана. Софокловские *инды* представляют собою, по-видимому, отзвук рассказов финикийских купцов о *виндах*, т.е. *вендах*.

Наконец, имеется и ещё один древний картографический источник, упоминаящий о *вендах*. Это – так называемые *Пейтингеровы таблицы* (Tabula Peutingeriana). Таблицы эти представляют собою переработку карты мира, составленной при императоре **Августе** (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.) его другом Випсанием Агриппой в начале нашей эры. Переработка названной карты была произведена в III в. н.э. неким **Касторием** с целью составить таблицы военных путей римской империи. Карта была издана впервые в 1591 г. по сохранившейся в библиотеке немецкого учёного-гуманиста **Конрада Пейтингера** или **Певтингера** (1465–1547) копии, относящейся к 1264 г. На этих таблицах в форме узкой ленты указаны географические пункты и помечены названия племён, через которые приходилось проезжать путнику, без указания, однако, границ расселения упоминаемых племён. На этих таблицах *венеды* показаны в соседстве с племенем *бастарны*.

Имя реки Вислы впервые встречается у римского писателя **Помпония Мела** (I в. н.э.), автора географического пособия – *De chronographia* или *De situ orbis*, под названием *Vistula*. У других авторов древности эта река называется *Vistla*, *Vistula*, *Visculus* (Плиний), *Visula* и *Viskla* (Йордан, VI в.) [12].

Что касается вопроса о том, какому языку принадлежит название реки *Вислы* и каково исходное значение этого слова, то большинство учёных, останавливавшихся на этом вопросе, склонно считать имя реки Вислы словом славянского языка. Шафарик в своих «Славянских древностях» (I, 538) возводил его к корню *is-*, *vis-*, вода, и это объяснение остаётся доминирующим в науке и в настоящее время. Интересно отметить, что в некоторых польских говорах слова *висла* имеет нарицательное значение и употребляется в смысле большой, полноводной реки вообще. С другой стороны, отмечается широкое распространение этого названия рек в славянских странах в разнообразных вариантах: *Вис*, *Исloch*, *Свисloch*, *Иследзь*, *Вислица* (в бассейне р. Припяти), *Вислок*, *Вислока*, *Висляновка* (в бассейне р. Вислы) [13].

Правильнее всё же в названии реки Вислы видеть, собственно, не славянское слово, а слово дославянского языка населения этой территории, т.е. яфетическое отложение в славянском языке.

Название народа *всенеды* – *венеты* или *вснды* – *винды* не кельтского происхождения, как некоторые склонны думать на том основании, что это слово в форме *vinđo* входит во множество географических наименований, приписываемых кельтскому языку: *Vindobona* (Вена), *Vindomagos* («белое поле»), *Vindobriga* и др., а также в той же форме *vinđo* или *vinđona* – во множество древних надписей, дошедших до нас из районов, населённых некогда кельтами (Верхняя Паннония, Норик, Реция), как собственное имя.

Кельтское слово *vinđos* значит *белый*. Отсюда заключали, что кельты, будучи сами, как и германцы, красно-рыжими, называли русских славян *белыми*, и это имя осталось за ними (сравни Белая Русь, Белохорваты и пр.) и в устах германцев. К этому прибавляется, что первое арабское известие о славянах, восходящее к VII в., прямо отмечает их белокурость; впоследствии арабы вообще называли славянским (*Siklab*) тип белокурого европейца.

На этой точке зрения стоит проф. *Л. Нидерле*, обосновавший свою теорию на учёте огромного топонимического и ономастического материала [14].

Из более ранних попыток истолкования племенного наименования *вснад*, *вснд* отметим, между прочим, попытку увязать это название с древним северогерманским *vand* (латинское – *unda*) – «вода», откуда *вснды* – «люди воды», «жители вод» или «морские жители»; или с немецким *wenden*, откуда *Wanderer* – странники, скитники; либо с готским *vinja* и немецким *weiden*, откуда *weidenden* – *wenden* – «пас-

тухи» и т.п. Пытались объяснить племенное название народа *венеды* и как славянское слово. Так, например, **Гильфердинг** связывал имя *венет* то с древнеиндусским названием народа *vanita*, то с названием древнерусского племени *вятичсй*. Другие (**Первольф**) возводили то же имя *венет* к старославянскому корню *vet* – «великий», пережиточно сохранившемуся в форме старославянской сравнительной степени – *вацци* и в изменённом виде в форме *вятичиант*. С *вятичами* связывал *венетов* и проф. **Ф.А. Браун** в своих «Разысканиях в области готто-славянских отношений» (СПб, 1899, стр. 334). Он считал, что *венедями* первоначально называли немцы только одно из славянских племён, а затем это название было распространено на весь народ.

Все эти толкования наименования народа *венеды* надуманы и не выдерживают критики. Подходя к вопросу палеонтологически, мы должны в каждом племенном наименовании древности искать, прежде всего, значение «человек», «муж», «дети», «народ», «племя», как это мы имеем, например, в наименованиях народов *скифы*, *мари*, *готы* и др. [15].

С другой стороны, в каждом племенном наименовании, как и в каждом племени, мы должны видеть известную скрещённость, т.е. *«слияние двух и более однозначных различных слов того же количества племён, образующих одну общественность и скрещивавшихся уже физически»* [16].

Подходя с этой точки зрения к разъяснению племенного термина *венеды* – *венеты*, *венды*, *венд*, мы должны прежде всего подчеркнуть, что уже самый факт распространения этого термина на широкое пространство Центральной Европы и за её пределами, предположительно связанном в древнейшее время с кельтским населением, свидетельствует о том, что слово «вен-д» со всеми своими вариантами – не кельтского, не германского и не славянского, а доиндоевропейского, т.е. яфетического происхождения. Это скрещённый двухплеменный термин, первую часть которого составляет хорошо известная нам яфетическая основа *ven-* со всевозможными вариантами её озвончения и огласовки (*ven – men*, *van – man*, равно *vat – mat* и т.п.), как это мы имеем, например, в скрещённых наименованиях* *Per-men* – «Пермь», *Ger-man*, *Slo-ven*, *Sar-mat* и т.п. в значении «народ», «племя». Вторая часть названия народа *вен-д*, т.е. звук *д* или *т*, представляет собой пережиток того же, по-видимому, племенного наименования, которое присутствует во второй части названия народа *скифы* *схв-ѳа*, где *ѳа* представляет собою ионское племенное название в усечённой форме вместо полного *ѳав*.

Н.Я. Марр отметил, между прочим, слово *vent* как экающую, чисто фонетическую разновидность одного из трёх основных названий для одного и того же *готского* племени: *vat* – «ватка», *vot* – «вотяк» и *vent* – вят – «вятка», «вятичи», и рядом с последним поставил и *венедов* [17].

То обстоятельство, что славяне под именем *венедов* впервые выступают в истории с конца I и во II вв. н.э., нельзя, конечно, истолковывать в том смысле, что до этого времени на территории Европы не существовало вовсе данного народа, вернее славянского протонарода или дославянского субстрата позднейшего славянского народа *венедов*. Протославяне, т.е. славяне на стадии дославянского этнографического оформления, – такой же исконный с глубокой древности народ в Европе, как и их позднейшие соседи – германцы и кельты, первоначально – протогерманцы и протокельты на западе или протолитовцы и протофинны – на востоке. Но на доиндоевропейской, т.е. яфетической стадии, общей для всех европейских народов, они не выделялись как особый, окончательно сложившийся в процессе племенных скрещений этнографический тип среди прочих племён, населявших европейский материк. Об этом прекрасно свидетельствует, между прочим, характеристика народа *венедов*, данная Тацитом. С другой стороны, далёкие от культурных центров древности – Греции и Рима, расположенные за пределами Римской империи, венеды долгое время оставались или вне поля зрения древних историков и географов, или же, если и выступали у них, то под другими племенными наименованиями – *киммерийцы*, *фракийцы*, *скифы*, *сарматы*, *готы* и т.п. Эти же последние представляли собою чаще всего крупные межплеменные объединения или племенные союзы, имена которых заслоняли собою наименования частных племенных организаций, входивших в состав этих объединений. При этом коллективные племенные наименования – *киммерийцы*, *скифы*, *фракийцы*, *сарматы*, *готы*, *гунны* и пр. нередко переносилась на отдельные племена, входившие в состав межплеменных объединений или племенных союзов, в том числе и на протославян, а позже – на славян.

2. Славяне, анты

После II в. славяне на целые четыре столетия сходят со страниц исторических источников и вновь появляются в них только в VI в. у ряда готских и византийских историков, из которых наибольший интерес для нас представляют готский историк **Йорнанд**, или **Йордан**, и византийский историк **Прокопий Кессарийский**.

Йордан в своём сочинении «О происхождении истории гетов или готов» (*De Getorum sive Gothorum origine et rebus gestis*) говорит о славянах, между прочим, следующее: «*За Дунаем лежит Дакия, ограждённая, как венцом, высокими [т.е. Карпатскими. – авт.] горами, по левой, к северу обращённой стороне которых, начиная от верховьев Вислы, живёт на неизмеримом пространстве многолюдный народ **виниды** (*vinidarum natio populosa*). Хотя имена их и изменяются теперь по различию родов (*per varias familias*) и жи-*

лиц, однако они большей частью называются **славинами** и **ан-тами**. Славяны живут от города Новиетунум и озера, называемого Мурсианским, по самый Днестр, а на север – по Вислу; у них болота и леса заменяют города. Анты же, самые сильные из них, живут в окрестностях Понта, от Днестра до Днепра, рек, стоящих одна от другой на несколько дней пути». По Йордану, **венеты** (виниды), **анты** и **славы** – это три наименования одного и того же народа.

Второй из названных выше историков VI в., византиец Прокопий в своём сочинении «О готской войне» (Gothica sive bellum Gothicum) говорит о бесчисленных народах **антов**, которые занимают «дальнейшие края на север от Мэотийского залива», т.е. нынешнего Азовского моря. «Перед тем, – говорит он, – славяне и анты имели одно имя, т.е. в старину они назывались **спорами** (Sporoi), потому, думаю, что жили рассеянно. От этого они занимают такие обширные земли; и точно, большая часть земель по ту сторону Истра (Дуная) принадлежит им».

Таким образом, судя по указаниям названных историков, к середине VI в. н.э. **венеды** делились на две основные группы: **склавины**, или **склавы** (Σκλαβηνοί, Σκλαυηνοί, Σκλάβοι) – западные славяне и бесчисленные **анты** (Ἄνται, Ἄντες) – восточные славяне, занимавшие обширные пространства от Причерноморья и Приазовья на юге и далее во внутрь страны на север и северо-запад в неопределённую беспредельность. Правда, имя народа **анты** сходит со страниц исторических документов уже в начале VII в., но его следы предположительно до сих пор сохраняются в наименованиях населённых мест на территории СССР в форме: **Ут** (село и река в Могилёвском районе), или **Уты** (село в Трубчевском районе Орловской области), или **Утинка** (в Смоленском районе) и другие.

Учитывая географические данные Йордана (город Новиетунум, т.е. Новый город, или «Новгород», и Мурсианское озеро – по-видимому, озеро Мурсия на р. Драве, по Птоломею), территорию распространения западно-славянских племён можно определять границами древней Паннонии (территория бывшей Австро-Венгрии), Чехо-Словакии и Польши, а также на запад от р. Вислы с северной границей по побережью Балтийского моря, вплоть до р. Эльбы (Лаба), бассейна её притока р. Заалы и на юг к Дунаю между городами Регенсбург и Донауорт. В VIII – IX вв. западная граница этой территории была, по-видимому, этнографической границей, отделявшей славянские племена от залабских германских племён.

Таким образом исторически засвидетельствовано, что названная выше обширная территория была занята к середине первого тысячелетия нашей эры **венедями**, т.е. племенами **славян** и **антов**. На этой территории к VI в. уже сложился в процессе племенных скрещений, культурно и этнографически выделившийся из общей массы окружающих племён, **славянский народ**. На основании весьма веских ис-

торических, этнографических и лингвистических данных можно предполагать, что тот же процесс этнографической консолидации протославянских племён переживало в это время и население Балканского полуострова.

По характеристике Прокопия, *славяне* и *анты* имели общий, весьма грубый язык, общий быт, общие верования и обычаи, общую внешность и общий духовный облик. Они сообща предпринимали набеги на римские владения и вместе участвовали в вспомогательных отрядах, двинутых византийцами против готов. Однако другие показания того же источника говорят о том, что *славяне* и *анты* представляют собою два отдельных объединения: каждое из них в своих международных отношениях живёт независимой друг от друга политической жизнью, и они не всегда поддерживали мирные, добрососедские отношения. Так, например, при императоре Иустине (518–627) *анты* одни, без славян, переходят Дунай и предпринимают набег на римские владения; *анты* одни, без славян, состоят на военной службе у византийского правительства и принимают участие в итальянской экспедиции; *анты* же самостоятельно, независимо от славян, заключают договоры с римлянами и т. д.

В *антах* акад. А. А. Шахматов видел предков русских славян [18]. Акад. М. С. Грушевский видел в *антах* предков только украинского народа [19]. *«Решительно не могу согласиться с этим положением, — замечает А. А. Шахматов. — Распадение русского племени произошло позже появления антов в южной России; оно явилось результатом его расселения именно из тех территорий, которые были захвачены, согласно Йордану и Прокопию, антами; в последних вижу поэтому предков антов вообще русского племени»*. Акад. Н. И. Срезневский считал *антов* предками *уличей* и *тиверцев*, которых «Повесть временных лет» помещает в юго-западном Причерноморье, говоря о них: *«...сядяху по Бугу и по Днепру и присядяху к Дунаеву; и бе множество их, сядяху бо по Бугу и по Днепру оми до моря»*. В пользу мнения, что *уличи* и *тиверцы* были потомками *антов*, предположительно высказался в 1917 г. и проф. А. А. Спицын в учебном курсе «Русская историческая география» (Петроград, стр. 18).

Более определённо по этому вопросу тот же автор высказался в 1928 г. в статье «Древности антов», где он толкует показание Прокопия о том, что многочисленное племя *антов* обитает в районе Азовского моря и далее, в смысле «где-то за Азовским морем», и притом в полосе лесостепи, на чернозёме. Именно в такой полосе, говорит проф. Спицын, *«начиная от низовьев Днестра и до верховьев Дона, известны древности, принадлежащие к одной и той же культуре VI–VII вв., которую и приходится признавать антской. Видимо, эта культура находится под сильным влиянием Византии, и вследствие мирового значения последней, если не все, то очень многие её вещи должны повторяться и у других соседних народностей как осёдлых, так и кочевых...»*

По характеристике проф. А.А.Спицына, антская культура выступает в виде многочисленных и богатых кладов, которые бывают более или менее значительны по количеству вещей, доходя иногда до многих фунтов веса. Таких кладов сейчас открыто свыше 30 – в бывших Херсонской, Киевской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Харьковской и в занимающей пока по этимкладам первое место Воронежской губерниях. На этой же территории, включая сюда и Курскую губернию, обнаружено и восемь могильников, в которых найдены вещи, характерные для названных выше кладов. Очевидно, могильники эти принадлежат одному и тому же народу. Тому же народу, можно полагать, принадлежит и ряд обнаруженных городков Приднепровья и Донца в районах бывших Полтавской, Харьковской, Черниговской и Курской губерний. Проф. А.А.Спицын был склонен ставить антов в связь с тиверцами – северянами, но почти полное отсутствие здесь археологического материала заставило его воздержаться от решения этого вопроса [20].

Древнейшие источники, говорящие о лангобардах, начиная с I в. н.э., и отмечающие затем вплоть до V в. их продвижения с берегов Эльбы да юг в Моравию, Венгрию (490), Паннонию (526) и, наконец, в Италию (558), замечают, между прочим, что лангобарды в этом продвижении на юг достигли расположенной где-то на востоке страны по имени Anthab или Antaib. т.е. земли или области *антов* (Antorum pagus) [21].

Где лежала эта «страна антов», в точности неизвестно. Предположительно, исходя из показаний этих источников, которые говорят о востоке за землю бургунов, страну антов считали лежащей где-либо на Днестре (в западной части Полесья (Л.Нидерле), или же в верховьях Днестра и Сана в области лесистого Закарпатья (Ф.Вестберг). В.О.Ключевский в своём «Курсе русской истории» (т. I), исходя из представления о Прикарпатье как «общеславянском гнезде», откуда впоследствии славяне разошлись в разные стороны, учитывая также показания «Повести временных лет» о нашествии авар на *дулебов* и замечания арабского географа и историка *Али-Абдул-Хасан Масуди* (X в.), что одно из славянских племён, коренное между ними, некогда господствовало над прочими, и это господствовавшее славянское племя называлось *валинана*, т.е. вольняне, а вольняне те же *дулебы*, – высказался в том смысле, что *дулебы* господствовали в VI в. над всеми восточными славянами и покрывали их своим именем, как впоследствии все восточные славяне стали зваться русью по имени глазной области в русской земле, ибо Русью первоначально называлась только Киевская область [22]. Таким образом, Ключевский, говоря о существовании у восточных славян на Карпатах в VI в. «большого военного союза под предводительством князя *дулебов*», тем самым разрешал проблему об *антах* в том смысле, что это были *дулебы*, а организующим центром антского племенного союза считал Вольнь.

Новейшие исследования советских учёных, построенные на сравнительном изучении письменных источников и материалов археологических раскопок, дали весьма убедительные основания видеть область распространения «бесчисленных антских племён» на территории лесостепной полосы от устья Дуная (она опускается здесь почти до самого Чёрного моря) и далее на северо-восток в направлении на Киев, Чернигов, Полтаву, Курск и Воронеж, причём степь освоена антами лишь частично [23]. Это та самая территория, на которой ещё не так давно в прошлом мы видели скифские племена и на которой вскоре после антов увидим восточно-славянские племена уличей, тиверцев, отчасти древлян, полян, волынян, отчасти радимичей, северян и отчасти вятичей.

Таким образом, как в территориальном, так и в культурно-этнографическом отношении *анты* представляют собою связующее звено между скифами и позднейшими восточными или русскими славянами. О славянщине языка антов, помимо прямых показаний источников, говорят также и называемые этими источниками собственные имена антов – **Доброгаст, Всегорд, Бож, Межамир, Келагаст** и т.п. «Открытие изумительной преемственности культовых изображений между скифо-сарматским миром и позднейшим славянским, – замечает В.А.Рыбаков, – позволяет предполагать, что *анты* были неизбежным промежуточным звеном, воспринявшим часть скифо-сарматских религиозных представлений и передавшим их Киевской Руси, а через неё и далее».

У Йордана имеются и некоторые исторические подробности, касающиеся *антов* IV в. Он рассказывает о том, что тотчас после вторжения в 376 г. *гуннов*, готский король Винитар напал на *антов* и, хотя вначале был разбит антами, однако же потом осилил их и распял короля их Божа вместе с его сыновьями и семьюдесятью начальниками.

С именем антского короля Божа акад. А.А.Шахматов связывал известное место в «Слове о полку Игореве»: «**Се бо готьскыя красныя дэвы въспеша на брезе синему морю, звонячи рускимъ златомъ: поють время Бусово, лелеють мечь Шароканю**», видя в нём отклик старого готского предания, ведущего; начало со времени, когда Винитар победил Божа [24].

Впервые имя *ант* Ἀντας встречается в относящихся к III в. н.э. греческих надписях из Керчи.

Решительный удар по могуществу антов был нанесён уйгурским племенем *аваров*. Когда в половине VI в. н.э. авары впервые явились на территорию нынешней Украины, они столкнулись здесь в Причерноморье с антами. *Анты* отправили к аварам послом своего знатного сородича **Межамира** (сына Идаризия и брата Келагаста) [25]. Посол Межамир гордо держал себя перед аварами, и они убили его. Этого убийства *анты* не сумели отомстить аварам. Поэтому

авары стали ещё свободнее нападать на страну актов и в середине VI в. покорили её. Когда после этого авары ушли на запад и заняли Сирмию (впоследствии сербская область Срем), а в 568 г. всю славянскую Паннонию, *анты*, ставши вновь свободными, отдали себя на службу восточно-римскому императору **Маврикию** (582–602) для борьбы против авар и славян. Ввиду этого аварский хакан в 602 г. отправил против антов карательную экспедицию под начальством Апсиха с поручением разгромить и уничтожить этот народ.

Чем закончилась эта экспедиция, неизвестно, но имя *антов* – народа, который ещё так недавно характеризовался Прокопием как народ бесчисленных племён, совершенно исчезло со страниц истории. О нём уже больше не упоминает ни один ни римский, ни византийский источник.

Этот факт исчезновения антов представляется старейшим историкам своего рода загадкой. Одни из них предполагают, что аварская экспедиция Апсиха действительно совершенно уничтожила антов. Другие считают, что анты в качестве союзников римлян перешли на Балканский полуостров, были водворены здесь на жительство, а затем растворились среди болгар. Наконец, Шафарик, а вслед за ним и многие другие полагали, что под нажимом авар *анты* отошли в глубь России и здесь стали основой всего русского или только украинского народа, либо, по крайней мере, племени русских *вятичей*, которое позже выступает на верхней и средней Оке.

Конечно, не может быть и речи о поголовном уничтожении *антов* аварами. Как мы уже знаем, *анты* были известны в Византии как самая сильная группа славянских племён, и если бы в 602 г. они действительно были уничтожены аварами, то об этом византийские историки никоим образом не могли бы умолчать. Между тем о каком-либо поражении *антов* аварами или, тем более, о полном их уничтожении византийские источники ничего не говорят. Гораздо естественнее предположить, что молчание византийцев об *антах* после смерти Маврикия было вызвано новым сложившимся здесь положением вещей. Дело в том, что до тех пор византийское правительство вело упорную борьбу за Дунай, как естественную границу, предохраняющую Восточно-римскую империю от вторжения северных варваров. В связи с этим отношения, складывавшиеся на Дунае и на его левом побережье, были предметом исключительных забот римского правительства и поэтому находили своё отражение у историков. При ближайших же преемниках Маврикия, императорах **Фоке** (602–610) и **Ираклии** (610–641), охрана дунайской границы вынужденно была снята ввиду чрезвычайных внутренних и внешних осложнений, переживавшихся в это время империей – социальной революции при Фоке и напряжённой войны с персами и арабами при Фоке и Ираклии. В это время дунайская граница не могла интересовать правительство, да в его распоряжении не было ни сил,

ни средств для надлежащей её охраны. Вскоре после этого на северо-востоке византийской территории (в Добрудже, Делиормане и Герилове) возникла первая славянская держава болгар, официально признанная византийским правительством на основании договора, заключённого с болгарами в 679 г. В связи с этим сфера византийских интересов и северная граница империи отодвинулись к югу, сначала к предгорьям Старой Планины (главный Балканский хребет), а затем и далее, почти к самым стенам столицы. Поэтому анты, которые раньше сидели за Дунаем, в ближайшем соседстве с империей, перестали иметь непосредственное с нею соприкосновение, перестали существовать для неё как опасный противник, а вместе с этим прекратились и упоминания о них у византийских историков.

Начиная со второй половины VII в., на полуострове сложилось первое славянское государство – Болгария, возникшее вначале в целях самообороны придунайских славянских племён против аварских вторжений. Несколько ранее, но в том же веке, в среде западных славян возникает племенной союз во главе с **Само** (627–662) для отпора хищническим насилиям тех же авар. В это время восточные славяне, объединённые в мощный антский союз племён, продолжают жить на своих прежних местах. В своём хозяйственном, культурном и общественно-политическом развитии они уже к VII в. достигают таких высот, которые дают основание историку характеризовать общий уровень их развития как высшую ступень варварства, т.е. ту ступень, которой норманны достигли, по Энгельсу, только к IX в. Тем самым антский союз племён смог заложить прочные основы для образования из своих социальных недр в IX в. первого восточно-славянского государства – Киевской Руси.

Многие явления киевской жизни X–XI вв. уходят корнями в антскую культуру: земледелие, скотоводство, рабство, сожжение рабынь на могиле князя, накопление сокровищ и т.п. Киевские князья X в. говорили на том же языке, что и анты в VI в., верили в того же Перуна, плавали на тех же «моноксилах» по тем же антским путям.

Анты – не только предки восточных славян, но и создатели всей их культуры. Предшественниками Олега и Игоря были **Межамир**, **Идарич**, **Хвилибуд** и неизвестные нам по именам владельцы приднепровских кладов.

Начало в IX в. грабительских набегов норманнов, привлечённых богатством Киева и его окружения, норманнов, только что вступивших в ту стадию развития, которую приднепровские славяне уже изживали, никакой эпохи не составило и не могло составить. Варяги не могли составить никакой новой культуры, не могли повлиять на способ производства, на социальные отношения: горсточка искателей приключений попала в старую, устойчивую приднепровскую культурную среду и очень быстро совершенно растворилась в ней. «Варяжская закваска» – это недоброкачественный миф, созданный

норманистами. Предпосылки для создания государства Ярослава Мудрого начали накапливаться не в IX в., а за триста лет до варягов, в силу чего в историю Киевской Руси надо начинать не с Рюрика и Олега, а с Бога и Межамира, с первых походов на Византию в VI в. [26].

Что касается этимологии слова *ант*, то она до сих пор не выяснена. Некоторые толковали это слово как модификацию слова *vend*, *vent*; другие связывали его с немецким *enz*, английским *enf* – «великан». Хорватский историк Рачки видел в нём славянское слово *aṭinъ* – *vir gigas*, т.е. «гигант, великан». Ламбин видел в нём греческую изменённую форму славянского *ules*, *unlic* из *anlic*. Другие, как Куник и Wirth, видели в антах черкесскую династию, либо черкесское племя, владевшее славянами.

Если принять эту точку зрения, то в антских именах Доброгаст, Всегорд, Бож, Мечмиир, Идарич и т.п. мы, очевидно, должны будем видеть тоже черкесские имена. Известный Peiskep, который вообще рассматривает славян как пассивное быдло, способное только покорно подчиняться, но не жить самостоятельной и независимой культурной и политической жизнью, видел в *антах* вообще чужеземцев, господствовавших над славянами.

Можно отметить, кстати, что в числе знатных русов, отправленных князем Игорем в 945 г. в Царьград в составе посольства к византийскому императору, мы встречаем также и имя *Утин*, которое для X в., как предполагают, указывало бы на старшую форму *Antinъ*. Но проф. Л. Нидерле, исходя из совершенно ошибочных представлений о племенном составе Киевской Руси в X в., не допускает возможности, чтобы среди игоревых бояр, исключительно, как он полагает, не славян по национальности, присутствовал потомок княжеского рода антов [27].

Акад. А.А. Шахматов, склонный считать имя *антов* вообще не славянским, отверг, по фонетическим соображениям, возможность увязки его с именем «вятичи» и видел в нём кельтское слово [28]. Однако, говоря об известном имени славянского города *Vantit*, встречающемся у арабско-персидского географа *Гардизи* (Гурдези) и у других, видит в нём имя «вятичи» и говорит: «*появление ан, т.е. естественной передачи носового "ε", в этом имени, объясняю себе тем, что вятичи, как ляхское племя, называли сами себя wętic, между тем как соседние с ними восточные славяне произносили wjatic: носовой звук воспринят как а (или ен?) хазарами, откуда vāntit Джейхани и пр.*».

Таким образом фонетической связи между *вент* – *ант* и *вятичи* не исключает и Шахматов.

В 1926 г. этимология племенного названия *ант* была предметом специального рассмотрения германиста **В.Брима** (см. выше). Исходя из предложенного ещё Шафариком в его «Славянских древно-

стях» (1837) толкования этого слова, Брим устанавливает ряд соответствий в индоевропейских языках для слова *ант*, начиная с русского *ут-к-а*, и из сравнительно-лексикологического анализа этого слова приходит к заключению, что оно не индоевропейское, а заимствовано из другой языковой группы, и действительно находит его в языке этрусков в значении «орёл».

Формулируя своё предположение, В.Брим пишет: *«Существовала в Европе какая-то яфетическая народность, тотемом которой была птица. На основании этрусского слова antas (орёл) мы заключаем, что название птицы по звукам подходило к форме anta, а отсюда выводим племенное название antai, antes... О существовании этого имени свидетельствует позднее название страны Anthaib у Павла Диакона. От этого яфетического племени унаследовала название и та часть славян, которая выступает в истории под именем 'antai, 'antēs, antai».* «Конечно, – замечает автор, – трудно указать, какие исторические факты обусловили этот переход названия. Но вообще нельзя считать подобные случаи редкими явлениями. От кельтского “Nemeti” произошло “нсмцы”, от “Volcae” – “Волохи”, “Волынь” и т.д. Таким образом одна часть славянского племени, жившая когда-то в стране яфетических антов, получила по странс своё имя».

Сходное название кельтского имени Antobroges, означающее «жители Антии», первоначальное поселение которых обнимало южную Германию до Дуная, наличие у венгров собственных имён Antus, Ont, Onthus и факты топонимики, производные от *Ant, дают основание Бриму *«искать страну антов где-нибудь в бассейне Дуная, может быть в южной Германии, скорее всего в Баварии».*

Изложенные выше соображения В.Брима заслуживают внимания, однако не разрешают проблемы этногенеза интересующего нас народа *антов*, живших далеко на восток от южной Германии. Сложившееся к VI в. лонгобардское предание, как видели мы выше, помещает «страну антов» на востоке за землю бургундов, принадлежавших к вандальской группе германских племён и занимавших некогда территорию восточной Померании, т.е. Привислянский район, заселённый впоследствии, к концу V в. н.э., славянскими племенами лехитской группы (хижане, лютичи, поморяне – кашубы). Если исходить из этого совершенно определённого показания источников, то в поисках «страны антов» нам незачем обращаться к южной Германии уже потому, что это будет не восток от бургундов, а юг или юго-запад.

Начиная с 40-х годов VII в., анты подвергаются нападениям *хазар*, подчинивших себе сначала славянские (антские) племена на восток от Днепра, а позже и полян на правом его берегу [29]. По теории А.А.Шахматова, усвоенной и проф. Л.Нидерле, *анты* под нажимом авар и хазар отступили во внутрь России на Дон и Оку, в район, где в X–XII вв. сидело сильное славянское племя *вятичей*.

Так представляла себе исторические судьбы *антов* старая наука, исходящая из представления об антах как об одном командном племени, игравшем господствующую роль в ряду соседних восточно-славянских племён. Мы же рассматриваем антов этнографически как целый комплекс восточно-славянских племён, конкретный племенной состав которого обрисовался несколько позже, предположительно с VIII в., в том виде, как о нём говорит киевский летописец. Этот комплекс племён целиком или частично входил в антский военно-демократический союз племён, имевший во главе мощную военно-дружинную организацию, возглавлявшуюся вождём, вроде уже известного нам Божа, погибшего в 376 г., или Межамира, убитого аварами в 558 г., или, наконец, Маджака, он же Μουσαχος византийских источников («Мужик»?), упоминаемого арабским историком Масуди, убитого византийскими войсками на Дунае в 593 г.

3. Готы и восточные славяне

Согласно приведённым выше данным, воспроизведённым Йорданом на основании имевшихся в его руках источников, ныне утраченных, *анты* уже в IV в. н.э. подверглись нападению *готов*, или, как они сами себя называли, *гутов*.

Кто такие были готы, откуда и как они появились на территории антов, какова их подлинная роль в истории восточного славянства и т.п. – все это до последнего времени оставалось неясным ввиду отсутствия достаточно надёжных источников. Имеющиеся в нашем распоряжении показания Йордана требуют сугубо критического отношения. Они зачастую основаны на легендах, на явном вымысле, смешивают готов с гетами и относят к готам все, что древние писатели говорят о «скифах». Из истории готов, как она дана у Йордана, следует отбросить всю легендарную часть, которая говорит о Скандинавии (остров Скандзия) как о прародине готов, и затем о их миграции в III в. из Прибалтики на юго-восток в славянское Причерноморье. Ни один из древних писателей, знающих здесь готов в III и IV вв., ничего не говорит о приходе их с севера. Не говорят об этом и археологические данные. Поэтому *готов* в Причерноморье следует рассматривать так, как их рассматривали древние, т.е. как *местное варварское население*. С этой точки зрения (выступление готов в Причерноморье (нападение готского короля Винитара на антов), приурочиваемое Йорданом к IV в. н.э., следует рассматривать лишь как выступление одного из местных племён в роли хозяйственно и политически окрепшего, командующего племени или социального слоя в союзе племён. «Появление готов в северном Причерноморье, – говорят историки, – отнюдь не означает полную смену населения этой территории, а только выдвигание на первый план какого-то нового этнического элемента, занявшего ведущее положение в ме-

стном причерноморском обществе...» Писатели III и IV вв. называют варваров, живущих за Дунаем к северу и далее до Танаиса, скифами или сарматами, или же говорят о них как о тех, кого «мы называли скифами и которые теперь именуются готами». Оба эти термина – скифы и готы – выступают как собирательные, относящиеся к объединению племён, а не к отдельному племени» [30]. Интересно отметить, что имя завоевателя антов, остготского короля Винитара, некоторые исследователи сближают с племенным наименованием *вснетов* (Маркварт).

Говоря о движении *готов* с северо-запада на юго-восток, Йордан показывает, что они пришли в богатый, но изобилующий болотами край Ойум, вдоль которого протекала какая-то бурная река. Эту реку некоторые принимают за Днепр или Припять, в связи с чем загадочную страну Ойум объясняют как Волынь или Киевскую область или же левобережье среднего Днепра на юг от впадения в него Десны. Проф. Браун и акад. Грушевский отождествляли Ойум с Волынью, а акад. Шахматов – с Припятским краем. Проф. Нидерле склонен принимать за страну Ойум край по обе стороны среднего Днепра.

Согласно показаниям источников, восточные приднепровские готы, *грейтунги* (остроготы) в своём продвижении на юг достигли Черноморского побережья, откуда предпринимали набеги на Кавказское и Малоазиатское побережья и подчинили себе Боспорское царство в Крыму. Административным же центром готов оставался какой-то город на Днепре. Имя этого города, по дошедшим до нас источникам, было *Danarstadir*. Некоторые склонны считать, что это был Киев или какое-либо другое укрепление на Днепре, поблизости от Киева, вроде Княжей горы у Канева, Жарища у Черкас и т.п. Основанием для этого служат богатейшие следы так называемой «готской» культуры, открытые в названных выше районах на Днепре, но главным образом в Пантикапее в Крыму.

Другая часть готов, так называемые западные, приднепровские готы, *тервинги* (везиготы) двинулись в юго-западном направлении вдоль Днестра к Дунаю, в районы римской Дакии, Мёзии, Балканского полуострова и далее на юг, на острова Эгейского моря и Малоазиатское побережье. В этих «готских походах» принимали участие не только дружины собственно готского союза, но и другие варвары северного Причерноморья и северных придунайских районов (фракийцы – карпы и геты, певкины, бастарны и др.).

Во главе восточных готов в середине IV в. стоял король **Германарик**, или **Эрманарик** (умер в 376 г.). Мы называем это имя потому, что Йордан, заведомо преувеличивая действительное положение вещей, говорит, что Германарику были подчинены не только готы и приазовские герулы, но и ряд финских племён – весь, меря, чудь, мордва и другие, а также эсты и славяне («венеты, анты и склавены»).

Как бы то ни было, во всяком случае не подлежит сомнению, что в конце III и в начале IV в. русские славяне в течение приблизительно 150 лет не только входили в состав обширного готского союза, но составляли основное ядро его населения. Надо полагать, что они в значительной мере пополняли и рядовой состав «готского» войска, потому что видеть в готах какой-то неясный в походах и боях вооружённый народ мы не имеем никаких оснований. «Готы» – это была, прежде всего, дружина, т.е. военный отряд во главе с военачальником-королём типа тех военно-дружинных объединений, содействовавших возникновению королевской власти, о которых говорит Энгельс [31]. Нет никакой надобности предполагать в готах каких-то, выражаясь языком Н.Я.Марра, «пришлых молодцов», наложивших свою властную руку на русских славян. Военные дружины – это характерное явление для всякого родового строя, в том числе и для славян, на известном этапе развития этого строя. В эпоху Цезаря *«эти частные объединения у германцев, – говорит Энгельс, – стали уже постоянными союзами. Военный вождь, приобретший славу, собирал вокруг себя толпу жаждущих добычи молодых людей, обязанных ему личной верностью, как и он им. Вождь содержал и одаривал их, устанавливал известную иерархию между ними; для незначительных походов служили отряд телохранителей и всегда готовое к бою войско; для более крупных существовал готовый кадр офицеров. Как ни слабы должны были быть эти дружины и как ни слабы они действительно оказываются, например, позже у Одоакра [32] в Италии, всё же они послужили зародышем упадка старинной народной свободы и такую именно роль сыграли во время и после переселения народов. Ибо, во-первых, они содействовали появлению королевской власти; во-вторых, как уже замечает Тацит, они могли держаться только путём постоянных войн и разбойных набегов. Грабеж стал целью. Если вождю дружины нечего было делать в ближайших окрестностях, он направлялся со своим отрядом к другим народам, у которых происходила война и можно было рассчитывать на добычу; германские народы, которые большими массами сражались под римским знаменем даже против германцев, состояли отчасти из таких дружин. Система восточного наёмничества, позор и проклятие германцев, имела уже здесь налицо в своих первых проявлениях. После завоевания Римской империи эти дружинники королей образовали, наряду с несвободными и римскими придворными, вторую из главных составных частей позднейшего дворянства» [33].*

Приведённые слова Энгельса прекрасно вскрывают, в частности, и подлинную сущность так называемых *готов* и их историческую роль в судьбах восточного славянства. Это была дружина с военачальником во главе, выдвинувшаяся из среды местного населения, разбившая своих предшественников – антский союз и его верховное

правительство и подчинившая себе группу окрестных племён. Вероятно, готы первоначально не составляли даже особого племени в ряду окружавших их варварских племён, а представляли собой межплеменное военно-дружинное объединение, складывавшееся постепенно в недрах племенных и межплеменных отношений.

Затем это объединение путём насильственного подчинения и добровольного включения окрестных племенных образований выросло в мощный союз племён, имевший свою восточную границу р. Дон. Однако, начиная с 370 г., этот союз стал подвергаться ударам надвигающихся с востока *гуннов* и вскоре прекратил своё существование. Король восточных готов, *Эрманарик* покончил жизнь самоубийством, а его преемник, *Витимир*, пал в битве. Готские вожди со своими дружинами бежали на запад, а народ, остроготы, попал под власть гуннов.

Вслед за остроготами были разбиты на Днестре и везиготы, нашедшие затем себе в 376 г. приют за Дунаем, в Мёзии. Там они попали в обстановку разлагавшейся рабовладельческой Римской империи и вынуждены были, объединившись с рабами и колонатами, бороться за своё существование. Временами Риму удавалось привести варваров в подчинение, наладить с ними добрососедские отношения и даже использовать их с успехом в своих военных предприятиях. Но в 395 г., после смерти *Феодосия*, везиготы под предводительством *Аларика* вновь подняли восстание против восточно-римского правительства и безнаказанно грабили Балканский полуостров. Путём уступок готам *Аркадий*, сын Феодосия, сумел привести Аларика к повиновению, ликвидировать восстание везиготов и поселить их в Иллирике. Вскоре приближение наступающих к Дунаю гуннов заставило Аларика двинуться в Италию. В 410 г. при поддержке огромной массы восставших рабов готы занимают Рим и предают его разграблению. После смерти Аларика везиготы под предводительством его преемника, *Атаульфа*, проникают в южную Галлию, где в 419 г. и оседают в Аквитании на правах федератов империи.

Что представляет собою готский язык, об огромном вкладе которого в славянские языки так любят говорить обычно все буржуазные лингвисты? *«Готский вопрос, — замечает Н.Я.Март, — один из основных в истории Восточной Европы. Без его разрешения или хотя бы правильной постановки его решения, думается, этнологическая проблема народов европейского Востока едва ли сдвинется с места, на котором она застряла. Положение с готским вопросом хуже, чем то было и остаётся с русским. Касательно русских возникло сомнение, правда ли они явились с севера; кое-кто отстаивал и юг, как так называемую “прародину” русов... Касательно же готы и таких вопросов не видим, ни у кого не возникает никаких сомнений, что они изначально германцы, и на этом зиждется полное спокойствие. Готы — германцы и только. Одно время предполагалось даже, что их речь — германский “празык”, но от этого отказались...»* [34].

Цитируемая выше работа Н.Я.Марра, посвящённая изучению готского языка, окончательно вскрыла вздорную сказочность легенды о северном происхождении готов и одновременно с максимальной убедительностью разрушила вторую легенду о том, что готы – германцы. Огромный материал, использованный Марром при исследовании готской проблемы, помог разрешить её в совершенно новой плоскости. Он показал, что племенное название готов, «известное за ними с момента их появления на северном Черноморье», тотемистически связано с ними, готами же, притом вовсе не на германской, а на догерманской почве. Тем же своим племенным названием готы, и прежде всего черноморские готы, через скифов, двойниками которых они оказались, увязаны с архаическими насельниками Кавказа и с более молодыми, средневековыми народами, в том числе грузинами, у которых в народной, более древней речи удостоверена общность слова для термина «бог» с германцами.

При этом оказалось, что фонетически именно готская разновидность слова «бог» – *guθ*), а не немецкая или английская «почти тождественна с основой грузинского народного слова *ḡu – θa* (родительный падеж *ḡivis*) «бог».

Племенное название готов *gu-θ < > go-t* имеет, по Марру, своим двойником *go-g, resp. gu-g*, которое сохранилось на Кавказе с окончанием множественного числа *-ar*: армянское *gu + g = ar + q*, по-гречески *go + g – ar + en – e*. Это – *гоги* с *магогами* библейских текстов доассирийских источников, отождествляемые обыкновенно со скифами; это – *гугары, гогары*, т.е. *гуги* или *гоги* – «этническая среда выработки грузинской социальной формации, грузинской национальности, древнейший этап в этом исторически важнейшем для Кавказа процессе, породившем картов, или картвелов, с их древнейшим национальным героем *Gorg'om*, или *Gurg'om*, переработанным иранизованной общественностью в персидский *Gorgasar*».

Этим мы здесь и ограничимся. Огромный материал, использованный Н.Я.Марром не для разрешения во всём объёме, а лишь для предварительной наметки разрешения готской проблемы, привёл исследователя к заключению о наличии «связи готского с звуковой речью населения Кавказа яфетической системы, особенно с языками шипящей группы с оканьем, именно мегрельским и чанским, но также грузинским»... Родство причерноморских готов со «скифоидными сородичами», такими же причерноморскими, как сами готы, ведёт нас к скифам-сколотам (*skot < > skuθ*). В связи с этим, в частности, стоит грузинское *kolt* – «стадо», первично тот или иной животный вид – «лошадь», «свинья»; армянское *koyt < > kuryt*, древнесеверное *go-ti* – «конь». «Собственно его, – говорит Марр, – должны бы найти прежде всего у готов или скифов». И совершенно правильно, замечает Марр, некоторые «сопоставляют готов с (этим) древнесеверным словом, причём напоминают о рассказе Йордана, что готы были когда-то выкуплены ценой одной лоша-

ди». Тот же «скиф» sku-θa и skol-ot продолжает жить в русском «золото» и во всех его разновидностях, как-то: суоми – kulta, немецкое gold – kolt, чувашское э'ltan из* ultan, турецкое altun, и в значениях «скота», «стада» – грузинское kolt – «стадо»; армянское koyt – «стадо», «куча»; чувашское ketü «стадо»; русское «скот», означающее не только «скот», как грузинское kolt и армянское koyt – «стадо», но и «имущество», «деньги» [35].

Несомненная связь языка причерноморских готов с яфетическими языками скифоидов – кавказцев, мегрелов и чанов, а также с грузинским и скифским языками ведёт нас к готам-скифам, т.е. в ту же социальную среду, с которой органически связаны в частности и яфетиды-протославяне. В названии готов gu-θ-go-t и его двойника go-g, resp. gu-g (см. выше) Н.Я.Марр видит «разновидность скифа». В другом месте Марр говорит: *«Готы – превращение скифов и связаны теснейшим родством с исконным населением Кавказа, его древнейшими и древними и даже среднесекскими народами и народностями, так называемыми яфетическими».*

Известно, что у днестровских везиготов было распространено христианство, и что некий епископ **Ульфила**, или **Вульфила**, в IV в. н.э. перевёл культовые книги на готский язык, который до последнего времени некоторые склонны были считать чуть ли не прагерманским языком. Сейчас мы знаем, что Ульфила (Вульфила, 311–383 гг.) был выходцем из Капподокии, т.е. не готом по национальности. И другие пионеры христианства у готов, как, например, Евтих, также не были готами. Имя Ульфилы («волчонок», «волк») не представляет собою ничего специфически готского, но есть обычное название у всех народов, в частности у грузин, мегрелов и других. Марр замечает, что *«христианство при своём первом появлении застаёт массовое население и Капподокии, и Армении, и Иберии-Грузии, увязанное тотемически с предшественниками хетитами и халдами...»*, причём «конкретное слово wol-f < > готское wul-f с его русским двойником «вол-к» догерманского, как и дославянского происхождения». Наконец, язык переводов Ульфилы, дошедших до нас в рукописях V–VI вв., изготовленных в Италии, не представляет собою готского языка III–IV вв. По определению специалистов, это – «типичный литературно-письменный язык феодализирующейся остроготской знати, сложившийся в результате её сращивания с господствующими слоями Византии и Италии и существенно отличный от того «междуплеменного» готского языка, который бытовал в готском и гуннском союзе». После всего сказанного для нас становится ясным, что мы должны совершенно иначе поставить и вопрос о так называемых *готских заимствованиях* в славянских языках. Их нужно рассматривать не как заимствования, а как яфетический вклад, общий для так называемого «готского» и славянских языков.

Так же точно мы разрешаем и вопрос о так называемой «готской культуре» и «готском стиле», которым характеризуется довольно значительная полоса в истории материальной культуры нашего Поднепровья и Причерноморья. На основании обширного археологического материала можно заключить, что так называемая «готская культура» вовсе не есть нечто принесённое извне на территорию восточного славянства. Наоборот, это есть продукция творчества местного населения, известная не только здесь, но и далеко за пределами Поднепровья и Причерноморья – на Алтае, в Казахстане, в Поволжье, на Северном Кавказе, в Сибири и пр. ещё до образования готского союза племён. Расцвет же её относится ко времени уже после распада готского союза, т.е. ко времени образования гуннского союза. *«Но и тут, – замечает историк, – нужно говорить не о роли гуннов или готов, как таковых, а о длительном процессе, происходившем в местном обществе благодаря постоянному и несомненно плодотворному соприкосновению и взаимодействию мира варваров с миром античного рабовладельческого общества причерноморских колоний.»*

Носителями этой культуры были племена, входившие в состав как сарматского, так и аланского союза, затем готских племенных союзов и, наконец, гуннского племенного союза. Создание последнего крупного межплеменного объединения несомненно способствовало укреплению тех элементов культуры, которые уже ранее здесь сформировались, и распространению этой культуры далеко за пределы припонтийских степей» [36].

Характеризуя так называемую «готскую культуру» в целом, специалист-историк приходит к заключению, что *«появление готов в северном Причерноморье никакого отражения в археологических памятниках не получило и никаких коренных изменений в культуре населения Причерноморья не произвело. Элементы сходства культуры Поднепровья и Средней Европы, какие со всею очевидностью выступают в первые века нашей эры, говорят не о влиянии германцев-бастарнов или готов, а о сложении этнографической общности у населения всей этой обширной территории, в связи с чем здесь и возникает новое этническое образование – славяне».*

III. ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ПЕРВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАШЕЙ ЭРЫ

Славяне уже с первых веков нашей эры занимали обширные пространства на территории Центральной и Восточной Европы [от р. Дона и верховьев рек Оки и Волги – на востоке и до реки Эльба (славянское Лаба) и бассейна её притока – р. Заалы – на западе; от Эгейского моря, северного Причерноморья и Приазовья – на юге и до Балтийского побережья и Ладожского озера – на севере]. По языку, обычаям и всему укладу своей жизни славяне, составлявшие в целом один народ, делились на множество разрозненных племён. Эти племена иногда вступали в союзные объединения, из которых с течением времени в некоторых случаях складывались *союзы племён*. В таком именно состоянии история застаёт славян задолго до образования у них, начиная с VII–IX вв., первых государственных объединений.

Разнородность обстановки исторического развития древних славян на востоке, юге и западе занимаемой ими обширной территории, в своеобразном для каждого из названных районов культурном, политическом, экономическом и этнографическом окружении, привела славянские племена с течением времени к естественному территориальному обособлению и территориальным племенным группировкам. В результате этого образовались три большие территориальные группы славянских племён – восточная, южная и западная. Со времени возникновения у славян первых государственных объединений три основные племенные группы значительно разошлись в своём политическом и культурном развитии. Это находилось в тесной связи с международным, политическим, культурным и хозяйственным окружением каждой из них. Так возникли современные три группы славянских народов: восточные славяне (великороссы, украинцы и белорусы), западные славяне (чехи, словаки, сербы-лужичане, поляки и поморские кошубы со словинцами) и южные славяне (словенцы, хорваты, сербы, македонцы (и болгары).

1. Племенной состав

Древнейший наш исторический источник «Повесть временных лет», или так называемая Несторова летопись, составленная в 1112 г., даёт совершенно определённую картину этнографического состава восточно-славянского населения в VIII–X вв.

1. В районе среднего течения р. Днепра, на правом его берегу вплоть до р. Роси, живут *поляне*; их административно-организационный, торговый и культурный центр – г. Киев.

2. К северу и северо-западу от полян, вплоть до р. Припяти, в бассейне притока р. Днепра – р. Тетерева и притоков р. Припяти – рек Уши, Славечны и Уборти, т.е. (на территории Волынской области, живут *древляне*, или *деревляне*, имея своими городами Искоростень и Вручий (Овруч).

3. На левой стороне р. Днепра, против полян, в бассейне рек Сулы, Десны и Сейма, в Черниговской и Полтавской областях живут *северяне*, или *север*, с городами: Переяславлем, Новгород-Северским, Курском, Черниговом.

4. Севернее древлян, за Припятью и вплоть до Западной Двины на севере живут *дреговичи*, имевшие своими городами Слуцк, Клецк и Друцк.

5. К востоку от дреговичей, между верхним течением Днепра и рекою Сож, в пределах Могилёвской области, живут *радимичи*; о них Начальный летописный свод (конец XI в.) сообщает: «**БЫША ОТ РОДА ЛЯХОВ, ПРЕШЕДШЕ ТУ СЯ ВСЕЛИША**».

6. Севернее радимичей, в самых верховьях рек Днепра и Западной Двины, в Псковской области, живут *кривичи*; их города – Изборск и Смоленск.

7. К западу от кривичей, севернее дреговичей и радимичей, по среднему течению р. Западной Двины, живут родственные с кривичами *полочане* (город Полоцк).

8. Севернее полочан и кривичей, в бассейне оз. Ильменя и р. Волхова в Новгородской области, живут *словене* (город Новгород).

9. Верхнее и среднее течение р. Оки с её бассейном занимают *вятичи*, отождествляемые позднейшими летописцами с рязанцами. По предположению А.А.Шахматова, вятичи ранее сидели южнее, в бассейне р. Дона.

10. В бассейне верхнего течения р. Западного Буга, а также правых притоков р. Припяти живут *бужане*, они же *взлыняне*, или *воल्याне*; раньше здесь жили *дулэбы*; в конце VIII или в начале IX в. дулэбы переселились за р. Припять в область дреговичей.

11. В бассейне р. Днестра, между реками Бугом и Днестром, вплоть до устьев р. Дуная и побережья Чёрного моря, живут *угличи*, или *уличи*, и *тиверцы*; уличи имели своим городом Пересечен (сейчас с. Пересечина в б. Оргеевском уезде Бессарабии).

12. В бассейне р. Днестра на территории позднейшей Галиции живут *хорваты*, тоже причисляемые летописцем к русским славянам [37].

Названные выше племена, образуя в целом *русский народ*, не были, конечно, отгорожены друг от друга непроходимыми стенами или строго изолированы в своих районах без каких бы то ни было

менных образований на той же территории, уходящий корнями в далёкое прошлое, исчисляемое десятками тысяч лет. Равным образом, данным этапом племенного становления и не заканчивался процесс сложения великого русского народа. Наш народ выросал из межплеменных скрещений, растворявших предшествовавшее племенное наследие в новом племенном образовании.

«Сам термин “славянин”, как и “русский”, – замечает Н.Марр, – равным образом не вклад исторических эпох в пределах России. В формации местного славянина, конкретного русского, как, впрочем, по всей видимости, и финнов, действительное доисторическое население должно учитываться не как источник влияния, а как творческая материальная сила формирования: оно послужило в процессе зарождения новых экономических условий, выковавших новую общественность, и нового племенного скрещення фактором образования и русских (славян) и финнов. Доисторические племена, следовательно, – по речи всё те же яфетиды, одинаково сидят в русских Костромской губ., как и в финнах, равно и в приволжских турках, получивших вместе с финнами доисторическое праурало-алтайское рождение из яфетической семьи, разумеется, – более раннее, чем индоевропейцы получили из той же доисторической этнической среды своё праиндоевропейское оформление, но конкретные народы – русский, финский и турецкий – Приволжского района можно располагать хронологически в порядке лишь событий исторического значения, но отнюдь не в смысле явлений этногенетического характера, поскольку речь идёт о генезисе новых видов. Происхождение новых исторических видов протекало путём отнюдь не влияния, а неизбежно возникавшего, на экономической базе концентрации этнических масс, скрещення многочисленных видов доисторического типа, до нас вовсе не дошедших в совершенно чистом виде во всём обширном районе, если даже не заглядывать о чувашах» [38].

Прекрасную иллюстрацию этого основного положения Н.Марр приводит, между прочим, в статье «Чуваши-яфетиды на Волге». В этой статье, посвящённой вопросу о русско-финских языковых отношениях, содержится в частности интереснейший анализ слова «юг», которое имеется сейчас в финском и русском языках и ошибочно рассматривалось до последнего времени в старой этнографической и лингвистической науке как «доказательство когда-то бывшего сплошного инородческого (подразумевай – финского) населения края» [39]. Итак, **племя** – «это определённое скрещенние ряда племён, собственно племенное образование по признакам классового производства, классовое образование...» [40].

«Это построение одной из входивших в его состав производственно-социальных группировок, с которой и переносилось на всё племя её название, оно же – звуковая сигнализация магической силы, оси соответственного объединения...» [41].

Возвращаясь к племенному составу восточного славянства в VIII-X вв., как он рисуется летописью, необходимо отметить несколько фактов, подчёркиваемых летописцем. Факты эти отчасти вскрывают процесс формирования племенных образований. Это, во-первых, показание летописи о *дулебах*. Раньше они жили по Бугу, – говорит летописец, – где ныне живут *волыняне*, называвшиеся прежде *бужанами*. Известно, что в конце VIII или в начале IX в. *дулебы* выселились с правого берега р. Припяти (нынешняя Украина) на левый, в область *дреговичей*, т.е. на территорию нынешней Белоруссии.

Во-вторых, говоря о *радимичах*, которые жили между верхним течением р. Днепра и р. Сожем, т.е. в восточных районах нынешней Белоруссии, летописец дважды отмечает их ляхское происхождение. Появление выходцев с запада, *радимичей*, в области *дреговичей* А.А.Шахматов ставил в связь с распадом аварской державы (IX в.) и продвижением авар после разгрома их франками во главе с Карлом Великим и его сыном Пипином, начиная с 791 г., на северо-восток и восток. В связи с этим появление племени радимичей в области дреговичей А.А.Шахматов (без всяких колебаний называющий радимичей ляхским племенем) относит к IX в. Под давлением аварского гнета тогда же ушли с Волыни за р. Припять в область дреговичей и дальше в бассейн Западной Двины и р. Великой и *дулебы*. На это движение дулебов с Волыни и Галиции, первоначального места их поселения, на север, в нынешнюю Белоруссию и примыкающие к ней с севера псковские районы, указывает, по А.А.Шахматову, название селений «Дулебы», с одной стороны, на Волыни и в Галиции, с другой – в Белоруссии и в б. Псковской губ.

Оседание «ляшских», по Шахматову, племён в области дреговичей, т.е. на территории русских племён, прадедов нынешнего белорусского языка и белорусского народа, объясняет наличие в современном белорусском языке ряда условно называемых ляхизмов вроде свистящего произношения мягких т и д. Таким же путём «ляшские» элементы проникли «в восточно-славянский язык западной отрасли *кривичей* (древнепсковское наречие): смешение звуков ш и с, ж и з, ч и ц (польское «мазураканье»), польские сочетания дл и тл вместо восточно-славянского звука л (*ведли*, откуда *всгли* вместо вель; *жадло*, откуда *жагло* вместо жало и т.п.).

Таким образом, в среде племён, составявших единый русский народ (восточные славяне или русские славяне), уже в IX в. возникают в процессе межплеменных скрещений зародыши позднейшей языковой дифференциации. Мы не говорим уже о том совершенно естественном факте, что отдельные восточно-славянские, т.е. русские племенные языки испокон веков имели свои диалектические отличия потому именно, что племенные образования и их языки всегда возникают в процессе межплеменных скрещений. Возникающие же вновь племенные скрещённости, т.е. новые племенные образования,

как и их языки, всегда хранят пережиточное и культурное наследие своих предшественников.

2. Этруски-расены и русский язык

Мы уже знаем сейчас, что предшественниками русского народа, как и его языка на всей занимаемой им сейчас территории, были народы глубокой древности, стоявшие в своём культурном и языковом развитии на доиндоевропейской или яфетической стадии развития. На юге и юго-востоке европейской части нашего Союза в первом тысячелетии до нашей эры это были *киммерийцы*, они же *кимеры* или *иберы*, затем *скифы* и *сарматы*, известные древнегреческим авторам, начиная по крайней мере с V в. до н.э. Названными народами не исчерпывается, однако, весь этнографический состав населения восточноевропейской части нашего Союза в древности. В него входили также *этруски* и некоторые другие, народы.

Работы Н.Я.Марра вскрыли в недрах русского языка огромное этрусское наследие, или этрусцизмы, притом в составе наиболее коренных русских слов.

Этрусским наследием в русском языке являются, например, следующие термины:

а) названия первых животных передвижения – собака – *лайка* (отсюда *лай*, *лаять*), конь – *лошадь*, олень – *лось*,

б) космические термины – *рай*, *радуга*, *рок*, *рокот* (от *неба*, *грома*), *луна*, *луч*, *ручей*, *река* и т.д.,

в) микрокосмические – *глаз*, *рот* (*утренняя заря*), основа в глаголах *рождать*, *расти* и др.,

г) социальные термины (в числе их и возрастные, равно термины родства) – *раб*, *отрок*, *ребёнок*,

д) технические – *рука*, *ремесло*, *рыть* (ср. *ров*), *рушить*,

е) надстроечные понятия – *рад*, *ропот*, *речь* и т.д.,

ж) прилагательные – *румяный*, *рыжий* и т.д., не говоря о множестве глаголов» [42].

Обширные палеонлингвистические изыскания привели Н.Я.Марра к заключению, что русский язык, как он ныне разъясняется палеонтологией речи, «...*вопиет против совершенно наивной мысли, будто спорный некогда термин [т.е. термин Русь – авт.] занесён к русским с германского севера или вообще является генетически, а не в широком его исторически известном применении, вкладом каких-то заезжих молодцов, чуждых автохтонному* процессу возникновения и развития русского народа...».*

«В самом племенном наименовании **рус**, **русский**, – говорит Н.Я.Марр, – мы имеем отложение племенного наименования **этрuscoв-расенов**, как оно же отложилось в племенном наименова-

нии древнего народа на территории СССР – роксоланы (роксланы) у Страбона» [43].

По определению Н.Я.Марра, к этрусцизмам в русской речи относятся также слова: речка, лес, рот, рок, рожь, род, народ, рост, рос || рус, Русь, русский, г. Руса, река Рог и его приток Русская, р. Рытая, на которой расположено Русино || Росино, р. Рось, р. Полоть, р. Порусье, р. Редья, древнее наименование р. Волги – Ра (Rha); города Кречево, Рязань, Ряжск, Ржев, Ростов и др., а также: русло, рука, сравнительная степень – лучше, тризна, краса, красный, красить, кресать (высекать огонь), рад, радоница ↔ радуница, рожать, ржать и др.

В частности, по характеристике Н.Я.Марра, этот племенной состав, этрусский или расенский или проще... *русский* или *расский*, и характеризует классовую организацию строителей древнейших городов на Руси [44].

По определению Н.Я.Марра, *этруски*, они же *руши*, и *пслазги* – это русские яфетиды, т.е. один из элементов того языкового субстрата или той речевой базы, на которой вырос впоследствии славянский русский язык в составе великорусского, украинского и белорусского языков. Приведённые выше этрусцизмы в одинаковой мере присущи всем названным трём языкам, а не только одному великорусскому. Это даёт нам, между прочим, основание говорить об общности этнического и культурного субстрата, лежащего в основе великорусского, украинского и белорусского языков, и называть восточных славян именно *русскими славянами*.

Этрусцизмами, однако, не исчерпывается богатейший вклад яфетического наследия в трёх названных языках, выросших в далёкое доисторическое время на одном и том же общем речевом субстрате. В этих языках одинаково представлены отложения и других доисторических, т.е. яфетических племён-народов на территории СССР, возникших в результате многовекового сожительства народов друг с другом и в процессе племенных скрещений. Яфетическим наследием в русском языке, помимо отмеченного выше, являются также следующие слова: бог, истукан, солнце, слеза, журчать, шуршать, сулить, посылать (соответственно – посулы и посол), юг, день, жена, сети, первый, бег, берег, смерть, смердь, смерды, сумерки, смелый, месяц, серебро, целый, чело, дерево, дергать, держать, дерзкий, тень, конь (украинское кінь), бор, мор, морда, муравей, бурия, бушевать, гнать, тонуть, вор, ворог, время, ворожей, ворожить, волхв, скоморох, чумак (первоначально – купец), товар, кабак, чумарка и многие другие, а также имена рек: Дон, Днепр, Днестр, Дунай; Хвалынское (Каспийское) море; имена городов – Пермь, Бежецк, Березань, Кострома, Муром, Кинешма, Псков, Киев и др.

Огромный яфетический вклад содержат русские легенды и фольклор, например известная легенда об основании Киева тремя

братьями (Кий, Щек и Хорив); легенда о призвании братьев-варягов Рюрика, Синеуса и Трувора. В частности в этих трёх именах Н.Я.Марр предполагает имена тотемных божеств у доисторических народов Новгорода и Волжско-Камского района. В то же время это племенные названия: *Рюрик* – «Рус», *Синеус* – скрещённый термин «ионорус», *Трувор* – «сармат».

С этим культурным наследием народ, в ближайшем будущем – русский народ (великороссы, украинцы и белорусы), в начале нашей эры вступал в историю сначала под именем *венедов* или *венстов*, а позже, начиная с VI в. н.э., под именем *венедов*, *славян* и *антов*.

К сказанному прибавим, что **С.Гедеонов** в своём классическом труде «Варяги и Русь» утверждает, что «от Волги – Рось и до Куришгафской Русны все пространство земли, занимаемое славянскими и родственными им по языку литовскими племенами, покрыто реками, носящими названия Рось, Русь, Роса, Руса». Автор приводит много таких названий. Наименования рек Волга – Рось, Неман – Рось, Оскол – Рось и т.д. явно указывают на исконное значение термина *рось* – «вода», «река» вообще; в кельтском *rus, gos* – «озеро», откуда и имя речного божества или нимфы воды – *русалка*, и праздник *русалии*, и *ручей*, и *русый* – светлый, и *русло* – «и *русло*, и *русалка от речного, священного Русь*» [45]. Отголоском языческой старины Гедеонов считает и народное выражение *святая Русь* или, как это мы имеем, например, у Курбского, «святорусская земля».

С этногенетической точки зрения использование термина *русь* в значении «вода» и одновременно в качестве племенного наименования совершенно закономерно. Ведь мы знаем, что у западных славян термин *Морава* используется для наименования и реки, и народа. Отметим кстати, что в последнем случае наименование тотемного божества отложилось в имени героизированного и историзированного южно-славянского *князя Марко*, по изначальному происхождению – бога реки.

3. Славяне – русь

Киевский летописец, перечисляя восточно-славянские племена, не назвал среди них *руси*. Между тем в повествовании это племенное наименование фигурирует у летописца очень часто, причём племенной термин *русь* служит летописцу и для наименования страны, населённой *русью*.

Так, например, под 6374 г. читаем: «Цесарю же отшедшу на Агаряны, и дошедшу ему Черныя реки, вестъ епарх посла ему, яко Русь на Цесарьград идуть, и вратися цесарь». Под 6415 г.: «И рече Олег: ищните пре павлочиты Рүси, а Главаном кропинны».

В договоре Олега с греками от 6420 г. сказано: «...и по повелению от великого князя нашего и от всех, иже под рүкою его сущих Рүси»; «аще

ли таковая лодия, ли от буря, или боронения зємьнаго боронима, не можетъ возвратитися в своя си места; сопотрѹжаемъ гребьцем тоя лодия мы, Р҃чь, и допровадим ю с куплею нх посдравѹ...»; «Се бо токмо Словенскъ языкъ в Р҃си: Поляне, Древляне, Новгородци, Полочане...»; «и есть притѹча в Р҃си и до сего дьне: погыбоша акы Обри...». В договоре Олега с греками 911 г. (6420 г.) говорится: «Аще злодей возвратитя в Р҃чь, да жалѹють Р҃чь хрестиянскому цесарствѹ, и ят бѹдетъ таковой, и возвращен бѹдетъ, не хотяи, в Р҃чь»; «И да не имеютъ власти Р҃чь зимовати в ѹстий Днепра, Белобережини, ни ѹ святаго Бѹферия; но егда придетъ осень, да идѹть в домы своя, в Р҃чь»; «Темъ же из Р҃си можетъ ити по Волзе в Болгары и в Хвалнсы...» и т.п.

Собирательному племенному наименованию *русь* соответствует единичное *руси*: «О семь, аще кто убиеть или хрестияна Русин или хрестиян Русина, да умереть, идеже аще сотворитъ убийство» (договор 6420 г.). Прилагательные, производные от племенного наименования *русь*: *Русьская земля*; «А Днепр втечетъ в Понтъское море трѹми жерелы, еже море словеть Р҃чьское...»; «А Словенскъ языкъ и Р҃чьскый единъ есть...»; «и потомъ даяти ѹклады на Р҃чьскыя грады...»; «Мы от рода Р҃чьскаго: ... иже послани от Олега, великаго князя Р҃чьскаго...»; «Цесарь же Леон почьсти слы Р҃чьскыя дарми...»; «И великий князь наш Игорь и князи и боляре его и людие вси Р҃чьстини послаша ны к Романѹ и к Костянтинѹ и к Стефанѹ...»; «И иже помыслять от страны Р҃чьскыя раздрѹшити такѹ любовь...» и т.п.

Исследование вопроса о значении термина *русь* с несомненно-стью установило, во-первых, что «*имя Руси, как народное, принадлежит всем племенам союза восточных славян; как племенное – одному только югу*»; и во-вторых, что «*имя словен, исключительно племенное, принадлежит только Новгороду и его области: на Руси оно никогда не имеет общего значения народного славяне*» [46]. Поэтому, когда летописец рассказывает о событиях и лицах, связанных с севером и северными племенами, среди последних отсутствует *русь*. Так, например, рассказывая о выступлении Олега из Новгорода, летописец пишет: «В лето 6390. Понде Олег, помн воя многы: Варягы, Чюдь, Словены, Мерю, Вель, Кривиче...»; «И придоша к горамъ Киевским...» и т.д.

Русь в этом списке племенного состава Олеговой армии отсутствует. Но вот Олег водворился на княжение в Киеве, и летописец пишет: «и рече Олег: се, бѹди мати градомъ Р҃чьскимъ». «И веша ѹ него Варязи и Словене, и прочии прозвашася Р҃сию».

Другой случай: Владимир выступает из Новгорода: «Володимеръ же собра вон многи, Варяги и Словени, Чюдь и Кривичи, и понде на Рогволода» (Лавр., 32). О *руси* и в данном случае нет ни слова, но когда летописец рассказывает, например, о выступлении Игоря из Киева на греков, то в составе его многочисленного войска из Киева выступает уже и *русь*: «В лето 6452. Игорь же совокупив воя многы: Варягы, Р҃чь и

Поляны, Словены, и Кривиче, и Тиверьце, и Печенеги на я». Или – Святополк выступает из Киева: «При стон без числа вон, Р҃си и Печенег»; Ярослав из Киева идёт на Святополка: «совокупив Р҃сь, и Варяги, и Словене» (Лавр., 62) и т.д. Таким образом, *славянами* летописец называет исключительно северные племена, *русью* – южные племена.

Противопологая в племенном отношении северян – *славян* южанам – *руси*, летописец, однако, называет все восточно-славянские племена общим народным именем *русь*: «**Се бо токмо Словенск язык в Р҃си: Поляне, Древляне, Новгородци, Полочане, Дреговичи, Север, Бужане, зане седоша по Б҃г҃у, после же Волыняне. А се с҃уть инни языци, иже дань дают Р҃си, Чудь, Меря, Вель, Мурома...**» и т.д. В другом месте летописец подчёркивает: «**Тем же Словенску языку** (т.е. славянскому народу) **учитель есть Павел, от него же языка** (т.е. от того же народа) **и мы есмь, Р҃сь... А Словенск язык и Р҃ьскый един есть...**», т.е. славянский народ и русский – это одно и то же. А чудь, меря, вель, мурома, черемисы и пр. – это, говорит летописец, иные народы, платящие дань Руси.

Образуя в целом один народ – *русь*, все названные выше восточно-славянские племена, по летописцу, составляют и в политическом отношении одну страну – Русь или *Русскую* землю. «**В лето 6420. Посла Олег мужа своя построи мира и положит ряд межю Греки и Р҃сию...**»; «**Мы от рода Р҃ьского..., иже послани от Олега, великаго князя Р҃ьского и от всех, иже с҃уть под р҃кою его, светлых и великих князь и его великих бояр к вам, Львови и Александр҃у и Константину...**»; «**Такоже и вы, Греци, да храните такую же любовь к князем нашим светлым Р҃ьским и к всем, иже с҃уть под р҃кою светлаго князя нашего, несоблазньн҃у и непреложньн҃у вынн҃у и во вся лета**» [47].

Договор, заключённый в 911 г. (6420) киевским князем Олегом с византийским правительством, был договором двух соседних государств. Поэтому в частности и термин *русин*, употребляемый в этом договоре, обозначал собою не этнографическую единицу, т.е. не единицу того или иного племени, но политическую единицу, т.е. субъекта, принадлежавшего к русской государственности, русского гражданина, без различия его племенной принадлежности. Равным образом и «*стлы Р҃ьские*», заключавшие в Царьграде по поручению Олега договор с византийским правительством, явились сюда не в качестве представителей того или иного племени, но в качестве полномочных представителей киевского князя, т.е. были дипломатическими представителями русского государства и русского славянского народа.

«**Слышав же се Володимер в Новегороде, – читаем мы в летописи, – яко Ярополк убн Олега, убоявся бежа за море; а Ярополк посадники своя посади в Новегороде, и се владеа един в Р҃си**».

Таким образом, как до летописца Нестора, использовавшего в своём летописании предшествовавшие ему летописные труды и другие источники, так и при Несторе, термином *русь* обозначались все восточно-славянские племена, входившие в состав обширного славяно-русского племенного союза.

Походы и завоевания киевских князей Олега и Игоря, в частности их походы на Царьград, предпринимавшиеся ими с огромными армиями, достигавшими десятков тысяч вооружённого народа; такие же походы русов на Каспийское море в X в. (913–944 гг.); договоры Олега и Игоря с греками, которые, *«ведутся исключительно от имени Руси, как народа сильного, давно осёдлого на своих местах и довольно ясно определявшего свои отношения к соседям»*; крупные иноземные торговые сношения, поддерживаемые русскими купцами с Константинополем, с Хазарией, с Поволжьем и далее на восток, – все это доказывает, говорит историк, *«что Русь, основавшая наше государство, не была какою-нибудь отдельною дружиной или каким-то родом, который пришёл со своими князьями, призванными в Новгородскую землю для водворения порядка, но это был целый сильный народ, отличавшийся предприимчивым, суровым и властолюбивым характером»* [48].

Однако, даже поверхностное знакомство с договорами, заключёнными Олегом и Игорем с греками от имени Руси, делает ясным, что между Русью и Византией существовали уже и до этих договоров организованные торговые сношения, и показывает, что эти договоры заключались «на удержание и на извещение от многих лет межю христианы (т.е. греками, Византией) и с Русью бывшую любовь», а следовательно, показывает, что Русь существовала на Днепре и на Чёрном море задолго до второй половины IX в., т.е. до эпохи так называемого призвания варягов. Это явствует также и из двух выступлений византийского патриарха **Фотия** в 865 г., где о *«в духах»* говорится, между прочим: *«эти варвары справедливо рассвирепели за умерщвление их соплеменников и благословно требовали и ожидали кары, равной злодеянию... Их привёл к нам гнев их; но за ними, как мы видели, следовала божия милость и отвратила их набеги»* [49].

По свидетельству арабского писателя **Хордадбе**, византийский император и царь Хазарии брали десятину с русских купцов. Но Хордадбе писал в эпоху Рюрика и Аскольда. Следовательно, организованные торговые сношения Руси с припонтийскими и прикаспийскими странами существовали задолго до легендарного «призвания варягов», о котором, между прочим, ничего не знают византийские источники, как не знает о нём, в частности, и патриарх Фотий, современник этого события. Напротив, яркая характеристика, которую просвещённый византийский дипломат Фотий даёт северным варварам, *росам*, нахлынувшим тучею на Византию, не оставляет никакого сомнения в том, что этими варварами – росами была хорошо знакомая грекам по предшествовавшим нападениям на Константинополь славянская русь, т.е. русский народ.

Для Фотия – это *«народ ничем не заявивший себя, народ непочётный, народ, считаемый наравне с рабами, не именитый, но*

приобретший славу со времени похода к нам, незначительный, но получивший значение, смиренный и бедный, но достигший высоты блистательной и наживший богатство несметное, народ где-то далеко от нас живущий, варварский, кочевой, гордый оружием, не имеющий стражи (внутренней), неукоризненный, без военного искусства, так грозно, так мгновенно, как морская волна, нахлынул на пределы наши, и как дикий вепрь истребил живущее здесь, словно траву, или тростник, или посев...» и т.д. [50].

Но не только Фотий называет восточных славян росами (русами) – ὀΨος, οἰΨος. И другие византийские авторы, современники первых выступлений Руси в Царьграде, знают их под тем же именем ὀΨος, множественное число οἰΨος. Так, например, Никита Пафлагонянин в жизнеописании патриарха Игнатия упоминает о свирепстве скифского народа *рось* в окрестностях Царьграда. **Константин VIII Порфирородный** (905–959), живой свидетель нападений на Византию киевского князя Игоря, заключивший с ним договор и принимавший у себя его супругу Ольгу, много говорит в своих сочинениях о *русах*, которых он хорошо знал как народ туземный, а не пришлый откуда-либо со стороны, т.е. как восточно-славянский русский народ. Византийский историк Лев Диакон (X в.), описывая войну Святослава с греками и сообщая много интересных подробностей о *русах*, ничего не знает о появлении их из Скандинавии или откуда-либо из другой страны, но приурочивает их преимущественно к берегам Чёрного и Азовского морей.

Необходимо отметить, что византийские источники; никогда не смешивают руси и варягов, а всегда говорят о них отдельно, причём о руси они говорят раньше, чем о варягах. Не подлежит никакому сомнению также и тот факт, что норманны-варяги и русь, не имевшие ничего общего между собою в смысле племенного родства, состояли на византийской службе, первые – в составе сухопутных отрядов, вторые, т.е. русь, – преимущественно во флоте.

Те же варяги-норманны состояли на службе в качестве наёмной дружины и у русских князей. Но в России их было больше вначале, чем в Византии, и они принимали здесь более активное участие в событиях, чем в Византии.

Арабские писатели также говорят о славянах и русах, как об одном и том же народе. Так, у **Ибн-Хордадбе** (60–70-е годы IX в. н.э.) мы читаем: «*Что же касается купцов – русских – они же суть племя из славян, – то они вывозят меха выдры, меха чёрных лисиц и мечи из дальнейших концов Славонии к Румскому (т.е. Чёрному) морю, и царь Рума (т.е. Восточно-Римской империи) берёт с них десятину. А если желают, то ходят на кораблях по реке Славонии (т.е. Волге), проходят по заливу Хазарской столицы (г. Итиль, при впадении Волги в Карийское море), где владелец её берёт с них десятину. Затем они ходят к морю Джурджа-*

на (т.е. Каспийскому морю, собственно, его юго-восточная часть) и выходят на любой им берег... иногда же они привозят свои товары на верблюдах в Багдад» [61].

Говоря о славянах и руси, арабские писатели всегда выделяют их в особую группу народов и рисуют их быт и нравы общими чертами. Так, у Аль-Масуди (первая половина X в.) мы читаем: «Что же касается язычников, находящихся в стране хазарского царя, то некоторые племена из них суть Славяне и Русы. Они живут в одной из двух половин этого города (т.е. Итиля) и сожигают своих мертвецов с их вьючным скотом, оружием и украшениям». Когда умирает мужчина, то сожигается с ним жена его живую; а если умирает у них холостой, то его женят по смерти...» и т.д. [52].

Тот же автор, рассказывая о том, как в г. Итиле организован суд, говорит, «что в нём бывает семь судей, двое из них для мусульман, двое для хазар, которые судят по закону Тауры (т.е. Торы, Пятикнижия), двое для тамошних христиан, которые судят по закону Инджиля (т.е. Евангелия); один же из них для славян, русов и других язычников, он судит по закону язычества, т.е. по закону разума... Русы и славяне, о которых мы сказали, что они язычники, составляют войско царя и его прислугу».

Общность похоронного обряда у славян и русов (сожжение трупов), а равно и общность для них судьи в столице хазар, о чём говорит Масуди, обратила внимание уже А.Я.Гаркави, который с большой вероятностью заключал, что Масуди «знал о славянском происхождении русов, или по крайней мере о родстве их». «Причём, – говорит Гаркави, – он, конечно, знал, что последние не поглощены между другими славянскими племенами, а составляют самостоятельный отдел этого племени... Русов считает он прибрежными жителями Чёрного моря; следовательно, придётся допустить, – говорит автор, – что Русь означает у него южно-славянские племена России, а под именем Славян разумет он более северных соплеменников их, живших на север от Хазарии».

Интересно отметить, что современник Аль-Масуди, арабский писатель **Ибн-Фадлан** называет русами северные славянские племена и отличает от них южных, которых называет Куябы (Киев). Масуди вовсе не знает имени Куябы, а Истахри и Ибн-Хаукал, писавшие через 30-40 лет после Ибн-Фадлана, уже знают, что Куяба есть часть Руси. Этот разницей в показаниях арабских авторов, писавших в одно и то же время, говорит нам о том, что в первой половине X в. имя *русь* одинаково принадлежало как северным, так и южным славянским племенам. Приурочение же его то к северным, то к южным племенам стояло, очевидно, в связи с источником, от которого тот или иной арабский автор черпал на местах свои сведения. О том, что не только южные славянские племена (Киев), но и северные (Новгород) назывались *русью*, *рускими*, говорят нам и западные источ-

ники. Так, у **Адама Бременского** и в других источниках Русью называется Новгородская область. Совершенно определённое показание в этом смысле даёт нам арабский писатель половины X в., **Аль-Истахри**, у которого мы читаем: «*Русы состоят из трёх племён, из коих одно ближе к Булгару, а царь его живёт в городе, называемом Куяба (т.е. Киев), который город больше Булгара; другое племя называется **Славия** и ещё племя называют **Артания**, а царь его находится в Арте...*».

Исходя из приведённых выше данных о славянах – руси, мы приходим к заключению, что все восточно-славянские племена в целом были известны с древнейших времён под именем руси, т.е. *русского народа*. В более узком смысле этим именем назывались южно-славянские племена и в первую очередь племя *полян*, «**яже ныне зовомая Русь**», т.е. *поляне* – *русь*, сердце Киевской Руси. В сношениях с иностранцами восточные славяне обыкновенно называли себя *русскими* независимо от своей племенной принадлежности. Так же называли восточных славян и иностранцы (арабы, греки, германцы). Что же касается наименования *славяне*, то это, прежде всего, новгородцы; затем северная группа славянских племён (славяне, кривичи, радимичи, вятичи, полочане и быть может верхние дреговичи) в противоположность южной (поляне, древляне, северяне, бужане, уличи, тиверцы и др.). В соответствии с этим византийский писатель Константин Порфирородный называет Новгород *внешнею Русью* – ἡ ἑξω Ῥωσία. Арабские писатели, как видели мы выше, называют иногда наши северные славянские племена общим термином *славия*.

В записях Пруденция, епископа города Труа, входящих в состав так называемых *Бертинских анналов* или летописей и охватывающих события с 835 по 861 г., имеется, между прочим, очень ценное показание, касающееся Руси. Оно уже давно обратило на себя внимание наших историков как свидетельство, позволяющее отодвинуть начало Русского государства к значительно более раннему времени, чем середина IX в. **Пруденций** рассказывает о том, что в 839 г. к императору франков, **Людовику Благочестивому** (814–840), сыну Карла Великого, явились послы византийского императора **Феофила** (829–842) вместе с представителями «народа Рос». Посольство было торжественно принято императором в Ингельгейме 18 мая. Названные выше представители «народа Рос» говорили, что они, т.е. их народ, называется рос. Император Феофил писал Людовику, что этих представителей к нему направил их царь по имени **Хакан** для заключения дружбы, как они утверждали, и просил Людовика, чтобы тот помог им вернуться на родину, ибо пути, по которым они ранее прибыли в Константинополь, находятся сейчас в руках варварских и весьма жестоких народов. Поэтому Феофил не захотел, чтобы послы возвращались по этим путям, опасаясь, как бы их не постигла опасность.

В данном показании Бертинских летописей обращает на себя внимание титул царя росов *лакан* или *каган*, хорошо известный южной Руси. Этим титулом именовался, например, Владимир Киевский в известном «Слово о законе и благодати» Илариона. «*Едва ли можно усомниться в том, —* замечает по этому поводу акад. А.А.Шахматов, *— что эта Русь прибыла в Константинополь из южной России. Следовательно, Русь сидела уже там в первой половине IX века*».

Таким образом даже для норманиста А.А.Шахматова было ясно, что *русь* сидела в южной России уже до «призвания варягов».

Однако, приведённое выше показание Бертинских летописей, подвергнутое в своё время весьма основательной критике со стороны антинорманиста проф. Д.И.Иловайского и других исследователей, интересно и в другом отношении. Оно даёт некоторые указания на местоположение древней Руси. В самое последнее время проф. В.А.Пархоменко высказал предположение, что исконная древняя Русь была расположена недалеко от Константинополя, но отделялась от Византийской империи «варварскими и жестокими народами», и что вместе с тем она была не так уж далеко от Франкской империи, в состав которой входила большая часть Германии. Проф. Пархоменко полагает, что Русь возникла на юге и затем соединилась с тем образованием, которое независимо возникло на севере. Известное же летописное сказание о призвании варягов является, по мнению В.А.Пархоменко, не рассказом о начале государства Руси, а лишь материалом по истории северного княжества, раньше которого и, во всяком случае, не позже 30-х годов IX в. на юге возникло довольно сильное в военном отношении княжество, связанное с Чёрным морем и пользовавшееся известностью у соседей.

Таким образом, показания Бертинских летописей с несомненностью говорят о том, что *русь* была известна в Приазовье и в Причерноморье и за их пределами задолго до так называемого «призвания варягов». В этом убеждён, как видели мы выше, и норманист А.А.Шахматов. Интересно в связи с этим отметить, что Шахматов не исключал возможности, что значительные полчища этой руси, вернувшись после первого неудачного набега на Константинополь, осели где-нибудь южнее, быть может, даже восточнее Киева и Поднепровья — на берегах Азовского моря, где при устье Дона был известен в XII в. находившийся под властью греков вместе с Тмутороканью город Росия (Ῥωσία) [53].

Как предполагает проф. В.А.Пархоменко, «географические условия положения юго-восточной группы русско-славянских племён или собственно «Руси» в соседстве со степными кочевниками содействовали, несомненно, выработке в их быту и нравах таких особенностей, которые выделяли их в сознании наблюдавших их соседей, арабов и византийцев, в особую племенную группу «росов», отли-

чающуюся от прочих славянских племён отвагой и предприимчивостью, дававшими себя знать весьма чувствительно византийцам».

«К X веку, – говорит В.А.Пархоменко, – юго-восточная «Русь» явилась пресмицей юго-западной группы славянско-русских племён, выдвинув из своей среды таких организаторов новой государственности, как Аскольд, Олег, Игорь, Ольга, Святослав и др.».

По мнению проф. Пархоменко, «это не были северные иноземные норманны, а вожди юго-восточного русско-славянского племени. Вокруг Киева в IX в. шла борьба не днепровских славян с северными норманнами, а юго-восточной славянской Руси с юго-западной группой своих сородичей – уличей и древлян».

Останавливаясь в частности на именах киевских князей **Аскольда** и **Олега**, тот же исследователь подчёркивает, что первое из них «сильно напоминает юго-восточное, приводимое летописью имя половецкого «князя» XI в. Искала». Место же гибели Аскольда – Угорское лежит к югу от Киева, что, по мнению проф. Пархоменко, указывает на движение Игоря к Киеву с юга.

Что касается Олега, то цитируемый нами автор обращает внимание на прямое свидетельство одного древнееврейского памятника о том, что Олег жил на юго-востоке Руси, вблизи хазар, в постоянных сношениях и столкновениях с ними, и отсюда предпринимал по востоку и дальше походы в Византию, а затем в Персию, или Фракию, и что он был царём «Русии», а в договоре 911 г. с греками назван *«великим князем русским»*.

Таким образом, по мысли проф. Пархоменко, в начале X в. юго-восточная «Русия» была метрополией усиливающейся на Днепре полянской Руси. Когда же в 913-914 гг. юго-восточная «Русия» потерпела поражение со стороны объединённых сил хазар, камских булгар и бургасов, когда войско её было истреблено, а несколько позже погиб и Олег со всем своим «станом», то значение метрополии всецело перешло к Киеву. Победой над уличами Игорь открыл себе путь по Днепру к морю, вскоре после чего Святослав для защиты своей бывшей «метрополий» предпринял поход против хазар, разгромил их, разрушил Булгар, опустошил бургасов, взял и разрушил хазарскую крепость Саркел, города Итиль, Семендер, проник отсюда в хазарские владения на Северном Кавказе и завоевал здесь ясов и косогов, т.е. осетин и черкесов, и т.д.

Изложенные выше факты приводят исследователя к заключению, что летописцы, а может быть, даже не они, а их предшественники, творцы нового предания, *«переделали героев старого предания – Аскольда, Олега, Игоря в норманнов, но не сумели совсем изгладить из предания и пользовавшейся им летописи ни борьбы полян с древлянами и уличами, ни также воссоздать более или менее приемлемую в смысле достоверности, не существовавшую историю борьбы с норманнами, которые у летописцев оказались в несоот-*

ветственной роли – мирных завоевателей более культурного юга и насадителей здесь государственности...» [54].

4. Норманская теория происхождения Киевской Руси акад. А.А.Шахматова

Для знакомства с тем, как представляют себе происхождение Киевской Руси норманисты, остановимся на брошюре акад. А.А.Шахматова «Древнейшие судьбы русского племени», изданной в 1919 г. [55].

А.А.Шахматов исходит из известного рассказа летописца об образовании русского государства, который начинается следующим кратким сообщением: «*Варяги, приходя из заморья, брали дань на Чуди, Словенах, Мере, Веси и Кривичах, а хазары брали дань на Полянах, Северянах и Вятичах*». Эти немногие слова летописца рисуют картину политических отношений, сложившихся в России в первой половине IX в. По мнению А.А.Шахматова, почти всё восточное славянство и значительная часть финского населения России попали под влияние двух разных политических сфер: север и северо-запад – в сферу скандинавского влияния, а юг и юго-восток – в сферу хазарского влияния. А.А.Шахматов признаёт, что летопись ничего не говорит ни об основании варягами государства, ни о том, откуда распространялось их влияние, ни о покорении ими восточно-славянских племён, словен и кривичей. Тем не менее, как (выражается А.А.Шахматов, летопись позволяет догадываться, что на северо-западе России был такой политический центр варягов, откуда они господствовали над финскими и восточно-славянскими племенами.

Таким образом, норманская теория А.А.Шахматова о происхождении Киевской Руси представляет собою по существу *догадку*. Так как обосновать надлежащим образом эту догадку на показаниях летописи нельзя ввиду отсутствия необходимого материала, то автор обращается к свидетельствам некоторых других источников и пытается опираться на анализ последующих событий. Эти последующие события, говорит А.А.Шахматов, дают основание *догадываться* и о том, как постепенно складывалось на севере России варяжское государство, захватившее во второй половине IX в. днепровский путь, овладевшее Киевом и перенесшее туда своё могущество (стр. 54).

По мнению Шахматова, археологические данные устанавливают наличие более или менее обширных скандинавских поселений в IX–X вв. на территории России в пределах бывших Петроградской, Новгородской, Смоленской, Ярославской, Владимирской и других губерний. В этих поселениях автор видит административные центры, куда свозилась собираемая дань и награбленная добыча. Господство при-

ходивших из заморья варягов осуществлялось именно через подобные центры. Такова первая предпосылка теории Шахматова, явно имеющая, как мы видим, характер *догадки* или *домысла* автора.

Затем Шахматов обращается к древнейшим арабско-персидским историко-географическим сочинениям и останавливается на следующем месте **Ибн-Рустэ**, находящем соответствие у **Гардизи**: «*Что касается до Руси, то находится она на острове, окруженном озером. Остров этот, на котором живут они (русь), занимает пространство трёх дней пути [56]; покрыт он лесами и болотами; нездоров он и сыр до того, что стоит наступить ногою на землю, и она уже трясётся по причине обилия в ней воды. Они имеют царя, который зовётся хакан-Рус. Они производят набегу на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их (славян) в плен, отвозят в Хазран и Булгар и продают там*».

Исходя из этого показания, Шахматов, изменяя обычному для него в других случаях критическому отношению к источнику и не сопоставив его с показаниями других персидско-арабских авторов, восходящими к IX в., где русские называются «племенем из славян» (см. выше), присоединяется к выводу Вестберга, что русы образовали на славянском севере военно-организованную, ведущую торговлю, разбойническую колонию численностью до ста тысяч человек [57].

Островом, на котором находилась Русия, Шахматов считает не Новгород, который скандинавы называли Holmgardr, т.е. «островной город». Самое имя Новгород показывает, что ему предшествовал другой город, который со времени возникновения Новгорода оказался старым городом. Имя этого старого города было Holmgardr («островной город»), и, *по предположению* Шахматова, оно могло быть перенесено на Новгород. Затем, снова предполагая, что название города переносилось на всю страну, а название страны («островной город») вызывало у иностранцев представление о том, что она вся составляет остров, вмещается на острове, Шахматов считает вероятным, что «островным городом» (Holmgardr) скандинавы называли город, получивший позже (после основания Новгорода) имя Старой Руси и упоминаемый под именем Руса уже в 1167 г. [58]. Мы видели, говорит Шахматов, что *скандинавы* производили оживлённый торг с волжскими болгарами и хазарами [59]. Их купцы, т.е. купцы *русов*, а не скандинавов, как утверждает Шахматов, считая, очевидно, вопрос о тождестве скандинавов с русами а priori решённым, — направлялись по Волге. В Итиле, как видно из сообщения **Ал-Бекри**, знали, что Волга течёт в страну хазар из страны русов; это служит лишним указанием на то, говорит Шахматов, где искать древнейшую Русь.

По мнению Шахматова, следствием политического и военного развития государства руссов было и стремление овладеть Днепром,

ведущим в плодородные хлебные местности. Неизбежность столкновения при этом с хазарами, данниками которых были левобережные поднепровские племена – кривичи, радимичи, дреговичи, северяне, древляне и др., которые и сами могли дать отпор наступлению северной руси, побудила русского кагана искать союзников против хазар. Это заставило его обратиться с посольством к византийскому императору. В анналах Пруденция (см. выше) Шахматов видит сведения об этом посольстве. Без всякой критики Шахматов принимает заявление группы людей, присланных в 839 г. византийским императором Феофилом к Людовику в сопровождении специального посольства, о том, что их народ называется Rhos, и признание в них Людвигом шведов (*comperit eos gentis esse Sueorum*). Родину этих послов русского кагана Шахматов помещает на северо-западе России. То обстоятельство, что послы не надеялись на свободный пропуск через Днепр, Шахматов истолковывает как указание на то, что путь этот в то время ещё не был в руках русского [читай: севернорусского, т.е. скандинавского. – *авт.*] кагана. Послы могли пробраться в Константинополь, по Шахматову, этим путём под видом торговцев (ср. рассказ о князе Олеге, объявившем себя купцом, едущим в Царьград), но возвращаться тем же путём им, как видно, не пришлось, быть может потому, что хазары, осведомившись о направленных против них переговорах в Константинополе, дали или могли дать распоряжение о задержании русских послов.

Исходя из своего толкования показаний Пруденция, в частности из того, что Людовик признал шведов в людях, назвавших свой народ именем Rhos, причём остаётся неизвестным, на основании каких данных Людовик признал их шведами – потому ли, что они называли себя народом Rhos, или же потому, что они говорили с ним по-немецки, – Шахматов утверждает, что в результате достигнутого с ромеями соглашения [о чём, между прочим, не говорит ни один из источников. – *авт.*] или в результате скопления вокруг русского кагана достаточных сил, *вероятно*, вскоре после 839 г., говорит Шахматов, началось движение *руси* на юг. Об этом можно *догадываться*, продолжает автор, по тому обстоятельству, что в 860 г. мы видим русских уже под стенами Царьграда. Между тем, этому походу должно было предшествовать более или менее продолжительное существование русской державы на юге. Ведь для того, чтобы утвердиться здесь, ей пришлось вести борьбу с хазарами, покорять силою оружия восточно-славянские племена, сидевшие на верхнем и среднем течении Днепра, обезопасить себя ещё и от южного врага – могущественной мадьярской орды; все это требовало продолжительных усилий. Шахматов считает всё же возможным, что молодое русское государство, основавшееся в Киеве около 840 г., нашло достаточно сил для того, чтобы в 860 г. совершить успешный морской поход на Царьград.

В приведённом выше очерке-реконструкции исторических событий, как они предположительно, по Шахматову, происходили, обращает на себя внимание явная несообразность. В 839 г. севернорусское посольство является к византийскому императору для заключения дружественного союза. Посольство встречает в Константинополе самый радушный приём и заключает с ромеями соглашение, после чего русь начинает движение на юг и, по-видимому, укрепляется в Киеве (Аскольд и Дир). А всего через 20 лет, т.е. в 860 г., мы видим ту же русь в походе на Царьград. Но этому походу, по справедливому мнению Шахматова, должно было предшествовать более или менее продолжительное существование русской державы на юге, заполненное борьбой с хазарами, покорением восточно-славянских племён, самообороной от мадьяр и от скандинавских государств, возникавших на севере. За 20 лет *«молодое русское государство, основавшееся в Киеве, как мы видели, около 840 г.»*, конечно, не могло проделать такой огромной работы. Не могло оно также, заключив с ромеями в 839 г. дружественное соглашение именно ввиду сложности своего международного окружения, предпринять в 860 г. ни с того, ни с сего морской поход против своего вчерашнего союзника, только что помогавшего русским укрепиться в Киеве. Очевидно, знаменитые Rhos были всё же не шведами и представляли собою посольство к императору Феофилу не от севернорусского, а от южно-русского кагана, имевшего центром своих владений Киев или Приазовье (приазовская или причерноморская Русь).

Пока северная Русь, захватив Киев, устраивалась на новых местах и, занятая здесь сложными делами, забыла о своих северных данниках, последние, по Шахматову, сбросили с себя русское иго, изгнали русских посадников и стали управляться самостоятельно: *«изгнаша варягы за море, и не даша им данн и почаша сами себе володети»*. Замену в этом тексте руси варягами Шахматов считает естественным для отдалённого предания, восходящего к тому времени, говорит он, когда русь и варяги были синонимами. Отпадение северных племён должно было вызвать поход против них со стороны русского, т.е. киевского князя. Весть о движении киевского князя заставила отложившиеся от него северные племена – кривичей, словен, чудь и мерю обратиться в конце IX в. за море, к варягам, за помощью, что было обычным в те времена (Владимир в 980 г., Ярослав в 1014 и в 1018 гг.). В результате обращения к варягам северных племён в Новгород и в другие племенные центры явились варяжские наёмные войска. Об этом летопись и сообщает, как о факте призвания варягов, варяжских князей, отражая народное предание, соответствовавшее, говорит Шахматов, исторической действительности.

Таким образом, по Шахматову, во второй половине IX в. на месте *русского* государства, основанного скандинавами на северо-

западе России, возникает здесь со средоточием в Новгороде новое *варяжское* государство. В создании нового государства принимают живое участие местные, туземные элементы – народ, и этим оно отличается от старого, основанного завоевателями, т.е. иноземными насильниками. Это отличие проявилось как в строе, так и в размерах нового варяжского государства. Ведь старое, русское, государство представлялось всего лишь разбойничьим гнездом: «*пашен они (русы) не имеют, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян*»; «*они не имеют ни недвижимого имущества, ни городов (или селений)...*» и пр. (Джейхани, Ибн-Рустэ, Гардизи). Новое, варяжское, государство имело, по Шахматову, иной характер, о чём можно догадываться, говорит автор, из участия земли в призвании варягов, а также из дани, наложенной позже на словен, кривичей и мерю, как на определённые коллективы.

Борьба между варяжским и русским государствами, говорит Шахматов, могла затянуться на долгие годы; *победило то из них, с которым была земля*, т.е. *государство варяжское*. Варяжский конунг Олег овладевает Киевом и объединяет под свою власть территории русского и варяжского государств. По Шахматову, это была третья по счёту русская держава. Первою была существовавшая в первой половине IX в. на северо-западе России; вторую – русская держава с центром в Киеве (Аскольд и Дир), третьей – Киевская Русь Олега, на долю которой выпала роль собирателя восточно-славянских земель.

Исходные положения теории происхождения русского государства, с которою мы только что ознакомились, акад. Шахматов развил в 1908 г. в капитальном труде «Разыскания о древнейших летописных сводах», где этому предмету посвящена XIII глава – «Сказания о первых русских князьях» (стр. 289-340). Итак, по Шахматову:

1. *Русь* – это те же норманны, те же скандинавы; *русь* – это древнейший слой варягов, первые выходцы из Скандинавии, осевшие на юге России раньше, чем потомки их стали оседать на менее привлекательном, лесистом и болотистом славянском севере. Вторые же выходцы, потомки скандинавского населения, давшего и первых выходцев, стали известны уже под именем не руси, а *варягов*. Впрочем, замечает Шахматов, финские племена продолжали называть и новых выходцев из Скандинавии старым именем, как и до сих пор финны называют их все так же Ruotsi. Впоследствии забывается самое имя варягов, и несмотря на продолжающиеся сношения со Скандинавией, её жители получают название *свен*.

2. Показание летописца о том, что Олеговы варяги, поселившись в Киеве, *переменовываются в русь*, даёт основание Шахматову высказать мысль, что в этом отразилось живое в XI и в XII вв. представление о том, что имя *руси* – это имя княжеской дружины, княжеских бояр и вообще правящих верхов. На севере же таким правящим слоем, давшим своё имя всему подвластному племени, были *варяги*.

3. В VIII–IX вв. среди приднепровских славян появляются полчища *скандинавов*; они садятся в укрепленных местах и начинают покорять себе славянские племена; их называют русью... Занявши южные области, русь недружелюбно встречает новых, последующих выходцев из Скандинавии... Колонизационная волна вынуждена поэтому оседать в местностях, более близких к Скандинавии и менее привлекательных по природным свойствам. Так скандинавы занимают озерную область и покоряют финнов и ильменских славян; захватив верховья Волга, они проникают и в среднюю Россию. Эти новые выходцы носят название *варягов*.

4. Государственность, складывавшаяся понемногу на юге, начинает зарождаться и на севере. Покорители и тут и там ассимилируются с местным населением – в этом их сила. Но зато они дают занятым ими местностям, а также племенам, особенно тесно с ними слитым, своё название. На юге *поляне получают имя руси*, широко распространяющееся затем всюду, куда проникает княжеский данщик, где садится княжеский дружинник. *На севере словене получают имя варягов*. Это имя носят не только варяжские, но и славянские дружинники и на Белоозере, и в Ростове, и в далёком Муроме. Столкновения двух государственных становятся неизбежным...

Это столкновение варяжского севера с русским югом, начавшись в IX в., принимает затем, по Шахматову, характер затяжной борьбы, которая продолжается около двух столетий и носит характер соревнования между русским и варяжским началами. *Заканчивается это соревнование полным торжеством начала русского*. Новгород попадает под зависимость киевского князя, хотя и получает от него великие свободы в награду за помощь, оказанную неоднократно князю, посаженному на русский стол варяжским севером. В результате торжества русской государственности *варяги спешат переименоваться в русских* не только на юге, но и на севере, и само имя варягов быстро забывается. Оно не удерживается и в Новгороде, куда на смену ему проникает имя русь. Но это имя означает уже не скандинавов, а киевского князя и его родичей, а также княжеских дружинников. Преимущественное же значение этого имени – жители южного Приднепровья.

Вероятно читатель заметил и без моего указания некоторое расхождение в воззрениях Шахматова 1908 г. и 1919 г. Это расхождение касается, впрочем, частного вопроса и не меняет сущности его теории в целом. В 1908 г., в годы торжества политической реакции в России, либерал Шахматов, говоря о затяжной борьбе русского юга с варяжским севером, подчёркивает торжество русского великокняжеского начала, в результате чего варяги спешат переименоваться в русских не только на юге, но и на севере. В 1919 г., когда Россия, пережив буржуазную революцию, вступала в начальные годы социалистической революции, отмеченные в истории ВКП(б) как пе-

риод иностранной военной интервенции и гражданской войны, Шахматов, не изменяя своей схемы, меняет свою точку зрения в вопросе о том, какое из двух начал одержало верх в борьбе за государство, и теперь уже оказывается, что *«победило то из них, с которым была земля, т.е. государство варяжское»*.

Исходным пунктом, на котором Шахматов строит свою теорию происхождения русского государства, служит ему традиционное убеждение норманистов, что древняя Русь, как и варяги, – это норманны, скандинавы. Все прочее в его теории – это уже искусственное построение, основанное на догадках, предположениях, вероятностях и субъективных истолкованиях источников, направленных к одной цели – свести концы с концами в той сумбурной путанице, какую представляют различные редакции летописного рассказа о первых русских князьях. Огромная, однако, заслуга акад. А.А.Шахматова заключается в том, что он, владея глубоким и прекрасным знанием летописного материала, дал исключительный по мастерству анализ интересующего нас рассказа о первых русских князьях. Серьёзный же анализ воочию убеждает каждого беспристрастного читателя в путанности, искусственности и династической тенденциозности этого рассказа в такой мере, что делается весьма сомнительным самая пригодность этого источника, даже после шахматовской препарировки его, для серьёзного научного построения.

* * *

Для того чтобы полнее представить позиции современных норманистов в интересующей нас проблеме, остановимся в нескольких словах и на работе германиста проф. **Брима** [60], как тесно примыкающей к работам акад. Шахматова [61] и дополняющей их.

Проф. Брим прежде всего устанавливает, *«что уже в древнее время существовал у Черноморья и в частности на юге России какой-то историко-географический термин “Рос”»*. *«И, конечно, – замечает автор, – не может быть сомнения, что он оказал влияние на образование национального имени русской народности»*. Затем проф. Брим обращается на север России и здесь находит ряд географических названий, образованных от основы «рус», причём отмечает, что эти названия встречаются все в Новгородской губ., т.е. в области, давно связанной с Варяжским – Балтийским морем. *«Поэтому, – говорит проф. Брим, – справедливо не перестают искать все снова объяснение слова “Русь” в этом направлении»*. Говоря все, автор имеет в виду Будиловича и Куника, а затем Платонова, Ключевского и Шахматова, т.е. норманистов, и не называет имени даже такого яркого антинорманиста, каким был в это же время акад. Н.Я.Марр.

Основное положение, из которого проф. Брим исходит в своём построении, – это тезис норманистов, что термин «русь» исконно представляет собою специальное название варяжской княжеской дружины. Проф. Брим поддерживает эту точку зрения новым материалом. Он находит в древнешведском языке слово *drôt* со значением *толпа, дружина*, которое, по его утверждению, «по звукам и по значению строго отвечает финскому *Ruotsi* и славянскому *Русь*». Итак, заключает автор, летописное – «русь» в смысле «дружина» передаёт старый технический термин шведского языка, обозначающий институт комитата или дружины.

Таким образом, в качестве исходной точки своего исследования проф. Брим взял на веру у норманистов толкование племенного термина *русь* как «дружина». Затем он нашёл в древнешведском языке слово *drôt*, которое означает «толпа, дружина». Подкрепив своё открытие известными лингвистическими выкладками норманиста акад. Шахматова и, таким образом, опираясь на его авторитет, Брим доказывает, что в основе финского *Ruotsi* лежит не что иное, как древнешведское *drôt*. Открытие проф. Брима составляет несомненное приобретение нашей науки, но делаемое им на основании этого открытия заключение мы не можем признать правильным. Прежде всего, и финское *Ruotsi*, и летописное *русь* могли вовсе не восходить к древнешведскому *drôt*. Оба эти слова могли представлять собою позднейшие производные общего этим трём языкам доиндоевропейского, т.е. яфетического наследия, указанного, например, в своё время Н.Я.Марром в племенном термине «этруск». Поэтому чисто механическое использование Бримом открытого им нового слова нельзя считать доказательством какого бы то ни было положения.

Отметив интересный в научном отношении факт наличности в древнешведском языке слова *drôt* со значением «толпа», «дружина», проф. Брим строит затем на этом факте свою теорию. Получив, говорит автор, в Новгородской губернии название *русь*, варяги пришли к берегам Днепра, где имя *русь* быстро и прочно пустило корни среди славян и византийцев и оживило на юге старую прочную традицию вокруг термина «рос»... Наконец, говорит автор, имя *рос*, истари державшееся на юге у Черноморья, закрепилось за племенем, властвовавшим в Киевском государстве и случайно (?) носившим *похожее* (?) название *русь*. Слово *случайно* проф. Брим подчёркивает. Племенем (его проф. Брим не называет), которое, как он говорит, *случайно* носило похожее название *русь*, были, как известно, поляне – «**яже ныне зовомая Русь**» [стало быть, не дружина, а племя! – *авт.*]. Таким образом, по Бриму, вышло так, что на территории древней Руси оказались два похожие племенные термина: на юге – *рос*, а на севере – *русь*. И вот эти термины затем случайно встретились друг с другом и, слившись, дали, как полагает проф. Брим, название русскому народу *русь*. Конечно, подобное построение пред-

ставляет собою чистейший домысел и есть лишь попытка найти выход из тупика, в котором, в связи с успехами советской науки, оказалась старая норманнская теория происхождения Руси.

Теории Шахматова, как и норманнской теории вообще, мы, прежде всего, противопоставляем теорию происхождения государства Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина и на ней строим своё историческое знание, на её основах реконструируем историческое прошлое любого народа. Однако, и сейчас ещё по укоренившейся традиции нередко начинают дело, в большей или меньшей мере, с большими или меньшими оговорками, но с данных именно норманнской теории: *русь* это финское *Ruotsi*, это норманны, шведы, скандинавы, хотя давным-давно доказано, что древний племенной термин *рус*, или в позднейшей грецизированной форме *рос*, с незапамятных времён идёт не с севера на юг, а с юга на север, в том числе и на скандинавский север, где в местном языковом оформлении получает своеобразное отложение. Это второй основной тезис, из которого надо исходить в объяснении деталей и частных вопросов о происхождении русского государства. Тогда нам незачем будет в разрешении своих научных трудностей прибегать к помощи варягов. Обладая таким совершеннейшим орудием, как марксистский метод, с одной стороны, и всеми достижениями советской науки в области истории, археологии, этнографии, лингвистики и критики текста – с другой, мы без помощи варягов прекрасно справимся с разрешением проблемы о происхождении русского государства.

5. Значение термина *русь*

Подводя итог сказанному выше по вопросу о происхождении племенного термина *русь*, о славянах – руси и о значении термина *русь* в исторически засвидетельствованной древности, как политического и этнографического термина, мы приходим к следующим выводам.

1. Термин *русь* представляет собою отложение в русском языке древнейшего племенного термина, восходящего к терминологической группе *этруск*, принадлежавшей одному из древнейших, доисторических дославянских племён или группе племён на территории восточно-европейской части СССР (кимеры-иберы, салы и др.), которые легли в основу позднейших племенных образований, и в первую очередь – славянских пламенных образований на той же территории.

2. *Этруски*, оставившие в позднейшем русском языке исключительно богатый лексический и топонимический материал, представляли собою, по-видимому, материально и культурно мощное племенное объединение. Они сыграли крупную организующую роль, особенно в жизни той группы или союза племён, из которой с тече-

нием времени выросла, в процессе племенных скрещений и хозяйственного и культурного развития, с переходом от доиндоевропейской на высшую индоевропейскую стадию, группа славянских племён, унаследовавшая от своего организатора его имя, как имя политического центра или господствующего, организующего племени-вождя, ставшее для этих племён политическим, а впоследствии и этнографическим наименованием.

Подобное явление в исторической этнографии не представляет собою ничего исключительного. Таким же образом в своё время возникли, например, этнографические названия *румын*, *болгар* или *болгарин*, *франк* – француз и др. Вначале это были только политические термины: *румын* – это балканский фракиец, подданный Римской империи, называвший поэтому себя римлянином, что, прежде всего, и значит дословно румынский племенной термин *gomân*, т.е. румын. *Болгар*, или в славянизированной форме *болгарин*, – это балканский славянин, подданный болгарского государства. *Франк*, француз – это кельт, ставший подданным державы германцев – франков.

С течением времени эти политические вначале термины превратились у данных народов в термины этнографические. Следовательно, племенной этнографический термин *русь*, будучи таким именно термином для основного этнографического ядра – доиндоевропейского, а стало быть, и дославянского племени этрусков, был одновременно и политическим термином, которым называла себя группа дославянских племён, объединявшаяся *этрусками*, *рушками* или *русками* в дославянский *русский* союз племён.

Выросшие из этой дославянской группы племён славяне, вначале только южно-русская группа славянских племён, и после исчезновения *этрусков* или *русков*, давно сошедших с этнографической сцены и растворившихся в новой племенной скрещённости, давшей позднейших *славян*, продолжали по традиции сохранять, наряду со своим племенным наименованием *славян*, и наименование своего бывшего политического объединения – *русь*, превратившегося из политического наименования в этнографическое и ставшего таким образом синонимом *славянина* южно-русской группы. Так именно было на юге, среди южно-русских славянских племён, где в IX в. впервые складывается государственное объединение «Киевская Русь».

Однако, на той же восточно-европейской территории СССР имелись славянские племена, которые в эпоху дославянского русского союза племён оставались, по-видимому, вне этого союза и продолжали поэтому и в начальный период Киевской Руси именоваться *словене*, не зная имени *русь*. Так было, например, на новгородском севере. С образованием же на юге государственного объединения «Киевской Руси», вместе с объединением под его власть северных и северо-западных славянских племён, и эти последние получили имя сво-

его политического центра, Руси. Политический для них вначале термин *русь* с течением времени стал для них же и термином этнографическим, синонимом термина *словен*. Стало быть, фигурирующие в номенклатуре древнекиевской общественности IX в. два названия *словене* и *русь* представляли собою в это время не два разных народа, а два, уже ставших к этому времени для южно-русских славян синонимическими, этнографическими термина, причём термин *русь* был преимущественно политическим, государственным термином, а *словен*, *словенин* – преимущественно племенным, этнографическим термином. Славянские племена, входившие в состав Киевской Руси и политически зависимые от Киева, в этнографическом отношении были *славяне* – *русь*. Славянские племена, не входившие политически в состав Киевской Руси и остававшиеся в начальные времена Киевской Руси в известной мере политически автономными, или только что включавшиеся в состав Киевской Руси, продолжали именоваться своим племенным именем *словене*. Как мы видели выше, и они позже усвоили себе имя своего политического центра *Русь*.

Выше мы говорили о том, как надлежит представлять процесс сложения племенных образований путём племенных скрещений с господствующим в каждой новой племенной скрещённости племенным организующим центром. Исходя из этого представления, мы имеем основания предполагать, что доисторический племенной элемент *этруски* – *руски*, давно исчезнув, как один из племенных элементов, растворившись в составе новых, последующих племенных скрещённостей, вплоть до возникновения племенного образования *славяне* – *русь*, продолжал, однако, по-прежнему оставаться на положении организующего, господствующего, но уже не племенного элемента, а мощного экономического и политически социального слоя, т.е. социальной верхушки в составе славянской племенной общественности. Эта верхушка выдвигала из своей среды племенных князей, составляла ближайшее окружение князя, т.е. его дружину, предпринимала под водительством своего князя походы и разбойничьи набеги на соседей, ведала племенными делами, торговала и подерживала международные торговые связи и пр.

Со времени выступления на сцену первого южно-русского славянского государственного объединения, Киевской Руси, этот социальный слой, образующий собою высшие классы киевской славянской общественности, преемственно сосредоточивал в своих руках политическую власть, заключал договоры с Византией, представлял за границей своё славяно-русское государство и говорил от имени «*великого князя русьского, и от всех, ниже суть под рүкою его, светлых и великих князь и его великих боляр*». Но это был не какой-либо чужеземный народ, не варяги, не шведы, не норманны, а те же *славяне*, основное, политически ведущее ядро славянского народа.

Очень ценные соображения по вопросу о происхождении русско-го государства в самое последнее время высказал проф. **С.В.Юшков**

[62]. Он пришёл к заключению, что *Русь*, прежде чем это название стало применяться в этническом смысле, представляла собою социальную группу, возникшую в среде восточного славянства и стоявшую над славянами и вообще над другими группами, что, по византийским источникам, это или дружинники – профессиональные воины, или купцы – жители городов; они взимают дань со славян и ведут торговлю предметами дани с Византией, *славяне же* – это земледельцы-общинники, подвластные русам. Русы, по Юшкову, – это организаторы и участники грабительских походов на Византию и на хазар, на Черноморское и Каспийское побережья; профессиональные воины, служившие у византийских императоров и хазарских каганов, организаторы экспедиции за рабами и вместе с тем организаторы первых государств, возникших на территории восточного славянства.

Возникновение этой социальной группы С.В.Юшков ставит в связь с периодом разложения первобытно-общинного строя у восточного славянства (VIII–IX вв.). В процессе разложения первобытного общества и разделения труда у славянских племён, по Юшкову, возникают ремесленники, купцы, военачальники. Оторвавшись от своих корней в народе, роде и племени, эти элементы оседают в племенных городах. С течением времени города пополняются выходцами из других племён, и городское население становится, таким образом, межплеменной группой. По мере же развития внешней торговли, в крупных или пограничных славянских городах оседают и ассимилируются с местным населением иноземные – скандинавские, норманские купцы. Вместе с иноземными, скандинавскими купцами оседают в этих же городах и скандинавские воины – викинги, искусные мореплаватели и пираты. В результате общения с иноземцами язык местного городского населения получает более совершенное развитие в сравнении с племенными славянскими языками и включает много иностранных слов. Одновременно в жизнь городского общества проникает и много чужеземных обычаев.

Так, С.В.Юшков воспроизводит процесс сложения в недрах восточного славянства особой, городской социальной группы или городских социальных групп, известных исторически под именем русь. Первые группы руси, по Юшкову, возникают на юге, среди южно-русских славянских племён – полян, северян, дулебов. И за Киевом и Киевской землёй впервые закрепляется название Русь. Но русь оседала, говорит автор, конечно, по всему течению Днепра и по всему торговому пути, ведшему «из варяг в греки». Оседала она и повсюду, где шёл процесс разложения первобытно-общинного строя. Отсюда естественно появление Руси в Галиции (Червоная Русь) и даже на территории восточного славянства, граничившей с Венгрией (Угорская Русь).

Таким образом возникновение руси проф. Юшков связывает с возникновением у восточных славян классового общества в недрах разлагавшегося первобытно-общинного строя. С возникновением же

классового общества, судя по источникам IX–X вв., на территории восточного славянства возникает и ряд государств варварского типа, образованных русью на территории восточного славянства и на Азовско-Черноморском побережье, предшествовавших государству Рюрика и Киевскому государству (*Киевское государство русов* Аскольда и Дира, которые не принадлежали к «племени Рюрика», т.е. не были норманнами; *Новгородское государство русов*, где под 838 г. называется князь Бравлин, известный по нападению на Сурожд; и третье крупное государство русов на побережье Азовского моря, Артаня, отождествляемая с Тмутараканскою Русью).

Таким образом проф. С.В.Юшков не только устанавливает несомненный исторический факт – существование на территории восточного славянства ряда примитивных, варварского типа, русских государств ещё до событий 859–862 гг., т.е. до легендарного «призвания варягов», но и с исчерпывающей обоснованностью рисует процесс возникновения первых государственных объединений у русских славян – *«не в результате завоевания славянских племён норманнами, а в результате общественно-экономического развития восточного славянства и обусловленного этим развитием возникновения классового общества»*.

Однако проф. С.В.Юшков, сумевший вполне удовлетворительно справиться со сложною проблемою происхождения русского государства и увязать в одно органическое целое основные детали этой проблемы, остававшиеся до сих пор не увязанными ни норманистами, ни антинорманистами, не смог так же удовлетворительно справиться с историко-этнографической проблемой происхождения термина *русь*. Он утверждает, что социальные группы, называемые *русью*, «говорившие на особом, более развитом, нежели наречия славянских племён, языке [условно, конечно, *особом*. – **авт.**], имевшие более высокую культуру, развившуюся под значительным арабским и византийским влиянием, настолько резко стали отличаться от массы общинников [т.е. славянского населения страны. – **авт.**], что *возникла необходимость в особом названии этих групп* [подчёркнуто нами. – **авт.**]. *«Так возникло, – говорит проф. Юшков, – название Русь...»*. Спрашивается, *у кого же возникла* эта необходимость? У славянского ли населения, у городской, ли особой, поднявшейся экономически, культурно и политически над массовым славянским населением социальной группы, при дворе ли князя, или у чужеземного скандинавского купца? На этот естественный вопрос проф. Юшков не даёт ответа.

Термин *русь* есть племенной термин, а племенные термины имеют обыкновенно свою историю, и так просто, как это рисуется проф. Юшкову, не возникают. Правильное истолкование такого сложного племенного термина, как термин *русь*, требует, прежде всего, обращения к материалам исторической этнографии, что и проделано

нами выше. С нашей точки зрения, предложенный нами выше опыт истолкования термина «славяне – русь» представляет собою, несомненно, последнее слово нашей советской науки.

Если принять это истолкование, то сам собою должен отпасть и второй вопрос, на котором в своей интересной статье останавливается проф. Юшков, – вопрос о том, славянский это термин или не славянский. Не уверенный в правоте своего высказывания, проф. Юшков склонен думать, что он, вероятно, не является славянским. Конечно, этот термин не славянский, а дославянский. Но поскольку он восходит к племенному наименованию одного из доиндоевропейских и дославянских племён, которое вместе с рядом других таких же доиндоевропейских племён легло в основу позднейшего славянского этнографического образования, постольку термин *русь* является вместе с тем и славянским термином. Славяне преемственно унаследовали его от своих далёких дославянских предков.

Только при таком истолковании происхождения термина *русь* становятся понятными и сохранённый летописью терминологический дуализм в этнографической номенклатуре древнекиевских документов и значение термина *русь*, *руський*, как политического вначале, по преимуществу, термина для славян, подданных Киевской Руси, и противопоставление *руси славянам*. «И рече Олег: ищните пре паволочиты Рүси, а словенем кропиньны»; «Посла Олег мужа своя построит мира и положит ряд межю Греки и Рүсню», т.е. между Византией и Киевской Русью; «И заповеда Олег, дати во ем на 2000 корабль по 12 гривне на ключ, и потом даяти уклады на Рүсьские грады: первое на Киев, также на Чернигов, и на Переславль, и на Полотеск, и на Ростов, и на Любечь, и на прочая грады, по тем во градом седяху велиции князи, под Олегом суще».

В этом списке городов нет ни Смоленска, ни Новгорода, ни Пскова, ни Ладоги. А ведь это крупные племенные центры. Следовательно, в это время они не были ещё «под Олегом», т.е. не входили в состав Киевской Руси, не были *руськими* городами, а были городами *славянскими*, откуда в армии Олега приходило немало тех самых наёмников *словен*, которым он предложил довольствоваться «кропиньными», т.е. полотняными парусами в противоположность своим непосредственным подданным, *киевлянам – руси*, которые получили от него «горе паволочитые», т.е. паруса из дорогой и прочной шелковой ткани – паволоки.

По-видимому, в начале XII в., когда составлялась «Повесть временных лет», в киевской общественности не было никакого сомнения в том, что терминами *словене* и *русь* испокон веков именовался один и тот же народ – словене. «Темь же Словенську языку учитель есть Павел, от него же языка и мы есмь, Рүсь», – читаем мы в «Повести временных лет». Убеждение летописца в племенном единстве и тождестве *словен* и *руси* даёт ему основание утверждать, что апостол Павел, по преданию учитель западного славянского народа, тем са-

мым является и нашим учителем, т.е. учителем Руси, русского народа: «Темь же и нам, Русси, учитель есть Павел, понеже учил есть язык Словенск... А Словенск язык и русьскый един есть...».

Для киевского учёного книжника XII в. этот вопрос был совершенно ясен и не вызывал никаких сомнений. Но терминологический дуализм, по-видимому, и тогда интересовал людей и, вероятно, вызывал недоумения и споры. Ответом на эти споры и явилось положительное утверждение летописца: «А Словенск язык и Русьскый един есть, от варяг прозвашася Русню, а первее беша Словене; аще и Поляне звахуся, но Словенска речь бе; Поляни же прозвашася, зане в поли седяху, а язык Словенск бысть им един».

Как мы видим, летописец не ограничился простым утверждением того, что он знал и в чём был убеждён, т.е. что *славяне и русь* – это один и тот же народ, что мы, *русь, русский* народ, испокон веков принадлежим к числу славянских народов и представляем собою такой же славянский народ, как и прочие славяне, – «*бе бо един язык Словенск: словене, иже седяху по Дунаеве, ихже преша Угри, и Морава, и Чеси, и Дяхове, и Поляне, яже ныне зовомая Русь*». С целью быть более убедительным и понятным для своих читателей, летописец в дополнение к своему рассуждению, для его иллюстрации приводит общеизвестный конкретный пример терминологического дуализма – *поляне*: хотя этот народ и назывался *полянами*, потому что они жили в степи, а по речи это были славяне, тот же славянский народ.

Но откуда же ведёт своё происхождение название славян русью? На этот вопрос летописец даёт свой собственный с его точки зрения совершенно определённый ответ: так их *прозвали*, говорит он, варяги, а раньше они были и назывались славянами [63].

6. Племенные группировки и основные культурные центры русского народа в IX в.

Как мы уже знаем, по представлению восточно-мусульманских писателей IX–X вв., население современной им Руси делилось на три обособленные группы племён. Так, например, Истахри говорит: «*Русы состоят из трёх племён, из коих одно ближе к Булгару, а царь его живёт в городе, называемом Куяба, который город больше Булгара; второс племя называют Славия и ещё племя называют Артанья, а царь его находится в Арте... Арта находится между Хазаром и великим Булгаром, который граничит с Румом к северу...*» [64].

Такая группировка восточно-славянских племён в IX–X вв., восходившая, надо полагать, и к более раннему времени, не чужда была, по-видимому, и представлениям древнерусского летописца. Так, например, в летописи (по Лаврентьевскому списку) под 6367 (859) годом мы читаем: «*Имаху дань Варязи из заморья на Чуди и на Словенех, на Мери*

и на В(е)сех, и (на) Кривичех; а Козари имаху на Полянех и на Северянех и на Вятчихе» [65].

Таким образом, согласно показаниям летописи, новгородские *славяне* и *кривичи* в IX в. находились в сфере влияния заморских варягов – норманнов: они были их данниками. Другая группа славянских племён – *поляне*, *северяне* и *вятичи* – находилась в то же время в сфере влияния Хазарского каганата и «востока». Это две группы или два русских племенных центра арабских источников – *Славия* и *Артания*: северо-запад, т.е. Новгород – Смоленск, и юго-восток т.е. Подонье и Приазовье. Третью группу племён, имевшую своим центром г. Куяба арабских источников, т.е. г. Киев, расположенную в ближайшем соседстве с дунайскими болгарами, составляли, по-видимому, *уличи* с *тиверцами* и *древляне*. Эта юго-западная группа племён, сидевшая у Чёрного моря и соседившая в древности с греческими колониями, находилась в IX в. в сфере влияния Византии (Рум) и представляла собою наиболее культурное и мощное славянское племенное объединение. Об этом говорит тот факт, что в конце IX в. у уличей, по Новгородской первой летописи, был крупный центр – город и вместе сильная крепость *Пересечен*, а также (по Лаврентьевской летописи) ряд приморских городов [66].

Акад. А.А.Шахматов устанавливает к началу IX в. наличие двух сфер влияний, действовавших на территории восточно-славянских и соседивших с ними финских племён: скандинавская и хазарская. Север и северо-запад попали в сферу скандинавского влияния, а юг и юго-восток в сферу хазарского влияния.

Хазары ещё в VII–VIII вв. образовали в юго-восточной России большое и могущественное государство, столицей которого был г. Итили, расположенный недалеко от устья Волги. Прежде всего под владычество хазар попало восточно-славянское население Донского бассейна. В результате покорения этого населения, говорят Шахматов, власть хазар распространилась и на сидевших севернее вятичей, а затем и на северо-запад, ибо, судя по летописи, данниками хазар были и радимичи (см. под 885 г.). Владычество над восточными славянами в Донском бассейне привело хазар и к покорению сидевших на Десне и среднем течении Днепра северян. Можно думать, говорит Шахматов, что в VIII в. сфера влияния хазар сталкивалась на Днепре со сферой влияния аваров. Падение аваров дало хазарам возможность распространить своё влияние и на правобережных полян; в летописи имеется предание о том, как попали под хазарскую руку воинственные поляне [67].

О том, что юго-западная группа древнерусских племён – *уличи* с *тиверцами* и *древляне* – представляла особую в культурном и экономическом отношении группу племён, говорит в частности длительная и упорная борьба, которую ведут с нею *поляне*. Эта борьба началась, вероятно, ещё до Аскольда и Дира, была продолжена ими и их

преемниками, Олегом и Игорем, и окончена княгиней Ольгою, сумевшей подчинить себе древлян [68].

Таким образом мы имеем все основания говорить о наличии в IX в. в среде древнерусских племён трёх культурно-исторических центров, развивавшихся каждый в своеобразной культурной и экономической обстановке международного окружения и международных связей:

1) *юго-западный* – уличи с тиверцами и древляне, – находившийся в сфере западно-славянского и византийского взаимовлияний;

2) *северо-западный* – новгородско-ладожские славяне и кривичи, – находившийся в сфере взаимовлияний скандинавского и финского;

3) *юго-восточный* – поляне, северяне и вятичи, – находившийся в сфере взаимовлияния хазар и Востока.

Однако нет никаких оснований говорить о том, что эти три центра были решительно обособлены друг от друга и не имели друг с другом никаких связей. Напротив, они всегда находились в тесном общении друг с другом путём, прежде всего, широких торговых связей, поддерживавшихся во всех направлениях по обильным водным путям и обуславливавших собою и культурные связи и культурный взаимообмен. В этих связях росла и крепла своеобразная культура, отличная от Востока и Запада, комплексная по характеру привходящих в неё с глубочайшей древности элементов, общая в своих основах для всех древнерусских племён и оставшаяся общею, как субстрат культуры современного русского народа в составе трёх образующих его братских народов – великороссов, украинцев и белорусов. Уходя своими корнями в доисторическое прошлое русского народа, вобрав в себя культурное наследие своих далёких предков, живших за тысячи и десятки тысяч лет до нашей эры на восточно-европейской части территории нашего Союза, эта культура впитала все лучшее, что давала тогда культура передовых народов Востока и Запада. На этой богатой основе и создалась та своеобразная, национальная по форме культура, которая уже в X–XI вв. выдвинула Киевскую Русь на передовые позиции среди народов всего тогдашнего мира. Эту культуру создавал своим трудом весь русский народ, все составлявшие его племена севера и юга, востока и западе. В неё внесли свою долю и северяне (словене, кривичи, полочане), и кужане (уличи, тиверцы, древляне, поляне, хорваты), и восточные племена – северяне и вятичи. Эта культура – родная всему русскому народу, и её наследием до сих пор продолжают жить и великоросс, и белорус, и украинец.

О наличии в IX в. трёх культурно-исторических центров или трёх основных восточно-славянских племенных групп говорят и археологи, и антропологи, и лингвисты. Так, например, археолог А.А.Спицын в статье «Расселение древнерусских племён по археологическим данным» [69] устанавливает три отдельные группы сла-

вянских племён: 1) *северо-западную* – новгородцы с кривичами, 2) *западную* – древляне, 3) *восточную* – северяне.

Академик **А.И.Соболевский** различает: 1) *северо-западную* группу говоров – говор *кривичей* или *словен* (новгородский, псковский и полоцко-смоленско-витебский); 2) *средне-русский* или *великорусский* говор (язык) – говор древних вятичей и их колонистов на обоих берегах верхней Волги (современные говоры северные или *окающие* и говоры южные или *акающие*); близким к этому говору, по Соболевскому, был старый *западно-русский* или *белорусский* говор – говор древних *дрзговичей*, родоначальник современного белорусского языка; 3) *галицко-волынский* говор – говор *дулебов-волян*, предок современного украинского языка [70].

По Шахматову, древнерусские племена Несторовой летописи составляли *три* основных группы племён.

1) *Южно-русскую* группу. В неё входили: *поляне*, занимавшие правое побережье среднего течения Днепра и имевшие своим центром город Киев; *улич* и *тиверцы* – к юго-западу от полян, по Днепру, до самого его устья, причём *тиверцы* сидели южнее *уличей*; *бужане*, они же *дулебы*, они же позже *волян* – в верхнем течении Южного Буга; *хорваты* – западнее волян, т.е. в нынешней Галиции; *древляне* – в пределах Волынской области и южной части Минской области; *северяне* – по левой стороне Днепра, в бассейне рек Сумы, Десны и Сейма, в нынешней Черниговской и Полтавской областях.

2) *Средне-русскую* группу. В неё входили: *дрзговичи* (по Шахматову – «ляшское» племя; наименование производится от «дрягва», древнее дръгва – болото, болотистое место), населявшие нынешнюю Минскую область и часть Витебской области (Белоруссия); *радимичи* – в нынешней Могилёвской области (Белоруссия); *вятичи* – в бассейне р. Оки (Рязанская, Тульская и Калужская области).

3) *Северно-русскую* группу. В неё входили: *кривичи*, сидевшие в бассейне верхнего течения Западной Двины, верхнего течения Днепра и Волги; *словене* – в области озера Ильменя [71].

IV. ДРЕВНЕРУССКИЕ ПЛЕМЕНА И ПОЗДНЕЙШИЕ НАРОДЫ – ВЕЛИКОРУССКИЙ, УКРАИНСКИЙ И БЕЛОРУССКИЙ

Со второй половины IX в. южные степные приазовские и причерноморские районы нашего Союза становятся на некоторое время ареною движения и кочевья восточных народов – угров (IX в.), печенегов (X в.) и половцев (XI в.). Столкновение этих народов с юго-восточными славянскими племенами (северяне, вятичи) вынуждает последние передвигаться на северо-запад – к Десне и к Днепру (северяне) и на север – к Оке (вятичи). Проф. В.А.Пархоменко высказал остроумную догадку о том, что аналогичные судьбы в своей истории пережили и *поляне*, продвинувшиеся в это время из степного Подонья и Приазовья (донско-азовская Русь) на северо-запад, к Днепру [72].

В результате этой передвижки возникала новая передвижка, на этот раз уже в среде северных племён, в направлении с востока на запад. Так, например, южно-русские племена *уличи* и *тиверцы* сидели некогда между Днепром и Южным Бугом до самого Чёрного моря; затем они продвинулись к северу, в область между Южным Бугом и Днестром; ещё позже они поселились по Днестру.

По предположению А.А.Шахматова, и *вятичи* жили некогда гораздо южнее бассейна Оки, в северной части Донецкого бассейна, а быть может и ещё южнее – в направлении к Азовскому морю. Позже они продвинулись на север, в бассейн реки Ока, и осели в нынешних Рязанской, Тульской и Калужской областях, откуда в половине X в. вытеснили *радимичей*, заставив их продвинуться в северное Поднепровье, в Могилёвскую область, продвигаясь вслед за ними туда же и сами. Свидетельством этого передвижения может служить между прочим, наличие реки *Прони* в Рязанской области и реки с тем же именем в Могилёвской области.

Продвижение на север в Галицию южно-русских «украинцев», *уличей* и *тиверцев* вызвало передвижку и в среде правобережных южно-русских племён. *Хорваты* продвинулись на запад, в горные прикарпатские районы; *древляне* из Волынской области переместились на север, за Припять, в область *дреговичей*, коренного населения Минской области, и т.д.

Уличи, *тиверцы*, *поляне*, *северяне*, *древляне*, *волыняне*, или *бужане* и *хорваты* в их племенных *скрещеннях* представляют собою

позднейший *славянский субстрат* современного *украинского народа* и украинского языка во всём разнообразии его наречий и говоров.

Племенные скрепления южно-русских *древлян* со средне-русскими *дреговичами* и средне-русских *радимичей* с восточно-русскими *вятичами* и часть *кривичей* представляет собой позднейший *славянский субстрат* современного *белорусского народа* и белорусского языка во всём разнообразии его наречий и говоров. По Шахматову, белорусский язык представляет собой соединение восточно-русских, ляшских и южно-русских элементов. Связь белорусского языка с южно-великорусским определяется тем, говорит Шахматов, что в состав белорусского языка вошли южно-великорусские, иначе – восточно-русские элементы.

Выше мы видели, что в состав *северно-русской* группы, как её намечает Шахматов, входили *кривичи*, сидевшие в бассейнах верховьев Западной Двины, Днепра и Волги, и *словене*. *Кривичи*, по Шахматову, распались на две группы – восточную и западную. Восточная группа *кривичей* занимала верхнее течение Волги; западная – верхнее течение Двины, реки Великой и Чудского озера. Западная группа *кривичей* была захлестнута волною племени *радимичей*, залившей собою всю Белоруссию, и усвоила некоторые черты его языка. Типичным представителем западно-кривичского говора, по Шахматову, является древнепсковский язык, известный с XIV в. Характерными для этого языка являются, во-первых, основные северно-русские особенности (замена *ч* и *ц*, произношение *Ъ*, как *и*); во-вторых, «*ляшские*» особенности (смещение *ж* и *з*, *ш* и *с*; образование *гл* из *дл*, например, *жерзгло*, *взгли*, *сегли*); в-третьих, *восточно-русские* особенности (аканье).

Восточные кривичи, занимавшие вначале верховья Волги, осели впоследствии и в бассейне Оки, где встретились с восточно-русскими *вятичами*, вынужденно продвигавшимися с Подонья на север в Рязанскую область и на северо-запад в Поднепровье, в Черниговскую область. Племенные центры восточных кривичей – Суздаль и Владимир и вятичей – Рязань были одновременно и политическими центрами. Встреча восточных кривичей с вятичами не была дружественной. Об этом говорит, между прочим, поход Владимира Святославича Киевского в 981 и в 982 гг. против вятичей, а также борьба с Рязанью суздальцев и потом москвичей. Борьба восточных кривичей-суздальцев с вятичами-рязанцами увенчалась для первых относительно успешным успехом: часть вятичей, «суровых рязанцев, полоумных смердов», по характеристике суздальского и московского летописцев, была приведена к подчинению суздальским князьям.

А. А. Шахматов предполагает, что это была борьба за обладание бассейнами Оки и верхнего течения Волги, и с этою борьбою связывает перенесение политического центра северо-восточной русской области из Владимира на запад – в Москву, представлявшую собою

в середине XII в. всего только вотчинную усадьбу суздальского князя **Юрия Долгорукого** и выросшую через сто лет в центр Московского вотчинного княжества (1271 г.), а к началу XIV в., при Юрии Даниловиче и его брате Иване Калите, – в столицу великого княжества Московского. Москва выросла на мирном стыке двух племенных образований: *северно-русов кривичей* и *южно-русов – вятичей*. Этим стыком с конца XIII и начала XIV в. определяется, по Шахматову, возникновение *великорусского народа*, представленного соответственно двумя основными наречиями – *северно-великорусским* и *южно-великорусским*. «В бассейне Оки, вокруг Москвы, – говорит Шахматов, – они (т.е. кривичи и вятичи) встретились уже не для борьбы, а для прочного сожительства и взаимной поддержки».

Главная историческая задача Москвы заключалась в защите населения средней России от татар. Выполняя эту задачу, Москва естественно перешла к собиранию русских земель, но это стало возможным только после образования вокруг Москвы сплочённого этнографического ядра, вобравшего в себя племенные элементы соседних земель, подлежащих собиранию. Образование этого ядра великорусской народности было результатом несомненно сложного, хотя, быть может, и не столь продолжительного процесса. Впрочем, процесс этот мог начаться задолго до возвышения Москвы и даже задолго до татарского нашествия, ибо Москва издавна находилась на стыке северно-русского и восточно-русского населения [73].

К сказанному добавим, что названные племенные элементы представляют собою сравнительно позднейший славянский субстрат, лёгший в основу образования великорусского народа, вобравшего в себя всю массу материального и культурного наследия предшественников славян на той же территории, о чём мы говорили выше.

Начиная со смерти **Ярослава** (половина XI в.), с момента окончательно установившейся феодальной раздробленности бывшей «империи Рюриковичей», деление Руси на племена в летописи прекращается. Имена *словене, поляне, северяне* и пр. исчезают и заменяются наименованиями центров феодальных княжеств – Новгород, Киев, Чернигов и др. Вместе с развитием феодальных отношений и возникновением новых самостоятельных политических центров – княжеств: Новгородского, Ростово-Суздальского, Муромо-Рязанского, Смоленского, Киевского, Черниговского, Северского, Переяславльского, Волынского, Галицкого, Полоцкого и Турово-Пинского – русское имя, как принадлежность собственно днепровских земель, переходит из племенного в территориальное, название Руси все более и более сосредоточивается на одном Киеве; в конце XII в. является для Киева особое имя *Русской области* «**да то ты, а то Киев и Русская область**» (Ипатьевская летопись, 144, под 1195 г.). *Русским* именем отличаются киевские князья от черниговских: «**И прииде ту вся земля Половецкая, и вси их князи, а из Киева князь Мстислав со всею**

силою, а из Галича князь Мстислав со всею силою, Володимер Рюриковичь с Черниговци, и вси князи русьтнн и вси князи черниговски» (Троицкая летопись 217, под 1223 г.).

«По соединении в одно целое всех частей государства при Иоаннах, собирателях русской земли, русское имя, скрытое для историка, — замечает С.Геденов, — но никогда не исчезавшее для народа, внезапно является общим, связующим наименованием всех частей обновлённой и окрепшей России».

Академик А. А. Шахматов приводит записанное, по его предположению, в XII, а может быть даже и в XI в., свидетельство псковского летописца о событии 6568 (1060) г., в котором псковичи и новгородцы называются *русью*. Напротив, замечает Шахматов, в Новгородской летописи слово **Русь** в XII в. означает преимущественно Киевскую область, но под 1169 г. Русскою землёю названы и низовцы [74]. Под 6746 (1238) г. Русскою землёй названы Суздальская, Рязанская, Ростовская и Тверская земли. Вообще, говорит Шахматов, с середины XIII в. имя Русь начинает употребляться для обозначения Суздальской области. Но себя, свою землю новгородцы ещё не скоро назовут русским именем [75].

Уже в течение X в., по Шахматову, завершается объединение восточно-славянских земель вокруг Киева, получающего в силу своего положения возможность стать не только политическим, но и культурным центром для всего Поднепровья и прилегающих к Поднепровью земель. Киев, русский по преимуществу город, передаёт русское имя не только южной России, в частности, и Чёрному морю, на которое опирается его могущество, а и средней России и новгородскому северу. Правда, в Ростове и Суздале Русью называют по преимуществу южную Россию, Киевскую землю, но в отношении к чужеземцам русью начинают себя называть все вообще восточные славяне. Это показывает, что раздробленное в прошлом славянство слилось в одну семью, связанную политическими и культурными узами. В стороне остаются, как кажется, юго-восточные племена в бассейне Дона и жившие на крайнем юго-западе уличи и тиверцы. Но часть уличей, покоренная киевским князем, приобщается к государственной организации, возглавляемой Владимиром Святославичем и пошедшей от него княжеской династией. Остальные уличи, а вероятно и тиверцы, вошли в состав Галицких земель Ростиславичей [76].

Однако и после того как центр политической и культурной жизни русского народа передвинулся из Киева на север, Киевская и вся западная область продолжали называться *Русью* или, по греческому произношению, *Россией*, а население их — *русским* или *российским* народом или родом. Так, например, Окружная грамота, напечатанная в Киеве в 1629 г., т.е. ещё до воссоединения Украины с Москвою (1654 г.), начинается такими словами: «**Иов Борецкий, милостию Божией архиепископ Киевский и Галицкий и всея Россни, всем посполито**

Российского Рода, так в короне Польской, яко и в великом княжестве Литовском, всякого достоинства, духовного и светского, высокого шляхетного и низшого посланного стану людем...».

В одной книге, изданной в 1619 г. в Киеве, известный украинский учёный Памво Берында, обращаясь к читателю, говорит о Лавре Печёрской: «се убо приносит ти... матер твоя в России Малой». В «Грамматике», вышедшей во Львове в 1591 г., говорится, что она издана в наставление – «многочисленному российскому роду». Митрополит киевский и галицкий Михаил Рагоза именуется «архиепископом всея России». А прежние митрополиты киевские, бывшие до Михаила Рагозы, писали: «и всея Руси» или «всея Руси».

В 1592 г. Львовское братство обращалось к царю Фёдору Ивановичу с просительными посланиями, в которых именуется его по старой традиции, восходящей в письменных документах к X в., «светлым царём Российским», вспоминает «князя Владимира, крестившего весь Российский род» и т.п.

Гетман Богдан Хмельницкий в своём Белоцерковском универсале 1648 г. писал: «Вам всем обще Малоросияном о том доносим... Кому из вас любима целость отчины вашей, Украины Малоросийской... – о увольнению от бед людских всего народа Малоросийского...» и т.п.

В ответном письме Запорожской Сечи гетману Хмельницкому от 3 января 1654 г. читаем следующие строки: «А замысл ваш, щоб удалиться и буди зо всем народом Малоросийским, по обоих сторонах Днепра будучим, под протекцию великодержавнейшего и пресветлейшего монарха Российского, за слушний выги признаваем, и даемо нашу войсковую вам пораду, а бысте того дела не оставляли и оное кончили, як к вам найлучшой ползе отчины нашей Малоросийской...».

Такое же употребление имён «Россия», «российский» известно в те времена и на русском северо-западе, в Литовском княжестве. Так, например, в одном выпущенном здесь в 1616 г. издании (Учительное евангелие) говорится, что русский перевод этой книги «выданаем з друку, на все широкки славного и старожитного народу Российского краинны разослан...» [77].

V. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОРУССКОГО, УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАРОДОВ

Образование в IX в. первого русского государства (Киевская Русь) явилось заключительным актом уже сложившихся и окрепших к этому времени в русском обществе новых производственных отношений, характерных для феодального строя, с господством класса крупных земельных собственников и наличием зависимого от них крестьянства.

Развитие крупного землевладения с одновременным закабалением крестьянства вызывает в Киевской Руси уже в XI в. рост областных городов и усиление политического влияния экономически окрепшей областной землевладельческой знати, князей и боярства. Это выражается в значительном подъёме политической жизни «земель» и в ослаблении руководящей и организующей роли центра – Киева – в политической жизни страны;

В результате феодализации производственных отношений уже с начала XI в. в жизни Киевского государства наблюдаются первые признаки его распада. Первым попытался отложиться от Киева Новгород, боярство которого в 1014 г. отказалось вносить дань Киеву. Попытка киевского князя **Святополка** силою оружия заставить новгородцев подчиниться верховной власти Киева потерпела неудачу. В 1016 г. Святополк был разбит у Любеча новгородцами под предводительством **Ярослава** и бежал в Польшу к своему тестю, князю **Болеславу Храброму** (992–1025).

Ближайшему преемнику Святослава, **Ярославу Владимировичу Мудрому** (1019–1054), при всех его крупных государственных дарованиях, не удалось предотвратить распад государства. Рост производительных сил страны и возникновение новых феодальных отношений с неумолимой неизбежностью ломали старые устои централизованной «империи Рюриковичей». Ярославу Владимировичу удалось в известной мере временно парализовать сепаратистские устремления Полоцка (князь **Брячислав**) и Тмутаракани (князь **Мстислав**), но не удалось остановить естественный процесс распада старой Киевской державы, и после его смерти начинается заметный её упадок.

Новая попытка трёх старших сыновей Ярослава Владимировича, крупнейших владетельных князей – **Изяслава** Киевского и Новго-

родского, **Святослава** Черниговского и Тмутараканского и **Всеволода** Переяславского – задержать распад государства не только не увенчалась успехом, но закончилась восстанием киевлян в 1068 г. Это восстание вспыхнуло в связи с поражением киевской армии половцами. В результате восстания Изяслав принужден был бежать из Киева в Польшу и там искать поддержки у своего племянника, польского князя **Болеслава II** (1057–1080).

Между тем экономический и политический рост отдельных земель-княжеств, входивших в состав «империи Рюриковичей», продолжал наносить разрушительные удары по великодержавной гегемонии Киева. Вместе с тем росли и обособленческие устремления отдельных его земель-княжеств. Это привело Киев прежде всего к экономическому упадку, так как стал значительно сокращаться приток даней, обильно поступавших раньше в казну киевского князя со всех концов его обширной державы. В то время как отдельные земли-княжества росли и материально крепили, Киев все больше беднел. В конце концов, ряд княжеств отказался признавать гегемонию Киева и восстал против его великодержавных тенденций.

В результате этого конфликта на территории бывшей «империи Рюриковичей» во второй половине XII в. сложился ряд новых политических объединений, представлявших собой самостоятельные феодальные княжества: Новгородское, Ростово-Суздальское, Муромско-Рязанское, Смоленское, Киевское, Черниговское, Северское, Переяславское, Волынское, Галицкое, Полоцкое и Турово-Пинское. С этого времени Киев утратил ведущую политическую роль, и «империя Рюриковичей» прекратила своё существование. Взятие и разгром Киева в 1169 г. объединёнными войсками одиннадцати феодалов под главенством владимирско-суздальского князя **Андрея Юрьевича Боголюбского** явилось одним из последних эпизодов в истории распада Киевской державы.

Усилившиеся в это же время грабительские набеги на русскую землю половцев, принявшие в XII в. угрожающий характер, ещё больше содействовали политическому упадку Киева, утрате им бывшей ведущей политической роли и естественной передвигке руководящего политического центра в наиболее безопасные от внешнего врага периферийные районы: Галицко-Волынский и Полоцкий – на западе и Владимирско-Суздальский и Новгородский – на севере и северо-востоке.

Феодальная раздробленность сыграла решающую роль в дальнейших культурно-исторических судьбах русского народа. Она содействовала областному обособлению отдельных феодальных земель-княжеств. Создавалась обстановка, неизбежно обрекавшая княжества на экономическую, политическую и культурную разобщённость друг от друга, на известную замкнутость их в узких рамках областных границ. Напряжённые международные отношения (длительные княжеские междоусобицы и постоянная угроза со сто-

роны Литвы, Польши и Венгрии на западе, немцев и шведов на северо-западе, турецко-татарских интервентов на востоке и юге) вынуждали демократические элементы обществственности, в целях сохранения национальной независимости и защиты своих трудовых интересов, спланиваться внутри узких рамок областных границ феодальной государственности, как, например, в Галицко-Волынском княжестве на всём протяжении его исторической жизни.

Таким образом, вместе с феодальной раздробленностью в отдельных феодальных и феодально-областных объединениях постепенно нарастали предпосылки для дальнейшего углублённого развития исконных, местных, хозяйственно-бытовых и культурных племенных особенностей (язык, техника и хозяйство, материальная культура, обычаи, религия, фольклор и пр.). Этот процесс шёл в рамках отдельных феодальных объединений, но на основе общего для всех их старого доисторического и исторического общерусского культурного наследия.

Хозяйственно-экономическое и культурно-историческое развитие русского народа – сначала в обстановке феодальной раздробленности, а затем в обстановке ликвидации феодализма и подъёма капитализма, – привело постепенно к сложению в недрах русского народа трёх новых этнографических и культурно-исторических областных образований – *великороссов, украинцев* (малороссов) и *белорусов*, трёх братских народов, образующих в составе великого Союза Советских Социалистических Республик каждый в отдельности особую нацию и все вместе в своём единстве – ***русский народ*** как мощное племенное целое.

В первой половине XIV в. в результате деятельности московского князя **Ивана Даниловича Калиты** (1304–1341) на северо-востоке Руси вырастает ***Московское великое княжество***. Оно образовалось на основе начатого уже предшественниками Калиты и продолженного его преемниками в XV в. объединения соседних уделов: Переяславля, Можайска, Коломны, Суздаля, Рязани, Муром, Костромы, Галича, Калуги, Дмитрова, Владимира, Нижнего-Новгорода, Ярославля, Твери, Новгорода Великого, Пскова, Вятки и др. *Московское великое княжество* объединило бывшие русские племена восточной ветви кривичей, вятичей и новгородских славян и по своему материальному положению и по ведущей политической роли в стране и в международных отношениях явилось фактически *Великою Русью* или *Великою Русией*. Объединённые же названные выше племена стали основным ядром великорусского народа.

Перечисляя главнейшие древнерусские славянские племена, составлявшие «**словенск язык в Руси**»: полян, древлян, новгородцев, полочан, дреговичей, северян и бужан или волынян, киевский летописец одновременно называет и ряд соседних с русскими славянами неславянских народов: чудь, мерю, весь, мурому, черемисов, морд-

ву, пермь, печору, ямь, литву, зимеголу, корсь, норому, либь. «**Бесуть нини язъци, нже дань дають Русн**», – замечает об этой группе народов летописец. Таким образом в состав Киевской Руси входили как славянские племена, так и не славянские. Последние, сохраняя, по-видимому, свою племенную автономию, были связаны с Киевом данническими обязательствами и в этом смысле стояли в политической зависимости от Киева. На севере, северо-востоке и востоке это были финские племена: чудь, меря, весь, мурома, черемисы и др.; на западе – литовско-латышские племена: литва, зимегола, корсь, норума, либь и др. Названные финские племена были ближайшими соседями новгородских славян, восточной ветви кривичей и вятичей, т.е. той группы русских славян, которая легла в основу великорусского народа.

Выше мы рассказали о том, как шёл процесс становления из начальных племенных образований и дальнейшего сложения прототипов позднейших племенных единиц – коллективов: славян, финнов, турко-татар. Вспомнив это, мы легко себе представим, что истории этнографического становления великорусского народа предшествовал длительный процесс межплеменных скрещений. В этом процессе скрещивавшиеся племена-компоненты представляли собою прежде всего *хозяйственно-производственные коллективы*, объединённые каждый общностью примитивного языка – речи, но вовсе не какие-либо определённые, более или менее уже сложившиеся *этнографические группы*. Процесс формирования позднейших исторических этнографических коллективов-особей и имел в виду Н.Я.Марр, когда он утверждал: «**В формации местного славянина, конкретного русского, как, впрочем, по всем видимостям, и финнов, действительное доисторическое население должно учитываться не как источник влияния, а как творческая материальная сила формирования: оно послужило в процессе зарождения новых экономических условий, выковавших новую общественность, и нового племенного скрещення фактором образования и русских (славян) и финнов**».

По Марру, «**и в русских, и в их мирных сожителях на территории Костромской области – финнах, а равно и в приволжских турках одинаково сидят доисторические племена, по речи все те же яфетиды**». «**Происхождение новых исторических видов, – замечает Н.Я.Марр, – протекало путём отнюдь не влияния, а неизбежно возникшего на экономической базе концентрации этнических масс скрещення многочисленных видов доисторического типа, до нас вовсе не дошедших в совершенно чистом виде во всём обширном (приволжском) районе, если даже не забывать о чувашах**» (см. выше).

Как мы выше отметили, Н.Я.Марр иллюстрировал своё положение на анализе, в частности, слова «юг», бытующего сейчас в фин-

ском языке и одновременно в русском и до последнего времени ошибочно рассматривавшегося в старой этнографической и лингвистической литературе как «*доказательство когда-то бывшего сплошного инородческого (подразумевай – финского!) населения (костромско-го) края*». Слов, подобных слову «юг», бытующих одновременно в финском и русском языках и представляющих собою общее для обоих народов культурное наследие их доисторических предшественников, имеется, вероятно, много. Вот почему, если в русском языке на данной территории имеются элементы, в той или иной мере общие с финским языком, то они, во-первых, не представляют собою непременно позднейшего финского заимствования в русском языке. Никак нельзя на таком основании утверждать, будто территория, в языке русского населения которой или в местной топонимике которой имеются финские элементы, некогда непременно принадлежала финнам, которых впоследствии вытеснила отсюда русская колонизация. В истории становления и русского и финского народов подобные факты имеют гораздо более глубокие корни и гораздо более глубокое значение, чем простые позднейшие финские заимствования в русском языке, которые никем не отрицаются и представляют собою ценный культурный вклад в общую сокровищницу русского языка.

Таким образом, мы прежде всего должны категорически отвергнуть представление о том, что образование великорусского народа «последовало на территории, которая ранее была занята финскими племенами». Это представление не имеет ничего общего с исторической и доисторической действительностью и в такой общей формулировке не оправдывается никакими положительными данными, кроме орографической* и гидрографической номенклатуры. Но происхождение номенклатуры, как видели мы выше, в отдельных случаях могло восходить «к временам, когда о финнах не было и речи».

Наличие к северу от Смоленска и на Днепровско-Окском водоразделе «финских» названий рек послужило в своё время проф. **Д.Анучину** достаточным основанием для ошибочного утверждения, будто некогда «финны» продвигались к самому Днепру, и что «*русские славяне, таким образом, расселяясь из области в верховьях Вислы, Днестра и Припяти, должны были утвердиться в областях, занятых первоначально неславянскими племенами*». В частности, по мнению проф. Анучина новгородские славяне, кривичи, вятичи должны были заселить область, занятую ранее финскими народами [78]. К этому, в корне ошибочному и неверному заключению проф. Анучин должен был неизбежно прийти потому, что свои представления об образовании восточно-славянских народов он строил на основах миграционной теории, выведившей эти народы из общеславянской прародины, с верховьев Вислы, Днестра и Припяти. Однако, исходя из основных положений этой теории, проф. Анучин

столкнулся с целым рядом недоуменных вопросов. Для устранения неувязок ему пришлось прибегнуть к построению новой теории о мирном (в основном) вращении славянских пришельцев в окружавшее их, такое же мирное «финское море» путём основания небольших посёлков и городков, причём не исключалась возможность в некоторых случаях и более усиленной массовой колонизации. В подтверждение последней мысли автор прибегает к аналогичным примерам уже из исторической эпохи. Между прочим, он ссылается на массовое переселение украинцев в XVI в. на левый берег Днепра и в нынешнюю Харьковщину. Но украинцы переселялись на пустовавшие в то время окраины, а не на заселённые каким-либо народом земли, как это было на финском востоке и севере. В конце концов, по Анучину, оказалось, что *«в течение немногих веков на месте жительства финских племён образовалась великорусская народность и утвердилось Московское государство, включившее затем в себя и других инородцев среднего Поволжья и Прикамья...»*. *«Замечательно, – говорит проф. Анучин, – что несмотря на несомненное участие финского элемента в образовании великорусской народности, последняя удержала вполне особенности своего языка, только включив в него, смотря по местностям, большее или меньшее количество инородческих слов...»*.

Несомненно, что финскому элементу принадлежит известная доля участия в образовании великорусского народа. Но для более правильной постановки вопроса о финско-русских этнографических взаимоотношениях и связях следует различить в истории образования великорусского народа два периода: доисторический период, когда территория восточно-европейской части Советского Союза была заселена племенами, стоявшими на доиндоевропейской (яфетической) стадии развития, и позднейший, исторический период, когда на сцену выступают славяне и финны уже как две сложившиеся особые этнографические группы.

Бытующие сейчас в великорусском и финском языках общие элементы восходят, прежде всего, к доисторическим временам и представляют собою общее обоим народам культурное наследие некогда общего их источника, их яфетического субстрата. Можно полагать, что общность протоосновы, на которой выросли и финны, и русские, отложилась не только в их языках, но и в общих чертах основного физического типа обоих народов. Впоследствии этот тип подвергся воздействию разных для каждого из народов привходящих элементов, обусловивших их дальнейшие этнографические расхождения.

Вслед за этим идёт исторический период, период соседской жизни и соседских взаимоотношений восточной ветви русских славян (новгородские славяне, кривичи и вятичи) и финнов, как двух особых народов. В течение этого периода неизбежны были племенные взаимосхождения обоих этих народов в периферийных районах,

давшие новые отложения в их физическом типе и новые взаимозаимствования в их культурной, хозяйственной и бытовой жизни.

* * *

По данным, опубликованным в своё время акад. В.И. Ламанским, термин **«Великая Россия»** впервые встречается в Хрисовуле* византийского императора **Иоанна Кантакузина** 1347 г., где называются епископии «Великой России» – *αἱ τῆς Μεγάλης Ῥωσίας ἐπίσκοπαί*. Под этими епископиями понимаются не малорусские и не белорусские епархии, а именно епархии, находившиеся в русских землях, признавших в то время верховную власть московского князя **Симеона Ивановича** (1341–1353) и его ближайших предшественников, строго державшихся титула «великого князя всея Руси». Акад. Ламанский отметил, что в грамоте 1347 г. того же императора на имя владимирско-волынского князя **Димитрия Любартовича** сказано, между прочим, что со времени крещения русского народа установлено обычаем и законом, *«чтобы во всей Руси, Великой, и Малой, ходился один митрополит Киевский»*.

Польский историк XV века **Ян Длугош** (1415–1480), говоря о р. Березине, отмечает, что Березина вытекает из болот и пустынь *Великой Руси* подле города Полоцка – *ex paludibus et desertis Russiae maioris prope orridum Polocko*. В связи с этим показанием Длугоша акад. Ламанский допускал возможность, *«что, разумея Белую Русь не в смысле политическом и не включая её в Малую, дабы, быть может, эту последнюю не увеличивать и через то не смешивать с Великою, а частью, может быть, и по соображениям этнографическим, по большим её отличиям от Малой, чем от Великой Руси, иногда Белую Русь и в самом деле включали в Великую»*. Вообще же *«под Великою Русью разумелась вся Русь не литовская и не польская, Русь, имевшая у себя великого князя всея Руси и других князей Рюриковичей, наконец, держава или земля Новгородская, область Великого Новгорода»*. Трудно сказать, замечает Ламанский, получила ли Великая Русь своё название из-за великого князя (суздальского, владимирского, московского) или из-за великих владений Великого Новгорода на севере и северо-востоке. Можно думать, говорит Ламанский, что первоначально *Великою Русью* в собственном смысле и была земля именно Новгородская. На такое заключение наводят нас слова **Гильбера де Лануа**, посетившего в 20-х годах XV века Великий Новгород и удивлявшегося его богатству и могуществу... *«Русские Великой Руси, – заключает Ламанский, – были, кажется, первоначально новгородцы, Русь северная, окающая, а затем уже это название перешло и на Русь восточную, акающую»* [79].

Термин «Великая Россия» был официально введён в царский титул в XVI в. под греческим влиянием взамен прежних терминов «Русь» или «**Русия**». Старый же термин «*Русия*» вместо «*Россия*» до сих пор живёт в славянских языках на Балканском полуострове. После воссоединения с Москвою Малороссии (1654 г.) царь **Алексей Михайлович** стал именовать себя самодержцем «всёя Великия и Малыя России», а по воссоединении с Россией в 1655 г. Вильны этот титул был пополнен включением в него «и Белья России». Термины «великоруссы» и «малорусы» более позднего происхождения, восходят к середине XIX в. и впервые введены в обиход, предположительно, Костомаровым.

Что касается терминов «*малороссияне*», «*народ малороссийский*», «*Украина малороссийская*» и «*Россия Малая*», то, как видели мы выше, эти термины появились задолго до воссоединения Украины с Москвою и до включения в официальный титул московских царей термина «Малая Россия».

* * *

В то время как с XII в. на северо-востоке Руси росло и крепло под верховною властью Москвы и Московского великого княжества новое феодально-государственное объединение, на юго-западе, на территории западно-русских племён *хорватов*, имевших своим центром город Перемышль, и *дулебов*, впоследствии *бужан* или *волынян* (вельнян), имевших своими центрами города Владимир Волынский и Червень, складывалась и росла *Червоная Русь*, впоследствии Галицко-Волынское феодальное княжество.

Расположенный в непосредственном соседстве с Польшей и Венгрией, этот окраинный уголок русской земли отличается исключительными природными богатствами и выгодным в торгово-промышленном отношении положением. Поэтому он издавна являлся объектом нападений своих западных соседей и нередко, переходя из рук в руки, попадал к ним в неволю. Однако и в самые мрачные годы чужденационального гнета население этого края никогда не забывало своей кровной, родственной связи с русским народом, жило этим сознанием, поддерживало с русским народом смежных областей тесные политические связи и вместе с ним принимало активное участие в общерусской политической жизни, в борьбе русского народа с половцами и татарами, с литовцами и поляками, с немцами и шведами.

Феодальное **Галицкое княжество (Червоная Русь)** организационно оформилось в конце XI в., после Любечского княжеского съезда 1097 г., под руководством князя **Ростислава Владимировича**, внука Ярослава Мудрого. Быстро окрепнув экономически, Галицкое княжество очень скоро выросло в мощное государство. Энергично противостоя захватническим притязаниям Польши и Венгрии,

Галицкое княжество поддерживало оживлённые торговые связи с братскими русскими княжествами, доставляя им в изобилии продукты сельского хозяйства и промышленности – зерно, скот и соль, и одновременно вело широкую торговлю по Днестру. Уже к половине XII в. при князе **Владимирко Володаревиче** Червоная Русь, имевшая в это время своим политическим центром город Галич, ещё более окрепла экономически и расширила свои границы – на юг по течением рек Днестра, Прута и Серета вплоть до Дуная и берегов Чёрного моря. Таким образом открывался для Руси новый водный путь в Византию, заменивший собою старый исторический путь «из варяг в греки» по Днепру, отрезанный от Руси южными кочевниками. И в то время как Киев все больше приходил в упадок и утрачивал свою ведущую политическую роль, Галич вырастал в крупный торгово-промышленный и политический центр, а Галиция превращалась в мощное экономически и политически государство. Неизвестный нам автор «Слова о полку Игореве», обращаясь к галицкому князю **Ярославу «Осомыслу»** (1152–1187), дал в ярких образах блестящую характеристику того высокого международного положения, которого достигло Галицкое княжество в конце XII в.

Объединение в 1199 г. Галицкого княжества с Волынским в одно феодальное княжество под властью волынского князя **Романа Мстиславича** из династии Мономаховичей (1199–1205) с центром в г. Галиче привело к созданию в начале XIII в. на юго-западной территории бывшей Киевской Руси самого обширного и самого мощного из всех русских княжеств – Галицко-Волынского княжества. На севере оно граничило с литовскими племенами, на западе – с Венгрией, на северо-востоке – с Полоцким, Пинско-Туровским и Киевским княжествами, а своими южными окраинами упиралось в низовья Дуная и Черноморское побережье.

В своём управлении страной князь Роман Мстиславич опирался на демократические слои среднего и мелкого галицкого боярства, а также на горожан и беспощадно уничтожил галицкое «великое» боярство, игравшее в политических судьбах Галичины самую гнусную роль, предававшее родину, готовое в любой момент признать власть и Венгрии, и Польши, лишь бы они поддержали его узкоклассовые эксплуататорские интересы. Последовательно проводя свою политическую линию, Роман Мстиславич поднял своё княжество на уровень передовой европейской державы. Византийское правительство обращается к нему с просьбой о помощи против половецких набегов, и Роман Мстиславич в двух больших походах громит половецкие вежи, захватывает добычу и пленников и освобождает из половецкого плена множество русских людей. «**И бысть радость велика в земли Русстей**», – замечает в связи с этим летописец.

Победы Романа Мстиславича над половцами укрепили дружественные связи между Галицией и Византией. В это же время настоя-

чиво добывается дружбы галицкого князя и римский папа Иннокентий III. Показателем могущества Романа Мстиславича служит упоминание летописи, что он титулуется как «великий князь и самодержец всей Руси».

В начале XIII в. (1214 г.) Галицко-Волынское княжество стало жертвой польско-венгерской интервенции. Воспользовавшись смертью Романа Мстиславича, венгры захватили Галич, а поляки – западные и северные районы Волыни. Оставшись без главы государства и имея против себя «великую» боярщину, перешедшую на сторону интервентов, галицкий народ сам поднялся на защиту родины от чужеземных насильников и повёл против них беспощадную партизанскую войну. На помощь галицкому народу пришёл брат Романа Мстиславича, новгородский князь **Мстислав Мстиславич Удалой**. Он выгнал из Галиции венгров, а вместе с ними и их друзей, галицких «великих» бояр, и в 1219 г. занял Галич. В это же время племянник его, молодой **Даниил Романович**, сидевший после смерти отца вместе с младшим братом Васильком во Владимире Волынском, при поддержке Мстислава и других русских князей отнял у Польши захваченные ею волынские земли и воссоединил их с Волынью.

После смерти Мстислава Удалого (1228) наступает длительный период упорной борьбы галицкого народа во главе с Даниилом Романовичем (1228–1264) с захватническими устремлениями венгров, поляков, литовцев, ятвягов, немецких рыцарей и татар. Правление Даниила Романовича заполнено стойкой борьбой галицко-волынского народа с иноземными интервентами и одновременно с «великим» боярством, неизменно помогавшим внешнему врагу овладеть страной. Столица княжества, славный Галич, переходит из рук в руки: в 1230 г. его занимает Даниил Романович; в 1232 г. его захватывают венгры; в 1233 г. он вновь переходит в руки Даниила; в 1235 г. он попадает в руки черниговского князя Михаила и его сына Ростислава; в 1235 г. Галич вновь в руках Даниила Романовича, который в 1240 г. занимает также и Киев.

В 1237 г. на территорию Галицко-Волынского княжества врываются с прибалтийского севера немецкие рыцари-крестоносцы и с помощью поляков захватывают его северные районы с городом Дорогичино. Однако, в следующем же году Даниилу Романовичу удаётся собственными силами разгромить крестоносцев, захватить в плен их предводителя **Бруна** и вернуть себе город Дорогичин.

Не прошло после этого и двух лет, как Галицко-Волынское княжество становится жертвой татарского погрома (1240), в результате которого Даниил Романович лишается южных своих владений. Галицкое Понизовье, Болоховская земля (Валахия) и придунайские области отходят к татарам. Тяжёлая международная обстановка принуждает Даниила Романовича в 1245–1246 гг. признать власть Золотой Орды, после чего он получает от хана ярлык на все свои

владения. Обеспечив себе таким образом поддержку татар, Даниил Романович заключает союз с Польшей и Венгрией, ликвидирует ятвягов, беспокоивших его владения постоянными набегами с севера, и присоединяет к себе часть их территории, составившей вместе с северными районами Волынского княжества, с центрами Берестье и Дорогичин, область, известную исторически под именем Подлясье. В 1254 г. ему удалось наладить добрососедские отношения с литовским князем Миндовгом, и он, продолжая решительную борьбу с галицким «великим боярством», поддерживавшим связи с венграми и поляками, готовится к борьбе с татарами.

В это время римская курия предложила Даниилу Романовичу заключить унию с католической церковью. Предполагая использовать Рим в борьбе с татарами, Даниил Романович принял предложение папы, за что получил от него королевский титул и корону. Но так как обращение папы к европейским державам с призывом к «крестовому походу» против татар не нашло никакого отклика, Даниил Романович прервал свои сношения с Римом, и уния не состоялась. Тогда папа, обманутый в своих надеждах, предал галицкого князя церковному проклятию и стал проповедывать «крестовый поход» против русских. Это, однако, не испугало Даниила Романовича, и он начал борьбу с татарами собственными силами. Но справиться с сильным татарским войском ему не удалось, и он принужден был окончательно и безоговорочно признать власть татарского хана. Галицко-Волыньское княжество стало «улусом» Золотой Орды и обречалось на хищническую эксплуатацию со стороны ханских чиновников и на разорение. Татарское владычество крайне ослабило Галицко-Волыньское княжество, и оно постепенно стало клониться к упадку, но в начале XIV в. ещё продолжало существовать и бороться за своё существование и самосохранение со значительно более сильными Литвою и Польшей.

Внук Даниила Романовича, **Юрий I Львович** (1301–1308), ещё раз объединил под своей властью все галицко-волыньские земли и именовался rex Russiae, т.е. «король Руси». Сыновья же его, **Андрей** и **Лев Юрьевичи** (1308–1323), вновь поделили между собою княжество. Поддерживая торговые связи с немецкими городами, они заключали союзы с немецкими рыцарями, а в грамотах именовали себя титулом «Милостию божией князь Руси» (Dei gratia dux Russiae).

Со смертью братьев Юрьевичей Галицко-Волыньское княжество переходит к потомкам Даниила Романовича по женской линии и попадает в руки польского мазовецкого князя **Болеслава Тройденевича**. Приняв православие с именем Юрий II, он объединил под своей властью оба княжества и именовал себя титулом «Dux totius Russiae Minoris», т.е. «Князь всей Малой Руси». Грамота 1335 г., в которой имеется этот титул, является наиболее ранним историческим документом, где Галицко-Волыньское княжество именуется «Малой Россией»; отсюда ведут своё начало и термины: *Малороссия, народ малороссийский, малороссияне, Украина Малороссийская.*

Почему галицко-волынский князь Юрий II наименовал своё княжество «Малая Россия»? Возможно, что в данном случае какую-то роль сыграло наличие на северо-востоке Руси более мощного Московского княжества, т.е. Великой России. Может быть, на появление этого термина повлияло и то обстоятельство, что рядом с Галицко-Волынским княжеством лежала «Малая Польша» с древнейшей столицей польского народа, г. Краковом, представлявшая собою важнейший культурный и политический центр всего польского государства. Галицкое княжество, известное у поляков под именем «Червоная Русь» (Czerwona Ruś), своими западными границами непосредственно соприкасалось с Малой Польшей, что и могло дать бывшему польскому мазовецкому князю Юрию-Болеславу основания для официального наименования своего нового русского владения, Галицкого княжества, «Малой Россией» по аналогии с соседней «Малой Польшей».

Юрий-Болеслав Тройденевич был женат на сестре литовского князя **Любарта Гедиминовича**. Поэтому, когда в 1340 г. князь Юрий был отравлен галицкими боярами, Галицко-Волынское княжество, по инициативе бояр-убийц перешло к литовскому князю Любарту Гедиминовичу. Это повлекло за собой вторжение на территорию Галиции польско-венгерских войск. С помощью Золотой Орды вторжение было отбито, а татары проникли из Галиции в Польшу и Венгрию и подвергли их разгрому. Однако и после этого панская Польша не прекратила своих захватнических устремлений на Галицию, и в 1349 г. польский король **Казимир III**, прозванный **Великим** (1333–1370), захватил все галицко-волынские города, кроме Луцка. Литве удалось отнять от поляков Волынь, Галиция же осталась в польских руках.

Захватив Галицию, Казимир превратил её в польское наместничество и стал широко *полонизировать* её. Он щедро раздавал польским феодалам обширные поместья, конфискованные у оппозиционно настроенных галицких бояр, и в то же время подтверждал права на владение именными тех галицких бояр, которые признали польское владычество. Одновременно значительно усилилось экономическое угнетение феодалами галицкого крестьянства и энергично насаждался католицизм.

Борьба Польши, Венгрии и Литвы за галицко-волынское наследие на этом не прекратилась. После смерти в 1370 г. короля Казимира III, Галиция по договору 1350 г. перешла к королю **Людовику Венгерскому**. Не довольствуясь захватом Галиции, Людовик в 1377 г. предпринял поход и на Волынь. В результате этого похода и договора, заключённого между Литвой и Венгрией, Польша получила в своё владение западно-волынские земли с городами Холм и Бельз, остальные же волынские владения остались по-прежнему за Литвой.

С переходом Галиции под власть Венгрии началась усиленная её *мадьяризация*. В стране были расквартированы венгерские гарнизоны, а во главе всего управления Галицией был поставлен венгерский наместник с официальным титулом *старосты* «Русской земли», управлявший страной через венгерских чиновников. Венгры беспощадно разоряли и грабили галичан, облагали их тяжёлыми повинностями, угнетали бесконечными поборами. Когда в 1382 г. Людовик умер, галицкие крестьяне подняли восстание, но оно было задушено. Под властью венгерских магнатов Галиция оставалась вплоть до 1387 г., когда она была захвачена образовавшимся в 1385 г. Польско-литовским государством. По настоянию польских магнатов, король **Ягайло-Владислав** объявил Галицию и западную Волынь неотъемлемой частью Польши, и в этом положении Галиция оставалась под гнётом польских панов вплоть до первого раздела Польши, т.е. до 1772 г.

С переходом Галиции в 1387 г. под власть Польши вновь началась самая энергичная её *полонизация*. Ягайло-Владислав не только подтвердил старые права на земли за «великими» галицкими боярами, но и наделял их новыми землями. Одновременно он щедро раздавал галицкие земли польским шляхтичам. Вместо родного для галицкого населения украинского языка официальным языком галицких канцелярий стал латинский язык. Государственной, т.е. покровительствуемой религией вместо православия стал католицизм, а православие стало подвергаться гонениям и насилиям.

В результате такой политики значительная часть галицкой шляхты быстро ополячилась и окатоличилась. Украинский же народ западных районов Украины и в этой тяжёлой обстановке организованного террора, закрепощения и эксплуатации продолжал упорно и стойко бороться с польскими панами против эксплуатации и насилий, за жизнь, за культурную самобытность и национально-политическую независимость вплоть до 1939 г., когда наш Советский Союз, не безразличный *«к судьбе единокровных украинцев и белорусов, проживающих в Польше и раньше находившихся на положении бесправных наций, а теперь и вовсе брошенных на волю случая»*, счёл *«своей священной обязанностью»*, как говорил в своей исторической речи 17 сентября 1939 г. **тов. Молотов**, *«подать руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белорусам, населяющим Польшу...»*

Приведённые выше несколько фактов из исторического прошлого народов западной Украины рисуют ту историческую обстановку, в которой на протяжении ряда веков складывался на западном участке территории современного украинского народа украинский этнографический тип и вырастала украинская нация. В основе её лежат древнерусские племена: *уличи, тиверцы, хорваты, дулебы*, они же *волянские и бужанские, поляне* и южные ветви *древлян*, составлявшие

основное население Киевского, Галицкого и Волынского феодальных княжеств, т.е. правобережной части УССР за исключением её южных районов, занятых в XI–XIII вв. восточными кочевниками.

Как мы видели выше, с самого образования Галицко-Волынского княжества объединённые под его властью племена были включены в сферу влияния Польши, Литвы и Венгрии. Несколько иначе в это же время обстояло дело на востоке исторической Украины, на днепровском левобережье, на территории древнерусского племени *северян*, основного населения Черниговского (частично) и Переяславльского княжеств. Северянам, главным образом, а отчасти и полянам, с начала их исторической жизни пришлось столкнуться лицом к лицу с турецко-татарскими степными кочевниками – печенегами, узами, торками, чёрными клобуками, берендеями. В XI в. их сменяют половцы, или куманы, более организованный враг, чем все предыдущие кочевники, взятые вместе. Разбитые и оттеснённые половцами, чёрные клобуки и торки оседают на территории Киевского и Переяславльского княжеств по рекам Роси и Суле, включаются в состав населения названных княжеств и служат им заслоном против половецких вторжений. В течение двух веков из года в год половцы производят набеги на Украину, жгут, грабят, насилуют народ и уводят его массами в плен, где держат в качестве рабов или продают на невольничьих рынках. В XII в. половцы настолько усилились, что стали угрожать самому существованию южно-русских княжеств, которые из-за своей раздробленности и непрерывных княжеских междоубийств не в состоянии были дать им должного отпора.

Но и много половцев попадало в плен к русским и включалось в состав местного славянского населения. Кроме того, отдельные русские князья роднились с половцами. Так, например, Мстислав Удалой и Даниил Романович Галицкий были женаты на дочерях половецкого хана **Котяна**. Когда в середине XIII в. Украина стала жертвой татарского нашествия, половцы были разбиты татарами и ушли частью на восток, частью на Балканский полуостров и в Венгрию, а часть нашли себе приют и на территории Руси.

Таким образом, в то время как на западе украинский этнографический тип складывался под влиянием западных соседей, т.е. Польши, Литвы и Венгрии и частично с XIII в. татар, на востоке украинский этнографический тип испытывал значительное восточное влияние. Начиная с середины XIV в. западная Украина на долгие века попадает под власть Польши, восточная же Украина вслед за Волынью входит в состав Литовско-Русского государства. В результате экспансии Литвы на территории украинских северян первой же жертвой становятся Чернигов и Новгород-Северск, которые литовский князь **Ольгерд** (1345–1377) передаёт во владение своему сыну Дмитрию Корибуту. Вслед за Черниговом и Новгород-Северском Ольгерд в 1363 г. захватывает обширное Подолье, занимавшее тер-

риторию левого Поднестровья, южного Побужья и нижнюю часть Поднепровья. В 1362–1363 гг. Ольгерд овладевает Киевщиной и частью Переяславщины и передаёт их во владение своему сыну Владимиру. Таким образом, в начале 60-х годов XIV в. значительная часть Украины (Волынь, Галичина, Черниговщина, Новгород-Северщина, Подолье, Киевщина и Переяславщина) входит в состав литовской державы Ольгерда.

Литовское владычество на первых порах не внесло существенных перемен в жизнь украинского народа. В составе феодальной литовской державы, представлявшей собою обширное многонациональное государство, одни только украинские земли, не считая белорусских и великорусских, более чем в пять раз превышали территорию собственно Литвы. К тому же русское население составляло в Литве не только количественно преобладающий элемент населения, но и элемент, стоявший по уровню своего развития гораздо выше литовских племён, только что вступавших в период нарастания феодальных отношений. Поэтому русская культура совершенно естественно явилась для Литвы богатой основой и готовой формой, в рамках которой пошло дальнейшее развитие её государственного, хозяйственного и культурного строительства. Она приняла русское право, русскую администрацию, русскую финансово-налоговую систему и пр. Русский язык в Литве стал государственным, официально-канцелярским языком. На русском языке писались почти все княжеские грамоты и юридические документы, велась дипломатическая переписка. Русский язык стал разговорным языком литовских князей и знати. Многие литовские феодалы-язычники приняли православие. Литовские князья, занимавшие уделы на Руси, обыкновенно тоже были православными и женились на русских. Сам Ольгерд, проведший большую часть своей жизни на Руси, усвоил русскую культуру и русские обычаи, принял православие и был женат на русских княжнах – **Марии Ярославне Витебской**, а после её смерти на **Ульяне Александровне Тверской**.

После смерти в 1377 г. Ольгерда положение вещей в Литве для русского народа резко изменилось к худшему. Преемником Ольгерда на великокняжеском престоле стал его сын **Ягайло** (1377–1392). Польские паны после смерти Казимира III (1370) избрали Ягайло кандидатом на польский престол. Это избрание было продиктовано великодержавными интересами и агрессивными устремлениями польского панства на украинские и белорусские земли и весьма мало соответствовало государственным политическим и культурным интересам Литвы. Тем не менее Ягайло принял униженные для литовского народа условия польских панов (Кревская уния 1385 г.), обратился в католичество с именем Владислава и, женившись на молодой польской королеве **Ядвига**, стал королём Польши. Великокняжеский же литовский престол перешёл с 1392 г. к **Витовту**.

По требованию польских панов и высшего католического духовенства, Ягайло, прежде всего, приступил к широкой католизации своих литовских владений, где до сих пор не только крестьянское и городское население, но и помещики, и бояре, и князья были православными. Католицизм в Литве стал государственной, поддерживаемой и опекаемой правительством религией. Католики и вновь обращённые в католичество пользовались значительными преимуществами и привилегиями сравнительно с православным населением. В частности, православным литовским панам и шляхте не разрешалось занимать высшие государственные должности и участвовать в великокняжеском совете. Массовый переход в католичество литовских и русских феодалов не только открывал в Литве широкие двери польскому политическому влиянию и польской культуре, а равно и национально-религиозному угнетению православного населения. Он также подготовлял почву для захвата польскими панамы Украины и Белоруссии. Захват этот начался в 1387 г. с Галиции и Западной Волыни и закончился в 1569 г., когда на Любечском сейме из Литвы и Польши было создано федеративное государственное объединение Речь Посполитая (Люблинская уния). В соответствии с постановлениями этого сейма к Польше отошла вся Украина, за исключением Закарпатской Украины, Буковины, Берестья, Пинска, а также Черниговщины, которая в это время уже находилась во власти Москвы.

С переходом под власть Польши Украина подвергается усиленной польской колонизации. Польские помещики, опираясь на военную силу, проникают вглубь Украины и захватывают огромные земельные владения с городами и сёлами; строят замки и укрепления в качестве опорных пунктов; доводят до крайних пределов угнетение украинцев, стремясь обратить в крепостное состояние широкие круги украинского казачества; притесняют города, насаждают свою культуру, католицизм и хищнически уничтожают природные богатства Украины. С конца XVI в. на Украине вспыхивает ряд крупных крестьянско-казацких восстаний против панского ига. Восстания эти жесточайшим образом подавляются наёмными немецкими и венгерскими войсками. Тем не менее с каждым десятилетием сила сопротивления украинского народа возрастает. Наконец, в 1648 г. на Украине вспыхнуло огромное восстание, принявшее характер общенародной освободительной войны украинского народа против панской Польши. В результате этой войны (1648–1654), которую украинский народ вёл под предводительством Богдана Хмельницкого, владычеству польских панов на Украине был нанесён решительный удар, а в 1654 г. в Переяславле было провозглашено воссоединение украинского народа с великим братским русским народом.

Для характеристики историко-этнографических судеб украинского народа с XV в. необходимо отметить дополнительно ещё несколько фактов. В начале XV в. литовский великий князь Витовт,

подчинив своей власти Крым и захватив северное Черноморское побережье, присоединил тем самым к своим владениям обширную территорию на юге правобережной Украины вплоть до Чёрного моря. На завоеванной территории он построил ряд укреплений (Хаджибей, Чёрный город и др.) и поселил в районах городов Канев и Черкассы значительное количество татар, кабардинцев и черкесов.

С этого же времени начинается массовое переселение на незаселённые земли юго-восточной Украины галицийских крестьян-беженцев. Доведённые на родине панами до крайнего разорения, галицийские крестьяне поднимают восстания против своих угнетателей, избивают помещиков, целыми сёлами бросают насиженные места и бегут в юго-восточные районы Украины. Такое же массовое бегство крестьян идёт и из литовских владений.

Со второй половины XV в. при крымском хане Менгли-Гирее начинаются хищнические набеги на Украину крымских татар. В 1482 г. татары сожгли и разграбили Киев, опустошили киевскую землю и увели в плен множество народа. После этого набеги крымских татар на Украину стали повторяться почти ежегодно. В результате этих набегов все среднее Поднепровье и Побужье вплоть до центральной Черниговщины, Полесья и западной Подолии были превращены почти в пустыню. Немного украинского населения оставалось только в районах сильных укрепённых пунктов – Киева, Брацлава, Винницы, Житомира, Черкас, Канева, Остра, Чернигова. Таким образом, Польша и Литва были отброшены от Чёрного моря, и Черноморско-Азовское побережье на долгое время стало турецко-татарским владением.

С XVI в. татарские набеги на Украину несколько ослабевают, и её население, оттеснённое ранее татарами на север, начинает возвращаться на старые места. В то же время на юге Украины оседают турецко-татарские степняки, а из-за Днестра на Украину продвигаются «волохи». После Люблинской унии (1569), в связи с переходом Украины под власть Польши и захватом украинских земель польскою шляхтой, на Украину приливает новая значительная колонизационная волна северных и северо-западных украинцев, поляков и белорусов. Двигаясь с севера на юг, эти поселенцы постепенно проникают в украинские степи, а с XVI в. переходят на левобережье и занимают Полтавщину.

Такова в самых общих чертах суровая историческая, социально-политическая и культурная обстановка, в которой складывался и развивался украинский народ с первых веков феодальной раздробленности. В непрестанной борьбе за жизнь, за право на труд, за национальное самосохранение и культуру, героически преодолевая гнет и насилия своих политических и классовых врагов, украинский народ закалял упорную стойкость своего характера и силу сопротивления своим классовым врагам и насильникам и выработывал свой

национальный культурно-исторический тип. Этот тип украинский народ вынес «из царства мрака и нескончаемого народного горя, в котором народ Западной Украины страдал на протяжении долгих 600 лет» [80], и как «узник, вырвавшийся на волю, на солнце после долгого, томительного заключения в мрачной темнице» [81], принёс вместе с собою в общую счастливую семью братских народов великого Советского Союза закалённую в вековой борьбе с врагами силу характера и несокрушимую волю к свободе.

* * *

Белорусский народ также прожил под игом польских панов и литовских магнатов с XIV в. до 1939 г., когда Рабоче-Крестьянская Красная Армия освободила Западную Белоруссию от «проклятого панского ига».

В основе белорусского народа, как мы уже знаем, лежат племенные скрещённости южно-русских *древлян* со средне-русскими *дреговичами* и средне-русских *радимичей* с восточно-русскими вятичами, а также западная ветвь *кривичей*. В начальный период феодальной раздробленности эти племена составляли три феодальных княжества: *Полоцкое* – западные кривичи, *Смоленское* – восточные кривичи и *радимичи* и *Пинско-Туровское* – древляне и дреговичи.

Племенной состав населения доисторической, дославянской Белоруссии представлял собою, по-видимому, комплекс племенных образований, стоявших на стадии ещё недифференцированного в этнографическом отношении развития. С течением времени этот первичный этнографический племенной комплекс выделил из своего состава в процессе племенных скрещений и племенной дифференциации две основные этнографические группы: литовско-латышскую и славянскую.

Интересно в этом смысле познакомиться с наименованием многочисленных рек, речек и селений в бассейне р. Двины (Западная Двина). Так, здесь встречаются: озеро и деревня Двинец, погост Двин, озеро Двинье, р. Двинка, р. Двиноса. Название реки *Двина* впервые встречается в нашей начальной летописи. В классической древности и в средние века эта река была известна под другими названиями. Только в конце VII в. у равенского географа встречается название *Dīna*, близкое к теперешнему названию этой реки. Немцы называют Двину *Düna*; латыши, которым принадлежит главная часть этой реки, называют её *Daugava* и *Duna*; у южных эстов она известна под именем *Weina-jõgi*, а у северных – *Tüina-jõgi*. Эстское наименование *Weina* восходит, несомненно, к *Dweina*. Исходным наименованием надо считать латышское *Duna*; все прочие наименования – средневековое *Dīna*, немецкое *Düna*, эстское *Dweina* и славянское *Двина* представляют собою разнообразные варианты искон-

ного Дуна. Происхождение же этого последнего слова не вызывает никаких сомнений. Это та же основа *don-* или *dan-*, которая прекрасно известна по названиям рек: *Дон*, *Днепр*, *Днестр*, *Дунай* и восходит к исконному значению «вода», «река», в каком эта основа бытует сейчас в осетинском языке. К числу таких же дославянских терминов принадлежит наименование и многих притоков Двины на территории Белоруссии: *Велеса*, *Тросна*, *Мёжа* (латышское *mež* – «лес»); *Нага* (финское «грязь», «ил», «тина»); *Каспля* (ср. *Каспий*, *Каспийское море*); *Витьба* (литовское *wytis* – «тонкая ветвь лозы»); *Лучеса*, *Улла* (литовское *ūla* – «скала»; латышское *ohla* – «мелкий камень»); *Ушача* (литовское *užiū* – *ušti* – «пениться»); *Дисна*, *Дрийка* (финское *töugä* – «большой холм», «крутизна», «обрыв»); *Исса* (эстонское *iza*, финское *isä* – «отец»); *Дубисса* (литовское *dubus* – «глубокий»); *Сарьянка* (финское *sarja oja* – «река, поносящая осокой») и т.д.

С другой стороны, многие притоки р. *Десны* именуются словами заведомо славянского происхождения: *Горянка*, *Рожанка*, *Рубеж*, *Добрейка*, *Черногость*, *Бельчица*, *Жаберка*, *Городня*, *Боровня*, *Медведица*, *Волынка*, *Струнка*, *Змейка* и множество других. К числу древнейших наименований рек на территории Белоруссии, восходящих к её доисторическому, доиндоевропейскому и дославянскому прошлому, можно отнести такие наименования, как: *Усса* (приток *Немана*), несколько рек, в названия которых входит корень *ус* (*Усупа*, *Усуп*); *Сула*, *Гавья* с притоком *Жижла*, *Котра*, *Вилия*; *Сервеч*, *Нароч*, *Страч*, *Лоша*, *Щара* и т.д. Однако притоки р. *Щары*, название которой сближается с литовским *saugas* – «узкий» или *skiaure* – «рыбный садок», заведомо славянского происхождения: *Ведьма*, *Липница*, *Мышанка*.

Приведённый нами материал убедительно показывает, что в древнейшие дославянские времена территория Белоруссии была населена племенами нелитовскими и неславянскими. На основе этих племён сложились зародышевые протолитовские и протославянские племенные образования, давшие затем литовско-латышские и славянские племена; из последних вырос *белорусский народ*. Таким образом, помимо доисторического культурного наследия, общего для всего русского народа и восходящего к предшественникам славян, народам яфетической стадии развития, вроде наименований рек с основами *don-*, *dan-* или *us-*, в белорусском языке должны оказаться и элементы, представляющие собою местное доисторическое культурное наследие, общее для белорусского, литовско-латышского и финского языков. К такому именно наследию в белорусском языке и относятся многочисленные названия рек. Это не значит, конечно, что белорусские славяне заимствовали подобные наименования у литовского народа. Подобные предположения ни на чем не основаны. Это, наоборот, доказывает, что белорусский народ, сложивший-

ся и оформившийся в особую, самостоятельную славянскую этнографическую единицу на территории своей родины, вырос на основе, общей для него с литовским и латышским народом.

Поставленные лицом к лицу с соседними литовскими племенами, названные выше русские славянские племена, на основе которых впоследствии вырос *белорусский народ*, после образования в XIII в. первого Литовского государства постепенно попадают под власть Литвы. Уже первый объединитель литовских племён, князь **Миндовг** (умер в 1263 г.) подчинил себе западную группу древне-белорусских племён с городами Новгородком, Слонимом и Волковыском, составлявшими так называемую Чёрную Русь, и сделал г. Новгородок (Новогрудок) своею столицей. В середине XIII в. Миндовг подчинил себе и Полоцк. При **Гедимине** (1316–1341) Литва захватила Минск и Витебск. К этому времени в состав Литвы уже входило и Турово-Пинское княжество. Таким образом, при Гедимине почти все белорусские земли входили в состав Литвы или Литовско-Русского государства. Гедимин титуловал себя королём литовским и русским и сделал своим центром г. Вильно. В 1395 г. литовский князь Витовт захватил и последнюю белорусскую область с г. Смоленском. По решению Люблинского сейма 1569 г. (Люблинская уния) белорусские земли остались в составе Литвы. Их дальнейшая экономическая и культурно-историческая жизнь была поставлена в тесную связь с польско-литовскими отношениями. В течение долгих веков белорусы испытывали под игом литовских магнатов то же экономическое угнетение и католизацию, какие в это же время переживал и украинский народ под игом польской шляхты.

Наименование **«Белая Русь»**, откуда ведёт своё начало и название народа *белорусы*, впервые исторически засвидетельствовано в XIV в., но можно полагать, что оно было известно и значительно раньше. Термин «Белая Русь» был хорошо известен в XIV в. соседям белорусов – полякам, а также ливонским, прусским и южным – австрийским немцам.

Кроме названия *Белая Русь*, издавна было известно ещё и название «Чёрная Русь». Так называлась область, занимавшая юго-западную часть Полоцкого княжества в бассейне верховьев рек Нарева, Немана и его притока р. Шары и впоследствии вошедшая в состав белорусских земель. Происхождение терминов *Белая Русь* и *Чёрная Русь* до сих пор не ясно. Проф. **А.Потебня** признал в своё время несостоятельными попытки связать эти наименования с цветом платья, свит и яломок (шеланков, магерок) [82]. В начале XVII в. в Москве под «Белою Русью» понималась не только Белоруссия, но этим же термином назывались и украинские Киев и Волынь. Но у поляков в XVI в. Белоруссия называлась Чёрною Русью, а Велико-россия – Белою. Потебня предположил, что слово *белый* здесь употреблялось в значении «вольный». В таком значении слово *белый*

действительно употреблялось довольно часто, например, в терминах: *белое место*, т.е. «нетяглое» (XVI в. Срезневский); *беломестная* грамота (там же); *белопашец*; *белый свет* (мир) – синоним вольный свет, иногда «белый вольный свет»; *белый царь*, ставшее названием русского царя, первоначально в более широком значении «вольный царь» («свет ты вольный царь, Иван Васильевич») и т.п. Но акад. Ламанский опроверг это объяснение наименования Белоруссии ссылкой на её историю. «*Вообще Литовская Русь, разумеет народ русский, православный, – замечает Ламанский, – ни в XVI, ни в XV в., за исключением разве вска Витовта и то за последние 15-20 лет его княжения, не имела причин и оснований называть себя белою в смысле вольной, независимой, в отличие от Руси северной и восточной... Таким образом, – заключает Ламанский, – белая Русь настоящая получила своё название не за вольность и независимость, которой не имела ни в XIV, ни в XIII вв., а по иной какой-либо причине*» [83]. Акад. **Е.Ф.Карский** в своём капитальном труде «Белоруссы» объясняет эпитет «Белая Русь» внешним видом белорусов: в большинстве случаев они одеваются в белые свитки или белые кожухи, носят белые магерки (шапки). Такие костюмы, замечает Карский, удержались до сих пор, особенно в восточной части Минской и в Могилёвской губернии; в старину такая одежда была повсеместной. У малороссов и великороссов преобладают другие цвета... Кроме того, Е.Ф.Карский обращает внимание на то, что господствующий тип белорусов – крайние блондины с голубыми или светло-серыми глазами. Народные названия по внешнему виду, говорит Карский, дело очень обычное: припомним «Чудь белоглазую», «Сорочину долгополую» в былинах, или Геродотовых *меланхленов*. Вопреки мнению Ламанского, Карский полагает, что название «Белая Русь» появилось не раньше терминов «Великая Русь», «Малая Русь», а наоборот – после них и в подражание им. Происхождение термина «Чёрная Русь» Карский также связывает с цветом кафтанов, которые носили жители этих мест [84].

Приведённые выше объяснения происхождения терминов «Белая Русь» и «Чёрная Русь», предложенные в своё время крупнейшими филологами, являются мало убедительными, особенно в отношении термина «Белая Русь». Этот термин весьма распространён по всей территории, занятой русскими славянами, и притом в широком его использовании: белый свет, белый царь, белый город, белая река, белое поле и т.п. Это наводит на мысль, что слово «белый», возможно, совмещало некогда множество значений. То значение, с которым это слово дошло до нас, именно значение цвета, есть продукт позднейшей смысловой дифференциации. Установить исходное значение этого термина гораздо труднее, чем объяснить происхождение названия «Белая Русь» цветом костюма или преобладающими антропологическими признаками населения Белоруссии. Задачу эту должны разрешить наши лингвисты-палеонтологи.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И КОММЕНТАРИИ

1. *И.И. Мещанинов*, К вопросу о происхождении членораздельной звуковой речи, Доклады АН СССР, 1930, № 6.
2. *В.В. Хвойка*, Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена, Киев, 1913, стр. 1-10.
3. *Ф.Энгельс*, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1932, стр. 22.
4. *Н.С. Державин*, Об этногенезе древнейших народов Днепровско-Дунайского бассейна, «Вестник древней истории», 1939, книга 1/6, стр. 283 (указана соответствующая основная литература); то же в более развернутой редакции см. в его же исследовании «Троян» в «Слове о полку Игореве», Сборник статей и исследований в области славянской филологии, Л., 1941.
5. *Н.Я. Марр*, Из переживаний доисторического населения Европы, Избр. раб., V, стр. 314 и сл.
6. *Н.Я. Марр*, Яфетические зори на украинском хуторе, Избр. раб., V, стр. 229.
7. *Н.Я. Марр*, Скифский язык, Избр. раб., V, стр. 194.
8. *Н.Я. Марр*, Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афревразии, Избр. раб., IV, стр. 198-229.
9. *Н.Я. Марр*, Чуваши-яфетиды на Волге, Избр. раб., V, стр. 353.
10. *Н.Я. Марр*, Скифский язык, Избр. раб., V.
11. *L. Niederle*, Slovanské starožitnosti, Dil I, sv. II, V. Praze, 1904.
12. *L. Niederle*, Slovanské starožitnosti, Dil I, sv. I, стр. 173 и сл.
13. *L. Niederle*, назв. соч., стр. 27, примечание: *K. Mullenhoff*, Deutsche Alterthumskunde, II., 1877, стр. 208 и др.
14. *L. Niederle*, Slovanské starožitnosti, Dil I, sv. I, V. Praze, 1902, стр. 198-201.
15. *Н.Я. Марр*, Чуваши-яфетиды на Волге, Избр. раб., V, стр. 352 и сл.; *его же*, Скифский язык, V; *его же*, Готское слово *guma* — «муж», IV и др.
16. *Н.Я. Марр*, Скифский язык, Избр. раб., V, стр. 194.
17. *Н.Я. Марр*, Приволжские и соседящие с ними народы и пр., Избр. раб., V, стр. 299.
18. *А.А. Шахматов*, Древнейшие судьбы русского племени, П, 1919, стр. 10 и сл.

19. М.С.Грушевский, Исторія України – Русі, I, стр. 176; *его же*, Киевская Русь, I, стр. 209.
20. Сборник ОРЯС АН СССР, т. СІ, № 3, Статьи по славянской филологии и русской словесности, Л., 1928, стр. 492–495.
21. Павел Диакон (Paulus Diakonus), он же *Варнефрид* (около 720–880 гг.), *Historia Longobardorum*,
22. В.О.Ключевский, Курс русской истории, т. 1, П., 1918, стр. 104–126; *его же*, Боярская Дума, 1919, стр. 18.
23. Б.А.Рыбаков, Анты и Киевская Русь, «Вестник древней истории», кн. 1, 1939, стр. 322.
24. А.А.Шахматов, Древнейшие судьбы русского племени, П., 1919, стр. 10, прим. 1; вслед за Шахматовым на этой же точке зрения стоял и акад. В.Н.Перетц в своём «Слово о полку Игореві» у Киіві, 1926, стр. 24.
25. В Межамире А.А.Шахматов склопен был видеть Мечимира; в Келагасте – Целогоста; относительно имени Идаризий Шахматов придерживался точки зрения Шафарика и видел в нём «отечественное имя с окончанием “ич”». См. *его же*, Древнейшие судьбы русского племени, П., 1919, стр. 16, примечание.
26. Б.А.Рыбаков, Анты и Киевская Русь, стр. 337
27. Подробнее об этимологии термина *ант* см. у Б.Брима, Племенное название «Анты», Яфетич. сборник, V, 1927, стр. 23–31.
28. А.А.Шахматов, Древнейшие судьбы русского племени, 1919, стр. 11.
29. L.Niederle, *Původ a počátky slovanů východních*, Dil I. sv. IV, v. Praze, 1925, стр. 80, прим. 1.
30. М.А.Тиханова, Готский вопрос. Происхождение готов, по рукописи, с разрешения автора.
31. Ф.Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1932, стр. 145 и сл.
32. V в., выходец из германского племени *ругиев*, правитель Италии. – *авт.*
33. Ф.Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1932.
34. Н.Я.Март, Готское слово *guta* – «муж», Избр. раб., IV, стр. 261, 263 и сл.
35. Н.Я.Март, Родная речь – могучий рычаг культурного подъёма, Избр. раб., V, стр. 410.
36. М.А.Тиханова, Готская культура, по рукописи, с разрешения автора.

37. *А.А.Шахматов*, Древнейшие судьбы русского племени, П., 1919, стр. 28-33. По *А.А.Шахматову*, летописец назвал только главнейшие племена, умолчал о мелких делениях этих племён, а также и о некоторых отдельных племенах, в том числе о славянах на Дону, упоминаемых арабскими писателями и другими источниками, представлявших собою здесь ископное население (стр. 33-35).

38. *Н.Я.Март*, Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий, Избр. раб., V, стр. 305 и сл.

39. *В.Н.Смирнов*, Из вопросов и фактов этнологии Костромского края, Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. XXXIII, Кострома, 1924.

40. *Н.Я.Март*, Из переживаний доисторического населения Европы, Избр. раб., V, стр. 314 и сл.

41. *Н.Я.Март*, Яфетическое зори на украинском хуторе, Избр. раб., V, стр. 229.

42. *Н.Я.Март*, Готское слово *guma* – «муж», Избр. раб., IV, стр. 265.

43. *Н.Я.Март*, Термины из абхазо-русских этнических связей «лошадь» и «тризна», Избр. раб., V, стр. 117–152. Страбон – знаменитый греческий географ, род. в 66 г. до н.э. – умер в 24 г. н.э.; ему принадлежит труд под заглавием *Γεωγραφικὰ* в 17 книгах.

44. *Н.Я.Март*, «Из переживший доисторического населения Европы», Избр. раб., V, стр. 317.

45. *С.С.Гедеонов*, Варяги и Русь, ч. II, СПб, 1876, стр. 420-425.

46. *С.С.Гедеонов*, Варяги и Русь, ч. II, СПб, 1876, стр. 430.

47. *А.А.Шахматов*, Повесть временных лет, т. 1, П., 1916, стр. 33-35.

48. *Д.Иловайский*, Разыскания о начале Руси, М., 1882, стр. 7 и сл.

49. *Порфирий Успенский*, Четыре беседы Фотия, СПб, 1864, стр. 17, 24.

50. *Порфирий Успенский*, Четыре беседы Фотия, СПб, 1864, стр. 18 и сл.

51. *А.Я.Гаркави*, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПб, 1870, стр. 49.

52. *А.Я.Гаркави*, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПб, 1870, стр. 129.

53. *А.А.Шахматов*, Введение в курс истории русского языка, ч. I, П., 1916, стр. 68 и сл.; его же, Древнейшие судьбы русского племени, П., 1912, стр. 57 и сл.; ср. *Д.И.Иловайский*, Разыскания

о начале Руси, М., 1882, стр. 34-36; В.А.Пархоменко, Первая известная точная дата существования государства Руси, «Историк-марксист», 1938, кн. 6, стр. 191 и сл.

54. В.А.Пархоменко, названная статья, стр. 13; его же, У истоков русской государственности, Л, 1924; его же, К вопросу о норманском завоевании и происхождении Руси, «Историк-марксист», 1938, кн. 4, стр. 106-111. Относящиеся к этой же проблеме классические труды старшего поколения русских историков отчасти были названы нами выше.

55. А.А.Шахматов, Древнейшие судьбы русского племени, П., 1919, гл. V, Начало русского государства, стр. 58-63.

56. У Гардизи: «Длина и ширина острова три дня пути»; «На этом острове живут до 100 тысяч людей».

57. F. Westberg, Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen Osteuropa, Изв. АН, 5-я серия, т. XI, стр. 1-212.

58. Дополнения и поправки к статье А.А.Шахматова см. у С.Ф.Платонова в ст. «Русь», журнал «Дела и дни», СПб, 1920, кн. 1, стр. 1-5.

Замечания по поводу теории Шахматова и Платонова см. у Н.Я.Марра, Из переживаний доисторического населения Европы и пр., Избр. раб., V, 1935, стр. 317 и сл.

59. Насколько нам известно, восточные авторы говорят не о скандинавах, а о русах. — *авт.*

60. В.Брим, Происхождение термина Русь, кн. 1 исторического сборника «Россия и Запад», 1923.

61. 1. Сказание о призвании варягов, Изв. Отд. р. яз. и слов. АН, т. IX, кн. 4, 1904, стр. 284-365; 2. Разыскания о древнейших летописных сводах, СПб, 1808, гл. XIII, стр. 289-340; 3. Древнейшие судьбы русского племени, П., 1919.

62. С.В.Юшков, К вопросу о происхождении русского государства, Учёные записки Московского юридического института НКЮ СССР, вып. II. М., 1940, стр. 37-59; его же на украинском яз., До питання про походження Русі, Наукові записки, I.

63. Летописный текст цитируется по изданию А.А.Шахматова, «Повесть временных лет», П., 1916, стр. 26-29.

64. А.Я.Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПб, 1870, стр. 193.

65. В.А.Пархоменко, Русь в IX веке, Изв. Отд. р. яз. и слов. РАН, т. XXII, 1917 г., кн. 2, отд. оттиск, стр. 3.

66. «...а Уличи и Тиверцы седяху по Днестру и приседяху к Дунаеви. И всє множество их; садяху бо прежде по Бугу и по Днепру оли до моря, и сѣть гради их и до сего дне, да то ся зваху от грек Великая Скуфь». *А.А.Шахматов*, Повесть временных лет, т. 1, П., 1916, стр. 12.

67. *А.А.Шахматов*, Древнейшие судьбы русского племени, П., 1919, стр. 53.

68. *В.П.Пархоменко*, Русь в IX веке, 1918, стр. 4.

69. Журнал Министерства народного просвещения, 1899, август.

70. *А.И.Соболевский*, Лекции по истории русского языка, изд. 4, М., 1907, стр. 34-38.

71. *А.А.Шахматов*, Введение в курс истории русского языка, ч. 1, П., 1916, стр. 99 и сл.

72. *В.А.Пархоменко*, Русь в IX веке, 1918.

73. *А.А.Шахматов*, Введение в курс истории русского языка, 99-113; *его же*, Древнейшие судьбы русского племени, стр. 63 и сл.

74. «Придоша под Новгород Суржальци с Андреевицемь, Роман и Мьстислав с Смольняны и с Торопьцяны, Муромьци и Рязаныци с двумя князьма, Полоцький князь с Полоцяны, и вся земля просто Русьская».

75. *А.А.Шахматов*, Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб, 1908, стр. 328 и сл.

76. *А.А.Шахматов*, Древнейшие судьбы русского племени, стр. 63.

77. *М.А.Максимович*, Об употреблении названий Россия и Малороссия в Западной Руси, Собр. соч., т. II., Киев, 1877, стр. 307-311.

78. Статья проф. *Д.Анучина*, Великоруссы, Нов. энциклоп. слов. Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 914-932.

79. *В.М.Ламанский*, Белая Русь, «Живая старина», 1891, вып. III, стр. 248 и сл.

80. Из обращения к тов. Сталину и тов. Молотову членов Полномочной Комиссии Народного Собрания Западной Украины, 11 ноября 1939 г.

81. То же.

82. *А.Потебня*, Этимологические заметки, «Живая старина», 1891, вып. III., стр. 118 и сл.

83. *В.М.Ламанский*, Белая Русь, «Живая старина», 1891, вып. III, стр. 246 и сл.

84. *Е.Ф.Карский*, Белоруссы, I, Вильна, 1904, стр. 114-118.

КРАТКИЙ СЛОВАРИК

Автохтон — первобытное, коренное население страны; отсюда *автохтонный* — первичный, коренной, первобытный.

Дилювиальный — букв. допотопный; словом *дилювий* обозначались отложения материковых ледников.

Неолит — последняя, т.е. ближайшая к нам эпоха каменного века, характерная применением гладко полированных и тщательно отделанных каменных орудий труда и охоты.

Ономастика — учение об именах собственных, преимущественно племенных, фамильных, географических. Эти имена собственные весьма устойчивы и часто помогают установить древних насельников какой-либо территории.

Орография — часть географии, занимающаяся описанием и классификацией форм земной поверхности и выяснением происхождения этих форм.

Палеолит — наиболее отдалённая от нас эпоха каменного века, древнейший период первобытной истории, характеризующийся применением орудий из неполированного, грубо оббитого камня.

Сибиллянты — переднеязычные — свистящие и шипящие согласные (с, з, ш, ж). Отсюда — *сибилянтинная* форма слова, т.е. форма с использованием сибиллянта.

Соматический — телесный, относящийся к телу.

Спирант — гортанные фрикативы, т.е. согласные х и г; спирантная или спирантизованная форма слова — форма с использованием спирантов.

Топонимический — относящийся к названиям местности.

Тотемизм — одна из наиболее ранних форм религии, возникшая вместе с родовым строем; сущность тотемизма — представление, будто все члены рода как-то связаны с тотемом, т.е. животным, растением или каким-нибудь неодушевлённым предметом. Тотем — эмблема, а часто и название рода, считается предком всех людей, принадлежащих к данному роду.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

АКАДЕМИК
Н. С. ДЕРЖАВИН

СЛАВЯНЕ
В ДРЕВНОСТИ

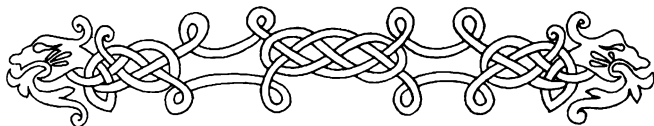
*Культурно-исторический
очерк*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЛАВЯНЕ В ДРЕВНОСТИ

Культурно-исторический очерк

ЧАСТЬ I. ИСТОРИКО- ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Глава I ДРЕВНЕЙШИЕ ИЗВЕСТИЯ О СЛАВЯНАХ

§ 1. ВЕНЕДЫ

Наиболее ранние известия о славянах под именем венедов, или венетов, восходят к концу I и ко II вв. н.э. и принадлежат они римским и древнегреческим писателям: **Плинию Старшему** (23–79 гг. н.э.), **Публию Корнелию Тациту** (около 55 г. – умер около 120 г. н.э.) и **Птолемию Клавдию** (II в. н.э. умер около 178 г.).

Согласно показаниям названных авторов, венеды жили вдоль Балтийского побережья между Щтетинским заливом, куда впадает река Одра, или Одер, и Данцигским заливом, куда впадает река Висла, и по реке Висла от её верховьев в Карпатских (Венедских) горах и до побережья Балтийского моря. По характеристике Птоле-

мея Клавдия, венеда были «великий народ» (μέγιστον ἔθνος). Случайные упоминания о венедах имеются, однако, и у более ранних авторов, например у Геродота и Софокла (V в. до н.э.). Геродот, в частности, говорит о том, что янтарь приходит с реки Эридана, от венефов, славившихся, по-видимому, в древности разработкой и торговлей янтарём. Специальные химические исследования установили, что янтарь, оказавшийся в микенских могилах XIV–XII столетий до н.э., а также в египетских гробницах эпохи V династии (3-е тысячелетие до н.э.), именно северного происхождения.

Имя реки Вислы впервые встречается у римского писателя Помпония Мелы (I в. н.э.) под названием Vistula. У других авторов древности эта река называется Vistla, Visculus, Ούστούλα, Visula, Viskla.¹ Большинство учёных, начиная с Шафарика и до настоящего дня, останавливавшихся на вопросе о том, какому языку принадлежит название реки Висла и каково исходное значение этого слова, склонны считать имя реки Вислы словом славянского языка. Шафарик в своих «Славянских древностях» возводил его к основе is-, vis- «вода», и это объяснение остаётся доминирующим в науке и в настоящее время (I, 538). Интересно при этом отметить, что в некоторых польских говорах слово *висла* имеет нарицательное значение и употребляется в смысле большой, полноводной реки вообще. С другой стороны, отмечается широкое распространение этого названия рек в славянских странах в разнообразных вариантах: Вис, Исloch, Свисloch, Иследзь, Вислица (в бассейне р. Припяти), Вислок, Вислока, Висляновка (в бассейне р. Вислы).²

Что касается названия народа *венеды* – *венсты* или *венды* – *винды*, то оно, прежде всего, не кельтского происхождения, как некоторые склонны были думать на том основании, что это слово в форме *vindo* – входит во множество географических названий, приписываемых кельтскому языку: Vindobona (Вена), Vindomagos («белое поле»), Vindobriga и др., а также в той же форме *vindo* – или *vindona* – во множество древних надписей, дошедших до нас из районов, населённых некогда кельтами (Верхняя Паннония, Норик, Реция), как собственное имя. Ввиду того, что кельтское слово *vindos* значит *белый*, делалось заключение, что кельты, будучи сами, как и германцы, красно-рыжими, называли русских славян *белыми*, и это имя осталось за ними (ср. Белая Русь, Белохорваты и пр.) и в устах германцев. К этому прибавляется, что первое арабское известие о славянах, восходящее к VII в., прямо отмечает их белокурость; впоследствии арабы вообще называли славянским (Siklab) тип белокурого европейца.

1. См. L.Niederle, Slovanské starožitnosti. Dil. I, sv. I. v Praze, 1902, стр. 173 сл.

2. L.Niederle, назв. соч., стр. 27, примечание; K.Müllenhoff, Deutsche Alterthumskunde, II (1887), стр. 208 и сл.

На этой точке зрения стоит профессор **Л.Нидерле**, обосновавший свою теорию на учёте огромного топонимического и ономастического материала.³

Из более ранних попыток истолкования племенного наименования *вснд*, *внд* отметим, между прочим, попытку увязать это название с древним северно-германским *vand* (лат. – *unda* «вода»), откуда *внды* – «люди воды», «жители вод» или «морские жители»; или с немецким *wenden*, откуда *Wanderer* – «странники, скитники»; либо с готским *vinja* и немецким *weiden*, откуда *weidenden* – *wenden* – «пастухи» и т.п. Были попытки объяснить племенное название народа *вснды* и из славянского языка. Так, например, **Гильфердинг** связывал имя венет то с древнеиндийским названием народа *vanita* (греч. 'Ενετοί и 'Ανται), то с именем древнерусского племени *вяттичей*; другие (**Первольф**) возводили то же имя *вент* к старославянскому корню *vet* – «великий», пережиточно сохранившемуся в форме старославянской сравнительной степени – *ващии* и в изменённом виде в форме *вятчи* и *ант*. С *вятчицами* связывал *вентов* и проф. **Ф.А.Браун** в своих «Разысканиях в области гото-славянских отношений» (СПб, 1899, стр. 334). Последний стоял на точке зрения, что *венедами* первоначально называлось немцами только одно из славянских племён, а затем это название было распространено ими на весь народ.

Все эти толкования наименования народа *вснды* надуманы и не выдерживают критики. Подходя к вопросу палеонтологически, в каждом племенном наименовании древности мы должны искать, прежде всего, значение – «человек», «муж», «дети», «народ», «племя», как это мы имеем, например, в наименованиях народов – *скифы*, *мари*, *готы* и др.⁴

С другой стороны, в каждом племенном наименовании, как и в каждом племени, мы должны видеть известную скрещённость, т.е. «слияние двух и более однозначных различных слов того же количества племён, образующих одну общественность и скрещивавшихся уже физически».⁵

«Племенные названия, – замечает **Март**, – *прежде всего, конечно, суть названия племён, но они также не связаны своим возникновением именно с племенем в целом, как и теперь с унаследовавшими их и по ним хорошо известными народами или национальностью. По происхождению племенные названия так же не племенные, как они не национальные. Племенные названия генетически ещё менее восходят к названию рода или тем более семьи, вообще*

3. См. *L.Niederle*, назв. соч., ч. 1, вып. 1., v Praze, 1902, стр. 198-201.

4. *Н.Я.Март*. Чуваши-яфетиды на Волге. Избр. раб., т. V, стр. 352 и сл. Его же. Скифский язык, V. Его же. Готское слово *gupa* «муж», IV и др.

5. *Н.Я.Март*. Скифский язык. Избр. раб., т. V, стр. 194.

Балканские народы в римское время

физиологически определяемой социальной формации, поскольку так называемое племенное название имеет право почитаться действительно созданием древнего происхождения, что в свою очередь объясняется не тем, что разбираемое название упоминается таким-то писателем феодальной поры или оно известно из такого-то авторитетного памятника письменности или не упоминается ни одним автором и неизвестно из каких бы то ни было письменных источников. Источники познания, определения и приурочения так называемого племенного названия к тому или иному народу – дописьменная речевая надстройка («культура») в целом, неразрывно связанная с материальной культурой, как с её базой, при соответственной социальной структуре, и раскрыть этот источник можно лишь с помощью палеонтологии звуковой речи, в каком бы языке ни обреталось ныне данное племенное название, и народу какой бы так называемой семьи ни было оно усвоено позднейшей исторической жизнью капиталистического периода».⁶

Подходя с этой точки зрения к разъяснению племенного термина *вснеды* – *вснеты*, *венды*, *ванд*, мы должны прежде всего подчеркнуть, что уже самый факт распространения этого термина на широком пространстве Центральной Европы и за её пределами, предположительно связанном в древнейшее время с кельтским населением,

6. Н.Я.Марр. Готское слово *guta* «муж». Избр. раб., т. IV, стр. 264.

свидетельствует о том, что слово «вен-д» со всеми своими вариантами не кельтского, не германского и не славянского, а доиндоевропейского, т.е. яфетического, происхождения; что оно представляет собою скрещённый двуплеменный термин, первую часть которого составляет хорошо известная нам яфетическая основа ven- со всевозможными вариантами озвончения и огласовки (ven – men, van – man, равно vat – mat и т.п.), как это мы имеем, например, в скрещённых наименованиях* Per-men – «Пермь», Ger-man, Slo-ven, Sar-mat и т.п., в значении «народ», «племя». Вторая часть названия народа *вен-д*, звук д или т, представляет собою остаточный пережиток того же, по-видимому, племенного наименования, которое присутствует во второй части названия народа *скифы*: σϣ – θα, где θα представляет собою ионское племенное название в усечённой форме вместо полного – θαυ.⁷

Н.Я.Март отметил, между прочим, слово vent как экающую, чисто фонетическую разновидность одного из трёх основных названий для одного и того же *вотского племени*: vat – «ватка», vot – «вотяк» и vent – вят – «вятка», «вятичи», и рядом с последним поставил и *венедов*.⁸

То обстоятельство, что славяне под именем *венедов* впервые выступают в истории с конца I и во II вв. н.э., не может, конечно, истолковываться в том смысле, что до этого времени данного народа, вернее – славянского протонарода или дославянского субстрата позднейшего славянского народа *венедов*, на территории Европы не существовало вовсе. Протославяне, т.е. славяне на стадии дославянского этнографического оформления, – такой же исконный с глубокой древности народ в Европе, как и их позднейшие соседи – германцы и кельты, первоначально – протогерманцы и протокельты на западе или протолитовцы и протофинны – на востоке, но на доиндоевропейской, т.е. яфетической, стадии, общей для всех европейских народов, они не выделялись, как особый, окончательно сложившийся в процессе племенных скрещений этнографический тип среди прочих племён, населявших европейский материк, о чём прекрасно свидетельствует, между прочим, характеристика народа *венедов*, данная **Тацитом**, который в своём сочинении «О происхождении, местоположении, нравах и народах германцев» («De origine, situ, moribus ac populis Germanorum»), известном чаще под сокращённым заглавием «Германия», пишет о *венедах*: «*Что касается певкинов, венетов и финнов, то я колеблюсь, причислить ли их мне к германцам или к сарматам...* (Более похожи на сарматов) *венеды: (они) сходятся с ними (до известной степени) и обычаями, ведя бродячую жизнь и живя грабежом. Тем не менее я их также скорее*

7. См. Н.Я.Март. Скифский язык. Избр. раб., т. V, стр. 196.

8. См. Н.Я.Март. Приволжские и соседящие с ними народы и пр. Избр. раб., т. V, стр. 299.

отнёс бы к германцам, так как они умеют строить дома, знают употребление щитов и, будучи проворными пешеходами, охотно ходят пешком: всех этих черт нет у сарматов, которые живут на телегах и на конях...» С другой стороны, далёкие от культурных центров древности Греции и Рима, расположенные за пределами Римской империи, они долгое время или оставались вне поля зрения древних авторов, или же, если и были известны им, то выступали под другими племенными названиями – *киммерийцы, фракийцы, скифы, сарматы, готы* и т.п. Эти же последние представляли собою, чаще всего, крупные межплеменные объединения или племенные союзы, имена которых заслоняли собою наименования частных племенных организаций, входивших в состав этих объединений, причём коллективные племенные наименования – *киммерийцы, скифы, фракийцы, сарматы, готы, гунны* и пр. – нередко переносились и на отдельные, входившие в их состав племена, в том числе и на протославян, позже – на славян.

0 50 см

Каменная стела с изображением сарматского воина. Начало нашей эры.

§ 2. СЛАВЯНЕ, АНТЫ

После II в. славяне на целые четыре столетия сходят со страниц исторических источников и вновь появляются в них только в VI в. у готских и византийских историков, из которых наибольший интерес представляют готский историк **Йорнанд**, или **Йордан**, и византийский историк **Прокопий Кессарийский**. Первый из них говорит о «многолюдном народе *винидах*, который живёт на неизмеримом пространстве», начиная от верховьев Вислы, и состоит из множества «родов», имеющих свои местные названия. Несмотря, однако, на это многообразие частных или местных племенных названий, *виниды*, говорит Йордан, «большую часть называются *славинами* и *антами*». *Виниды, анты* и *славя*, по Йорнанду, это три наименования одного и того же народа.

Второй из названных историков, Прокопий, говорит о «бесчисленных народах *антов*» и указывает территорию их расселения: «дальнейшие края на север от Меотийского залива», т.е. от Азовского моря.

Таким образом, согласно данным названных историков, к середине VI в. н.э. *венеды* делились на две основные группы: *склавины*, или *склавы*, *Σχλαβηνοί*, *Σχλαυηνοί*, *Σχλάβοι* – западные славяне и «бесчисленные» анты (*Ἄνται*, *Ἄντες*, – восточные славяне. Западные славяне, по этим данным, жили на территории в границах древней Паннонии (западная часть территории бывшей Австро-Венгрии), Чехо-Моравии, Словакии и Польши, а также на запад от Вислы, имея северную границу Балтийское побережье на запад от Вислы вплоть до Эльбы и её притока Салы. В VIII–IX вв. западная граница этой территории была, по-видимому, этнографической границей, отделявшей славянские племена от залабских германских племён. Что касается восточных славян – антов, то, по тем же данным, они занимали обширные пространства, начиная от Причерноморья и Приазовья на юге и далее внутрь страны на север и северо-запад.

Названная выше обширная территория, занятая в середине первого тысячелетия н.э. венетами, т.е. племенами славян и антов, представляла собою, таким образом, исторически засвидетельствованную территорию, на которой к этому времени уже сложился в процессе племенных скрещений, культурно и этнографически дифференцировавшийся в общей массе окружающих племён славянский народ. На основании весьма веских исторических, этнографических и лингвистических данных можно предполагать, что тот же процесс этнографической кристаллизации протославянских племён переживало в это время, по-видимому, и население Балканского полуострова.

По характеристике Прокопия, *славяне* и *анты* имеют общий, весьма грубый язык, общий быт, общие верования и обычаи, общую внешность и общий духовный облик. Они сообща предпринимали набеги на римские владения и участвуют вместе в вспомогательных отрядах, двинутых ромеями, т.е. византийцами, против готов. Однако другие показания того же источника говорят о том, что *славяне* и *анты* представляют собою два отдельные объединения: каждое из них в своих международных отношениях живёт независимо друг от друга политической жизнью, а в своих взаимоотношениях они не всегда поддерживали мирные, добрососедские отношения. Так, например, при императоре **Иустине** (518–527) *анты* одни, без славян, переходят Дунай и предпринимают набег на римские владения; *анты* одни, без славян, состоят на военной службе у византийского правительства и принимают участие в итальянской экспедиции; *анты* же самостоятельно, независимо от славян, заключают договоры с римлянами и т.д.

В антах акад. **А.А.Шахматов** видел предков русских славян.⁹ Акад. **М.С.Грушевский** видел в *антах* предков только украинского народа.¹⁰ *«Решительно не могу согласиться с этим положением, –*

9. См. **А.А.Шахматов**. Древнейшие судьбы русского племени. Петроград. 1919, стр. 10 и сл.

говорит А.А.Шахматов, – *распадение русского племени произошло позже появления антов в южной России; оно явилось результатом его расселения именно из тех территорий, которые были захвачены, согласно Йордану и Прокопию, антами; в последних вижу поэтому предков всего вообще русского племени*». ¹¹

Академик **И.И.Срезневский** считал антов предками *уличей* и *тиверцев*, которых «Повесть временных лет» помещает в юго-западном Причерноморье, говоря о них: «...*седяху по Бугу и по Днепру и приседяху к Дунаеву; и ве множество их, седяху бо по Бугу и по Днепру оми до моря*». ¹² В пользу мнения, что уличи и тиверцы были потомками антов, предположительно высказался в 1917 г. и проф. **А.А.Спицын** в учебном курсе «Русская историческая география» (Петроград, стр. 18). Более определённо по этому вопросу тот же автор высказался несколько позже в статье «Древности антов», где он толкует показание Прокопия о том, что многочисленное племя антов обитает в районе Азовского моря и далее, в смысле – «где-то за Азовским морем», и притом – в полосе лесостепи, на чернозёме. «*Именно в такой полосе, – говорит проф. Спицын, – начиная от низовьев Днестра и до верховьев Дона, известны древности, принадлежащие к одной и той же культуре VI–VII вв., которую и приходится признавать антскою. Видимо, эта культура находится под сильным влиянием Византии, и вследствие мирового значения последней, если не все, то очень многие её вещи должны повторяться и у других соседних народностей как осёдлых, так и кочевых...*». По характеристике проф. А.А.Спицына, антская культура выступает в виде многочисленных и богатых кладов, которые бываюи более или менее значительны по количеству вещей, доходя иногда до многих фунтов веса. Таких кладов сейчас открыто свыше 30 – в бывших Херсонской, Киевской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Харьковской, занимающей пока по этимкладам первое место, в Воронежской губ. На этой же территории, включая сюда и бывшую Курскую губ., обнаружено и 8 могильников, в которых открыты вещи, характерные для названных выше кладов, что говорит о том, что могильники эти принадлежат тому же народу, как тому же народу, можно полагать, принадлежит и ряд открытых городков Приднепровья и Донца в районах б. Полтавской, Харьковской, Черниговской и Курской губерниях.

Проф. А.А.Спицын был склонен ставить антов в связь с тиверцами – северянами, но почти полное отсутствие здесь археологического материала заставило его воздержаться от решения этого вопроса. ¹³

10. См. *М.С.Грушевский*. История Украины-Руси, 1, 176. Его же Киевская Русь, 1, 209.

11. См. назв. соч., стр. 12.

12. См. «Известия II Отд. ИАН», VIII, 314.

Древнейшие источники, говорящие о лангобардах, начиная с I в. н.э., и отмечающие затем на протяжении времени вплоть до V в. их продвижение с берегов Эльбы на юг в Моравию, в Венгрию (490), в Паннонию (526) и, наконец, в Италию (568), отмечают, между прочим, что лангобарды в этом направлении на юг достигли до страны, расположенной где-то на востоке по имени Anthab или Antaib, т.е. земли или области *антов* (Antorum pagus).¹⁴

Где лежала эта «страна антов», имя которой сохраняла нам лангобардская традиция, в точности неизвестно. Предположительно, исходя из показаний этой традиции, которая говорит о востоке за землёю бургундов, её указывали где-либо на Днестре или в западной части Полесья (Л.Нидерле), или же в верховьях Днестра и Сана в области лесистого Закарпатья.

В.О.Ключевский в своём «Курсе русской истории» (т. I), исходя из представления о Прикарпатье, как «общеславянском гнезде», откуда впоследствии славяне разошлись в разные стороны, учитывая также показания «Повести временных лет» о нашествии авар на *дулебов* и арабского географа и историка **Али-Абдул-Хасан Масуди** (X в.), который говорит о том, что одно из славянских племён, коренное между ними, некогда господствовало над прочими, и называет это господствовавшее славянское племя именем *валинана*, т.е. волыняне, а волыняне те же дулебы, — высказался в том смысле, что именно *дулебы* господствовали в VI в. над всеми восточными славянами и покрывали их своим именем, как впоследствии все восточные славяне стали зваться Русью по имени главной области в русской земле, ибо Русью первоначально называлась только Киевская область.¹⁵ Таким образом, Ключевский, говоря о существовании у восточных славян на Карпатах в VI в. «большого военного союза под предводительством князя дулебов», тем самым разрешал проблему об *антах* в том смысле, что это были *дулебы*, а организующим центром антского племенного союза считал Волынь.

Новейшие исследования антской проблемы советскими учёными, построенные на сравнительном изучении показаний письменных источников с данными вещевого материала археологических раскопок, дали весьма убедительные основания видеть область распространения «бесчисленных антских племён» на территории лесостепной полосы от устья Дуная (она опускается здесь почти до самого Чёрного моря) и далее на северо-восток в направлении на Киев, Чернигов, Полтаву, Курск и Воронеж, причём степь освоена антами лишь час-

13. См. «Сборник ОРЯС АН СССР», т. CI, № 3, Статьи по славянской филологии и русской словесности. Л. 1928 г., стр. 492-495.

14. См. *Павел Диакон* (Paulus Diakonus), он же *Варнефрид* (около 720–800 гг.), *Historia Longobardorum*.

15. *В.О.Ключевский*. Курс русской истории, т. 1. Петроград, 1918, стр. 124-126; Боярская дума, 1919, стр. 18.

тично.¹⁶ Это та самая территория, на которой ещё не так давно в прошлом мы знаем скифские племена и на которой вскоре после антов мы увидим восточно-славянские племена уличей, тиверцев, отчасти древлян, полян, волянн, отчасти радимичей, северян и отчасти вятичей.¹⁷

Таким образом, как в территориальном, так и в культурно-этнографическом отношении *анты* представляют собою связующее звено между скифами и позднейшими восточными или русскими славянами в известной, конечно, части племён, входивших в состав этих народов-коллективов. О славянщине языка антов, помимо показаний источников, говорят также и называемые этими источниками собственные имена антов – **Доброгаст, Всегорд, Бож, Межамир, Келагаст** и т.п. «Открытие изумительной преемственности культовых изображений между скифо-сарматским миром и позднейшим славянским», – замечает Б.А. Рыбаков, – *позволяет предполагать, что анты были неизбежным промежуточным звеном, воспринявшим часть скифо-сарматских религиозных представлений и передавшим их Киевской Руси, а через неё и далее*.¹⁸

У Йордана мы имеем и некоторые исторические подробности, касающиеся *антов* IV века. Он рассказывает о том, что тотчас после вторжения в 376 г. *гуннов* готский король **Винитар** напал на *антов* и, хотя вначале был разбит антами, однако же осилил их и распял короля их **Божа** вместе с его сыновьями и 70 начальниками. Сам Винитар погиб от гуннского короля **Баламбера** в 376 г.

С именем антского короля **Божа** акад. А.А. Шахматов связывал известное место в «Слове о полку Игореве»: «**Се бо готьскыя красныя дэвы въспеша на врезе синему морю, звонячи руским златом: поють время Бүсово, лелеють мesty Шароканю...**», видя в нём отклик старой готской традиции, ведущей своё начало со времени, когда Винитар победил **Божа**.¹⁹

Впервые имя *ант* (Ἄντας) встречается в наших источниках в III в. в греческих надписях из Керчи.

Решительный удар по могуществу антов был нанесён уйгурским племенем *аваров*. Когда в половине VI в. н.э. авары впервые явились на территорию нынешней УССР, они столкнулись здесь в Причерноморье с антами. *Анты* отправили к аварам посла, члена знатного рода, некоего **Межамира**, сына **Идаризия**, брата **Келагаста**.²⁰

16. Б.А.Рыбаков. Анты и Киевская Русь. «Вестник древней истории», кн. 1, 1939, стр. 322.

17. Там же, стр. 323.

18. Там же, стр. 327.

19. См. А.А.Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Петроград, 1919, стр. 10, примеч. 1; вслед за Шахматовым на этой же точке зрения стоял и акад. В.Н.Леретц в своём «Слове о полку Игореве», у Киіві, 1926, стр. 24.

Об этом антском посольстве к аварам и его последствиях история рассказывает, что так как посол Межамир гордо держал себя перед аварами, они убили его, но за убийство Межамира анты не сумели отомстить аварам, и после этого авары стали ещё свободнее нападать на страну антов и, в конце концов, в середине VI в. покорили её. Но, когда после этого авары ушли на запад и в начале 60-х годов заняли область Сирмию (впоследствии Срем в Югославии), а в 568 г. всю славянскую Паннонию, *анты*, ставши вновь свободными, стали служить восточно-римскому императору **Маврикию** (532–602) против авар и славян. Ввиду этого в 602 г. аварский хакан отправил против антов специальную карательную экспедицию под начальством **Апсиха** с поручением разгромить и уничтожить этот народ.

Чем закончилась эта экспедиция, неизвестно, но имя народа *антов*, который ещё так недавно характеризовался Прокопием как народ бесчисленных племён, совершенно исчезло со страниц истории, о нём уже больше не упоминает ни один ни римский, ни византийский источник. Этот факт исчезновения антов представляется старым историкам своего рода загадкой. Одни предполагают, что аварская экспедиция Апсиха успешно справилась с возложенным на неё поручением и совершенно уничтожила антов; другие – что анты в качестве союзников римлян перешли на Балканский полуостров, были водворены здесь на жительство, а затем растворились среди болгар. Наконец, Шафарик, а вслед за ним и другие полагали, что под нажимом авар *анты* отошли в глубь России и здесь стали основой всего ли русского или только украинского народа, либо, по крайней мере, племени русских *вятичей*, которое позже выступает на верхней и средней Оке.

О поголовном уничтожении *антов* аварами не может быть, конечно, никакой речи. Как мы уже знаем, анты были известны в Византии как самая сильная группа славянских племён, и если бы в 602 г. они действительно были уничтожены аварами, то этого факта византийские историки никоим образом не могли бы пройти молчанием, а между тем, о каком-либо поражении антов аварами или, тем более, о полном их уничтожении византийские источники ничего не знают. Гораздо естественнее поэтому предположить, что молчание византийцев об антах после смерти Маврикия (602) было вызвано новым сложившимся здесь положением вещей. Дело в том, что до тех пор византийское правительство вело упорную борьбу за Дунай, и Маврикий усердно и настойчиво защищал Дунай как наилучшую и естественную границу Восточно-Римской империи от вторжения на её территорию северных варваров. В связи с этим отношения,

20. В Межамире А.А.Шахматов склонен был видеть Мечимира в Келагасте — Целогоста. Относительно имени Идаризий Шахматов придерживался точки зрения Шафарика и видел в нём «отечественное имя с окончанием -ич». См. его «Древнейшие судьбы русского племени». Петроград, 1919, стр. 16, примечание.

складывавшиеся до сих пор на Дунае и на его левом побережье, постоянно были предметом исключительных забот римского правительства и находили своё отражение у историков. При ближайших же преемниках Маврикия, императорах **Фоке** (602–610) и **Ираклии** (610–641), охрана дунайской границы вынужденно была снята, ввиду чрезвычайных внутренних и внешних осложнений, переживавшихся в это время империей: социальная революция при Фоке и напряжённая война с персами и арабами при Фоке и Ираклии. Дунайская граница не могла интересовать в это время правительство, да и для надлежащей охраны в его распоряжении не было ни сил, ни средств. С момента же возникновения вскоре после этого на северо-востоке византийской территории в Добрудже, Делиормане и Герилове первой славянской державы болгар, официально признанной византийским правительством на основании договора, заключённого с болгарами в 679 г., сфера византийских интересов к северной границе империи были отодвинуты к югу, сначала к предгорьям Старой Планины (главный Балканский хребет), а вскоре затем и далее к югу, почти к самым стенам столицы. Так и произошло, что анты, которые перед этим сидели за Дунаем, в ближайшем «соседстве с империей, перестали иметь непосредственное с нею соприкосновение, перестали существовать для неё как опасный противник, и вместе с этим прекратились о них и известия у византийских историков. В последний раз имя антов встречается у византийского историка **Феодосия** в IX в. Таким образом, об уничтожении антов аварами не может быть никакой речи. В то время, когда, начиная со второй половины VII в. на полуострове сложилось, росло и крепло первое славянское государство Болгария, возникшее вначале в целях самообороны придунайских славянских племён против аварских вторжений на полуостров, а в среде западных славян несколько ранее, но в этом же веке возникает племенной союз во главе с Само (627–662) в целях организованного отпора хищническим насилием тех же авар, – восточные славяне, объединённые в мощный антский союз племён, продолжают жить на своих прежних местах и в своём хозяйственном, культурном и общественно-политическом развитии уже к VII в. достигают таких высот, которые дают основание историку характеризовать общий уровень их развития как высшую ступень варварства, как ту ступень, которой норманны достигли, по Энгельсу, только к эпохе викингов, т.е. к IX в.²¹ Тем самым антский союз племён смог заложить прочные основы для образования в своей среде, из своих социальных недр в IX в. первого восточно-славянского государства – Киевской Руси.

«Вещественные памятники свидетельствуют, – говорит историк, – что культура, созданная в VI столетии антскими племена-

21. См. *Б.А.Рыбаков*, назв. ст., стр. 333.

ми, послужила основой для Киевского государства, для богатой и яркой Киевской Руси. Антские племена, достигшие уже в VI в. высшей ступени варварства, стояли в X–XI вв. на пороге цивилизации.

Многие явления киевской жизни X–XI вв. уходят корнями в антскую культуру: земледелие, скотоводство, рабство, сожжение рабынь на могиле князя, накопление сокровищ и т.д. Киевские князья X в. говорили на том же языке, что и анты в VI в., верили в того же Перуна, плавали на тех же «моноксилах» и по тем же старым антским путям.

Войны Святослава с Цимисхием переносят нас далеко назад, когда вокруг того же Доростола шла борьба между антами и византийцами.

Возможно, что отзвуком древних антских походов к границам Византии является комментарий автора «Повести временных лет» к рассказу о Кие, Щеке и Хориве.

Анты – не только предки восточных славян, но и создатели всей их культуры. Предшественниками Олега и Игоря были Межамир Идарич, Хвилибуд и неизвестные нам по именам владельцы приднепровских кладов.

Начало в IX в. грабительских набегов норманнов, привлечённых богатством Киева и его окружения, норманнов, только что вступивших в ту стадию развития, которую приднепровские славяне уже изживали, никакой эпохи не составило и не могло составить. Варяги не могли составить никакой новой культуры, не могли повлиять на способ производства, на социальные отношения: горсточка искателей приключений попала в старую, устойчивую приднепровскую культурную среду и очень быстро совершенно растворилась в ней. «Варяжская закваска» – это недоброкачественный миф, созданный норманнистами. Предпосылки для создания государства Ярослава Мудрого начали накапливаться не в IX в., а за триста лет до варягов, в силу чего и историю Киевской Руси надо начинать не с Рюрика и Олега, а с Божя и Межамира, с первых походов на Византию в VI столетии».²²

Что касается этимологии слова *ант*, то она не представляет определённой ясности. Некоторые толковали это слово как модификацию слова *vend*, *vent*; другие связывали его с немецким *enz*, англ. *enf* – «великан». Хорватский историк Рачки видел в нём славянское слово *atipъ* – *vir gigas*, т.е. гигант, великан. Ламбин видел в нём греческую изменённую форму славянского *ulec*, *unlic* из *anlic*. Другие, как Куник и Wirth, видели в антах черкесскую династию, либо черкесское племя, владевшее славянами. Если принять эту точку зрения, то в именах антов Доброгаст, Всегорд, Бож, Межамир Идарич и т.п. мы, очевидно, должны будем видеть тоже черкесские имена!

22. Б.А.Рыбаков, назв. ст., стр. 337.

Известный Peisker, который вообще рассматривает славян как пассивное быдло, способное только покорно подчиняться, но не жить самостоятельной и независимой культурной и политической жизнью, видел в антах вообще чужеземцев, господствовавших над славянами. Можно отметить, кстати, что в числе знаменитых русов, отправленных князем Игорем в 945 г. в Царьград в составе посольства к византийскому императору, мы читаем также и имя *Утин*, которое для X в., как предполагают, указывало бы на старшую форму *Antinъ* (Лавр. 46), но проф. Л. Нидерле, исходя из совершенно ошибочных представлений о племенном составе Киевской Руси в X в., не допускает возможности, чтобы среди игоревых бояр, исключительно, как он полагает, не-славян по национальности, присутствовал потомок княжеского рода антов.²³

Акад. А.А.Шахматов, склонный считать имя антов вообще не славянским, отверг, по фонетическим соображениям, возможность увязки его с именем «вятичи» и видел в нём кельтское слово.²⁴ Несколькими строками, однако, ниже в том же очерке, останавливаясь на известном имени славянского города *Vantit*, встречающемся у арабско-персидского географа *Гардизи* (*Гурдези*) и других, он видит в нём имя «вятичи»²⁵ и говорит: «*Появление ан, т.е. естественной передачи носового е в этом имени, объясняя себе тем, что вятичи, как ляхское племя, называли сами себя wętic, между тем как соседние с ними восточные славяне произносили wjatič: носовой звук воспринят как ан (или ен?) хозарами, откуда vantit Джейханы и пр.*».²⁶

Таким образом, фонетическая связь между *вент* – *ант* и *вятичи* не исключается и Шахматовым.

В 1926 г. этимология племенного названия *ант* была предметом специального рассмотрения германиста В.Брима (см. выше). Исходя из толкования слова, предложенного ещё Шафариком в его «Славянских древностях» (1837), Брим устанавливает ряд соответствий в индоевропейских языках для слова *ант*, начиная с русского *ут-к-а*, и из сравнительно-лексикологического анализа этого слова приходит к заключению, что по своему происхождению оно не индоевропейское, а чужое, т.е. заимствованное из другой языковой группы, и действительно находит его в языке этрусков в значении «орёл». В этом значении этруское *ант* представляет собою, по толкованию автора, такой же результат более поздней дифференциации на почве этрусской, как «утка», вероятно, представлял собою про-

23. Подробнее об этимологии термина *ант* см. у В.Брима. Племенное название «Анты». «Яфетич. сборник», V, 1927, стр. 23-31.

24. См. А.А.Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. 1919, стр. 11.

25. А.А.Шахматов, назв. соч., стр. 35, примечание.

26. Там же, стр. 38.

дукт семантической дифференциации на почве индоевропейской. Отсюда автор делает заключение, что основным значением для того или другого названия было просто «птица». Другими словами, «утка», по предположению автора, восходит к яфетическому субстрату, означаемому «птица – крылатое существо». Этот образ, замечает автор, играл весьма важную роль в яфетическом мировоззрении, ибо он был тотемом урарто-этрuscoго племени, о чём писал Н.Я.Марр (см. «Яфетический сборник», I, 133-136).

Формулируя своё предположение, автор пишет: *«Существовала в Европе какая-то яфетическая народность, тотемом которой была птица. На основании этрусского слова antas (орёл) мы заключаем, что название птицы по звукам подходило к форме anta, а отсюда выводим племенное название antai, antes... О существовании этого имени свидетельствует позднее название страны Anthab у Павла Диакона. От этого яфетического племени унаследовала название и та часть славян, которая выступает в истории под именем 'antai, 'antēs, antai. Конечно, замечает автор, трудно указать, какие исторические факты обусловили этот переход названия. Но вообще нельзя считать подобные случаи редкими явлениями. От кельтского "Nemeti" произошло "немцы", от "Volcae" – "волохи", "Вольнь" и т.д. Таким образом, "одна часть славянского племени, жившая когда-то в стране яфетических антов, получила по стране своё имя". Сходное название кельтского имени Antobroges, означающее "жители Антии", первоначальное поселение которых обнимало южную Германию до Дуная, наличие топонимии, производные от Ant, дают основание автору «искать страну антов где-нибудь в бассейне Дуная, может быть, в южной Германии, скорее всего в Баварии».*

Изложенные выше соображения В.Брима заслуживают внимания, поскольку автор ищет разрешения проблемы происхождения племенного наименования *ант* в доиндоевропейской, т.е. в яфетической, давности народов Европы. Однако они далеко не разрешают проблемы этногенеза интересующего нас народа антов, имеющих к середине VI в. н.э. совершенно определённую, не вызывающую никаких сомнений локализацию далеко на восток от южной Германии. Прочно сложившаяся в VI веке лангобардская традиция, как видели мы выше, помещает «страну антов» на востоке, за землёю бургундов, принадлежавших к вандальской группе германских племён и занимавших некогда территорию восточной Померании, т.е. Привислянский район, заселённый впоследствии, к концу V в. н.э., славянскими племенами лехитской группы (хижане, лютичи, поморяне – кашубы). Если исходить из этого совершенно определённого показания источников, то в поисках «страны антов» нам незачем обращаться к южной Германии уже потому, что это будет не восток от бургундов, а юг или юго-запад.

Начиная с 40-х годов VII в. анты подвергаются нападениям хазар, подчинивших себе сначала славянские (антские) племена на восток от Днепра, а позже и полян на правом его берегу.²⁷ По теории А.А.Шахматова, усвоенной и проф. Л.Нидерле, анты под нажимом авар и хазар отступили внутрь России на Дон и Оку, в район, где в X–XII вв. сидело сильное славянское племя *вятичей*.

Так представляла себе исторические судьбы *антов* старая наука, исходившая из представления об антах только как об одном командном племени, игравшем господствующую, подчиняющую роль в ряду соседних восточно-славянских племён. Мы же рассматриваем антов этнографически, как целый комплекс восточно-славянских племён, конкретно вырисовывающийся в своём племенном составе несколько позже, начиная, предположительно, с VIII в. в том виде, как о нём говорит Киевский летописец. В организационно-политическом отношении этот комплекс племён целиком или частично вошёл в антский военно-демократический союз племён, имевший во главе мощную военно-дружинную организацию, возглавлявшуюся вождём, вроде уже известного нам Божа, погибшего в 376 г. вместе со своими сыновьями и 70 старейшинами в битве с готским Винитаром, или Межамира Идаризия, убитого аварами в 558 г., или, наконец, упоминаемого, арабским историком **Масуди Маджака** (он же **Μουσαῦχος**) византийских источников, убитого византийскими войсками на Дунае в 593 г.

27. См. *L.Niederle. Puvod a počátky slovanu vychodnich. Oddíl I. v. IV. v Praze, 1925, стр. 80, примеч. 1.*

Глава II

СЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА В ДРЕВНОСТИ

Занимая уже в древности, начиная с первых веков н.э., обширные пространства на территории Центральной и Восточной Европы, начиная от Дона и верховьев Оки и Волги – на востоке и до Эльбы (Лабы) и бассейна её притока Салы – на западе, от Балканского полуострова, северного Причерноморья и Приазовья – на юге и до Балтийского побережья и Ладожского озера – на севере, славяне, составляя в целом по языку, обычаям и всему укладу своей жизни один народ, делились на множество разрозненных племён, которые иногда вступали в соседские союзные объединения, и из этих объединений с течением времени в отдельных случаях складывались *союзы племён*.

В таком именно состоянии общности история застаёт славян задолго до образования у них, начиная с VII–IX вв., первых государственных объединений.

С другой стороны, разнородность обстановки культурно-исторического развития древних славян на востоке, на юге и на западе занимаемой ими обширной территории, в своеобразном для каждого из названных районов культурном, политическом, экономическом и этнографическом окружении, привела славянские племена с течением времени к естественному территориальному обособлению и территориальным племенным группировкам, в результате чего образовались три большие территориальные группы славянских племён – восточная, южная и западная.

Со времени возникновения у славян первых государственных объединений эти три основные территориальные племенные группы, каждая в отдельности, значительно разошлись друг от друга в своём политическом и культурном развитии, что стояло в тесной связи с международным политическим, культурным и хозяйственным окружением каждой из них в отдельности. Так возникли современные три группы славянских народов: *восточные*, или русские, *славяне* (великороссы, украинцы и белорусы), *западные славяне* (полабско-прибалтийские славяне, чехи, словаки, сербы-лужичане, поляки и поморские кошубы с словинцами) и *южные славяне* (словинцы, хорваты, сербы, македонцы и болгары).

§ 1. ВОСТОЧНЫЕ, ИЛИ РУССКИЕ, СЛАВЯНЕ

Древнейший наш исторический источник «Повесть временных лет» или так называемая Несторова летопись, составленная в 1112 г., даёт совершенно определённую картину этнографического состава восточно-славянского населения в VIII–X вв. Картина эта следующая:

1. В районе среднего течения Днепра, на правом его берегу вплоть до реки Роси, живут **поляне**; их административно-организационный, торговый и культурный центр город *Киев*.

2. К северу и северо-западу от полян, вплоть до р. Припяти, в бассейне притока Днепра р. Тетерева и притоков Припяти: Уши, Славечны и Уборти, т.е. на территории Волынской области, живут **древляне**, или **деревляне**, имея своими городами Искоростень и Вручий (Овруч).

3. На левой стороне Днепра, против полян, в бассейне рек Сулы, Десны и Сейма, в Черниговской и Полтавской областях живут **северяне**, или **север**, с городами Переяславлем, Новгород-Северским, Курском, Черниговом.

4. Севернее древлян, за Припятью и вплоть до Западной Двины на севере живут **дреговичи**, имевшие своими городами Слуцк, Клецк и Друцк.

5. К востоку от дреговичей, между верхним течением Днепра и рекою Сож, в пределах Могилёвской области, живут **радимичи**; о них Начальный летописный свод (конец XI в.) сообщает: «**быша от рода ляхов, прешедше ту ся вселнша**».

6. Севернее радимичей, в самых верховьях Днепра и Западной Двины, в Псковской области, живут **кривичи**, с городами Изборском и Смоленском.

7. К западу от кривичей, севернее дреговичей и радимичей, по среднему течению Западной Двины живут родственные с кривичами **полочане**, с городом Полоцк.

8. Севернее полочан и кривичей, в бассейне озера Ильменя и реки Волхова в Новгородской области, живут **словене**, с городом Новгородом.

9. Верхнее и среднее течение Оки с её бассейном занимают **вятичи**, отождествляемые позднейшими летописцами с **рязанцами**. По предположению А.А.Шахматова, ранее вятичи сидели южнее, в бассейне Дона.

10. В бассейне верхнего течения Западного Буга, а также правых притоков Припяти живут **бужане**, они же **вельняне** или **вольняне**; раньше здесь жили **дулебы**; в конце VIII или в начале IX в. дулебы переселились за Припять в область дреговичей.

11. В бассейне Днестра, между Бугом и Днестром, вплоть до устья Дуная и побережья Чёрного моря живут *угличи*, или *уличи*, и *тиверцы*; уличи имели своим городом Пересечен (сейчас с. Пересечина в Оргеевском уезде в Бессарабии).

12. В бассейне Днестра, на территории позднейшей Галиции, живут, причисляемые летописцем тоже к русским славянам, *хорваты*.²⁸

Названные выше племена, образуя собою в целом *Русский народ*, не сидели, конечно, каждое племя в отдельности на своих местах, отгороженными друг от друга непроходимыми стенами, строго изолированными в своих районах, не имея друг с другом никаких связей. Процесс сложения племенных образований и языков, как мы уже знаем, испокон веков протекал именно в порядке племенных скрещений. С этой точки зрения названный выше племенной состав русского народа, как он зафиксирован на страницах летописи, представляет собою лишь один из этапов этногенеза, т.е. истории этнографического становления или этнографической формации русского народа. Ему предшествовал длительный процесс сложения первичных племенных образований на той же территории, уходящий своими корнями в далёкое прошлое, исчисляемое десятками тысяч лет. Равным образом, данным этапом племенного становления и не заканчивался процесс сложения русского народа с его языком и культурой, выраставшего постепенно, начиная с доисторических времён, из межплеменных скрещений, растворявших предшествовавшее племенное наследие в новом племенном образовании, где это наследие продолжало пережиточно бытовать своими отложениями как известный материальный и культурный клад предшествовавших эпох и культур.

«Сам термин "славянин", как и "русский", – замечает Н.Я.Мартр, – равным образом не вклад исторических эпох в пределах России. В формации местного славянина, конкретного русского, как, впрочем, по всем видимостям, и финнов, действительное доисторическое население должно учитываться не как источник влияния, а как творческая материальная сила формирования: оно послужило в процессе зарождения новых, экономических условий, выковавших новую общественность, и нового племенного скрещення – фактором образования и русских (славян) и финнов. Доисторические племена, следовательно – по речи все те же яфетиды, одинаково сидят в русских Костромской губ., как и в финнах, равно и в приволжских турках, получивших вместе с финнами дои-

28. См. А.А.Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, П. 1919, стр. 26-33. По Шахматову, летописец назвал только главнейшие племена, умолчав о мелких делениях этих племён, а также и о некоторых отдельных племенах, в том числе о славянах на Дону, упоминаемых арабскими писателями и другими источниками, представлявших собою здесь исконное население (стр. 33-35).

историческое праурало-алтайское рождение из яфетической семьи, разумеется – более раннее, чем индоевропейцы получили из той же доисторической этнической среды своё праиндоевропейское оформление, но конкретные народы – русский, финский и турецкий – Приволжского района можно располагать хронологически в порядке лишь событий исторического значения, но отнюдь не в смысле явлений этногенетического характера, поскольку речь идёт о генезисе новых видов. Происхождение новых исторических видов протекало путём отнюдь не влияния, а неизбежно возникавшего, на экономической базе концентрации этнических масс, скрещения многочисленных видов доисторического типа, до нас вовсе не дошедших в совершенно чистом виде во всём обширном районе, если даже не забывать о чувашах». ²⁹

Прекрасную иллюстрацию этого основного положения глоттогонии и этногонии народов на территории европейской части СССР Н.Я.Март даёт, между прочим, в статье «Чуваши-яфетиды на Волге», посвящённой вопросу о русско-финских языковых отношениях, на интереснейшем анализе, в частности, слова «юг», имеющегося сейчас в финском языке и одновременно в русском и ошибочно рассматривавшегося до последнего времени в старой этнографической и лингвистической науке как «доказательство когда-то бывшего сплошного инородческого (подразумевай: финского) населения края». ³⁰

Племя – «это определённое скрещение ряда племён». ³¹

«Это построение одной из входивших в его состав производственно-социальных группировок, с которой и переносилось на все племя её название, оно же – звуковая сигнализация магической силы, оси соответственного объединения...». ³²

Возвращаясь к вопросу о племенном составе восточного славянства в VIII–X вв., как он рисуется летописью, необходимо отметить несколько фактов, подчёркиваемых летописцем, очевидно, на основании ещё живой тогда, бытовавшей при нём традиции, которые отчасти вскроют перед нами картину процесса формирования тех племенных образований, которые отмечаются как сложившиеся уже ко времени летописца. Это, во-первых, показание летописи о *дулебах*: раньше они жили по Бугу, говорит летописец, где ныне живут волыняне, называвшиеся прежде *бужанами*. Известно, что в конце VIII

29. Н.Я.Март. Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий. Избр. раб., т. V, стр. 305 сл.

30. В.Н.Смирнов. Из вопросов и фактов этнографии Костромского края. Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. XXXIII, Кострома, 1924.

31. Н.Я.Март. Из переживаний доисторического населения Европы. Избр. работы, т. V, стр. 314 и сл.

32. Н.Я.Март. Яфетические зори на украинском хуторе. Избр. раб., т. V, стр. 229.

или в начале IX в. дулебы выселились с правого берега Припяти (нынешняя Украина) на левый, в область *дреговичей*, т.е. на территорию нынешней Белоруссии.

Во-вторых, говоря о *радимичах*, которые жили между верхним течением Днепра и Сожем, т.е. в восточных районах нынешней Белоруссии, летописец дважды отмечает их ляшское происхождение. Появление в области *дреговичей* выходцев с запада, радимичей, вероятно, соседивших, но не принадлежавших, как утверждает Шахматов, к группе западно-славянских племён, Шахматов ставил в связь с распадом аварской державы (IX в.) и продвижением авар после разгрома их франками во главе с **Карлом Великим** и его сыном **Пипином**, начиная с 791 года, на северо-восток и восток. В связи с этим появление в области дреговичей племени радимичей Шахматов, без всяких оснований называющий их ляшским племенем, относит к IX в. Под давлением аварского гнета тогда же ушли с Волыни за Припять, в область дреговичей и дальше в бассейн Западной Двины и реки Великой, и дулебы. На это движение дулебов с Волыни и Галиции, первоначального места их поселения, на север, в нынешнюю Белоруссию и примыкающие к ней с севера псковские районы, указывает, по Шахматову, наличие названий селений «Дулебы», с одной стороны, на Волыни и в Галиции, с другой – в Белоруссии и в бывшей Псковской губ.³³

Что касается «ляшских», по Шахматову, племён, осевших в области дреговичей, т.е. на территории русских племён, которые лежат в основе нынешнего белорусского языка и белорусского народа, то этот исторически засвидетельствованный факт объясняет собою наличие в современном белорусском языке ряда условно называемых ляхизмов – вроде свистящего произношения мягких *т* и *д*. Таким же путём «ляшские» элементы проникли и в восточно-славянский язык западной отрасли *кривичей* (древне-псковское наречие): смешение звуков *ш* и *с*, *ж* и *з*, *ч* и *ц* – (польское «мазураканье»), польские сочетания *дл* и *тл* вместо восточно-славянского звука *л* (*ведли*, откуда *вегли* вм. вели; *жадло*, откуда *жагло* вм. жало и т.п.).³⁴

Таким образом, мы имеем совершенно ясную картину того, как в среде племён, составлявших единый русский народ (восточные славяне, или русские славяне), уже в древности, именно в IX в. возникают, в процессе межплеменных скрещений, зародышевые начала позднейшей языковой дифференциации, не говоря уже о том совершенно естественном факте, что отдельные восточно-славянские, т.е. русские, племенные языки испокон веков имели свои диалектические отличия потому именно, прежде всего, что племенные образо-

33. См. *А.А.Шахматов*, назв. соч., стр. 37 и сл.

34. Там же, стр. 38.

вания и их языки всегда возникают в процессе межплеменных скрещений. Вновь возникающие же племенные скрещённости, т.е. новые племенные образования, как и их языки, всегда хранят в себе пережиточное и культурное наследие своих предшественников.

Таковыми предшественниками русского народа, как и его языка, на всей занимаемой им сейчас территории, были народы глубокой древности, стоявшие в своём культурном и языковом развитии на доиндоевропейской или яфетической стадии развития. Такими народами на юге и юго-востоке европейской части нашего Союза в I тысячелетии до н.э. были *киммерийцы*, они же кимеры или иберы, затем – *скифы* и *сарматы*, известные древнегреческим авторам, начиная, по крайней мере, с V в. до н. эры. Названными народами не очерпывается, однако, весь этнографический состав населения восточно-европейской части нашего Союза в древности. В него входил также и народ этруски и некоторые другие. Это наследие вскрывается лингвистической палеонтологией, т.е. наукой о древнейших слоях или отложениях в современных языках. Н.Я.Марру принадлежат огромные в этой области открытия. Эти открытия дали ему основания утверждать, что «славянский», понимаемый палеонтологически, есть скифский, вернее кимерский; что «славянский», в приложении к древности восточных славян, лучше заменить просто термином «русский – этрусский», отнюдь не менее древним в Восточной Европе, чем «киммерийский – славянский».³⁵

§ 2. ЗАПАДНЫЕ СЛАВЯНЕ

ПОЛАБСКО-ПРИБАЛТИЙСКИЕ (ПОМОРСКИЕ) СЛАВЯНЕ

Положительные исторические свидетельства говорят о том, что в VI столетии н.э. славяне занимали уже всю нынешнюю восточную Германию вплоть до средней Эльбы и Салы, одного из юго-западных притоков Эльбы, где, впрочем, славяне под именем *мугилонов* отмечены уже греческим географом **Страбоном** в I в. до н.э., а также распространялись и значительно далее на запад от Эльбы, о чём свидетельствует, в частности, и установленная в 805 г. Карлом Великим *limes sorabicus*, т.е. «сербская граница»: на восток от этой границы сидели славяне, на запад – германцы. Отдельные славянские колонии под именем *Sclavi* фигурируют, однако, в источниках и далеко на запад от названной границы, вплоть до Рейна.

35. См. Н.Я.Марр. Чуваши-яфетиды на Волге. Избр. раб., т. V, стр. 352

Письмо **папы Николая I** от 864 г. говорит о Гамбурге – «*В пределах (в области) славян, датчан и саксов*». Другой источник того же времени (845) называет Гамбург «*Городом славян*». Компактное славянское население простиралось здесь вплоть до линии Кильней-мюнстер – р. Альстара – Гамбург – Магдебург и т.д. У Люнебурга компактное славянское население переходило на левый берег Эльбы. Соседний с Люнебургом район р. Иетцель (сл. Йесна), населённый некогда славянским племенем *древанс*, сохранял своё славянское население вплоть до XVIII в. и до сих пор носит название Dravehn и Wendland, т.е. земля вендов, а вендами немцы называли славян.

Далее на юг западная граница компактного славянского населения охватывала район Магдебурга и бассейн Салы с городами Галле, Мерзебург, Йена, Эрфурт, Гота и далее на запад вплоть до городов Геттингена, Герсфельда, Фульда, Бамберга, Норинберга, Донауорта в верховьях Дуная и т.д.

Мы располагаем богатейшими по материалам западными источниками X, XI, XII и XIII вв., которые совершенно ясно в своих сообщениях рисуют славянский облик этнографического состава населения указанной выше обширной территории современной Германии. При этом надо отметить, что население это не носило спорадического характера, не было вкраплено среди какого-либо иноязычного этнографического элемента, но представляло собою массовое, количественно весьма значительное население, что давало основания баварскому географу IX в. сказать о нём – *non sunt nati, sed seminati*, т.е. славяне своею численностью производили на этого автора впечатление, что они «не рождаются, а как бы вырастают путём посева». Это были, прежде всего, *полабско-балтийские славяне*. В источниках они чаще всего известны под именем – Sclavi или Slavi, Sclaveni, Sclavini, Sclavoni, реже – Windi, Winidi, Wenedi, Winithi, Wenethi и т.п., откуда в германские языки вошло название для славян Wenden или Winden. Область, занятая славянами, а позже специально область, примыкавшая с правой стороны к нижнему течению Эльбы, называлась Sclavia, Slavia, Sclavania, Windland, Veonodland, Veonodland, Winedaland, Wenedonia.

Это сплошное славянское население на территории нынешней Германии распалось на четыре основные области:

1. Область **сербов**, расположенная под Судетскими горами; на востоке она граничила с чешскими племенами, на западе – с поляками.
2. Область **ободричей**, или **бодричей**, у нижней Эльбы.
3. Область **лутичей**, или **велетичей**, – к востоку от ободричей вплоть до реки Одоры.
4. Область **поморян** между Одрой и Вислою. Население этих областей состояло из ряда племён, объединённых, за исключением сербов, в политические союзы.

В источниках эти области, а иногда и отдельные более крупные племенные единицы, носят название terra, provincia, regio. Население их составляло natio, populus, gens. Племенные единицы меньшего размера, размера рода, а равно и занимаемая ими территория носят обычно название pagus, т.е. *округ*, обнимавший несколько родов, группировавшихся вокруг своего укрепленного центра – urbs, civitas, castra, castella; неукрепленные славянские населенные пункты именуются в источниках – oppidum, suburbium, villa.

Подлинных городов у полабско-балтийских славян было, однако, мало; большею частью это были укрепленные пункты с прилежавшими к ним деревнями, что и составляло так называемый pagus.

Основную древнейшую организацию у западных славян составлял *род*. Во главе родов стояли начальники, именующиеся в источниках обычно – primores, meliores, praestantiores. Группируясь вокруг того или иного центра, отдельные, близкие родственные между собой роды постепенно складывались в племена, начальники которых обыкновенно именуются в источниках термином princeps, реже – dux, regulus, subregulus, rex.

В IX в. впервые у *ободричей* выступает славянский титул *князь*. Некоторым из таких князей удавалось объединить под своей властью ряд соседних племён и образовать довольно крупные политические союзы племён. Уже в самом начале IX в. (806) упоминается в источниках имя одного из таких князей у полабских сербов, Милудух, которого источник называет «*rex superbus, qui regnabat in Siurbis*». ³⁶ В конце VIII в., в 789 г., у велетов называется Драгавита, который – «*ceteris wiltzorun regulis et nobilitate generis et auctoritate senectutis longe praecminebat*». ³⁷

Но в общем полабско-балтийские славяне к IX–X вв. не успели сложиться в единую государственность и жили отдельными, разрозненными племенами и родами, иногда частично объединёнными в более или менее крупные политические союзы. Иногда они объединялись в такие союзы по мере надобности, но чаще оставались всё же разрозненными многочисленными племенными и родовыми демократическими организациями.

Из славянских политических союзов с конца VIII в. известны:

1) на нижнем течении Эльбы, примыкая своею западной границей к линии Гамбург – Люнебург, действовал союз *ободричей*, или *бодричей*, объединявший в своём составе, кроме ободричей, племена *вагров, полабан, смолинцев и глинян*;

2) в центре полабско-балтийской славянской области на нижнем Одере действовал мощный союз *лютичей*, или *велетов*, в состав ко-

36. Гордый вождь (князь, король), который правил сербами (у сербов).

37. Значительностью рода и авторитетом старшинства namного возвышался над прочими старшинами велетов.

того, кроме *лутичей*, входили племена: *хижины*, *запеняне* (от имени р. Пена), *доленцы* и *ратары*;

3) далее на восток, между нижними течениями Одры и Вислы, был известен союз *поморян*.

Центром союзной государственности бодричей был город Вилинград, который источники обычно именуют Miklinburg, затем – Зверин, Виссемир, или Висмар, Розток у устья Варны.

Наименование народа ободричи может означать народ, живший некогда по обе стороны р. Одры.

Центром племени *вагров* был нынешний Ольденбург. Славяне держались здесь до XIV столетия.

Центром *полабан* был город Ратибор, нынешний Ratzeburg, а также Любице, нынешний Любек.

Из полабских славян дольше всех, вплоть до XVIII в., удержались *древане*, бывшая область которых, как было указано выше, и до сих пор известна в немецком языке под именем Dravehn.

На долю племени *лутичей*, или *вслътов*, *вслстов*, русск. *волоты*, известных также и под именем *волков*, выпало наиболее стойкое сопротивление немецкому наступлению. В источниках они характеризуются как – fortitudine celebres («славные храбростью»), а также durissimi, ferocis simi («суровейшие, храбрейшие»). Имя этого народа известно на востоке у русских славян в значении *всликан*, *исполн*.

Центром *запсян* был, между прочим, нынешний город – Gützkow.

У *ратарей* крупным культовым центром был хорошо укрепленный г. Ридегост, впоследствии *Ретра*, имевший девять ворот и знаменитый, художественно украшенный храм с золотой статуей бога Сварожича – Радогоста с оракулом, куда предпринимали путешествия славяне со всех концов. Ретра считалась германцами одним из главнейших языческих городов. Источник говорит об этом городе: «civitas vulgaissima Rethere, sedes ydololatriae, metropolis Sclavorum Rethre, antiquissima urbs».³⁸

Расположен был этот город в районе Доленского озера, теперь Tollensee, но точно его местоположение неизвестно.

В 1121 г. этот город был разрушен и сожжён Лотарем. Племя ратарей стояло во главе всех *лутичских* племён.

Особую группу составляли западно-славянские племена, надеявшие острова, расположенные в Одерском заливе: *Узноим*, *Волин* и *Руяна*.

Наиболее знаменитыми из них были *руянс*, или *раны*, *руны* и *рутены*, что означает *русские*.

38. Известнейший город Ретра, центр идолослужения, столица ретрских славян (ратарей), самый древний город.

Источники говорят о них «gens fortissima sclavorum»; «Sunt autem Rani, qui ab aliis Runi appellantur, populi crudeles, ydololatriae supra modum dediti, primatum praeferentes in omni Slavorum natione». ³⁹

Эту славу руяне приобрели потому, что после разрушения Ретры их святилище в г. Арконе стало во главе всего славянского язычества. Кроме того, в XI–XII столетиях руяне славились своим пиратством и своими богатствами, накопленными в Арконе.

Арконский Свантовит был первейшим из богов у славян, потому что его победа была самою блестящею, а его вещания считались самыми действительными. В арконский храм, посвящённый этому богу, стекались огромные богатства в виде налогов и даров со всех славянских земель. Это был цветущий город. В 1168 г. он был разрушен датчанами под предводительством короля **Вальдемара**, и после того слава руян навсегда померкла.

На северной оконечности острова, вблизи современного посёлка Puttgarten, высоко над гладью Балтийского моря в настоящее время видны только остатки мощных валов, указывающих место, где когда-то стояла Аркона со своим знаменитым храмом Свантовита.

Вслед за Арконою вскоре были разрушены и храмы богов Ругевита, Перевита и Порепутия в соседнем городе Кореница (теперь город Garz) внутри острова.

Такою же славою, как Аркона, в средние века пользовался славянский город Волин, расположенный на одноименном острове. Германцы называли его Винета. В источниках он указывается как самый знаменитый и самый большой из славянских городов в Европе, полный богатств, драгоценностей, роскоши. В этом городе жило много иностранцев, больше всего греков, датчан и северных викингов, обосновавшихся с половины X в. неподалёку, в городе по имени *Йомсбург*. Однако и Волин постигла та же участь, что и Аркону.

Центром группы племён, расположенных между нижним течением рек Одры на западе и Вислы – на востоке и известных под общим именем *поморян*, отложившихся в современном немецком Pommeren, в XII в. был сильно укреплённый город Стетин, расположенный несколько ниже устья Одры. Источники о нём говорят: «*civitas antiquissima et nobilissima in terra Pomeranorum, materque civitatum*». ⁴⁰

Кроме Стетина, у поморян было много и других городов: *Пырица* (нем. Püritz), *Камень* (нем. Camin), *Старград*, Белград, Колобрег, Славия (нем. Slawe, Schlawe), Гданск и др.

39. Самое сильное славянское племя. Раны же, именуемые другими руны, народ жестокий, сверх меры преданный идолослужению, преимущественно выдающийся среди всего славянского народа.

40. Древнейший и знаменитейший город в земле поморян и мать городов.

Историческую борьбу славян с немцами, закончившуюся полным поражением и гибелью почти всего славянства на указанной выше территории, начал франкский король **Карл Великий** (742–814).

Имевшие место до Карла столкновения славян с германцами на западной границе носили местный характер и не имели существенного значения.

В 782 г. Карл начал наступление на славянские племена *сербов* в области среднего течения Эльбы и её притока Салы; в 789 г. – на *лютичей*. Войны Карла со славянами закончились подчинением сербов и лютичей. В 805–806 г. пал вождь сербов **Милидух**. Дальнейшее завоевание славянских племён на территории нынешней восточной Германии продолжали его преемники – **Генрих I** (876–912) и **Оттон I** (936–973). Завоевание славян, однако, давалось немцам не легко: нередко они несли поражения, сопровождавшиеся тяжёлыми потерями. Упорнее держались против немецкого натиска залабские сербы, но уже к концу X в. они были окончательно поработаны германцами.

Труднее было справиться завоевателю со славянами, сидевшими севернее сербов, с лютичами, бодричами и поморянами, которые вплоть до второй половины XII в. упорно защищались против немецкого меча и креста. История этих народов полна трагического героизма и беспощадной мести по отношению к насильникам, стоившей тысяч жертв немецкому духовенству, которому славяне-язычники разбивали черепа пополам в знамение креста. В 939 г. немецкий граф **Герон**, который в течение 25 лет вёл непрерывную войну против славян, коварным образом убил 30 славянских князей, а в 954 г. разбил славянское племя *украицев*. Оборонительный союз велетских племён вместе с бодричами, сложившийся в 955 г., вплоть до 983 г. оказывал мужественное, но безрезультатное сопротивление немецким завоевателям, и первое покорение славян было закончено.

В завоеванных славянами областях немцы стали усиленно насаждать христианство, строить монастыри и организовывать церковное управление.

Однако в 983 г. пришло известие, что **Оттон II** потерпел в южной Италии поражение, и 29 июня в Гавельберге и в Бранденбурге вспыхнуло первое и успешное восстание славян против своих насильников, имевшее в результате освобождение лютичей и бодричей от немецкого гнета. Но в 1019 г. немцам с помощью датского короля **Кнута** удалось, в конце концов, временно сломить объединённые силы лютичей и бодричей, которые, однако, не складывали оружия и, начиная с середины XI века и до начала XII, оказывали успешный отпор завоевателю.

На помощь немецкому мечу явился римский крест, и в середине XII в. римским папою был организован крестовый поход против славян, в котором приняла участие 100-тысячная армия. Последст-

вий этого похода славянам удалось избежать принятием, по видимости, христианства.

Начиная с 1158 г. ежегодно начинают нажимать на прибалтийских славян датчане. В 1168 г. была с моря и с суши обложена Аркона на о. Руяне и после непродолжительного отпора сдалась и была разрушена. В 1177 г. был сожжён датчанами Волин.

В 1193 г. в г. Горе (ныне Берген) на о. Руяне уже был основан монастырь, а в 1404 г. умерла последняя женщина, которая, как говорят, ещё говорила со своим мужем по-славянски.

На о. Узноим славянское население исчезло во второй половине XIII столетия.

К XIV столетию окончательно был германизирован и о. Волин со своим знаменитым городом.

Вообще о славянах на севере в XIV столетии уже нет речи. Несколько дольше из полабских славян держались только остатки *древан* в Люховском крае.

Таким образом, во второй половине XII в. все бодричи, лютичи и поморяне подпали под немецкое владычество, которое было связано для них не только с утратою политической независимости, своего старого культа и своей старой народной культуры, но и с утратою своей народности.

С этого времени начинается быстрое исчезновение всех полабско-прибалтийских славян, для чего со стороны завоевателя были приняты все необходимые, специально на этот счёт рассчитанные меры.

Наступление германцев на славян сопровождалось неслыханными жестокостями. Все на пути завоевателя предавалось им огню и мечу. *Ferro et igni vastavit*⁴¹ – обычная фраза в источниках, характеризующая наступление германцев. При взятии городов завоеватель уничтожал все мужское население, а жён и детей забирал в рабство. Города и деревни выжигались, а если им удавалось с течением времени восстановиться, то они вновь подвергались той же участи, и это повторялось несколько раз. Так, например, на о. Руяне в 1060-1068 гг. были уничтожены все славянские посёлки и города. В открытых боях славяне уничтожались тысячами. Огромные, густо населённые пространства обращались германцами в пустыню. Так, например, один из источников (*Гельмольд*) сообщает под 1164 г.: «*Omnis igitur terra obodritorum et finitimae regiones assiduis bellis, maximo vero hoc novissimo bello tota in solitudinem redacta est... Si quae slavorum extremae remanserunt reliquiae, tanta inedia confecti sunt, ut congregatim ad pomeranos sive ad danos fugere cogerentur*»⁴², и подобные факты отмечаются в данном источнике

41. Опустошил огнём и мечом.

42. Итак, вся земля бодримой и соседние области, вследствие постоянных войн, а больше всего – вследствие этой позднейшей войны, целиком были обращены в пустыню...

как обычное явление. Источник говорит: «Если от славян оставались какие-либо остатки, то, вынужденные голодом, они бежали». Таким образом, славянское население предавалось завоевателем физическому уничтожению, как физическому уничтожению подлежал и всякий, отказывающийся от обращения в христианство. Типичным в этом смысле «миссионером» христианского культа среди славян в XII в. был известный епископ **Абсолон**.

Конечно, о массовом уничтожении местного населения при хищническом нападении на него со стороны германцев не могло быть и речи: это не отвечало бы жизненным интересам светских и церковных князей. Война со славянами в X–XII вв. велась немцами с теми же захватническими целями наживы, с какими и сейчас ведутся империалистические войны. Завоевателю нужна была не только военная добыча, но и постоянный на будущее время источник доходов и материального обогащения. И он этого добился: не уничтожая поголовно физически местное славянское население, путём системы денационализации он привёл его, в конце концов, к фактическому уничтожению, как несколько позже, начиная с XIII в., немцами же был уничтожен и литовский народ *пруссы*, от которого до наших дней сохранилось только наименование их страны – Пруссия.

Когда славяне были приведены завоевателем к полному порабощению и крепко взяты в узду организацией чуженационального церковного и военно-административного управления, немецкие епископы и князья стали массою заселять бывшие славянские земли своими колонистами-немцами из залабских районов в целях противодействия и подавления славянских восстаний и тем самым упрочения своего владычества, а также и в хозяйственных целях.

Немецкие колонисты, успевшие к этому времени освоить более высокую технику, были для немецких помещиков и монастырей более выгодным объектом эксплуатации, чем отсталые в техническом отношении славянские крестьяне. Сравнительно с немецкими колонистами славяне держались на положении бесправного населения, что тем более лишало их возможности подняться и окрепнуть в культурном и хозяйственном отношении.

Славяне были лишены права селиться в немецких городах, а если иногда это им и разрешалось из милости, то для поселения им отводились обыкновенно только окраины.

Славяне были исключены из ремесленных цеховых организаций и т.п. Все эти мероприятия привели постепенно местное славянское население к полной денационализации и к утрате им своих национальных бытовых особенностей и своего языка. В некоторых районах эта денационализация славянского населения шла быстрее, а в других, наиболее глухих, медленнее; быстрее ей поддавались верхи

Если от славян и остались какие-либо остатки, то они были так изнурены голодом, что вынуждены были толпами бежать к поморянам или датчанам.

славянской общественности, медленнее – массовое крестьянское население. На западе, в районах Эльбы и Сады, населённых племенами сербов, поблизости к исконной границе германцев, процесс денационализации или германизации славянского населения шёл быстрее, на востоке – медленнее, как это имело место, например, у *сербов-лужицан*, сумевших в своей небольшой горсточке сохранить и свою национальность и свой язык вплоть до последнего времени. Какова сейчас судьба этого маленького энергичного, талантливого и жизнеспособного народа, численностью около 150 тысяч человек, имевшего ещё до 1933 г. и свои школы на родном языке, свои газеты и журналы, свою литературу и целый ряд своих культурно-просветительных учреждений, – неизвестно.

Характеризуя наступившее вместе с немецким завоеванием ободричей успокоение в стране полабских славян, историк XII в. (Гельмольд) пишет: «*Omnis enim sclavorum regio, incipiens ab Egdora* (река, впадающая у г. Киля в Балтийское море, западная граница массового славянского населения), *qui est limes regni danorum et cutenditur inter mare Balticum et Albiam* (приток Эльбы у Гамбурга, слав. Билена?) *per longissimos tractus usque Zuerin* (центр земли борричей, теперь г. Шверин), *olim insidiis horrida et pene deserta, nunc dante Deo tota redacta est veluti in unam saxonum coloniam, et instruuntur illic civitates et oppida, et multiplicantur ecclesiae et numerus ministrorum Christi*». ⁴³

Германизация западных полабских славянских областей вслед за завоеванием шла так быстро, что к XV столетию славяне представляли собою здесь в среде немецкого элемента только жалкие остатки. Во второй половине XV в. уже очень редко встречаются славяне между Эльбой и Одрой. Несколько дольше – до начала XVI в. – держались славянские поселения в области нижней Эльбы, в юго-западной части Мекленбурга. И только за Эльбой, в Люнебурге, в окрестностях старого города Люкова, как отметили мы выше, в бывшей области древлян и глинян, каким-то чудом славянская речь сохранялась ещё в XVIII в. В 1751 г. в Люнебурге в последний раз было совершено богослужение на славянском языке. В 1798 г. умер в деревне Кремлине последний крестьянин по имени **Варац**, который ещё знал по-славянски «Отче наш», В настоящее время на обширной территории прежних бодричей и лютичей, в нынешней области Вендлянд, славянская речь совсем замерла; полабского языка уже не существует.

43. Вся же славянская область, начиная от Эгдоры – границы датского государства, тянется между Балтийским морем и Альбией через обширнейшие пространства вплоть до Зверина, некогда жестоко и почти целиком опустошенная пожарами, ныне вся, благодаря богу, обращена как бы в одно саксонское поселение (колонию), и отстраиваются здесь города и сёла, и умножаются церкви и число служителей христовых.

Нельзя не отметить при этом, что первая заслуга в деле собирания остатков вымирающего языка полабских славян принадлежит знаменитому **Лейбницу** (1646–1716), но наибольшая заслуга в этом деле принадлежит русскому учёному, известному собирателю онежских былиц, слависту **А.Ф.Гильфердингу** (1831–1872), и знаменитому немецкому лингвисту **Августу Шлейхеру** (1821–1868).

Германизация восточной ветви полабско-балтийских славян, *поморян*, более отдалённой для наступающего завоевателя, началась позже. Христианство утвердилось здесь только во второй половине XII в. (1167). когда князьки славянских племён приняли германское подданство. Затем началось в крае строительство монастырей, которые и явились первыми проводниками в крае немецкой колонизации. К концу XIII в. славянский элемент был здесь уже значительно сломлен, а в XIV в. о славянах в этом краю уже нет речи.

Остатком поморских славян являются сейчас два незначительных численностью народца, *кашубы* и *словинцы*, живущие – первые на небольшой территории у дельты Вислы в количестве около 200 тысяч человек; вторые – на Балтийском побережье у Лебского озера в количестве 200-250 человек.⁴⁴

ЧЕХИ – МОРАВАНЕ – СЛОВАКИ

В древности, задолго до н.э., территория Центральной Европы была населена племенами, различными по стадильности своего доиндоевропейского культурного развития и различными типологически по степени дифференциации своего этнографического становления (этногенеза).

К концу I тысячелетия до н.э. на территории Чехии, Моравии и Словакии уже сложились, по-видимому, известные культурные центры, более или менее дифференцировавшиеся этнографически в эмбрионально-зародышевые группы будущих национальностей. Эти группы, совершенно естественно, и выступают, прежде всего, в исторических источниках, греческих и римских, под тем или иным определённым племенным наименованием: сначала *кельтов*, потом *германцев* и, наконец, значительно позже – *славян*. Однако, называя ту или иную группу населения кельтами или германцами,истики очень часто употребляют эти племенные наименования не в узко этнографическом, а прежде всего в организационно-политическом смысле, т.е. как наименования целого комплекса племён или союза племён различной культурной стадильности и различных типологически по своему этногенезу, вроде уже известных нам наи-

44. См. *L.Niederle*, *Slovanské starožitnosti*. Dill III, v Praze, 1919, Kapitola, Slované Polabsko-baltiĉti, стр. 101–180; *М.Любавский*. История западных славян. М. 1918; *Д.Н.Егоров*. Колонизация Мекленбурга в XIII в., т. I–II, М. 1915, 1916; *А.Ф.Гильфердинг*. История Балтийских славян. Собр. соч., т. IV, СПб, 1874.

нований – скифы, сарматы, готы, гунны и т.п. Эти наименования, какого бы они происхождения ни были, на чем мы сейчас останавливаться не будем, вначале означали, в действительности, чаще всего не народ, не племя, как этнографическую группу, но даже гораздо более узкую группу, нежели само племенное образование. Они были, прежде всего, наименованием только организующего, ведущего, центра – гегемона того или иного племенного образования, сплачивавшего затем под своим именем в племенное объединение и в союз племён целый ряд территориально смежных, не только культурно-родственных, но и культурно разнородных вначале племенных образований. Поэтому, если древнейшим, исторически засвидетельствованным, начиная с половины II столетия до н.э., народом на территории нынешней Чехии были *бойи*, которых источники (**Посейдоний из Апамен**, 123–45 гг. до н.э., и на основании его затем **Страбон**, 63 г. до н.э. – 19 г. н.э.) называют *кельтами*, то это не значит, что вся территория Чехии в это время была заселена именно и только кельтами. Наряду с кельтами-*бойями* и одновременно с ними здесь же сидели и другие племена, но кельтское племя *бойев* в это время играло, очевидно, ведущую, объединяющую роль в ряду целой группы племён, возглавляя собою, вероятно, целый союз племён, имена которых остались нам неизвестными: их покрывало имя организующего племенного центра. Поэтому, когда по показанию **Страбона**, на территорию Чехии вторглись *кимвры*, они были разбиты именно *бойями* в 114 г. до н.э. и ушли частью к Дунаю, частью к *скордискам* на р. Саву. По показаниям источников, *бойи* занимали не только территорию Чехии, но также и территорию древней Паннонии и представляли собою самое мощное кельтское племя.

В северных районах Моравии и прилегающих к ним районах Силезии Тациту было известно кельтское племя – *котины*, игравшее здесь, очевидно, ту же политическую роль, какую на территории Чехии играли *бойи*.

На востоке, по р. Тиссе, паннонские *бойи* граничили с владениями *даков*. Около 63–60 гг. до н.э. знаменитый вождь *даков* Буривиста разбил паннонских *бойев* и разорил дотла их страну, в связи с чем районы Потисья, населённые некогда *бойями*, получили имя «Бойской пустыни». Что же касается чешских *бойев*, то последней хронологической гранью их пребывания на территории Чехии считается обыкновенно середина I столетия до н.э.

В 9 и 8 году на территорию Чехии вторгаются с Полабья под натиском римлян *маркоманны*, или *маркманны*, одно из германских племён обширного племенного союза *свевов*. В Моравию в это же время вторгаются германцы *квады*. Во главе вторгшихся на территорию Чехо-Моравии германских племён стоял некто **Маробуд**, характеризующийся в источниках, как муж «*выдающегося роста, смелой мысли, варвар больше по роду, чем по разуму*». Ему удаётся вскоре

объединить под своею властью целый ряд как ближних, так и дальних племён и образовать мощный союз племён, имевший свою целью борьбу с Римом.

Долго ли *маркоманны* и *квяды* оставались на территории Чехо-Моравии – вопрос остаётся открытым; чешские историки расходятся в своих мнениях по этому вопросу. Так, например, Новотны не только отводит им довольно длительный период господства в Чехо-Моравии, чуть ли не до конца IV и начала V в., когда на ту же территорию на короткое время вторгаются *лангобарды*, но и считает Чехо-Моравию именно основною, исходною базой, на которой, начиная со второй половины II в. н.э., развертываются крупнейшие операции известной Маркоманнской войны германских племён с римлянами, закончившейся только во второй половине IV в. Решительно иначе по этому вопросу высказывается проф. Л. Нидерле, который полагает, что пребывание маркоманнов и квядов на территории Чехо-Моравии длилось всего только каких-нибудь 30 лет или несколько больше и что местом концентрации их поселения и их сил были обширные пространства Подунавья, между реками Моравою и Цусом, куда они были водворены **Августом** в 21 году.

Старая буржуазная наука в своих объяснениях происхождения отдельных славянских народов, как известно, исходит обыкновенно из теоретически предполагаемой славянской прародины в Прикарпатье. Отсюда она выводит и всех западных славян, в том числе и современных чехов и словаков, ведя их от Вислы через Одер или Одру в Чехию и в Моравию, а через Западные Карпаты – в Венгрию. Когда чехи и словаки появились из своей фантастической прародины на свою подлинную родину, для индоевропеиста Нидерле неизвестно. Во всяком случае, в VI в., утверждает он, славяне уже сидели на Эльбе. К этому же, стало быть, времени можно считать законченным и процесс водворения славянских племён на территорию Чехо-Моравии и Словакии.

Наша точка зрения исключает какую бы то ни было необходимость прибегать в данном случае к теории прародины и вести чехо-словаков на их настоящую родину откуда-то со стороны. Как и все прочие народы центральной Европы, за исключением позднейших, заведомых выходцев с востока, какими являются, например, гунны или и авары, славянские племена Чехо-Моравии и Словакии сложились в длительном процессе племенных скрещений, уходящем своими корнями в далёкое дославянское доисторическое время, на той же территории, которую они исторически занимают и в настоящее время. Об этом говорит и разнообразие диалектов Чехии, распадающихся на три основные группы: юго-западную, среднюю и северо-восточную; то же в Моравии и Словакии; о том же говорят и данные археологических раскопок, вскрывающие ярко бросающуюся в глаза разницу культур между северными и южными чехами в языческую эпоху и т.п.

Исторические данные о племенном составе чешского народа в древности восходят только к X в. В начале XII в. их дополняет чешский летописец **Козьма Пражский** (1039 – 1125).

Более крупными чешскими племенами, согласно показаниям источников, были *лучане* – в северо-западном углу чехословацкой территории на р. Огре; *чехи* – в центре страны; *зличане* – ближайшие соседи чехов с востока, и, наконец, *хорваты* – в северо-восточном углу чешской территории. К более мелким родовым и племенным организациям принадлежали: поселение *Тугост* – в юго-западной части чешской территории; *седличане* с городом Седлце у нынешнего города Карловы Вары; *литомерицы* – у устья Огры при впадении её в Лабу (Эльбу); *дечане* – на Лабе, на северной окраине чешской территории; *лемузы* – рядом с дечанами на левом побережье Лабы; *пиоване* – рядом с лемузами на правом побережье Лабы; *дудлсбы* – в южной части чешской территории (ср. «дулебы» киевского летописца).

Среди названных чешских племён самым значительным, наиболее сильным и наиболее выдающимся были *чехи*.

Этому именно племени принадлежит инициатива объединения не только родственных чешских, но также и моравских и силезских племён в единый чешский народ, они-то и создали знаменитый политический и культурный центр в Праге. Имя этого города выступает в источниках только с X в., чаще в верхне-немецкой форме *Брага*, но богатейшие археологические находки в окрестностях Праги свидетельствуют о том, что город этот существовал гораздо ранее X в., с древнейших времён заселения его территории.

Уже в VII в., как предполагают чешские историки (Новотны, Нидерле), чешское племя со своим центром Прагой явилось исходным пунктом освобождения в 623 г. вождем **Само** чешских и словацких славян от аварского, а вскоре после этого и от немецкого ига и объединения их в самое крупное тогда славянское государство.

Хотя объединение группы родственных племён в единый *чешский* народ восходит, по-видимому, ко времени позднее X в., тем не менее уже с конца VIII в. в латинских источниках выступает коллективное имя *Воети*, *Воһети* и т.п. в значении объединённого народа, в состав которого входил ряд отдельных племён, продолжавших управляться своими племенными вождями (*duces*). Термином *Воһети* иностранцы, соседи чешского народа, обозначали в это время не какое-либо отдельное племя, но союз родственных племён и называли этим именем чешских славян не только в тех случаях, когда речь шла о внутрисемейных отношениях в стране, но и когда речь шла об этом народе и за её пределами.

Что касается племенного названия *чех*, то это имя впервые исторически засвидетельствовано только с половины X в., в известной легенде о св. **Вацлаве (Вячеславе)**: *Чеси*, – *Воротислав* князь в Че-

хах, – Вячеслав князь *чеськи*, – *чех*. Киевский летописец постоянно употребляет только – *Чехи*, *чешская земля*; позже, в памятниках XII– XIV в., встречается форма *Чахы*, *Чяхы*.

Значение термина *чех* неясно, несмотря на многочисленные попытки его истолкования. Так например, **Добровский** производил его от основы *čet-, *čit- (ср. чешск. роčiti, роčatek – *начать*, *почать*, *начало*) и переводил термин *чех* как «идуший первым», а *слезане* – это следующие за ним следом; **Юнгман** видел в нём сокращение имени Чеслав; **Шафарик** видел в термине *чех* апеллятивную форму от глагола čaju – čach – čech. Позднейшие учёные производили имя *чех* от čeledin – родич (**Гошек**); другие толковали его как «человек», *чехи* – «люди» (**Сутнар**); **Ягич**, как и Юнгман, видел в нём сокращённое имя Česlav, Časlav (вм. Čestislav); Миккола объяснял термин *чехи* из četa – отряд и т.п. Вряд ли, однако, какое-либо из этих объяснений может быть признано удовлетворительным. Ближе к истине стоят, по-видимому, те из толкователей имени *чех*, которые видят в нём значение «муж», «человек», «люди», «народ»; таково, обыкновенно, по общему правилу этнографических древностей (палеоэтнография и палеолингвистика), значение древнейших племенных наименований.

* * *

В Моравии известны в древности два больших племенных образования: *ганаки* и *словаки*. Область *ганаков* сейчас известна под именем Ляхи, но в этнографическом и историческом отношении ганаки не только принадлежат к чешскому народу, хотя язык их и обилён полонизмами, но представляют собою исторически основное ядро моравского народа. Что касается *словаков*, то предполагают, что в древности граница распространения этого народа шла гораздо далее на юг, чем в настоящее время, и смыкалась здесь с границей южных славян, словенцев и болгар. Северную границу словаков в древности были Карпатские и Судетские горы. Кроме того, есть основание предполагать, что предки словаков в IX в. заняли частично и территорию древней Паннонии, которая была известна тоже под именем Моравы.

Объединение мелких моравских племён в союз племён и в единый моравский народ – *мораване* – произошло ранее объединения чешских племён и имело своим центром реку Мораву с её притоками. На Мораве же в IX в. вырос и древнейший политический и культурный центр моравского народа Градище (Велеград). Имя народа *мораване*, как общее имя, означавшее все население, сидевшее по обоим берегам Моравы, становится известным в истории с начала IX столетия, когда мора-пане сплочёнными силами ведут борьбу как против немцев, так и против чехов. В 822 г. на Франкфуртском

съезде среди делегатов наиболее крупных славянских народов присутствуют также и «legati Marvanorum».

В наиболее ранних источниках *мораване* выступают под именами, производимыми от немецкого Maraha, March (из Marg): Margi, Margenses, Maraha, Marahi, Marahenses, Marahabitaе, Marharii, Merhani и Mari; позже под именем, производным от славянских *Морава*, *мораване*, как то: Maravi, Marabi, Moravi, Morava, Maravia, Moravia, Marvani, Marevini, Maravoni, Maravenses, а у арабского писателя Масуди – Marava.

Начиная с XI в. обычна в употреблении только форма Moravia и Moravi. Происхождение термина надо связывать с наименованием реки Моравы.

Что касается племенного термина *словак* (мн. ч. *словаки*, женск. р. *словенка*, прилагат. *словенский*), которым называется группа племён на восток от Моравы, то обычно видят в нём пережиточно сохранившееся древнее название славянского народа – *словене*, как оно же удержалось в имени южно-славянского народа *словенцы*, а также в названии племени русских ильменских славян – *словене*.⁴⁵

ПОЛЯКИ

Наиболее ранние сведения о племенном составе *польского* народа даёт нам киевский летописец: «Словене же овы, пришедше, седоша на Висле, и прозвашася Ляхове, а от тех Ляхов прозвашася Поляне; Ляхове друзи Дутичи, нни Мазовшане, нни Поморяне». ⁴⁶

Из польских племён в наиболее ранних источниках (IX в.) выступают *висляне* – в верховьях Вислы, известные позже под именем *малополян*, с центрами – Краков, Вислица и Сандомир. Наиболее значительным из польских племён в древности были *поляне* – в бассейне Варты, ближайшие соседи *поморян* с юга и *мазовшан* – с запада. Это было самое мощное польское племя, занимавшее несколько позже, в X–XI вв., обширную территорию. Северной границей *полян* была река Нотец, правый приток Одры; западную – среднее течение Одры; южную границей, вероятно, современная *мазурско-великопольская* диалектическая граница, отделявшая *полян* от соседивших с ними *ленчицян* и *серадзян*. По-видимому, уже в древнейшее историческое время поляне представляли собою мощный союз племён, в который входили не только названные ближайшие их соседи, *ленчицяне* и *серадзяне*, но и *мазовшане*.

Имя *полян* впервые выступает в латинских источниках, начиная с X в., в различных формах, чаще всего в форме Polani, Poliani, и

45. См. Dr. L.Niederle, Slovanské starožitnosti. Dill III, v Praze, 1919, стр. 181-214.

46. А.А.Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Петроград, 1916, стр. 5 и сл.

затем – Poloni, Poleni, Polanii, Pulani, Polonia и т.п., или в германизированной форме Bolani, Voloni, Volonia и т.п., причём этот термин употребляется как в смысле наименования одного только племени полян, так и в смысле наименования всего польского народа. Это говорит, в частности о том, что племя полян в истории польского народа явилось объединяющим центром разрозненных польских племён в *польский народ*; процесс же этот был почти закончен в X в. Во всяком случае, в этом именно веке при **Мешке I** (960– 992) и при его ближайшем преемнике **Болеславе** (992– 1025) польское государство достигает уже значительной силы и расцвета. Политическими и культурными центрами племени полян были города: Гнезно, Крушвица и Познань. Первый из названных городов, Гнезно, был в древности главным культурным центром язычников *лехов*, позже, с 1000 г., здесь была кафедра польского митрополита и столица Болеслава Храброго и Мешка II.

Племя *мазовшане* (мазовяне), позже – *мазуры*, представляло собою, наряду с полянами, тоже значительное и старинное польское племя, имевшее территорией своего расселения область среднего Повислянья. Западной границей их были поселения полян, на севере – *прусы*, *литовцы* и *ятвиги*, с которыми они поддерживали далеко не дружеские отношения.

Третьим большим польским племенем в древности были *слензаны* (слензаны) в юго-западной части польской территории, в верховьях Одры, в бассейне Слензы, или Слезы, с одноименной с нею горою (теперь Соботка), пользовавшейся у язычников почитанием как священная гора.

В источниках это племя именуется – Silensi, Cilensi, Sleenzane, а их область – Selencia, Silencia.

Из других польских племён наряду с слензанами в IX– X вв. были известны ещё как отдельные племена – *бобраны*, пограничные с западными сербами – мильчанами, *дедошаны* – соседи бобран с севера, и *ополяне* – в верховьях Одры и на нижнем течении её притока Нисы. Главным центром *слензан* был город Вратислав (теперь Вроцлав) на Одре.

Среди других польских племён известны ещё *хорваты*, представлявшие собою, по-видимому, восточное ответвление смежных с ними чешских хорватов.

Происхождение племенного термина *поляне* от «поле», т.е. «жители полей», ни в ком из исследователей не вызывает сомнений. Хуже обстоит дело с объяснением термина *лях* или *лех*, имеющего в этом смысле довольно обширную литературу. Наиболее популярным является сейчас объяснение термина *лях* или *лех* от слова «ляда», «лядина» (пустошь, заросль и т.п.), имеющегося во всех славянских языках. Таким образом, *лях* – это человек, живущий на пустошах, в зарослях и, стало быть, занимающийся охотой и ското-

водством, в противоположность *полянину*, жителю полей, занимающемуся земледелием.

Таким, надо полагать, знали польский народ, прежде всего его восточные соседи – русские, литовцы и угры. Это было население Повислянья, Мазовии, Малопольши, где термин *лях* существует до сих пор; этим термином они и называли весь польский народ. Западным же славянам были известны прежде всего польские племена земледельцев, т.е. *полян* или *поляков*, откуда у них этот именно племенной термин и послужил термином для названия всего *польского* народа.⁴⁷

§ 3. ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ

СЛОВЕНЦЫ

Крайний северо-западный участок южного славянства занимают *словинцы*, или *словенцы*. В раннем средневековье они занимали более обширную территорию, чем в настоящее время, уходя на запад в глубь Альпийских гор и к Адриатическому побережью, на восток – вплоть до Паннонского изгиба Дуная, т.е. той его части, где, круто меняя своё восточное направление, он спускается вниз и течёт к югу, вплоть до впадения в него с запада правого притока – Дравы. На севере *словенцы* смыкались с чешско-моравскими и словацкими племенами; на юге – с хорватами.

Как и все прочие народы, в том числе и народы славянские, словенцы, они же словинцы, сложились, выросли и оформились в особую этнографическую единицу или этнографический тип на исторически занимаемой ими территории в длительном процессе племенных скрещений со своими соседями – лигурами, иллирами, ретами, галлами и др., переживая вместе с ними, до своего оформления в славянский индоевропейский тип, доиндоевропейскую, яфетическую стадию развития. Можно предполагать, что процесс перерождения группы местных яфетических племён в словенцев-индоевропейцев в значительной мере уже завершился к началу н.э., о чём говорит известное уже в 1 столетии н.э. наименование Блатенского озера в восточной части бывшей территории словенцев – *Пельсо* (ср. русск. *плёс*). Эта территория в средние века была известна под именем *Паннонии*. Однако под своим собственным именем словенцы впервые выступают в истории только в конце VI в. н.э., после ухода

47. L.Niederle, Назв. соч., стр. 215–233; M. Bobrzyński, Dzieje Polski w zarysie. T. I, wyd. 4-te, 1927, гл. IV, стр. 48-58; Arnold Stanislaw, Początki państwa Polskiego. – «Polska, jej dzieje i kultura od czasów najdawniejszych do chwili obecnej». Warszawa, s. a. (1927), стр. 51 и сл.

Славяне на Балканском полуострове

лангобардов в 568 г. в Италию. Это те самые славяне, которые в начале VII в. помогали лангобардам в их походах в Италию у Кремоны и Мантуи. В источниках они известны под именем – *Sclavi Carantani*, *Sclavi in Carantano*, *Carnio lenses* и т.п., а также *Pannonii*, *Sclavi in Pannonia sedentes*, Πάννονες.

Западную границу словенцев, отделявшую их в VII в. от немцев – баварцев, были верховья рек Дравы и Муры в Альпах.

В древности был известен ряд словенских племён: *дулебь* между Блатенским озером и рекой Мурой (ср. чешск. *дудлебы*, Doudleby – и русск. *дулебь*); *стодоране* – в области р. Штыри у Триглава (ср. аналогичное северно-славянское племя *стодоране* в области нынешнего Бранибора); *суслы* – в южной Штирии, на левом побережье Дравы (ср. аналогичные племенные наименования среди русских и полабских славян); наконец, *поляне* на р. Енже (общность данного племенного наименования у многих славян не нуждается в специальном подчёркивании).

В VI в. словенский народ был подчинен аварам, могущество которых было сломлено, начиная с 623 г., вождём чешской группы западно-славянских племён **Само**, организатором первого у западных славян государства. Разгром аварской державы принёс словенцам освобождение от аварского ига, но вскоре после смерти Само и последовавшего затем распада его государства альпийские славяне, т.е. *словенцы-хорутане* и их соседи *словенцы-краинцы*, в 745 г., угрожаемые вновь со стороны авар, принуждены были после длительной и упорной самообороны подчиниться во главе со своим князем **Борутом** власти франков на началах вассальной зависимости. После смерти Борута франки назначили словенцам в качестве его преемника некоего *Горазда*, а после его смерти в 753 г. – **Хотимира**. В VIII в. авары были окончательно разбиты и уничтожены франками (772–788), но с этого же времени словенцы навсегда подпали под власть франков.

Вместе с подчинением словенцев сначала под власть баварцев, а с 788 г. при Карле Великом – под власть франков, среди словенцев стало постепенно распространяться христианство, содействовавшее быстрой германизации словенского народа, которая, в конце концов, привела сравнительно скоро к значительному сужению этнографической границы современных словенцев сравнительно с их границей VI–X вв.

В IX в., после окончательной ликвидации возродившейся аварской державы, словенцы вновь колонизовали Паннонию вплоть до Дуная на востоке, но вместе с ними на этот раз сюда явились и германцы, и во второй половине IX в. нижняя часть Паннонии уже сплошь была заселена германцами.

В конце IX в. словенский народ в Паннонии стал жертвою нового насильника: в 894 г. сюда явились мадьяры. Под натиском мадьяр часть местного словенского населения бежала к соседним болгарам, другая – на запад, в Альпийские горы, и, наконец, часть их продвинулась на север, на территорию словаков. Оставшееся на местах старое словенское население подверглось частично мадьяризации.⁴⁸

48. См. *L.Niederle, Slovanské starožitnosti. Dill II, sv. 2. v Praze, 1910, стр. 338-372.*; здесь же указана и обширная литература предмета.

ХОРВАТЫ И СЕРБЫ

Имена балканских народов – *хорваты* и *сербы* впервые и притом случайно мелькнули на страницах истории довольно поздно: *сербы* – только в начале VIII столетия под именем никейской епископии Гордосёрбов;⁴⁹ *хорваты* – в 852 г. в грамоте князя **Терпимира** от 4 марта 852 г.⁵⁰ Начиная же с X в. названные народы уже широко входят в историю, становятся предметом её внимания и приобретают в ней заслуженно, как героические народы в прошлом и настоящем, все права гражданства. Первым, наиболее ранним историком, которому хорваты и сербы обязаны своим включением в круг внимания исторической науки, начиная со средних веков и вплоть до настоящего дня, был византийский писатель X в. **Константин VIII**, прозванный **Багрянородным** (905–959). О хорватах и сербах Константин Багрянородный говорит в сочинении «Об управлении государством» или «О народах», известном у издателей под латинским названием «De administrando imperio», написанном автором в качестве поучения или руководства своему сыну Роману. По указаниям самого автора, это сочинение было им написано в 948–952 гг. т.е. незадолго до смерти.⁵¹

В числе западно-скифских племён **Геродот** (V в. до н.э.) называет, между прочим, *каллипидов*, занимавших восточное Поднестровье и Побужье. Их знает ближайший к Геродоту греческий историк IV в. до н.э. **Ефор** под именем *карпидов*. Вслед за Ефором это же имя *карпиды* повторяют и последующие греческие писатели. Тождество геродотовых каллипидов с карпидами Ефора не вызывает никаких сомнений. Равным образом, не вызывает сомнений и то, что это – позднейшие *карпы* или *карпианы*, т.е. жители Прикарпатья. Возможно, что впоследствии это и было славянское племя *хорваты* Киевского летописца, показанные им в том же районе. Не исключена возможность, что эти именно хорваты распространялись и значительно далее на запад в Венгерскую равнину и достигали Дуная и его правых притоков, т.е. позднейшей исторически засвидетельствованной территории, занятой хорватским народом. Во всяком случае, не подлежит никакому сомнению, что племенные наименования –

49. См. *Панченко*. Памятник славян в Византии VII в. «Изв. Русск. арх. инст. в Константинополе», т. VIII, София. 1902.

50. См. *Ferdo Šišić*, *Povijest Hrvata*. Zagreb, 1925, стр. 330 и сл.

51. Кроме названного сочинения – «Об управлении государством» или «О народах», имеющего исключительное значение для истории славян, тому же автору принадлежит и второе сочинение – «О фемах», т.е. провинциях Византийской империи, точнее – «О военном и административном делении империи», известное также под латинским названием «De thematibus» или «De praefecturis». Оба эти сочинения имеются в русских переводах *Гавр. Ласкина*, напечатанных в «Чтениях в Общ. ист. и древностей российских». М. 1899, кн. 1 (188). Ранее Г.Ласкина они цитировались по-русски в известном сочинении *К.Грота* «Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах», СПб. 1880.

карты, карпианы, хорваты – связаны с именем *карпаты*, представляющим в своей основе тоже племенное наименование, а все эти спирантизованные племенные наименования имеют своим двойником сибилантную форму *сармат*.⁵²

С Карпатами увязывал имя народа хорваты в своё время и Шафарик, сближавший их с *карпами* и *карпианами*, которых он считал славянами и помещал в восточной Галиции. Хорваты, по Шафарику, это «жители гор», хърбов, т.е. горбов, хребтов. Под этими горами или хребтами, по его мнению, следует разуметь Карпаты, восточная часть которых в Галиции и сейчас называется у местного населения *Горбами*.⁵³

По данным Константина Багрянородного, «хорватская земля», занятая славянами после прихода их в Иллирик и победы около 637 г. над аварами, в его время, т.е. в X в., начиналась от р. Цетиньи (Зентины) и простиралась вдоль Далматинского побережья до Истрии или до города Альбуна или Альбона (слав. Лабин), а в горной части несколько выходила за область Истрии. Она делилась на 14 жуп. К востоку от р. Цетиньи и г. Ливно хорваты соседнили с сербами. «От хорватов, пришедших в Далмацию, – замечает Константин Багрянородный, – часть отделилась и заняла Иллирик и Паннонию. Они имели самостоятельного князя, посылавшего к князю Хорватии посольство ради дружбы». Можно предполагать, что ту же территорию хорваты занимали и ранее X в., т.е. начиная с VIII в., когда им удалось освободиться от власти аваров. Северная граница их расселения шла по линии от города Сеня (на Адриатическом побережье) до верховьев р. Уны (правого притока Савы); на востоке их границей была горная цепь между Уной и Врбасом; южной границей хорватов в основном была р. Цетинья.⁵⁴

Вся эта территория, т.е. Адриатическое побережье в указанных выше границах, за исключением нескольких островов (Rab, Krk, Osero) и городов (Задар, Сплет и Трогир), составляла в IX в. (852) regnum Chroatorum, в X в., Хрватіа, Chroatia, т.е. *хорватское государство*, или *Хорватию*, именовавшееся также Sclavenia или Sclauonia. Кроме названной территории, хорватские поселения имелись в Штирии и Корутании, где в источниках IX и X вв. в нескольких местах показаны – pagus Crounati, Chrounat, Croudi, Chrowata, Chrowarh. Константинову область Иллирик обыкновенно рассматривают, как территорию между реками Врбасом и Дриною, т.е. область позднейшей Боснии; что же касается его *Паннонии*, то в ней

52. Этимологию термина «Карпат» см. у Н.Я.Марра. Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афревозии. Избр. раб., т. IV, стр. 198-229.

53. См. Константин Грот. Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах. СПб., 1880, стр. 87 и сл.

54. См. L.Niederle, Sl. st., Dil. II, sv. 2, 1910, стр. 386 и сл.; К.Грот, назв. соч., 87-97.

надо видеть так называемую *Посавскую Паннонию*, т.е. область, расположенную между Савой и Дравой и Дунаем (позднейшая Славония).⁵⁵

Что касается *сербского народа* на полуострове, то его территория определяется Константином Багрянородным в следующих границах: «*Сербия*, – говорит он, – *находится во главе* (т.е. в начале – со стороны Константинополя) *всех прочих славянских земель и граничит на северо-западе с пограничными горами дуклянских, тервунских и захлумских славян у Цетиньи и Хлебены, а на севере с Хорватией, на юге же с Болгарией*». Пограничным сербским городом с Болгарией в IX в. Константин Багрянородный называет г. Расу или Рас (ή Ράση, τό Ράσον, Ράσος, слав. Рась) на р. Рашке, притоке р. Ибара. Таким образом, область сербского народа в древнейшее время, судя по показаниям Константина Багрянородного, занимала обширную территорию, лежавшую на восток от Далматинской Хорватии и на юг от Посавской Хорватии. Центральным ядром сербского народа была Рашская область, расположенная в южной части названной территории, в районе рек Ибар, Лим и Тара. К сербам примыкали вошедшие впоследствии в состав сербского народа следующие родственные с ним племена: 1) *неречане* – от р. Цетиньи в северо-западном углу полуострова до р. Неретвы; состояли из 3 жуп; впоследствии продвинулись на острова Адриатического побережья, захватили в свои руки море и были известны как моряки и пираты; 2) *захлумляне, захлумцы*; в X в. в источниках выступает *dux Chulmorum*; их страна была известна под именем – Захльмия, Хльмь, Хльмска земля; занимала прибрежную территорию от р. Неретвы на юг до Дубровника и внутрь материка; материковая часть её совпадала с нынешней Герцеговиной; 3) *тервуняне, травуняне*, земля *Τρεβούνια Διόκληα*, (лат. *Travunia, Tribunia* и др., слав. Травоуния); занимали территорию побережья от Дубровника до Котора и внутрь материка; 4) *конавляне* занимали узкую приморскую полосу между Дубровником и Боной Которской; 5) *дукляне*, земля *Διοκλήα Δοκλήας χώρα* (лат. *Dioclia*, слав. Диоклития); занимала территорию между Котором на севере и нижним течением р. Дрима – на юге, совпадавшую с нынешней Черногорией и прилегающей к ней северной частью Албании. Позже название области Диоклея было заменено названием *Зета*, взятым от имени р. Зеты, правого притока р. Морача, впадающей с запада в Скадарское озеро.⁵⁶

55. См. *К.Грот*, назв. соч., стр. 96 и сл.

56. См. *L.Niederle*, *Sl. st., Dil. II, sv. 2, 1910*, стр. 373-399; *К.Грот*, назв. соч., стр. 147-176.

БОЛГАРЫ

На восток от собственно сербского племени, имевшего своим центром, как было сказано выше. Рашскую область (г. Раса), лежащую между реками Ибар и Лим, начиная на западе от линии – Охридское озеро, область Дебра и р. Болгарская Морава в верховьях р. Моравы и вплоть до Чёрного моря на востоке – шли поселения ряда славянских племён, объединявшихся общностью характерных языковых особенностей, отличных от сербского языка, которые легли в основу сложившегося здесь, впоследствии восточно-балканского славянского народа, получившего имя *болгар*. Это народное имя группа восточно-балканских славянских племён получила от имени первой славянской политической организации на полуострове – славянской болгарской державы, положившей в VII в. н.э. (679) начало политическому объединению их в народ под именем *болгарского народа*. Территория распространения восточно-балканских славян не ограничивалась, однако, только задунайскими рамками полуострова. В состав болгарского народа входило также и славянское население Валахии, Семиградья и восточной части Венгрии вплоть до Дуная, а также и славянское население в Греции. Конечно, эта обширная область распространения восточно-балканского славянского народа в древности, с VII в. – болгарского, не представляла собою в этнографическом отношении сплошной славянской территории – местами в неё были вкраплены поселения романизированных и грецизованных фракийцев, а также греков.

Среди этого славянского населения обыкновенно различают три группы племён:

1. *Северную*, или *мизийскую*, группу, занимавшую территорию между реками Моравою и Тимоком на западе, Чёрным морем на востоке, Дунаем – на севере и главным Балканским хребтом – на юге. В неё входили: придунайские северяне, или северы (в Делиормане и в окрестностях Шумена, а также на левом побережье Дуная в южной Венгрии и Валахии); семь славянских племён в нижней Мизии или подунавцы (Δαυούβιοι) греческих источников, они же дунайцы – Киевского летописца. Эти семь славянских племён выступают в истории основоположниками первой славянской болгарской государственности на полуострове, государства Аспаруха. Вступив с ними в договорные отношения, в целях защиты территории от аваров, угрожавших ей нападением со стороны Венгрии, болгарский князь дружинник *Аспарух*, или *Испарих*, поселил одну часть их по Мораве, откуда они получили имя мораване. К этим же семи племенам принадлежали и соседи мораван тимочане – по р. Тимоку.

2. *Среднюю*, или *македонскую*, группу, населявшую старую Македонию, которая в VII в., ввиду компактно населявших её славянских племён, была известна под именем ἡ Σκλαυινία, αἱ Σκλαυινιαί,

Scaviae; в состав этой группы входили: *драговичи*, или *другувичи*, – на запад от г. Солуня, между Солунем и г. Веррея (Вер); *сагудаты* – рядом с *другувичами*; *ринхины* – где-то поблизости от Солуня; *струменцы* – на нижнем и среднем течении р. Струмы (Стримен); *смоляне* – по среднему и верхнему течению р. Месты (Нестуг), совр. *смиляне* в верховьях р. Арды, восточнее р. Струмы; *бързаки*, или *бърсаки*, совр. болг. *бърсяци*, – в районе Кичево, Крушево, верхней Преспы, Прилепа и Велеса.

3. Южную, эпиро-фессалийскую и пелопонесскую, группу славянских племён составляли: *ваюнчи*, *велгезичи*, *милсцы*, *сзерцы* и др.

Глава III

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ У СЛАВЯН В ДРЕВНОСТИ (до XI в.)

I

По данным чешского учёного проф. **Кареля Кадлеца**, крупнейшего представителя истории славянского права в буржуазной науке, славянские земли в X и XI вв. состояли из мелких округов, которые мы привыкли, говорит автор, называть в общем *жупами*, хотя этот термин и не везде был известен. Например, он не был известен в России.

Жупы, по Кадлецу, составлялись из многих крестьянских посёлков и, по крайней мере, из одного города как центра жупной политической жизни. У некоторых славян несколько сёл, объединённые в известном отношении в новую административную единицу, составляли *opole* (русск. *вервь*, *вара*, *перевара*, сербск. *осколина*, чешск. *osada*).⁵⁷

Так как политическим союзам, говорит Кадлец, во всём мире предшествовали союзы родовые, основанные на кровном родстве, то и вышеозначенные территориальные союзы, вероятно, возникали из аналогичных групп, основанных на кровном родстве. Основной всякой государственной организации стал род, представлявший собою объединение лиц, опиравшееся на кровное родство, которое и селило эти объединения вместе в одном или в нескольких сёлах. На древнейший славянский род Кадлец распространяет то, что известно о союзе кровных родственников у германцев.⁵⁸

Как и германский род, древнеславянский род, по Кадлецу, представляя собою по существу «мирный союз», или «союз мира» (*Friedensverband*), был одновременно и «оборонным союзом» (*Schutzverband*) и прежде всего «военным союзом» (*ein kriegerischer Verband*), ввиду чего в старогерманском войске род составлял особое отделение. Своеобразной особенностью рода, как общественной организации, покоившейся на кровном родстве, обусловливался, по Кадлецу, и ряд правовых установлений, характер-

57. О терминах — *вара*, *перевара* см. у *Самоквасова*, Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства, т. II, М., 1909, стр. 26-28.

58. Кадлец цитирует *Amira*, Grundriss der germanischen Rechts. 2-е изд., Strassburg, 1901, стр. 106-108.

ных для родового строя: кровная месть, круговая порука, коллективная опека, коллективная имущественная общность, своеобразное наследственное право и пр.

Во главе каждого рода стоял начальник, который сообща с представителями семей (как правило – с отцами, а в семьях задружных – и с другими возглавляющими семью) управлял делами рода и производил суд на родовой территории. Он же был и вождём военного отряда своих сородичей. Как назывался этот начальник, Кадлецу неизвестно. Кажется, говорит автор, он назывался *старостой*, или *старшиной*, у некоторых же славян – *жупан*. В документе от 1181 г., выданном маркграфом **Оттоном** и графом восточной марки **Дитрихом** монастырю Петра в Лаутенбурге, показаны – *seniores villarum, quos lingua sua supanos vocant*. Так же, по Кадлецу, сельские начальники назывались и у штирийских славян, словинцев, т.е. *жупанам*.

В целях самообороны против внешнего врага родовые союзы, как союзы территориальные, объединялись в области. Вследствие соседских отношений у отдельных родов возникал ряд общих аграрных, административных, судебных и, прежде всего, военных дел. В целях самообороны они не только создавали общие армии, но и строили и поддерживали «города», т.е. укреплённые места, куда укрывалось от неприятеля население совсем своим имуществом и где происходили веча начальников, когда дело касалось серьёзных вопросов управления всеми объединёнными родовыми союзами. В этих же городах производились суды, а также отправлялись и обряды религиозного культа. Кадлец предполагает, что такие области, представлявшие собою территориальное объединение нескольких родовых союзов, у большинства славян назывались жупами, а их начальники – жупанами (лат. *juranus, supranus*, греч. *ζουπάνος*).

Наиболее раннее засвидетельствование термина *жупан* мы имеем, по Кадлецу, в греческой надписи, найденной среди предметов так называемого сокровища Атиллы в Nagy-Szent-Miklosz в Торонтальском комитате в Венгрии. Слово жупан выступает здесь два раза: *ζοπαν* и *ζοпан*. Названное сокровище восходит к концу III столетия н.э. и предположительно представляет собою памятник народа *гепидов*. В древнеболгарских надписях тот же термин встречается в формах *о̀жопан* и *о̀копанос* причём вторая форма рассматривается, как вариант первой.⁵⁹ Кроме того, этот же термин выступает в словинской области в грамоте баварского воеводы **Тассилона** от 777 г. на имя Кремсмюнстского монастыря, где упоминается жупан (*jopan*) *Physson*.⁶⁰

59. См. *Ф.И.Успенский*. Изв. Русск. арх. инст. в Константинополе, т. X, София, 1905, стр. 199.

60. См. *Kos. Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku*. Ljubljana, 1903, t. I, 290.

Дальнейшее объединение нескольких жуп в организацию высшего порядка приводит, по Кадлецу, к возникновению небольшого *племенного государства*, представляющего собою наивысшую ступень первичной государственной организации. Эти небольшие племенные государства, вероятно, предполагает автор, назывались «землями», «волостями», а если в такой области возникала княжеская власть, — княжествами. Так же, вероятно, до возникновения монархической власти, эти племенные государства управлялись, как предполагает Кадлец, собранием всех жупанов, представлявшим собою нечто вроде аристократической коллегии, так что славянские племена ко времени выступления на исторической арене представляли собою, по Кадлецу, скорее союзы государств (*Staatenbund*), чем государства. Государственная жизнь славян в такой организации, по Кадлецу, опиралась на федеративное начало. Это и есть, по Кадлецу, та демократия, о которой говорят греческие авторы.

Дальнейшее объединение племенных государств в союз государств приводило к созданию многоплеменного государства с *великим князем* во главе, который, говорит Кадлец, сумел возвыситься над другими и навязать им свою власть. Таким именно князем в VI в. был, например, *Добрита*, или *Добрята*, в котором, по данным Менандра, автор видит начальника какого-то крупного в Дакии союза славянских племён, из которых «*каждое в то же время имело собственного вождя*». ⁶¹

Таким образом, схема развития общественного строя у древних славян, по Кадлецу, представляется в таком виде:

1) **Род**, как союз семей и задруг, основанный на кровном родстве; он занимает одно или несколько смежных сёл, образующих его родовую территорию — *жупу*; он имеет во главе начальника с функциями административными, судебными и военными, т.е. он управляет родом, разбирает судебные тяжбы и предводительствует на войне; это — родовой староста, старшина, жупан, в лат. документах — *seniores villarum*; он управляет родом совместно с представителями семей, из которых состоит род; этими представителями являются отцы семей и лица, возглавляющие задружные семьи.

2) **Союз родов**, объединённый единством территории, образующей его область — жупу, с начальником — жупаном во главе; союз родов имеет своё военное укрепление — город; здесь происходят союзные веча в составе начальников отдельных родов, входящих в состав союза, ведутся судебные дела, отправляются обряды культа.

61. См. *Karel Kadlec*, О politycznym ustroju Słowian, zwłaszcza zachodnich przed X wiekiem — в сборнике — «Początki kultury słowiańskiej», изд. Краковской Акад. Наук — «Encyklopedia Polska», t. IV, cz. 2. W Krakowie, 1912, стр. 31-72; его же, Introduction à l'étude comparative de l'histoire du droit public des peuples slaves. Paris, 1933

3) Федеративное **племенное государство**, представляющее собою территориальное объединение нескольких союзно-родовых жуп, — это *земля, волость, княжество*; во главе — *жупан* или *князь*, он управляет совместно с аристократической коллегией в составе всех родовых жупанов.

4) **Многopleменное государство**, представлявшее собою объединение *племенных государств с великим жупаном* или *великим князем* во главе.

Схема Кадлеца не вызывает, в общем, возражений. Но, если мы пойдём несколько дальше, если посмотрим, каким содержанием автор заполняет свою схему, мы окажемся на пустом месте, и от Кадлеца, крупнейшего в буржуазной науке знатока истории славянского права, ничего не остаётся.

Почему славянские народы так долго, вплоть до начала X в., оставались при своих примитивных племенных организациях и не создали к этому времени крупных политических объединений? На этот вопрос Кадлец отвечает: во-первых, потому, что с самого начала истории славяне не имели политического сознания (*zmyslu*), что стояло в связи с их характером или натурой, с нехваткой энергии и мягким характером. История целых столетий, говорит Кадлец, свидетельствует о том, что славяне расширяли территорию своего поселения только там, где не встречали больших препятствий. Правда, и славяне принимали участие в переселении народов и некоторые места для поселения добыли при этом насилем, но как только они занимали новые места, они не расширяли их путём причинения вреда другим народам, а ограничивались исключительно тем, что отбивали нападения чужеземцев, чтобы сохранить свои государства. Вторая причина, почему вплоть до X в. славяне не сумели создать крупных государственных объединений, заключается, по Кадлецу, в том, что, проявляя по отношению к чужеземцам достаточно мягкости характера и покорности, внутри своих отношений славяне отличались лишь склобничеством и непослушанием. Этим и объясняется, по автору, то, что в развитии государственной мысли славяне в течение долгого времени не пошли далее племенных организаций.

Какие движущие силы лежали в основе процесса развития общества у древних славян? Почему и как отдельные славянские роды объединялись в союзы родов, а эти последние — в племена и в племенные государственные объединения? Почему одни из родовых жупанов становились великими жупанами или великими волостными князьями, а другие оставались на положении родовых жупанов? Как и почему из федерации родов возникает у славян монархия? На эти вопросы Кадлец даёт весьма простые ответы, которые сводятся к тому, что основным импульсом к объединению родов в союзы родов, а этих последних в племена и племенные государства служили у славян интересы самообороны против внешнего врага; что демократия,

о которой говорит Прокопий, это подлинно славянская форма общности а княжеская власть сложилась у славян под чужеземным влиянием, о чём уже свидетельствует самый термин «князь»; но даже и при монархической форме общественно-государственного строя князь у славян не имел абсолютной власти, но ограниченную собранием начальников низшей организации или каким-то *вечем* (сеймом); что на должность жупана; как правило, выбирался начальник самого главного, ведущего рода, впоследствии же, по всем данным, положение это осталось наследственно связанным с этим родом (стр. 68); что в большом «союзе государств» жупаны не могли оставаться при прежней власти, но из их среды выдвигался один и в роли «великого князя» исполнял верховную власть над всеми племенами; он мог быть значительно ограниченным вечем подвластных ему жупанов, но во всяком случае обладал большею властью, чем они. В некоторых же племенных государствах государственная власть не была сосредоточена в руках собрания жупанов, но в руках одного из них, который сумел возвыситься над другими и навязать им свою власть.

Нет надобности говорить о том, что картина древнеславянского общества, как она рисуется Кадлецом, имеет очень мало сходства с подлинной исторической действительностью. Основная ошибка буржуазной науки в данном случае заключается в том, что она желает видеть эволюцию там, где в действительности имела место революция; желает видеть мир и согласие там, где в действительности шла напряжённая классовая борьба. В результате такой трактовки вопроса мы получаем чисто механическое представление исторического процесса, помогающее видеть поверхность предмета, но не видеть его амальгамы.

II

*«Два стихийно возникших факта, — говорит Энгельс, — господствуют у всех или почти у всех народов на заре их истории: разделение народа по признаку родства и общая собственность на землю».*⁶²

«Каждое племя, — говорит Энгельс о германских племенах, — оседало на новом месте не по прихоти или случайно, а соответственно родственным связям соплеменников, как об этом точно сообщает Цезарь. Более крупным группам, близким по родству, доставался определённый округ, в пределах которого опять-таки отдельные роды, включавшие определённое число семей, селились вместе, образуя отдельные сёла. Несколько родственных сёл состав-

62. К.Маркс и Ф.Энгельс. Марка. Соч., т. XV, стр. 629.

ляли сотню... несколько сотен образовывали "гау", область; совокупность этих "гау" составляла данный народ".⁶³

Итак, по Энгельсу:

- 1) определённое число семей составляло **род**;
- 2) отдельные роды селились вместе, образуя отдельные **сёла**;
- 3) несколько родственных сёл составляли **сотню**;
- 4) несколько сотен образовывали **область**;
- 5) совокупность этих областей составляла данный **народ**.

Распределение земли между различными, в порядке градации, общественными организациями Энгельс представляет в таком виде:

- 1) каждое село имело сельскую мирскую землю;
- 2) земля, на которую не притязало село, оставалась в распоряжении сотен;
- 3) то, что оставалось после наделения землёй сотни, доставалось области – «гау»;
- 4) земля, которая, была свободной ещё и после этого, – большую часть это был крупный участок, – находилась в непосредственном владении всего народа.

Итак, по Энгельсу:

Каждое село имело *сельскую мирскую землю*, а наряду с этим существовала *общественная земля*: «сотенная», областная и, наконец, общенародная, но захваченная королём как представителем всего народа, и называлась она поэтому *королевской*: konungs almännigar. И все они без различия, даже и королевская, назывались *almannihar альмендами, общинными землями*.

Обширный участок земли, предоставленный каждому отдельному селу, представлял собою так называемую *марку*.

На этом обширном участке земли размножавшееся население основывало новые поселения, *дочерние сёла*, которые вместе с *материнским селом*, на равных или несколько урезанных правах, образовывали теперь единую *общину-марку*.

Таким образом, *община-марка*, по Энгельсу, *есть большее или меньшее число сёл, соединённых в одну общину-марку*.

Над этим союзом, по крайней мере в первое время, стояли ещё более обширные *союзы-марки*, охватывающие «сотни» или «области», и, наконец, весь народ первоначально составлял *единую огромную общину-марку* для управления оставшейся в непосредственном владении народа землёй и для верховного надзора за входившими в неё подчинёнными марками.⁶⁴

«Это сохранение крупных марок, – говорит Энгельс, – составляет существенное отличие общинной собственности германцев от современной русской общины; в России каждая сельская община

63. Там же, стр. 630.

64. К.Маркс и Ф.Энгельс, назв. соч., стр. 631.

имеет свою собственную, обособленную общую землю, если только при отмене крепостничества эта земля не отнята у общины и не передана помещику». ⁶⁵

III

Три брата, **Кый, Щек и Хорив**, сидевшие на Киевских горах, принадлежали к племени полян, о котором летописец говорит, что они **«живяху кождо с своимъ родомъ на своихъ местех, владеюще кождо родомъ своимъ»**. Мы не имеем более подробных данных, для того, чтобы составить себе точное представление о том, что же представляли собою, по существу, эти три братские рода каждый в отдельности и все взятые вместе, с точки зрения известных нам форм общности у народов древности. Поэтому в разрешении этого вопроса нам приходится руководствоваться тем, что мы знаем из классической работы Ф. Энгельса о «Марке» относительно германского рода. Мы не сделаем в данном случае ошибки, потому что германцы и славяне в древности, как и все народы, переживали, в основном, одни и те же этапы развития общественного строя: семья, род, союз родов, племя, государство. С другой стороны, в нашем распоряжении имеется весьма ценное в этом смысле показание Тацита о славянах-венетах, который, описывая этот народ, высказался в том смысле, что он отнёс бы венетов скорее к германцам, чем к сарматам. Следовательно, в Тацитово время, т.е. в I в. н.э., славяне в культурно-общественном отношении не представляли столь разительной разницы сравнительно со своими соседями, чтобы ставить славян и германцев в этом отношении на разные полюсы. Тацит такой разницы не видел.

Исходя из этого, мы можем с известною положительностью утверждать, что каждый из трёх братских родов, о которых мы говорили выше, представлял собою прежде всего группу кровно родственных семей, т.е. *семейно-родовую общину*, сидевшую каждая «на своих местех», на Киевских горах, в дремучем лесу («лес и бор велик»), но вблизи одна от другой, на общей для всех их территории. Такое совместное поселение родов, по Энгельсу, составляло село, причём вначале это было село кровных родственников, т.е. *сельская родовая община*.

Таким образом, три семейно-родовые общины, возглавляемые каждая одним из трёх братьев и имевшие в своём распоряжении обширный участок земли, находившийся в их общем нераздельном пользовании, образовывали *село*, а их участок земли составлял *марку*.

Вместе с ростом населения и образованием на той же территории марки новых дочерних посёлков эта марка превращалась в *общину*

65. Там же.

марку. Во главе её стоял старший в роде. Таким в киевской легенде был старший из братьев – Кый. Это был *старшина* или *жупан* общины-марки, а его братья, Шек и Хорив, оставались на положении семейно-родовых старшин. Затем, по летописному рассказу, братья общими силами построили город, т.е. укрепленный пункт, которому дали имя старшего из братьев, Кья.

Таким образом, в легенде об основании Киева отмечены два последовательные этапа в развитии общества у древних славян: *семейно-родовая община* и *община-марка*. Эти этапы в действительности отделял друг от друга значительный промежуток времени, и если легенда приурочивает их к одному и тому же поколению или связывает их с именем одного и того же лица, то в данном случае мы имеем типичный для всякой легенды анахронизм, легко поддающийся расшифровке и не представляющий по существу, с точки зрения интересов знания, никакого значения. Гораздо важнее то, что легенда фиксирует на своих страницах не только позднейший этап в развитии общества у древних славян, *общину-марку*, но и предшествовавшую ей *семейно-родовую общину*.

IV

Как известно, киевская легенда о трёх братьях, основоположниках Полянского государства и основателях его столицы, не является ни оригинальным произведением киевского летописца, ни какой-либо частной собственностью славянского фольклора вообще, но представляет собою доисторическое племенное предание, уходящее своими корнями в далёкую дославянскую яфетическую давность, в бассейны Ванского и Урмийского озёр, в страну Урарту и Мидию, ко временам, по определению акад. Н.Я.Марра, значительно более древним, чем IV–V вв. н.э. Н.Я.Марр назвал эту легенду «одним из ценнейших племенных преданий Понтийского района, – параллель которой рассказывалась ещё в IV–V вв. на берегах Ванского озера в Армении» и была использована армянским историком **Зенобом Глаком**, писателем VII в. Это именно скифское или, точнее, кимерское предание о строителях армянской земли, трёх братьях – **Куаре**, **Мельте** и **Хореане**, за именами которых, по Марру, скрываются племенные названия.⁶⁶

Таким образом, мы имеем все основания предполагать, что киевская легенда о трёх братьях, создателях Полянского государства и основателях города Киева, в восточно-славянской редакции восходит к значительно более раннему времени, чем киевская летопись

66. См. *Н.Я.Марр*. Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси. Избр. раб., т. V, 1935, стр. 54 и далее; его же. Чуваши-яфетиды на Волге; там же, стр. 334.

XI–XII вв., и представляет собою, в своей летописной редакции, независимое от своего первоисточника, восточно-славянское народное предание, которое могло возникнуть или быть освоенным народом, давшим ему своё местное редакционное оформление только при условии наличности соответствующей конкретной социальной обстановки.

Таков обычный путь сложения национальных легенд, как и обычный путь внедрения в национальную по форме культуру всяких культурных и литературных международных влияний и заимствований.

В названной выше статье «Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси» Н.Я.Март, между прочим, заметил: *«Для исследователя исторической жизни России это, по-видимому, мало на что пригодная легенда, но для доистории не только России, но и всего Средиземноморья это – одно из ценнейших племенных преданий Понтийского района»* (стр. 54). И Н.Я.Март был прав: ценнейшее племенное предание не только для доистории России, но, в частности, для доистории всех славянских народов, в сравнении с которым ничего подобного мы не имеем ни у одного из славянских народов. Ценнейшее в том отношении, что, несмотря на свой легендарный характер, оно даёт нам бесспорный, не вызывающий никаких сомнений конкретный материал, освещающий самые начальные страницы истории славянского общества в древности.

Анализ этого материала привёл нас к заключению, что киевская легенда отмечает два последовательных этапа в истории этого общества: наиболее ранний – *семейно-родовая община* и более поздний – *община-марка*. Весьма вероятно, что когда летописец говорит о полянах в прошлом, что они *«живяху кождо с своимь родомь на своихь местех»*, т.е., занимая определённые территории, эти Полянские роды, как и первичные роды легендарных Кья, Щека и Хорива, представляли собою именно семейно-родовые общины.

Таким образом, расшифровывая легендарный рассказ киевского летописца о трёх братьях, мы имеем все основания говорить о том, что в основе общественного строя у славян в древности лежала семейно-родовая община. Вместе с тем мы имеем все основания говорить также и о том, что для киевского летописца это уже не его современность, а далёкое прошлое, отложившееся в предании об основании Киева, которое он, как добросовестный историк, и заносит на страницы своего повествования, чтобы увязать настоящее с прошлым, делая тем самым исключительный по своей ценности вклад в историческую науку. В его время Полянский род представлял собою, несомненно, уже нечто другое, позднейший этап в развитии общественного строя у славян, т.е. соседскую общину или общину-марку, о чём мы заключаем на основании рассказа той же легенды об основании города Киева. Наконец, когда тот же летописец гово-

рит: «и по сих братни держати почаша род их [т.е. братьев Кыя, Щека и Хорива – *авт.*] княженне в Полях...», мы имеем в данном случае употребление термина *род* в том же источнике в третьем, специальном значении, а именно: в значении *рода-поколения* или *рода-династии*.

V

Однако показание **Прокопия** о том, что славяне «живут в дрянных избах, разбросанных на далёком расстоянии одна от другой», а **Маврикий** к этому прибавляет, что «славяне делают в своих жилищах много выходов на всякий случай», – конечно, заметим, не «на всякий случай», а по совершенно определённой причине, о которой говорят нам скорее соответственные памятники трипольской культуры, нежели соображения Маврикия, – эти показания возвращают нас к той именно более ранней форме родового строя, которая для киевского летописца была уже только преданием прошлого, т.е. к семейно-родовой общине. Легендарные Кый, Щек и Хорив, из которых каждый со своим родом сидит на горе, это скорее славяне византийских авторов VI в. или даже более раннего времени, но не киевские поляне и вообще не славяне X–XI вв. Показания Маврикия о том, что «славяне делают в своих жилищах много выходов на всякий случай» (автор имеет в виду возможность легко покинуть жилище его обитателями во время военной опасности), ещё больше убеждают нас в том, что в данном случае мы имеем дело именно с семейно-родовой общиной, которая по составу своих членов могла иметь и характер так называемой «большой семьи», продолжающей доживать свои дни ещё и сейчас у южных славян – черногорцев, сербов, хорватов, отчасти у болгар, – под официальным юридическим названием «задруга».

В народном языке у сербов-герцеговинцев она известна под названием *кућа*, *задружна кућа*, *кућна дружина*, *друштво*, *братство*, *скупщина*, *село*, *складна браћа*, *велика кућа*, *добра кућа*, *домаћа заједница* и др.; у черногорцев: *лижа*, *огнище*, *дим*, *жућа*; у сербов: *кућа*, *браћа*, *братство*, *комун*, *множина*; у болгар: *голяма къща*, *обител-челяд*, *дружина*, *купщина*, *род*, *рода*. Эти термины, служащие в народном языке у южных славян для названия «задруги», отличны от терминов, которыми они же называют свою обычную семью.

Состав членов южно-славянской задруги там, где она ещё кое-где уцелела до наших дней, не превышает сейчас 10-15 человек; изредка число это поднимается до 30-40 человек. По свидетельству болгарских этнографов, ещё в середине прошлого века в Болгарии встречались задруги с составом членов в 50-100, 100-200 человек. В настоящее время болгар, в частности, задруга представляет собою вообще редкое явление.

Во главе южно-славянской задруги, этого своеобразного пережитка древнеславянской патриархальной семейно-родовой общины, стоит старший в роде *прадед*, *дед*, *отец*, а если его нет в живых или если по преклонности лет он оказывается неспособным к управлению родом («владеюще каждо родомь своимь»), на его место избирается новый *старейшина*, *домакин*, *доманин*, *господар*, *глава*, *главатар*, *стопан*, *сайбия*, *баща*, *дядо* и др. Иногда глава рода уже при жизни своей намечает себе преемника, и этот преемник иногда же ещё при жизни своего предшественника становится на его место.

Глава задруги, *домакин*, является её ответственным администратором, начальником и распорядителем в её хозяйственной жизни и деятельности: он же несёт в задруге и обязанности судьи; он же представляет интересы задруги и в её внешних сношениях. На обязанности *домакина* лежит регулирование всей хозяйственной жизни рода и распределение нарядов на работу между всеми его членами. Он же ведаёт и финансовыми делами своего рода – задруги: продаёт, покупает, ведаёт кассою. Все члены рода обязаны относиться к домакину с почётом и уважением. Обязанности домакина по отношению к женской части задруги несёт его жена – *домакия*.

Хозяйство задруги, её движимый и недвижимый инвентарь, её расходы и приходы составляют общее нераздельное достояние задруги, но зато каждый член задруги пользуется полным материальным обеспечением на равных правах со всеми прочими членами задруги и принимает участие во всех делах задруги, в том числе и в распределении имущества задруги (у сербов это имущество носит названия *стожер*, *заједничка домаћа имовина*, *доманиј* а и т.п.; у болгар – *бащиния*, *задружен имот*, *къщен имот* и др.) По характеристике болгарского исследователя задруги проф. **С.С.Бобчева**, члены задруги смотрят на общее имущество задруги, как на своё имущество, но что в нём кому из них принадлежит, кто какую в нём имеет долю, они не знают, да и знать им этого не надо. Они знают, что все в задруге есть общее достояние, все принадлежит им, все они являются его хозяевами и никто в задруге не имеет права говорить, что это «моё личное имущество», «моё собственное достояние», «мною добытое», «на мои деньги купленное» и т.п. Частной собственности старая задруга не знает, но в последнее время встречаются задруги, где наряду с общим имуществом имеется и частная собственность. Этот вид имущества в задруге у болгар носит имя *башкальк* – от слова *башка* – «отдельно», «особенно». Он образуется чаще всего из свадебных подарков, которые вместе с собою приносит в новую семью невестка из родительского дома; иногда эти подарки бывают и довольно крупными – коровы, овцы, земельные участки, нивы, сады, луга, виноградники и т.п.

Для характеристики хозяйственных отношений в задруге необходимо ещё отметить, что задруга не знает права наследования, что

вытекает из общих условий коллективного пользования задружным имуществом и из основ задруги как формы семейно-хозяйственного объединения.⁶⁷

Эти данные проливают отчасти свет на то, чем по своей структуре и характеру был первичный древнеславянский род как семейно-родовая община, основанная вначале на кровном родстве, перераставшая, однако, с течением времени в территориальную соседскую общину, или общину-марку, и носившая имя своего родоначальника в форме патронимического прилагательного множественного числа на *-ичи, -овичи, -вци*, у западных славян *-ici, -ice* вроде: южно-славянских Враничи, Поповичи, Мрчаевци, Яковци, Тадювци, Великовци и т.п.; чешских – Prejaslovči, Žyvohybici, Mnetici, Domažilici и т.п.; польские Wadowice, Krzeslawice и т.д.

Территориальная соседская община или община-марка у южных славян носила в древности название *жуна*, и старейшина её – *жупан*. У восточных славян она была известна на севере под названием мир, на юге – *вервь*.

Что касается западных славян, то вопрос этот ввиду отсутствия соответственных данных решается здесь или совершенно отрицательно, в том смысле, что славянам эта форма общественного строя вообще никогда не была известна, на чем особенно настаивает польская буржуазная историография, или предположительно в пользу существования и у западных славян аналогичной общественной организации, носившей здесь то же имя жупа, какое она носила и у южных славян. Во всяком случае, положительные данные в этом смысле имеются только для южных славян. Это именно известное показание Константина VIII Багрянородного о сербских и хорватских *жупаниях* или *жупах* и возглавлявших их *жупанах*.

VI

Сербского князя Мунтимира, который, отстранив в 872 г. от власти своих братьев, сделался самодержавным правителем Сербии, Константин Багрянородный называет *великим жупаном* и говорит о том, что ему были подчинены жупаны остальных сербских племён. «*Князей* (ἄρχοντες), как говорят, – замечает источник, – *эти народы* (хорваты, сербы, захлумцы, тревуняне и др.) *не имеют, кроме жупанов-старшин* (ζουπάνος γέροντας), *подобно тому как это в обычае у других славян*».⁶⁸ Каких славян имел в виду Константин Багрянородный, говоря о *других славянах*, – неизвестно. Во всяком

67. См. Karel Kadlec, Rodinny nedil čili zadruha v pravu slovanskem. V Praze, 1898; O. Balzer, O zadrudze slowiańskieje. – «Kwartalnik Historyczny», t. XIII, 1899, стр. 183-256; С.С.Бобчев, Българската челядна задруга. София, 1907, «Сборник за Нар. умотворения, наука и книжнина», т. XXII; Ivan Strohal, Zadruha u južnih Slovjena. «Glasnik zemaljskoga muzeja u Bosni i Hercegovini», XXI, 909.

случае, восточные славяне, которых он очень хорошо знал, в X в. называли своих властителей титулом *князь*. Вероятнее всего, говоря о других славянах, лоточник имел в виду, прежде всего, болгарских славян, а, может быть, также и западных, моравских, которые хорошо были известны в Византии по дипломатическим сношениям уже в IX веке при **Михаиле III** (842–897).

Сербская *жупания*, или *жупа*, представляла собою участок меньших размеров, чем германская область, или «гау», и охватывала обыкновенно долину реки или горную котловину. Большинство жуп называлось по именам рек, вроде, например, Лепеница, Топлица, Црмница, или по названию местности, как, например, Дубрава, Хвостно; реже по укрепленному пункту – Рудник, Будимля. По течению реки жупы могли делиться на верхние и нижние. Границами отдельных жуп были необитаемые лесные или горные области, причём эти границы не имели установленной линии. Центром жупы был замок – град. На обязанности населения лежала постоянная его охрана и поддержка. Жупы были объединены в крупные области – слав. «земля», греч. *χώρα*, лат. *terra, regio*.⁶⁹

VII

Основную общественной ячейкой у чешско-моравских славян в древности, по данным чешского историка права д-ра **Герменегильда Иречека**, был *род*. Комплекс мелких родов составлял *племя*. Живя в деревенских посёлках (*dedina, ves*), эти роды имели общее имущество, общего главу и общее имя. Посёлок как таковой не имел своего имени. Имя носили жители, и это имя оставалось и за посёлком. Например, *Utešnovici* – это прежде всего название рода и только впоследствии название посёлка *Itešinovice*. Этим объясняется, по автору, наличие на территории Чехии и Моравии большого числа посёлков с коллективными, родовыми или так называемыми патронимическими названиями. Древнейшими родовыми именами у чехов и моравян Иречек считает такие, которые встречаются у всех славян, что, с его точки зрения, объясняется тем, что они возникли не на чешско-моравской почве, но были принесены сюда вместе с племенами, т.е. вместе с пришлыми родами. К числу таких родовых имён Иречек относит: *Vojnici, Utešinovic, Mladenovic, Myslenic*,

68. Подробнее см. статью проф. *В.Т. Дитякина* – «Образование государства у хорватов», «Исторический журнал», 1944 г., № 10-11, стр. 76 сл.

69. См. *H Jireček, Geschichte der Serben. I Bd. Gotha, 1911, стр. 115; его же, Staat und Gesellschaft im mittel. Serbien, I, стр. 1-24, 1912; его же, Handelstrassen und Bergwerke, стр. 19; статьи Ст. Новаковича в «Godišnica» I (1877), стр. 163-243; «Glasnik» 1880, кн. 48, стр. 1-151; его же, Село. «Глас Српске Краљевске академие», XXIV, Београд, 1891.*

Drazkovici, Nezabudici, Domaborici, Přibenici, Ubenici, Nehošovici, Nihonici, Bratronici, Sestroňovici, Sendražici, Peřmyslane, Iutoborici, Grdiborici, Prostoborici, Vojislavici, Borislavici, Ratiborici, Jesutborici, Tuchomirici, Radonici, Brancoici и т.п. Первоначально, все это, очевидно, имена не посёлков, а жителей. Каждый член такого рода, предполагает Иречек, лично назывался родовым именем: Vojen, Mladen, Lutobor, Borislav, Vlastibor, Tovchomir, Peřmysel, Něhoš, Nezabud, Ninonja, Rodonja и др.

Древнейший патриархальный строй у чехов и мораван начал исчезать, по Иречку, в X столетии, когда народ в результате более тесного политического сплочения начал более взаимно сближаться и смешиваться и когда жители существовавших до сих пор родовых «дедин» стали расходиться в разные стороны в целях добывания себе самостоятельного источника существования.

Когда князья начали обрабатывать и заселять свои обширные владения, они стали принимать к себе народ из прежних родовых посёлков. Поступая на службу к князю одиночками, этот пришлый народ создавал здесь новые дворы, новые посёлки, но уже не родового типа, как это было раньше, вследствие чего эти посёлки получают и свои названия или по местности, или по имени своего основателя.

Родовой строй у чехов и мораван, т.е. строй, когда сёла образовывали поселения отдельных родов, держался, по Иречку, вплоть до конца X в., так что посёлки с коллективными, патронимическими названиями, по определению Иречека, восходят ко временам не позже X в. н.э., а названия топонимического и персонального характера не старше конца X в.

Родовая организация у древних чехов, по Иречку, была похожа на родовую организацию у южных славян, задругу, что подтверждается исконным названием недвижимого имущества *dědina*, т.е. наследие дедов, переходящее к потомству; другими словами *dědina*, по Иречку, значит родовое имущество. У хорватов это *bastina*, у поляков и словаков – *otčina*, *otčina*. Основа у всех этих терминов одна и та же: *děd*, *batja*, *otec*, т.е. предок родового, кровнородственного, потомства. Эта общность недвижимого имущества, дедины, стала основой средневекового наследственного права у чехов. Как правило, род у чехов в древности оставался неделимым и в этом смысле составлял общину. *Дедина* была кормилицей рода. Она принадлежала не только данным членам рода, но роду вообще, т.е. и последующим его сочленам, поэтому она безо всякого завещания и распоряжения переходила от поколения к поколению. Она была непрерывно продолжающеюся основой источника существования, тем, что южные славяне до настоящего дня называют *stežer* (*Stammgut*), т.е. родовое достояние; семья же была только переходящим пользователем этого имущества. Только предметы потребления, доход, так называемые плоды дедины переходили в абсолютную собственность членов рода.

Доходы дедины состояли из хлеба в зерне – *obili*, и в скоте. Термин *obili* обозначал у чехов вначале то, что и сейчас у словаков называется термином *obili*; *dobytek* – скот означало то, что термин *statek* и до сих пор означает у поляков, т.е. имущество. Хлеб в зерне *obili* стал товаром; скот *dobytek* стал имуществом членов семьи. Девушки, выдаваемые замуж, наделялись у чехов только венном, т.е. движимым имуществом.

А так как род действительно составлял в целом определённую единицу, жил вместе в одном посёлке, то деревня и до сих пор, по Иречеку, у мораван, словаков и чехов называется *dědina*.

О наличности у чехов, мораван и словаков в древности родового задружного строя, причём род и его дедина – посёлок были здесь нераздельны, свидетельствует целый ряд пережитков в современном быту: так, например, средневековая община у чехов, сменившая собою более раннюю родовую общину кровных родственников, продолжала сохранять характер родовой общины и её установления вроде, например, круговой поруки; термин «челядь», каким все вместе нарывались члены родовой общины, которым и сейчас называются служащие в доме (*čeled, čeládka*); вроде обычая, бытующего и сейчас в чехо-моравских деревнях, взаимопомощи крестьян, например, при уборке урожая, известного у моравских валахов под именем *robaba*, у сербов *molba* (*moba*), т.е. помощь при работе, у чехов *laska*; или при бытовых несчастьях оказание взаимопомощи дровами, хлебом, скотом и т.п.⁷⁰

Характерную особенность для воззрений чешского историка права, как можно видеть из изложенного выше, составляет то, что, признавая родовую общину – дедину – в качестве начальной основы общественного строя у чехов в древности, от этой формы общественной организации он непосредственно переходит к племени как к комплексу мелких родовых общин, минуя, таким образом, переходную ступень между родом и племенем, которую составлял союз родов, или, по Энгельсу, – община-марка. Чешский же историк славянского права Карель Кадлец, работавший позже Иречека, как видели мы выше, высказался в 1912 г. предположительно в пользу существования и у западных славян той же организации и с тем же именем жупа, которая была известна и южным славянам и которая представляла собою то именно, что нам известно обычно как община-марка.

VIII

В современной чешской историографической литературе по данному вопросу нет единства мнений. Представители так называемой

70. См. *H.Jireček. Slovanské právo v Čechách a na Morávě. V Praze, 1863, стр. 63-69*

новой исторической школы J. Peřaz и V. Novotný категорически отрицают существование у чехов, моравян и словаков в древности жупы, на том основании, что данный термин не засвидетельствован в древнейших чешских источниках, где на месте предполагаемых небольших жуп выступают только *края*, которые эти источники называют терминами *provincia, terra, regio, tribus, districtus*. Профессор же **Новотны**, кроме того, отметил, что термин *supanus* выступает в латинских источниках значительно позже, начиная впервые с XII в., и высказался против тенденции переносить его в более ранние эпохи чешской истории, независимо от того, что этот термин засвидетельствован у других славян раньше, чем он впервые выступает у чехов. С другой стороны, проф. Новотны пытается установить, что, несмотря на то, что приведённые выше латинские термины и употребляются в источниках, по-видимому, без определённого отличия и как будто бы в одном и том же значении, однако термин *provincia* употребляется в более широком смысле или, по крайней мере, ставится выше термина *regio*, означающего нечто меньшее, иногда прямо противопоставляемое понятию *provincia*. Термин же *provincia* употребляется в источниках обыкновенно для названия территорий былых, некогда самостоятельных племенных объединений. Например: *in confinio duarum provinciarum Belina et Lutomerici* – речь идёт о племенах *белина* и *лютомеричи*; *illa distinguitur provincia quinque regionibus* – речь идёт о племени *лучан*; *uman parvam regionem, quae est circa fluvium Belinam*. Наряду с этим тот же источник (Козьма) говорит: *civitatem Gradec et totam circa adjacentem cum quatuor castellis provinciam*, – т.е. тот же термин *provincia* употреблен в данном случае для города Градец и прилегающей к нему округи, т.е., по-видимому, для территории меньшего размера, чем территория соответственного в прошлом племени. Путём довольно пространного рассуждения проф. Новотны старается доказать, что обширные племенные территории, захваченные вооружённой силою, по причинам топографического характера не всегда были удобны для управления как единое административное целое и поэтому дробились на более мелкие единицы, имевшие своими опорными пунктами вновь создаваемые или приспособляемые для этой цели старые, уже существовавшие на данной территории города. Эти более дробные административные районы единой былой обширной племенной территории автор склонен видеть в термине *regio* в противоположность термину *provincia*, который продолжает по традиции, как утверждает Новотны, существовать у летописцев и историков после того, когда самой «провинции» уже не существовало, а на её месте уже существовали более дробные административные единицы, *regio*.⁷¹ По-видимому, автор имеет в виду обосновать таким образом свою мысль о том, что термин латинских источников regio означал собою, во всяком слу-

71. См. V. Novotný. *České dejiny*, т. I, г. 1, Прага, 1912, стр. 499-514.

чае, нечто иное, чем жупа, и что соответствующей организации у древних чехов не было. То обстоятельство, что существование жуп у чехов, моравян и словаков не засвидетельствовано источниками в древности, но только для XIII и XIV вв. и притом в другом значении, не мешает проф. Нидерле, на основе всяких доводов, высказать всё же предположение, что аналогичные организации существовали у чехов и *моравян* и до X в.⁷²

IX

Из немногих вообще русских учёных, занимавшихся изучением истории славянского права, на вопросе об общественном строе у древних славян, в Чехии и в Польше останавливался в своё время варшавский профессор **Ф. Зигель**. В статье «Исторический очерк местного земского самоуправления в Чехии и Польше» (1883) он высказался в том смысле, что древнейшими формами местного самоуправления в Чехии были деревня и область (жупа). На основании данных чешских историков права; Калоусека и Герменегильда Иречека, проф. Зигель высказал предположение, что в «незапамятные времена» в каждом чешском поселении сидел *один род*.

С проникновением же в Чехию в течение XIII в. вместе с немецкими колонистами немецкого права чешское деревенское управление почти совершенно исчезает и заменяется немецким, с войтом и присяжными. В течение XI в. древнеславянская форма деревенского самоуправления бесследно исчезает в Чехии.

Что касается области или жупы, то имеющиеся в распоряжении исследователя материалы, вскрывающие характер общественного строя у чехов в древности, говорят, по Зигелю, следующее:

1) В самые отдалённые времена аристократия и рыцарство в Чехии и Моравии делились по жупам; ополчения областей составляли отдельные полки; имелись областные собрания для суда населения области.

2) Жупаны областей назначались верховною княжескою властью и представляли собою княжеского наместника в области, причём иногда эта должность была наследственной в известном роде, так что при полной юридической свободе назначать на должность жупана кого угодно князь в этом отношении иногда был связан.

3) Жупаны были всегда представителями богатейших и знатнейших родов в своей области.

Приведённые профессором Зигелем данные рисуют во всяком случае более поздний этап в развитии общественного строя у западных славян в древности, характеризующийся как переходный этап от

72. См. *L. Niederle, Slovanské starožitnosti. Dill III, v Praze, 1919, стр. 184-186.*

родового строя к феодальному, когда вместе с развитием частной собственности создаётся классовое расслоение общества и вырастает землевладельческая знать – аристократия, дворянство и рыцарство, захватывающие в свои руки власть; когда княжеская власть отрывается от народа и начинает приобретать характер самодержавной наследственной власти.

В это историческое время областной жупан имеет двоякое значение: с одной стороны, он по-прежнему *«политический глава области в силу своего общественного значения среди областного населения независимо от княжеского назначения»*; с другой стороны, он *«представитель князя по отношению к области»*.

Таким образом, на этом этапе развития общества жупан совмещает в своём лице одновременно функции органа центральной власти и функции органа местного самоуправления.

В этом положении вещей прекрасно отразился переходный дофеодальный этап в развитии общества у западных славян.

«Такое соединение в одном лице двух противоположностей объяснимо тем несомненным фактом, – говорит проф. Зигель, – что в чешской области мы видим видоизменение племенной жизни; отдельные чешские племена со своими племенными князьями не были стёрты с лица земли; сила князя чешского племени, занимавшего самый центр Чехии, оказалась недостаточною, чтобы окончательно сломить самоуправление; необходимо, вероятно, было ограничиться полумерами; и вот появляется областная организация с сильно развитою областною жизнью и со своим главою, которого, обыкновенно, и утверждал чешский князь своим наместником...» и т.д.

Областной организации незачем было, конечно, появляться – она существовала с древнейших времён, но это была организация, построенная на родовых отношениях. Накопление богатств и возникновение частной собственности привели родовое общество к классовому расслоению и нанесли удар по родовым отношениям, вызвав к жизни новые, феодальные отношения. В процессе феодализации общества старый верховный жупан и областные жупаны родового общества перерастали в имущественную знать и её ставленников, и в процессе классовой борьбы в недрах экономически господствующих групп вырастала централизованная княжеская власть, насильственно ликвидирующая постепенно областные княжества и превращавшая их жупанов или князей в своих наместников. История династии Пшемысловичей в Чехии или династии Пястов в Польше является прекрасной иллюстрацией этого процесса. Такую же иллюстрацию представляет собою и данный случай. Областной жупан продолжает сидеть на своём месте и по-прежнему несёт функции политического главы общества в силу своего значения, но не просто общественного, как утверждает проф. Зигель, а имущественно-общественного значения среди областного населения независимо от

княжеского назначения, но вместе с тем он уже и княжеский наместник по отношению к области. Это ещё не феодальное общество, но дофеодальная стадия его развития. От него один шаг к полному наступлению феодальных отношений. Если исходить из родовых отношений как начальной стадии развития общества у славян в древности, то данную стадию развития общества у древних чехов можно было бы рассматривать как третью стадию в его развитии. Предшествующая ей стадия была стадия независимых областных жупанов, влдиженцев и ставленников имущественной знати.

Таким образом то, о чём проф. Зигель говорит: «...и вот появляется областная организация с сильно развитою областною жизнью и со своим главою, которого обыкновенно и утверждал чешский князь своим наместником», в действительности представляло собою не какое-либо появление неизвестно откуда новой областной организации, а отмирание в чешском обществе последних пережитков старых родовых отношений и наступление новых, феодальных отношений. В конце XIII в. при Пшемисле – Оттокаре II должность жупана была упразднена; вскоре после этого было упразднено и деление Чехии на жупы. Место жупанов заняли королевские *краевые* или крайские чиновники. Чехия была разделена на *края*, в состав которых вошло по несколько старых жуп.

Таким образом, заключает проф. Зигель, в XIV в. исчезает вторая форма старого самоуправления. Образовавшиеся из нескольких жуп края уже не проявляют такой живой общественной жизни. Из крайских чиновников ни один не мог иметь притязания быть политическим главою жупы, а крайские съезды собирались под строгим контролем короля. Он назначал лиц в председатели съезда, он определял, из каких слоев населения съезд должен был состоять, наконец, он указывал предмет обсуждения. Следовательно, крайский съезд не был органом самоуправления, а только средством, к которому прибегало иногда правительство с целью разузнать общественное мнение края по данному предмету. Падение древнеславянской общины в Чехии проф. Зигель относит к XI в.

Х

Гораздо сложнее обстоит вопрос об общественном строе у польских славян в древности. Польская буржуазная наука проявила полное бессилие разобраться в этом вопросе и заняла наиболее удобные для буржуазной науки в подобных случаях агностические позиции.

Общественный строй польских племён до возникновения государства не представляется польским историкам, как **Бобржинский**,⁷³

73. *Michał Bobrzyński*, O założeniu sądów wyższych prawa niemieckiego na zamku Krakowskim. 1875; ego же, Dzieje Polski, 4-e изд., т. I, 1927.

Пекосинский,⁷⁴ Смолька⁷⁵ и др., сколько-нибудь ясным ввиду отсутствия непосредственных данных источников. Однако, каков бы он ни был, признаётся Бобржинский, во всяком случае, он опирался на живое чувство близкого или дальнего кровного родства.

Население жило в древности объединённым территориально в *семью*, в *род*, составленный из нескольких или нескольких десятков семей, в *народ*, составленный из большего числа родов, и в *племя*, составленное из некоторого количества народов. На союз семей и родов опиралась хозяйственная организация, переходившая в течение веков через различные, не поддающиеся утверждению роды коллективного, вплоть до индивидуального, хозяйства. Эти союзы, оставаясь под властью отца семьи и главы рода (старосты), обеспечивали своим членам покровительство и защиту.

Как можно видеть из изложенного выше, либеральный объективизм польского историка мешает ему открыто признать, что и в древней Польше, как и у других народов, общество на догосударственных стадиях развития было построено на первобытно-коммунистических началах; что оно было первобытно-коммунистическим обществом со всеми характерными для этого строя структурными особенностями коллективного хозяйства и коллективной общественности, отлагавшимися соответственным образом как на психике всего коллектива, так и на психике каждого из его членов в отдельности и отложившимися в позднейших нормах публичного права, действительных ещё в эпоху Пястовской монархии; мешает ему признать, что индивидуальное хозяйство есть продукт определённых социальных сдвигов, связанных с зарождением частной собственности, добываемой вначале чисто разбойничьими способами, и что частная собственность, подрывая основы первобытно-коммунистического общества, приводит, в частности, польское общество уже в начале X в. к деспотическому режиму аристократической монархии Пястов, опиравшейся на хищническую эксплуатацию рабов и крестьян («кметей»).

Несколько десятков кровно-родственных родов, живших близко друг к другу, по Бобржинскому, составляли *народ* (*lud*). Каждый такой народ, насчитывавший несколько тысяч человек, держался вдали от другого и управлялся отдельно. Высшим органом власти были *веча*, т. е. собрания всего народа, руководимые старейшинами. *Вече* выносило постановления о войне и мире, разрешало судебные споры и вообще ведало всеми важнейшими делами. Исполнителем вечевых решений были старейшины, но, прежде всего князя, имевшиеся у некоторых народов, но не у всех. Население, составляя

74. *Fr. Piekosiński, Wiece, sejmiki, sejmy i przywileje ziemskie w Polsce wieków średnich*. Kraków, 1900, Rozprawy Krakowskiej Akad. Nauk, Serja II, Tom XIV, 1900, стр. 171-251; *ego же*, *Obrona hipotery najazdu jako podstawy ustroju społeczeństwa polskiego*. Kraków, 1882.

75. *Smolka, Mieszko Stary i jego wiek*. Warszawa, 1891.

один народ, так живо сохраняло чувство своего кровного родства, что рассматривало вече как родовое собрание, а князя, где он существовал, как его главу. На это чувство и на это уважение, по Бобржинскому, опиралось их повиновение вечевым решениям и княжеским распоряжениям.

Население было редкое, говорит польский историк, а необработанной земли было так много, что никто не отбирал её у другого, но часто даже, в поисках лучшего поля, переносил своё хозяйство на другое место. Обладание известным участком земли не представляло собою ещё большой значимости, никто не называл себя его владельцем, никто не отделял его от других границей. Тем усерднее зато каждый народ защищал занятый им участок края от других народов и считал себя единственным его владельцем и собственником, ибо земля принадлежала не одиночкам, не семье или роду, но всему народу. Там же, где сложилась абсолютная княжеская власть, собственность на землю переходила к князю.

Таким образом, польский правовед и историк проф. Бобржинский ни слова не сказал о том, какая же общественная организация лежала в основе общественного строя в допястовской Польше. Он назвал народное *вече* как орган верховной власти, руководимый старейшинами или князем, имея в виду при этом, по-видимому, племенное вече и племенного князя. Он усиленно подчеркнул в качестве главного и основного момента, объединявшего польские семьи в роды, а роды в народ, чувство кровного родства, которое, в изображении Бобржинского, было так сильно у поляков, что они рассматривали свои племенные народные вече как собрания миролюбиво настроенных добрых родственников, а князя как своего милого папашу.

Как появилась у польского народа княжеская власть, что такое представляли собою старейшины, в какой среде и в какой организации они были старейшинами, – это для читателя Бобржинского осталось покрытым мраком неизвестности.

Этим идиллическим тоном он не изменяет и дальше, когда в § 10 своего труда переходит к довольно подробному рассмотрению вопроса об устройстве начального или первичного польского государства в X в. при первых Пястах, Мешке I (960–992) и Болеславе Храбром (992–1025), деятельность которых он рассматривает исключительно, как деятельность культуртрегеров и благодетелей польского народа. С этой точки зрения он оценивает ликвидацию названными князьями древней самобытности польских племён, в частности – племенных князей и республиканских веч, где они ещё существовали, а также ликвидацию территориальных племенных границ, переброску населения с одного края в другой, взаимную перемену его и разделение государства на мелкие поветы, т.е. районы или уезды, во главе управления которых были ими поставлены зависимые от них чиновники (*urzędniki*).

Эти княжеские *урядники*, каждый в своём повете, сосредоточивали в своих руках военную и судебную власть и назывались *панами*. В скобках с вопросительным знаком Бобржинский ставит: *жупанами*, лат. *comites*, позже – *каштлянами*, так как они отправляли свою должность в оборонных замках или городах (*castrum, castellum*), построенных королём в каждом повете, имели в своём ведении гарнизоны этих замков, а в случае войны созывали население к обязательной для всех военной службе, выступали с ним на место, назначенное королём, и вели его в бой. Правда, замечает историк, Польше не доставало материальных средств для того, чтобы в случае надобности противопоставить Западу большое панцирное рыцарское войско, но нехватка вооружения и недостаток количества возмещались железной, соответственной условиям края, организацией. В мирное время население повета ремонтировало свой оборонный замок, поставляя ему поочередно сменяющиеся гарнизоны, и, упражняясь в обращении с оружием, приобретало таким образом соответственные навыки. Впоследствии эта обязанность была заменена специальным налогом «*stróża*», а в замках были введены постоянные рыцарские гарнизоны. Непрерывные тревоги и походы воспитали в народе воинственный дух; наказания, налагавшиеся на ослушников и трусов, были суровые, случаи неповиновения исключительные, самопожертвование безграничное (?!).

Главную военную силу государства составлял род постоянной армии – рыцарство, содержимое на личные средства правителя. Кроме того, король имел в своём распоряжении отборную, наилучшим образом вооружённую придворную дружину в составе нескольких тысяч человек, служившую опорой королю. Эта королевская дружина содержалась в особых лагерях в Гнезне, Познани, Гдече и Водзиславе в количестве нескольких тысяч человек. В опаснейших случаях немецких вторжений к обороне страны привлекался весь польский народ.

Каждый повет, по Бобржинскому, делился на *ополя*. Население ополя обязано было исполнять известный ряд повинностей и даней согласно княжеским распоряжениям и установленному обычаю: поставлять подводы для королевских чиновников и посланцев, перевозить продукты с княжеских амбаров к месту назначения (*przewód*), содержать княжеский двор на месте его прибытия (*stan*), вносить дань скотом (*parzaz*), мёдом, зерном (*sep*), деньгами (*poradlne, podworowe*). Роль денег долгое время исполняли разного рода меха, монета была редкою, вначале только заграничная византийская, позже также местная, чеканившаяся на княжеских монетных дворах. Дань доставлялась в поветовый замок. Таким образом собирались хлеб, продукты, которыми пользовались княжеские чиновники и гарнизон; во время же войны на эти средства вооружалось и кормилось войско.

Первичное польское государство, по Бобржинскому, представляло собою одно большое земское хозяйство, а почти всё население

было деревенским. Обременённое военной службой и различными даяниями и повинностями, оно сидело наследственно на определённых для себя землях. В древнейших документах оно выступает под названием *heredes*, т.е. наследники. Оно было свободным в том смысле, что зависело только от монарха и его урядников. Впервые, вместе с наделением поместьями костёлов, часть этого деревенского люда правители передали под власть костёла, приписали его к костёлам (*ascripti ecclesiae*). Это повело к разграничению повинностей на повинности публичные, оговоренные в пользу правителя государства, и частноправовые, которые перешли к новому владельцу, костёлу. Если же князь передавал обрабатываемую землю частному лицу, то он переселял сидевшее на ней население в другие свои владения.

Тяжелее была участь рабов, военнопленных – поморян, чехов, пруссов, русских и т.д., которые не имели права ни покидать своего местопребывания, ни переменять своего занятия и несли повинности без ограничения. Они имели особую организацию, делились на десятки и сотни и подлежали ведению особых урядников до тех пор, пока не слились с массой польского крестьянского населения и не растворились в нем, что, однако, имело место только в XIII и XIV вв. Одной из важнейших целей войны была добыча большого количества пленников и поселение их как рабов во владениях князя, богатого рыцарства и костёла. Торговля рабами в Польше практиковалась уже с древнейших времен. Значительный класс рабов увеличивался также за счёт осуждённых преступников. Рабы в костельных или частных владениях были вполне подчинены своим владельцам, делали, что им приказывалось, и этот слой населения, в первые века количественно очень значительный, по свидетельству польских историков, играл в сельском хозяйстве, особенно в имениях имущественной знати, крупную роль. Положение населения в частных имениях было в это время крайне тяжёлым.

Среди рыцарства выделялись своим шляхетским происхождением потомки старых княжеских родов. Они владели в порядке наследования обширными пространствами земли (в земле вислян и в Силезии) и вели на них хозяйство, по примеру княжеского хозяйства, трудом рабов, над которыми имели полную власть. Часть этого рыцарства жила в своих замках либо дворах, которым они давали свои имена (*Sieciechów, Prandocin*), большая часть жила в своих имениях, а название посёлка означало народ, составлявший собственность пана (*Sieciechowice* или *Sieciechowiczone ludzie*). С установлением королевской власти это рыцарство сохранило традиции своего происхождения. Король охотно принимал их при дворе, потому что они придавали ему блеск, ими он замещал высшие должности, одаривал их землёю и военнопленными, но не признавал за ними никаких исключительных прав и привилегий. И рыцари устраивали у себя дворы, окружали себя из среды своего народа рыцарством, но дворы их

были только слабой копией двора монарха, около которого они должны были сами вращаться и на котором сосредоточивалась вся жизнь народа.

Наряду с вооружённой дружиной, составлявшей род лейб-гвардии князя, двор его составлялся из урядников и огромного количества служащих. Из дворовых урядников, кроме *чашника* (*pincerna*) и *стольника* (*dapifer*), *мечника* (*ensifer*) и *хорунжего* (*vexilifer*), выдающееся место занимал *восвода* (*palatinus*), один на все государство, заместитель короля в мирное и военное время; *казначей* (*скарбник*, *thesaurarius*), *канцлер* (*cancellarius*), наконец, *коморничис* (*camerarii*), которые разносили судебные распоряжения и повестки. При дворе Болеслава, кроме того, имелся совет короля из 12 личных его приятелей. Никакой, однако, самостоятельности вся эта придворная чиновничья иерархия не имела. Всем как при дворе, так и в государстве ведал лично король. Он лично всем ведал, лично отдавал распоряжения, лично предводительствовал на войне, лично управлял и судил.⁷⁶

Таким образом, если польский историк в своей «Истории Польши» дал некоторую картину общественного строя и общественных отношений в Польше в начальный период монархической Польши, то допьястовская Польша представлена у него в этом отношении весьма поверхностно, и поверхностно именно потому, что он рассматривает историю польского народа в изоляции от других народов – и в первую очередь от прочих славянских народов – и в своих изученных допьястовской Польши ограничивается только письменными польскими источниками, забывая, что письменные источники в данном случае, особенно если они при этом молчат по интересующему историка вопросу, не являются решающим документом.

XI

Проф. Бобржинский является представителем старшего поколения польских историков. Первое издание его «Истории Польши» вышло в 1877 г. Можно было бы предполагать, что за время, истекшее после 1877 г., польская наука обогатилась новыми данными, которые могли дать ей основания пересмотреть свои старые позиции в вопросе об общественном строе у польских славян в древности или же что в трактовке национального прошлого польские историки сумели выйти из заколдованного круга национальной обособленности и подойти несколько шире к данной проблеме, учитывая не только данные польских источников, но и огромные достижения в этой области соседей и в первую очередь русской науки, достижения которой они вообще обыкновенно замалчивали... Предположения наши оказались, одна-

76. См. Dzieje Polski w zarysie. Wydanie 4-te, uzupełnione. T. I, 1927.

ко, не отвечающими действительности. Перед нами труд польского историка **Арнольда Станислава** (Arnold Stanislaw) 1927 г. – «Początki państwa Polskiego». ⁷⁷ Несколько начальных строк посвящены в ней интересующей нас проблеме. Вот что мы читаем в этих строках: «*Политический строй польских племён, конечно, немногим, в общих чертах, отличался от того, который в это время существовал у других славян. Однако, вопреки тому, что неоднократно утверждается ещё и сейчас, он не имел черт родового строя*» [подчёркнуто мною – **авт.**]. Родовые союзы существовали, утверждает автор, в наиболее прочно сложившемся виде, вероятно, только в деревнях, где самый старший в роде, староста, имел, конечно, довольно значительное влияние на своих кровных родственников, улаживал споры, исполнял некоторые обрядовые функции, например, при заключении браков и т.п. Но в исторических источниках нет следов, говорит автор, чтобы он когда-либо выступал в политической роли, как вождь или владетель. Западное славянство, вместе с Польшей, в IX–X вв. уже давно имело за собою период сложения больших племенных государств с княжескою властью во главе.

Эта власть существовала у славян, утверждает автор, уже в готское время (IV в. н.э.), ибо славяне именно от готов приняли термин kniedr, позже księdr, затем knęz, который мог возникнуть только от готского kuninga. Несомненно, старшим по происхождению княжеским титулом, говорит автор, был славянский wloDYka или wlościciel, сохранившийся ещё в значительно позднее время у разных славянских народов, равным образом как и хорошо известный в Польше термин – *господин* (стр. 51).

Вот и все, что мы узнаём о дофеодальном периоде в истории Польши из книги современного польского историка проф. Арнольда.

Оказывается, таким образом, что политический строй польских племён, который, по автору, немногим, конечно, отличался от того, который в это время существовал у других славян, в действительности отличался от него очень многим: во-первых, он не имел черт родового строя, и, во-вторых, родовые союзы существовали у польских славян, вероятно, только в деревнях. Спрашивается, что же после этого остаётся в политическом строе польских племён, что сближало их, по утверждению польского историка, с прочими славянами? По-видимому, ничего, потому что польские славяне не знали родового строя, а если и знали его, то, вероятно, только в деревнях. Что значит это последнее утверждение автора? Что он понимает для дофеодального периода в Польше под термином *деревня* и какой тип населённого пункта, очевидно, существовавшего, по его мнению, в это время в Польше, он противопоставляет деревне? По-видимому,

77. См. двухтомное коллективное издание «Polska, jej dzieje i kultura od czasów najdawniejszych do chwili obecnej». Warszawa, S. a. (1927), стр. 51-56.

это было значительное население, если отсутствием у него черт родового строя автор характеризует в *основном* общественный строй Польши в древности. Однако не является ли это категорическое утверждение автора простым недоразумением? Никакого другого населения, кроме деревенского, дофеодалная Польша не знала, как не знали его и другие славянские племена на востоке и западе. О городах в современном смысле слова говорить не приходится, потому что их не существовало. А если кое-где в городах-замках и существовало осёдлое население, то его составляли в это время князь со своим окружением и гарнизон, не представлявшие собою, во всяком случае, основного населения страны.

Таким образом, то весьма небольшое, что по интересующему нас вопросу об общественном строе допьястовской Польши сказал Арнольд Станислав в своём очерке 1927 г. «Początki państwa Polskiego», не внесло в вопрос никакой ясности, и самый вопрос затронут автором весьма поверхностно, мимоходом, как несущественный вопрос, как вопрос, имеющий будто бы для истории образования Польского государства скорее чисто формальное значение, чем значение по существу, как объясняющее самый процесс образования государства и его древнейшие исторические судьбы.

ХII

В задачу нашего очерка не входит обзор высказываний польских историков по вопросу об общественном строе в Польше в древности, т.е. до образования монархической пястовской Польши. Для этого потребовалось бы слишком много времени, потому что нигде среди славян буржуазными историками не было положено так много «добросовестных» усилий на то, чтобы доказать, что польский народ в древности не знал родового строя, как именно в Польше. Следить за этою литературой, откровенно говоря, не представляет никакого интереса. Чаще всего — это откровенные или замаскированные попытки доказать, что польский народ никогда не знал коллективной собственности, а чуть ли не родился на свет божий уже частным собственником и таким остаётся вплоть до настоящего дня. С другой стороны, однако, несомненная наличность в истории польского народа ярких пережитков родового строя заставляет признать и эту группу польских историков, что всё же нечто вроде родового строя было известно и польскому народу в древности, следовательно, надо найти какой-то выход из этого противоречия. И они стараются найти его в различных компромиссных комбинациях, которые при этом строятся таким образом, что принцип частной собственности не терпит ни малейшего ущерба. К этой группе польских историков принадлежат **Тадеуш Войцеховский** (Wojciechowski Tadeusz), автор известной монографии, вышедшей в Кракове в 1873 г. под заглавием

Chrobacyna (т. I), посвящённой исследованию названий населённых пунктов в Малополье, т.е. в Краковской области, которую он называет Chrobacyna, т.е. «Хорватия»; затем – **Кароль Потканский** (Karol Potkański), давший целый ряд работ на ту же тему – о различных типах наименований населённых пунктов в древней Польше; частично **Станислав Закржевский**. Критическому обзору этих работ, а затем и собственному исследованию того же предмета посвящена обстоятельная монография **Фр. Буяка** (Franciszek Bujak) – *Studia nad osadnictwem Malopolski*, напечатанная в 1905 г. в «Трудах» (Rozprawy) Краковской Академии Наук (т. XXII).

Для того чтобы уяснить себе основную целеустремлённость названных выше польских историков, поставивших свою задачу разрешение проблемы общественного строя в древней Польше путём исторического анализа различного типа наименований населённых мест, следует иметь в виду, что, согласно общепризнанному мнению, населённые пункты с так называемыми патронимическими названиями, о чём мы говорили выше, представляют собою, предположительно, наиболее старый тип посёлка, т.е. посёлка эпохи родового строя, носившего обычно имя своего родоначальника в форме патронимического прилагательного множественного числа на -ичи, -овичи, -вци; западных славян на -ісі, -ісе и т.п.: Враничи, Поповичи, Яковци; чешск. Domařilici, польск. Wadowice и т.п. Задача названной группы польских историков сводится, в основном, к тому, чтобы аннулировать это общепринятое в исторической и юридической литературе положение и дать иную картину происхождения различных типов поселковых наименований на территории Польши и, в частности, доказать, что так называемые патронимические наименования населённых пунктов не представляют собою наследия былого родового строя. Так, например, Fr. Bujak утверждает, что древнейший тип поселений в Польше составляют те, которые носят топографический характер, т.е. отражают в своих названиях характерные особенности местности расположения посёлка, вроде, например, наименований, составленных из имён рек, лесов и деревьев, а также из давно исчезнувших выражений -aha и -afa (aqua), -loh (locus), -mar (fons), -tar (arbor) и т.п.; или наименований, указывающих на влажность, болотистость почв расположения посёлка, вроде, например, brodno, brodlo, brudno, brno (гл. brnać – «брести, ходить по грязи»), bagno, bloto, beblo, chechlo, chrapu и т.п. (стр. 298); или, наконец, наименований с окончанием -іса, считающихся обыкновенно, по автору, именами рек (стр. 299). Автор стоит на той точке зрения, что вначале первенствующая роль принадлежит самой земле, преобладающей над человеком, её насельником, кочевником, и только с течением времени преобладающая роль переходит к насельнику (296). Вместе с развитием частной собственности все чаще и чаще начинают выступать личные имена как элемент, лежащий в

основе производства наименований населённых пунктов (295, 297 сл.). Для допущения системы родового поселения в XII и XIII вв. источники, по автору, не дают никаких оснований. Польское и, в частности, малопольское население в этом периоде (XII–XIII вв.) представляло собою, по автору, обычно, совместное поселение; однако уже в это время, согласно утверждению автора, имеются и многочисленные следы поселения индивидуального или однодворового.

Самое интересное и наиболее ценное в монографии Fr. Vujak – это уточнение понятия об *ополе* (*vicinia*) в эпоху племенного быта у поляков в древности. *Ополе*, по автору, это, прежде всего, территориальная, а не родовая единица, это территориальное объединение нескольких сёл (от 10-20); бывали, однако, ополя и больших размеров. В пределах одного ополя (*vicinia*) все население его образует *соседей* (*vicini*), связанных в пределах территории ополя определёнными правовыми нормами в пользовании земель. Первоначально только ополя имели определённые границы; сёла же, расположенные в пределах ополя, оставались в таких отношениях к этим границам, как сейчас, замечает автор; хозяйства, состоящие из нескольких десятков кусочков, относятся к территории села. Дисциплинарная (по суду) ответственность населения ополя, а особенно его коллективные обязательства в отношении исполнения распоряжений правительственной власти, свидетельствуют о том, по автору, что более подробное различие между сёлами и населением ополя было затруднительным. Автор подчёркивает, как важный пережиток первичной общности территории между многими сёлами, право выпаса скота на землях соседних сёл на основе взаимоуслуги по отношению друг к другу в среде определённой группы сёл. Автор высказывает предположение, что между ополем и племенной территорией была некая посредствующая единица политической (государственной) организации. В большинстве же известных случаев, утверждает автор, ополе равнозначно с городом (*civitas* – географа баварского), который позже стали называть в Польше *каштеляней*. Автор настойчиво отмежевывается от жупы или жупанки. Польское *opole* – *civitas*, заявляет он, не было жупой. В Польше и Чехии в XII и XIII вв. жупа, говорит автор, означала все взносы населения в пользу государства; другими словами – с точки зрения правительственной администрации – жупою в Польше назывался всякий доход княжеской казны. Ввиду того, что важнейшие доходы в Краковской земле поступали с солеварен и с соляных рудников, *жупами* здесь назывались *соляные камсноломни*. Правительственные урядники (чиновники) называются в это время в Польше вообще *жупанами*, как сборщики с населения государственных взносов и даней...

Из сказанного выше польским историком относительно *ополя* у поляков в древности с совершенной очевидностью вытекает, что *ополе* (*vicinia*) представляет собою не что иное, как территориальную

общину или соседскую общину – марку, и в этом смысле – организацию, совершенно тождественную с жупою или жупанией у южных и других западных славян. Что означала жупа и жупания в Польше и в Чехии в XII–XIII вв., это совершенно особый вопрос, вопрос исторически преемственной традиции в специальном отложении данного термина в определённой области хозяйственной жизни. Для нас важно, прежде всего; то, что в допьястовскую эпоху, т.е. в эпоху племенного строя и родовых отношений, польское общество знало родовой строй в полном объёме, как знали его в это время и все прочие славянские племена и народы; знало оно на известном этапе своего развития, и семейно-родовую общину, и территориальное объединение семейно-родовых общин в союз этих последних, т.е. подлинную жупанию или жупу, соседскую общину-марку, что доподлинно представляло собою польское *opole*; знало оно, конечно, и общественные организации более широкого масштаба, т.е. территориально-союзные объединения ополей в племенные образования различных по занимаемой площади и количеству населения размеров.

Так, именно, представляется нам общественный строй у поляков в древнейшее время, если только мы будем исходить не из случайно уцелевшей в случайно сохранившихся латинских памятниках соответственной терминологии, но и из более широких данных марксистской науки об обществе, из наличности соответственных институтов у ближайшего окружения, из позднейших бытовых и правовых пережитков традиционной житейской практики данного народа и пр. и пр. Польская буржуазная наука, как видели мы выше, подходит к данному вопросу чисто формалистически, исходя только из наличности соответственных показаний письменных источников и тем самым сознательно ограничивая свои познавательные возможности в такой важнейшей области знания, как наука об обществе. Однако и в среде польских буржуазных историков и правоведов имеются отдельные учёные-одиночки, которые умеют сохранить свой независимый голос и в массе реакционного окружения продолжают твердо стоять на своих позициях признания и для древнейшего общественного строя Польши родового принципа со всеми вытекающими отсюда историческими и юридическими последствиями.

ХIII

К числу этих польских учёных принадлежит недавно скончавшийся краковский профессор, б. член-корреспондент Академии Наук СССР **Освальд Бальцер** (Oswald Balzer). Последняя из его работ, в которой он останавливался на проблеме родового строя в Польше, была напечатана в 1898 г. в львовском историческом журнале *Kwartalnik Historyczny* под заглавием *Revizya teoryi o pierwotnem osadnictwie w Polsce* (Rocznik XII, zeszyt 1, стр. 21-63).

Возражая против теории **Фр. Пекосиньского** (Franciszek Piekosiński) о происхождении общества и государства в Польше путём najard на Вислу и Варту лехитов с Лабы, опубликованной автором в 1896 г. в Кракове в специальной монографии – *Ludność wieśniacza w polsce w dobie Piastowskiej*, проф. Бальцер приводит целый ряд доводов, подтверждающих наличие родовой организации населения древней Польше, удерживавшегося здесь вплоть до XIII в. Родовую организацию населения проф. Бальцер считает первичной для Польши; отсюда, как основной тип наименования населённого пункта для древней Польши, Бальцер считает форму патронимического названия. Пекосиньский, которому возражает Бальцер, считал первичным типом поселения для Польши поселение индивидуальное.

Проф. Бальцер считает *ополе* первичной территориальной общественной организацией древней Польши, соответствующей *братствам* у чехов и сербов, т.е. жупаниям или жупам.⁷⁸

Освальд Бальцер отмечает следующие следы и остатки родовой организации у крестьянского населения в Польше:

1) упоминание в документах о пожалованиях несвободных людей: *cum tota generatione, cum filiis et fratribus, cum fratribus* (стр. 25);

2) существование «старосты», как начальника села, который до этого был главою рода (стр. 25-27);

3) наказательная, или пенитарная (польская *karna*), ответственность рода согласно свидетельству «Книги обычного права» (*Kniga prawa zwyczajowego*) (стр. 29-30);

4) получение родом (крестьянским, а не только шляхетским) выкупа за голову убитого (стр. 31);

5) наличие слоя крестьянского населения, называемого в документах *hospites*, которых Бальцер признаёт «*lazeńków*», т.е. не принадлежащими к родовой организации (стр. 31-35).

К этой же проблеме О. Бальцер возвратился ещё раз в 1899 г. в работе «*O zadrudze slowianskiej*», «*Kwartalnik Hist.*», t. XIV, 1899, стр. 183-256.

XIV

Прокопий говорит о славянах VI в., что они не управляются одним человеком, но истари живут в демократии, поэтому обо всем, что для них полезно или вредно, они рассуждают сообща. Другими словами, славяне, по Прокопию, не знают единодержавной власти и живут на основах самоуправления путём обсуждения своих дел на всенародных сходках, т.е. вечах. Этот общественный строй Прокопий называет *демократией*.

78. По вопросу об ополе см. Dr. *Richard Roepell*, *Geschichte Polens*. Hamburg, 1840, Erster Theil, 2-tes Cap., 82-94; 2-te Beilage «*Ueber vicinia oder opole*», стр. 615-617.

Показание Прокопия подтверждается аналогичным показанием его современника Маврикия, который говорит о славянах, что «у них нет общей власти, они вечно во вражде друг с другом, что положат одни, на то не решаются другие, и ни один не хочет повиноваться другому».

Картина, рисуемая Мавриkiem, страдает, конечно, известным перегибом, обычным, впрочем, для всех византийцев, когда они говорят о своих врагах – варварах и особенно о злейших врагах – славянах, но в основном она совпадает с показанием Прокопия о том, что славяне не знают единой государственной власти и живут в демократии. Однако Прокопий в своём показании не раскрывает полностью всей картины славянской демократии, т.е. господствовавшего у славян в его время демократического строя. Эту картину дорисовывает Маврикий, которому приходилось вести военные дела со славянами, а стало быть, ближе знать их быт и нравы, хотя, надо сказать, и он знает их весьма поверхностно. «У славян, – говорит он, – множество царьков, и они между собою несогласны», а потому он считает излишним некоторых из них, особенно пограничных, привлекать на свою сторону подкупом, а затем уже нападать на остальных. Наличие у славян «множества царьков» в соответствии с наличием множества племён и родов, о чём говорит тот же Маврикий, а позже него в X в. арабский писатель Масуди, причём славянские «царьки» со своими дружинами занимаются разбоем и грабежом, развивая в этом направлении в VI–VII вв. огромную энергию с тенденцией к захвату крупных торгово-промышленных и культурных центров вроде Солуни или Константинополя и наживая на этих грабежах огромные богатства, – все это даёт нам основания говорить о том, что первобытно-общинный демократический строй в VI в. уже был, по-видимому, изжитым этапом общественного развития у славян и что его сменял или уже сменил в это время строй, известный под именем «военной демократии», переходный строй к феодализму и феодальной государственности.

Многочисленные показания источников ясно говорят о том, что, выражаясь словами Энгельса, былая война племени против племени к VI в. у славян уже выродилась в систематическое разбойничество на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ и превратилась в регулярный промысел, который привёл к накоплению богатств, сосредоточивавшихся в руках, прежде всего, славянских родовых вождей, или «царьков», и их дружинников, что привело к образованию частной собственности и положило начало классовому расслоению общества. «Они стали богаты, – говорит о славянах в VI в. **Иоанн Эфесский**, – имеют много золота, серебра, табуны лошадей и оружие». В начавшемся процессе классового расслоения славянского общества старая родовая знать переросла в крупную земельно-собственническую владетельную аристократию: былой на-

родный избранник – воевода, владыка, жупан или князь (в латинских источниках *rex*, греч. ῥήγας) превращался в экономически мощного владельца-собственника, ставленника экономически господствующего класса богатой родовой аристократии. Традиционные формы родовых отношений продолжали ещё удерживаться в общественной жизни, но они уже были лишены своего старого внутреннего содержания: совет родовых старейшин стал заменяться советом родовой знати, а затем ещё более узким кругом княжеских или жупанских советников по личному выбору владетельного князя из рядов той же родовой аристократии; вече, лишённое своих старых прав выбора князя, отмирало естественной смертью, хотя и продолжало ещё кое-где созываться в ограниченном составе, но по усмотрению князя и только для решения местных дел; вместе с укреплением верховной княжеской власти ликвидировалось старое народовластие, вымирала и военная демократия, как социальный строй, переходный к феодальному строю. Таким образом, в связи с подъёмом военной демократии в славянском обществе падают старые родовые отношения; из военной же демократии вырастают затем новые, феодальные отношения и феодальный строй. В VII в. этот процесс феодализации общества у южных и западных славян был, надо полагать, на полном ходу.

Примером необычайного выдвигания на вершины богатства и политического могущества может служить известный из истории поморских славян вельможа **Домислав**, соперничавший о великим князем настолько, что последний ничего не смел предпринять без совета вельможи. Интересный материал об этом Домиславе даёт известное житие Оттона Бамбергского (XII в.).⁷⁹

Таким образом, появление частной собственности привело старый первобытно-родовой строй у славян к распаду, начало которого у восточных славян возводят приблизительно к V–VI вв. Вероятно, эту же дату надо принять и для прочих славян. Во всяком случае, в VII в., когда у южных и западных славян возникают первые государственные образования, распад родовых отношений здесь, несомненно, был налицо. Родовая знать, экономически окрепшая и переросшая рамки общинно-натурального хозяйства, вырастает в эксплуатирующий класс крупных земельных собственников, опирающийся на военную силу, захватывает в свои руки и политическую власть в жупе и продолжает по-прежнему заниматься своим старым «ремеслом» – грабежами и войной. Наиболее экономически мощные жупанские роды, т.е. жупанская родовая знать, путём захвата территорий соседних жуп подчиняют себе родовую владельческую

79. См. «Русский исторический сборник», издаваемый Обществом истории и древностей российских. М., 1841, кн. 2 и 3, стр. 155-299, ст. *Даниловича*, Исторический взгляд на древнее образование славянских и преимущественно польских городов до XIII столетия, стр. 175.

знать последних, и она превращается в служилую аристократию, в жупных князей и воевод, подчинённые лично великому князю, владетелю и крупному земельному собственнику обширной территории бывших семейно-родовых и соседских общин.

XV

Арабский писатель X в. **Аль-Масуди** говорит о славянах, что они делились на множество родов, раздираемых усобицами и имевших каждый своего князя. Другой арабский писатель XI в. **Аль-Бекри** к этому прибавляет: *«Славяне – народ столь могущественный и страшный, что, если бы они не были разделены на множество поколений и родов, никто бы в мире не мог им противостоять»*. Родовых славянских князей византийцы называли ἄρκοντες, κατάρχοντες, ἄρχηγοί, ἡγεμόνες, βασιλεῖοι и ῥήγες, у западных летописцев они были известны под именем – duces, primores, reges, reguli.

В качестве таких князей эпохи военной демократии у славян известен целый ряд имен, а ещё чаще просто ряд безыменных князей и царей. Из истории антов мы знаем царя **Божа**, которого в 375 г. распял готский король **Винитар** вместе с его сыновьями и 70 старейшинами, т.е. жупанами. В VI в., когда антский союз представлял собою уже мощную военно-политическую организацию и с ним воевали авары, анты около 558 г. отправили к аварскому хану в качестве своего посла **Мечимира Идарича (Межамира Идаризия)**, брата **Целогоста (Келагаста)**, для переговоров, но так как Мечимир гордо держал себя перед ханом, авары, подстрекаемые неким кутургуром (болгаринном), убили его. *«Этот человек, – говорил кутургур, – имеет большую власть у антов и может сильно повредить своим врагам. Нужно убить его, а потом без всякого страха напасть на их землю»* (Менандр). В связи с этими данными весьма основательно предполагают, что антский Мечимир *«мог быть князем целого племенного союза антов, так как иначе он не был бы так страшен для аваров. Указание на его отца и брата говорит о его родовитости, а может быть, и о том, что власть такого князя превращалась в наследственную»*.⁸⁰

Ср. приведённое выше показание «Повести временных лет»: *«И по сих братии держати почаша род их княжение в Полях»*. К числу таких же верховных племенных славянских вождей (*царей* – по арабским источникам или *князей* – по летописной терминологии) принадлежал, несомненно, и известный **Лаврита** или **Дабрита**. К нему и к важнейшим князьям славянского народа аварский хакан (**Баян**) от-

⁸⁰. Б.А.Рыбаков. Анты и Киевская Русь. «Вестник древней истории», 1939 г., кн. 1 (6), стр. 328.

правил посольство, требуя, чтобы они покорились аварам и обязались платить дань, на что Дабрита и славянские князья, по свидетельству Менаандра, ответили с высоким достоинством решительным отказом (VI в.). Прокопий называет имя славянского вождя **Андрагаста**; Феофилакт Симокатта говорит о славянском князе **Ардагасте** и вожде **Пирогасте** и т.д. У древних волынян был князь **Маджак**. «Повесть временных лет» называет, между прочим, древлянского князя **Мала**: «**Поймем жену его** (т.е. жену Игоря Ольгу) **за князь свой Мал**» и легендарного князя **Кыя**. Тот же источник, рассказывая об **Олеге**, говорит: «**И заповеда Олег... даяти уклады на Русьскыя грады: первое на Киев, таже на Чернигов и на Переяславль и на Полоцьск и на Ростов и на Любечь и на прочая грады, по тем бо градом сядяху величин князя, под Олегомь суще**».

В официальном документе, в договоре с греками от 911 г. (6420), Олег именуется «**великим князем русским**», а князья, бывшие «под его рукою», — «**светлыми и великими князьями**»; рядом с этими князьями называются и его «**великие бояре**». С тою же терминологией мы встречаемся и в последующих договорах киевских князей с греками от X в. Интересно при этом, в частности, отметить, что в то время как посольство Олега в договоре от 911 г. выступает от имени «**ванкого князя Русьскаго и от всех, нже суть под рукою его, светлых и великих князь и его великих бояр**», византийский император **Лев VI** (886–912), вместе с соправителями **Константином** и **Александром**, именуется официальным титулом византийских императоров, которого в это же время так настойчиво и упорно добивался, между прочим, болгарский князь **Симеон**: «**великия о возе самодержцы, цесари греческие**» («έν θεω ε'υσεβεις α'υτοκράτορες βασιλεις Ρωμαιοων»).

Наряду с княжением династии Кыя, Щека и Хорива у полян «**Повесть временных лет**» отмечает аналогичные княжения: «**а в Деревлях свое, а Дреговичи свое, а Гловене свое Новегороде, а другое на Полоте, нже и Полочане, от них же и Кривичи...**». В конце XI в. у вятичей был известен князь **Ходота** и его сын. В житии Стефана Сурожского называется новгородский князь **Бравлин** (начало IX в.).⁸¹

Византийский писатель Маврикий (VI в.) говорит о многочисленных *филах*, т.е. жупах, племенных и родовых образованиях у славян, и о *филархах*, или царьках (ῥίγες), возглавляющих эти образования.

Греческое сказание о чудесах св. Димитрия Солунского называет князя ῥίγα славянского племени ринхинов **Первунда**; в болгарском житии того же Димитрия говорится о славянском князе, осаждавшем Солунь. По свидетельству патриарха Никифора, в 768 г. **Константин V Копроним** выкупал у славянских князей христиан-пленников, захваченных славянскими четами на островах Имбросе, Те-

81. Б.Д.Греков. Киевская Русь. 1939, стр. 224.

недосе и Самофракии. В 779 г. афиняне решили помочь принцам Исаврского дома, которые были посланы в их город правительницей **Ириной**, матерью **Константина VI**, и обратились к **Аламиру**, князю славянского племени велезитов, обитавших в Фессалии.

Константин VIII Багрянородный, сообщая о белых хорватах, которые жили где-то на севере за Багибореей (Богемией?) и были подчинены королю франков и саксов, говорит, что они имели собственного князя. Балканские славяне, по показаниям того же источника, имели своих жупанов.⁸²

Чешские племенные образования возглавлялись воеводами и жупанами, выдвигавшимися из наиболее экономически мощных родов имущественной знати или так называемых лехов; общины-марки возглавлялись владыками, стоявшими в известном подчинении у племенных воевод, которые, в свою очередь, находились в подчинении у воеводы, главенствующего в союзе чешских племён чешского племени, который был *вождём* или *князем* всего чешского союза племён. С ликвидацией к XI в. родовых отношений чешские владыки и лехи превратились в княжью служилую аристократию и продолжали возглавлять жупы, но не по избранию народа, а по назначению князя; в латинских источниках они известны под именем *castellani*, *praefecti*. Из кругов той же аристократии пополнялись и кадры высшего княжеского чиновничества: *палатин*, или надворный жупан, *коморник* – казначей, *надворный судья*, *ловчий*, *конюший*, *кухмистер*, *нотариус*, *писари*, составлявшие вместе с тем и коллегию княжеских советников, или княжий совет. Как общесоюзное вече (сейм), так и областные веча (сеймы) были захвачены в свои руки тою же имущественной аристократией и утратили прежнее значение органов народовластия: подлинный народ в них отсутствовал, как и вообще народ отсутствовал в государственной жизни, превратившись исключительно в тяглое население, обложенное всевозможными налогами, поборами и повинностями в пользу верховного владельца всех чешских земель из рода Пшемисловичей и окружавшей его аристократической своры. Ту же картину видим мы и в монархической Польше Пястов, начиная с X в.

XVI

Арабский писатель конца IX в. **Ибн-Хордадбе** в своей «Книге путей и государств» говорит: «*Царь славян называется **кнадз***». **Аль-Масуди** (X в.) пишет о славянах: «*Они составляют различные племена, между коими бывают войны, и они имеют царей. Из этих племён одно имело прежде, в древности, власть над*

82. См. В.Т.Дитякин, назв. соч., стр. 74-79.

ними, его царя называли *Маджак*, а само племя называлось *валинана* (т.е. вольняне). Этому племени в древности подчинялись все прочие славянские племена, ибо верховная власть была у него, и прочие цари ему повиновались». Названный выше Маджак арабских источников, по-видимому, тождествен с Μουσακος византийских источников, убитым греками в 593 г. на Дунае. Кроме славянского племени валинана и его царя Маджака, Аль-Масуди называет ещё племя *астабрана*, «которого царь в настоящее время называется **Саклаих**»; племя *дулаба*, т.е. дулебы, «царь же их называется **Вандж – Слава**» (по-видимому **Вячеслав**); племя *бамбджин* (бужане или богемцы) с царём *Азана* (вариант – **Гарана**, вероятно **Асен**); **Герун** или **Горен**. Масуди называет это племя самым храбрым между славянами и самым искусным в наездничестве. Затем у него следуют: славянское племя *манабан* с царём **Занбир** (**Святобор**, **Свентобор**); племя *сарбин*, грозное своим противникам по причинам, говорит автор, «упоминание коих было бы длинно, по качествам, изложение которых было бы пространно, и по отступствию у них закона, которому они бы повиновались»; имени царя этого племени автор не называет; затем у него следуют славянские племена – *маравы*, *харватин*, *сасин* (сусолы русских летописей), *хашанин* (кашубы?, кучане?) и *баранджабин* (дреговичи?). «Названные нами имена некоторых царей этих племён, – замечает Масуди, – суть имена известные (общепринятые) для их царей».

Первым из славянских царей Масуди называет царя **Дира** и говорит о нём, что он имеет обширные города и многие обитаемые страны и что мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами. Подле царя **Дира**, по Масуди, живёт славянский царь **Аванджа** (**Венчеслав?**), имеющий города и обширные области, много войска и военных припасов, и воюющий с **Румом**, **Ифранджем** и **Нукабардом**, т.е. с греками, франками и лангобардами, что даёт основание видеть в Авандже какого-либо хорватского князя. Племя славян-русов Масуди называет красивейшим из славян лицом, наибольшим числом и храбрейшим из них силою; коренным же из славянских племён он называет племя валинана (т.е. вольняне; оно почитается между их племенами, говорит он, и имело превосходство между ними. Вообще же, по Масуди, славяне составляют многие племена и многочисленные роды. Впоследствии же, говорит он, пошли раздоры между их племенами, порядок их был нарушен, они разделились на отдельные колена, и каждое племя избрало себе царя.

Ибн-Даста (X в.) говорит о славянах: «Глава их коронуется; ему они повинуются и от приказаний его не отступают. Жилище его находится в середине страны славян. Помянутое выше лицо, которое они титулуют “главою глав”, зовётся у них “Свет-

царь»; это лицо стоит выше субанеджа (жупана), который есть только его наместник».⁸³

Показание Ибн-Даста интересно, в частности, в том отношении, что оно характеризует уже позднейший этап в развитии славянского общества. Здесь уже нет речи ни о «демократии», ни об анархии родового строя, о которых говорят Прокопий и другие византийские авторы VI в. Родовые отношения уступили место классовым, феодальным отношениям.

Перерастая организационно в союзы общин, а затем в более широкие, территориально и политически, образования – племена и союзы племён и продолжая сохранять своих *seniores villarum*, т.е. жупанов, западно-славянское общество выдвигало из своей среды, на общих основаниях для позднеродового строя, племенных и союзно-племенных вождей или князей с функциями, в первую очередь, военно-организационного характера. Из таких князей известны, например: князь **Дерван** у западных сербов в VII в.; князь племени бодричей **Вильчан**; то же – племени лютичей – **Драговит**; премник Вильчана, князь **Дражко** и др.

Переходный тип от князя эпохи военной демократии к позднему верховному князю-феодалу эпохи складывавшейся государственности представлял собою в XI в. верховный князь полабских бодричей **Генрих**. Он уже распространял свою власть на все полабские земли. Ему платили дань не только бодричи, но и ране, лютичи и все племена, жившие между Лабою – на западе и границами Польши – на востоке. Могущество Генриха, замечает историк, было так велико, что славяне и немцы именовали его королём.⁸⁴

Однако, «вендское королевство» Генриха, распавшееся тотчас же после его смерти, представляло собою не только не государство, но даже и не союз племён, а чисто механическое объединение ряда племён, насильственно подчинённых грабительской власти князя бодричей.

Организацию типа союза племён, переходного к государству, представлял собою союз *велетов*, или *лютичей*, сложившийся в целях самообороны против наступавшего на полабских славян в VIII в. короля франков **Карла**, прозванного **Великим**. По свидетельству **Эйнгарда** (умер в 844 г.), знаменитого «министра путей сообщений и публичных зданий» Карла Великого, его личного друга, советника и секретаря, автора летописей (*Annales*), обнимающих время с 741 по 829 г., у велетов был целый ряд *старшин и князей* (*primores ac reguli*), но над всеми ими возвышался знатностью рода и авторитетом старшинства князь **Драговит**, известный по другим источникам

83. См. *Гаркави*. Сказания мусульманских писателей и пр., СПб. 1870, стр. 48, 135-138, 266.

84. См. *М.Любавский*, История западных славян. М. 1918, стр. 33 и сл.

как «князь князей» велетских, т.е. он представлял собою то же самое, что и киевский Олег. При преемнике Карла Великого **Людовике Франкском**, в такой же роли выступает князь **Люба**. В их руках сосредоточивалась наивысшая власть в стране, но управление страной князь Люба делит со своими братьями, что говорит о том, что род этого князя представлял собою в союзе племён наиболее экономически мощную организацию. Однако и князь Драговит, и князь Люба – это ещё избранники народа, и, когда князь Люба погиб в битве с бодричами, *народ избрал* на его место старшего из его сыновей **Милогоста**. Этого же Милогоста *народ отстранил от власти*, когда он стал править не по обычаям велетов, и посадил на его место младшего брата, **Целодрога**.

Бывали времена, когда лютицкий союз племён вовсе не имел старшего князя и объединялся только общим вечем, как это имело, например, место в XI в. По свидетельству **Титмара Мерзебургского**, у лютичей *«нет никакого особенного властителя: общим советом, рассуждая на сходке о своих нуждах, они решают дела единогласно...»* и т.д. Наряду с общесоюзным вечем существовали и веча племенные.⁸⁵

Такой же тип «союза племён» представляло собою и так называемое восточно-поморское княжество в XII в. Несколько иную картину в это же время представлял союз городских волостей западного поморья – Пырица, Камень, Волин, Узноим и Щетин. Во главе союза здесь стоит князь, имеющий свою резиденцией город Камень. В каждой волости функционирует вече; функционирует также и общесоюзное вече, но наряду с князем и вечем здесь действует уже и совет богатой и родовитой знати или старейшин города (*primates, nobiles ac potentes, majores natu ac sapientiores*). Предложения выносятся на решение веча после предварительного обсуждения их в совете старейшин, согласующих при этом свои решения по крупнейшим вопросам с предварительным решением старейшин первого города, Щетина. Что касается князя, то он здесь хотя и выборный, но уже обладает целым рядом весьма существенных прав, которые составляют всего только один шаг к переходу ограниченной княжеской власти к самодержавию: он собирает с населения в свою пользу дань, торговые пошлины, судебные штрафы, исполняет судебные функции сам лично или через своих уполномоченных, распоряжается пустырями, а иногда и населёнными землями и раздаёт их в частное владение или во владение церкви.⁸⁶ Этот последний шаг к переходу от избранного народом князя к князю-династу мы наблюдаем на протяжении времени с IX по XII вв. в союзе бодричей или ободритов, но тем не менее и бодричий союз, в силу обстоятельств тя-

85. См. Любавский, назв. соч., стр. 33.

86. См. М.Любавский. История западных славян. М. 1918, стр. 38-40.

жёлтого международного окружения, не успел сложиться в государство, как это имело место в чешском союзе, выросшем к XI в. в монархию, или в союзе польских племён при князе Мешке I в X веке.

XVII

Характеризуя состав славянского общества в древности, источники VI–X вв. говорят о знати – *μεγιστάνοι, μέγα δυναμένοι, βοιλάδες*, *primates, nobiles*, о военных людях, о купцах (*negociantes, πραγμάτε-θαι*), промышленниках, земледельцах, рабах.⁸⁷

Известное показание Маврикия о рабах у славян, о том, что военнопленные содержатся у славян не на всю жизнь, как это делается у других народов, но по истечении времени получают свободу и равноправие с их бывшими владельцами, уже в IX в. было, по-видимому, делом прошлого (Лев VI). За время после Маврикия в этой области у славян произошли большие сдвиги. Славяне и владели рабами и торговали рабами, а с военнопленными обращались довольно сурово. По свидетельству Гельмольда, у поморских славян для многих увод невольников был настоящим промыслом. *«Падали плотины, сдерживавшие моря, – пишет этот автор о набегах славян, – и прорывалась волна, подымаясь и разливаясь и нанося гибель многим датским островам и прибрежным землям. Исправлены были вновь корабли, и они заняли у датчан богатые острова; пресытились славяне, после долгого лишения, богатствами датчан, упились ими, утучнились, разжирели. Я слышал, что в Мекленбурге, в день торга, считалось до 700 душ пленных датчан, выставленных на продажу, только бы нашлись покупатели»*.⁸⁸

Вспомним, кстати, что **Святослав Игоревич**, князь Киевский, мечтавший обосноваться в Переяславце на Дунае, мотивировал своё желание ссылкой на то, что туда *«вся благая сходятся»*, в том числе из Руси – *«скора, и воск и мёд и челядь»*. Непрерывные в VI–VII вв. набеги славян на византийскую территорию всегда сопровождались не только угоном скота – быков, овец (Прокопий) и лошадей (Иоанн Эфесский), но также и уводом множества пленников (Прокопий).

* * *

Мы знаем в истории славян и пример средневековой деспотической монархии, с широким и организованным использованием труда

87. См. *В.М.Макушев. Сказания иностранцев и пр.*, СПб, 1861, стр. 148.

88. См. *В.М.Макушев. Сказания иностранцев и пр.*, СПб, 1861, стр. 148 и сл.

рабов. Таким государством была Польша Пястов, в XI в., начиная со времени **Болеслава Храброго** (992–1025).

Как было отмечено выше, польское государство, сложившееся в IX–XI вв., представляло собою аристократическую монархию с неограниченной королевской властью.

На данном этапе развития польского общества класс рабов формировался и пополнялся из военнопленных. Рабами владели король, его чиновная знать и рыцари. Рабы продавались и покупались и были лишены права свободного передвижения, т.е. были лично закрепощены за своими владельцами. Они несли функции основной рабочей силы в целом ряде отраслей ремесленно-производственного труда – пекли хлеб (пекаря), готовили для рыцарского гарнизона питание (кухаря), обслуживали охотничью промышленность в качестве ловчих, стрельцов, сокольников, псарей и т.п., рыбный промысел (рыбаки); они были пастухами табунов лошадей (кобыльники, коняры) и другого скота (скотники, сборники); занимались деревообделочным ремеслом и были чашниками, щитниками, жердниками, изготавливавшими древки для копий, и дротниками, изготавливавшими наконечники для стрел. Таким образом, положение трудовых классов в польском аристократическом обществе IX–XI вв., трудового крестьянства, кметей и рабов, было исключительно тяжёлым; они несли на своих плечах неимоверные тяготы по трудовому обслуживанию эксплуатировавших их высших паразитарных классов польского общества – королевского двора и сановников, аристократии, высшего духовенства и рыцарства. Это положение трудовых масс польского народа привело их в первой половине XII в. к восстанию против своих угнетателей.

Это было восстание рабов и кметей, т.е. бедняцкого крестьянства, вспыхнувшее в Польше после смерти Мешка II и державшее страну в своих руках в течение целых шести лет, с 1034 по 1040 г.

Глава IV

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЙ ГОРОД

Описывая обычаи радимичей, вятичей и северян, киевский летописец говорит, что у них не бывало браков, т.е. свадебного обряда, но играща между сёлами, на которых они, по взаимному соглашению брачующихся, умыкали себе жён. Это показание летописца интересно в том отношении, что, несмотря на известное свидетельство Прокопия (VI в.) о том, что славяне жили в дрянных избах, разбросанных на далёком расстоянии одна от другой, оно говорит о наличии у осёдлого славянского населения коллективно-поселковых пунктов, какими служили им сёла, *деревни* и *пригороды*, именуемые в латинских источниках для западных славян соответственными латинскими терминами – *villa*, *vicus*, *suburbium*.

О киевских полянах летописец говорит, что они **«живяху кождо со своимъ родомъ на своихъ местехъ владеюще кождо родомъ своимъ»**; что некогда у них было три брата – Кый, Щек и Хорив и сестра Лыбедь, из которых каждый **«седаше на горе»**, а затем они построили «градок», т.е. небольшой укреплённый пункт, и в честь своего старшего брата и назвали этот городок Киевом; **«и бяше около града лес и бор велик, и бяху ловяще зверь»**. Это показание киевского летописца вполне совпадает с показаниями западных источников (**Йорнанд, Маврикий, Лев Грамматик** и др.) о том, что славяне живут в лесах, у рек, болот, у озёр, вообще в неприступных местах. По-видимому, на горах Щекавице, Хоривице и на «увозе» Боричеве были расположены какие-то розовые посёлки, давшие основание легенде возвести их к именам трёх названных братьев в качестве их основателей, **«владеюще кождо родомъ своимъ»**. Но, кроме того, в районе этих трёх горных посёлков, среди густого леса, богатого зверем, имелся и *город*, т.е. укреплённый (огороженный) пункт – таково исконное значение славянского термина «город»; у чехов и поморских славян это «замок»; в лат. источниках – *urbus*, *civitas*, *oppidum*, *castrum*, *castellum*. Основание этого города легенда приурочивает к имени старшего из братьев Кья. Таким образом, мы имеем в данном случае уже целый поселковый комплекс: в центре стоит укреплённый пункт, *город* или *замок* (у западных славян), а вокруг него или рядом с ним расположены тесно организационно с ним связанные родовые посёлки, на что, в частности, указывает и приурочение легендой к этому городу имени старшего из братьев Кья, по-видимому, основателя этого города. Впоследствии такие посёлки превращались в подграды или подгороды (*suburbium*, *vicus*). В общем, мы имеем в

данном случае типичный для варварского общества раннего средневековья территориально-родовой союз с городом или замком Киевом в центре и с возглавлявшим его старейшиною-князем Кьем во главе.

Интересно при этом отметить, что территорию семейно-родовой общины летописец называет термином «место»: «живяху кождо со своимъ родомъ на своихъ местехъ». Чешский термин для современного города *mesto* (др.-сл. м сто) и аналогичный польский *miasto* указывают, по-видимому, на то, что территориально-родовая община, по крайней мере, у западных славян не только имела свой город-замок, но этот город, разросшийся с течением времени в населённый торгово-промышленный пункт, играл первенствующую роль на территории старой территориально-родовой общины или общины-марки и, воплощая в себе территорию общины, как центральный нерв её хозяйственно-административной, торгово-промышленной и военной жизни, стал её синонимом, откуда, можно предполагать, термин для территории – «место» сделался с течением времени и термином для названия центрального населённого пункта этого «места», или территориально-родовой общины, т.е. для города; термин же *hrad* в современном чешском языке сохранился только в его исконном значении – «замок». В таком же значении термин «город» сохранился и в польском языке – *gród*, а укрепление меньших размеров, т.е. небольшой замок, – *grodek*. Сербы для названия города, в современном смысле этого слова, пользуются термином «варош», означавшим первоначально только «крепость», «замок»; сербский *grad* означает прежде всего «крепость», потом «город». Тот же термин и в таком же значении имеется и у словинцев. У сербов-лужичан – *hród* и *grad* означают только «замок», «крепость». В болгарском языке термин *grad* и однозначный с ним русский *город* представляют собою в современном речевом употреблении так называемые тропизмы, т.е. термины с переносным значением, охватывающим не только собственно *город-кремль*, но старый город-кремль со всеми примыкающими к нему подгородами и весями. Такие славянские города-крепости в византийских источниках обычно называются термином *то κάστρον*, т.е. укреплённое место, лагерь, крепость.⁸⁹

У черногорцев и до настоящего времени словом *град* называется прочно построенный каменный жилой дом. В этом смысле термин *град* у южных славян часто фигурирует и в их народных песнях. В древнее время эти дома-грады у южных славян служили местами собраний членов рода.⁹⁰

В других языках индоевропейской системы мы имеем следующие параллели к славянскому *град*, русск. *город*: алб. *garθ*, чл. ф. – *di* –

89. См. Dr. E. Berneker. Slavisches etym. Wörterbuch. Heidelberg. Lieferung 2-6, стр. 230.

90. С.С.Бобчев, История на старобългарското право. София, 1910, стр. 266.

«плетень»; готск. *garps* – «дом»; готск. *garda* др.-верхненем. *garto* – «засека», «ограда», «сад»; лит. *gardas* – «огороженное забором место», «плетень»; там же *žardis* – «обширное огороженное пастбище»; рядом должны быть поставлены славянск. *жърдь*, белор. и польск. *żerdz*; др.-пруссск. *sardis* – «плетень»; греч. *χόρτος* – «изгородь», «двор»; лат. *hortus* – «сад» и др.⁹¹

В.М.Флоринский в исследовании «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни» (ч. I, Томск, 1894) ставил русский термин *город* в связь со словом *гора*, которым «в русском языке называется всякая земная возвышенность, в том числе, чаще всего, высокий речной берег»; ср. нем. *Berg*, слав. *брег*, и *Burg* – «укреплённое место, замок». «Пункты первых осёдлых поселений, – говорит автор, – а тем более укрепленные мест, всегда избирались на возвышенностях, защищаемых самою природою. Поэтому с горою могло быть связано первое предствление о естественной крепости, и отсюда могло, со временем, выделиться частное понятие об ограждении и о городе, как центре укрепления и защиты окрестной страны»... Догадка В.М.Флоринского о связи русск. *город* с *гора* основательна и вполне отвечает семантическому ряду: «небо (бог) – гора – город» или «небо – гора – голова».⁹²

Наличность термина *город* в том или ином звуковом оформлении почти во всех языках индоевропейской системы свидетельствует о том, что этот термин представляет собою заведомо доиндоевропейское отложение в этих языках, что ведёт нас в глубокую древность истории человечества и его общественно-политического строя, с одной стороны, и с другой – подсказывает единственно правильный путь разрешения проблемы происхождения этого термина в обращении к языкам доиндоевропейской системы.

Чутье исследователя не изменило проф. В.М.Флоринскому, когда в названном выше труде он толковал термин *город* как составное двусловное слово, первая часть которого *горо-* и вторая *-д*. Не располагая в своё время теми данными, которыми, благодаря трудам Н.Я.Марра, располагает наша современная наука, и опираясь, совершенно естественно, только на данные индоевропейской лингвистики, проф. Флоринский видел в конечном *-д* в слове *город* «след какого-либо санскритского корня, например, *daī*, *д* яти или *dā*, *dayati*, – соединять, замыкать, скреплять». Отсюда, по автору, санскритское *Gardha* – «замкнутое пространство», зендское *Geredha* «полость, впадина, пещера». «Из этих двух корней *gar-giri* – *гора*, *dā* “замыкать, скреплять” могло образоваться, – говорит Флорин-

91. См. *E. Berneker*, назв. соч., стр. 231.

92. Ср. чувашск. *Tur* – *Tog*, «бог», значившее первично «небо»; оно же означало и «гору», отсюда в усечённой форме *tu* – «гора». См. *Н.Я.Марр*, Чувашия-яфетиды на Волге. Избр. раб., т. V, 1935, стр. 326.

ский, – слово, выражающее понятие об укреплении, замкнутой горной возвышенности, соответствующее славянскому **город, городок...**». «Основываясь на приведённой этимологии слова **город**, мы можем думать, – заключает автор, – что у славянского племени **городá** или **укреплённые городки** существовали с самых отдалённых времён и строились они на возвышенных местах или на высоком берегу реки, каковыми действительно оказываются большинство древних русских городищ». ⁹³

На термине *город* в яфетических языках неоднократно останавливается Н.Я.Марр во многих своих работах. Так, например, в статье «Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике» (V, 310–322); Н.Я.Марр, на основании палеонтологического анализа соответственного материала, установил, что термин «город» представляет, преимущественно у индоевропейцев, исключительно двуплеменное образование: в одном мире *сал-берское (тал-берское)* – так у римлян, греков и др., в другом мире *сал-ионское*, – так у армян, русских и др. (стр. 315). Анализируя латинские термины для «города» – *urbs* и *oppidum*, Н.Я.Марр пришёл к заключению, что оба эти термина первоначально означали одинаково «крепость», сосредоточение той или иной организации, не исключая разбойничьей по своим действиям, и «резиденцию феодала с дружиной», и «торговый пункт», и, конечно, «культурный центр». «В первобытные эпохи соответственной обществу, – говорит Марр, – и то, и другое, и третье, и четвёртое – одновременно, почему название города не могло не означать также одновременно сосредоточения, “крепости”, “окружения”, “круга”, следовательно, палеонтологически в ту эпоху “неба”, собирающая с неизбежностью для его питания меновой куплей-продажей, т.е. “торжища – города”, а также неизбежно названия божества, культ которого был сосредоточен в данном городе, т.е. тотема данной племенной организации». Предположение, что город возник в условиях феодального средневековья, по Марру, такое же недоразумение, предубеждение европейской научной мысли с её ограниченностью кругозора, как и то, будто буржуазия вырабатывалась в одной средневековой Европе. «Город, – говорит Марр, – имеет свою историю с подлинно доисторических времён, не исключаящую переходную ступень развития, когда соответственный пункт являлся одновременно и “селом” или “деревней”, и “городом”, что, между прочим, отразилось и в речи, именно в наличии термина “село-град”, например, у армян, синонима в известной степени нашего “местечка”». «Армения и Грузия, – говорит Марр, – и за исторические эпохи известны развитием густой сети именно этих “село-градов”, “местечек”, а не городов, сосредоточения властного, организующего племени, классового образования...» ⁹⁴

93. См. назв. соч., стр. 134.

В своих работах Марр неоднократно подчёркивает также множественность значений в яфетических языках первичного термина для названия «город». Такой, именно, характер имеет, например, абхазский Skur, наличный в основе названий абхазских городов: Dioskurias, Iskuria, Skurᵗа и др., то же местечка Atkuri на Куре в Грузии. Как нарицательное имя, Skur значит «населённый пункт», «селение» или «город», «страна», подобного спирантизованному виду kur, сохранившемуся в шумерском со значением «страна». ⁹⁵ То же установил и Шахматов по отношению к городу Руса: «*Руса-город и Руса-область*». ⁹⁶ В докладе «Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике» Н.Я.Марр подчеркнул «особую организующую роль городов с доисторических времён и в связи с этим более лёгкую подвижность их строителей, их особый племенной состав, как класса организатора, независимо от возглавления, были ли они торговое объединение или военная дружина». ⁹⁷

«В связи с этим классово-племенным населением организующих городов, – читаем мы в его же статье “Чуваши-яфетиды на Волге”, – находящимся в известном враждебном или договорном отношениях с сельским населением, названия городов имеют иное племенное происхождение». ⁹⁸ В связи с этим находится, оказывается, разность племенных слов, использованных для обозначения понятий «город» и «деревня». «Предупреждаю, – замечает при этом Марр, – о важности результатов такого подхода для этнологического вопроса, да и для правильного восприятия внутреннего строя данного национального или государственного образования, но эта разность племенного, классово-племенного состава населения определённой земли, определённого района не разрушает вовсе цельности хозяйственно-культурного, в дальнейшем – государственного и национального образования. Это было показано в том же докладе на соотношениях “города” и “сёла” или городов и сёл Апеннинского полуострова, собственно на соотношениях их строителей, классово-племенных образований, именно строителей городов, и **талов**, собственно **салов** или **талов**, и строителей сёл, **этрусков** или **пеласгов**, собственно **рушов** или **ласов**, впоследствии, по забвении различных племенных источников своего происхождения, различной племенной природы, оказавшихся в чисто классовых взаимоотношениях патрициев и плебеев». ⁹⁹ Изложенные выше мысли

94. См. назв. соч., стр. 315 и сл.

95. Н.Я.Марр. Абхазоведение и абхазы. Избр. соч., т. V, стр. 163; его же, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык; там же, стр. 522 и др.

96. См. А.А.Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. П. 1919, гл. V.

97. См. Н.Я.Марр. Избр. раб., т. V, стр. 310-322.

98. Н.Я.Марр. Чуваши-яфетиды на Волге. Избр. раб., т. V, стр. 369.

Н.Я.Март в той же статье иллюстрирует на анализе названий городов: Кострома, Казань, Саркел, Саратов, Харьков.

Наконец, для того чтобы ещё ближе подойти к палеонтологическому разъяснению славянского термина *город*, о котором мы уже знаем, что он представляет собою доиндоевропейское наследие в языках индоевропейской системы, в том числе и в славянских языках, отметим интересный в этом смысле материал из удмуртского языка. «По палеонтологии речи установлено, – говорит Март, – что “деревня”, “город”, “мир”, или “вселенная” носили одно и то же название. По-удмуртски “деревня” – *gurt*>*kurt*, “город” – *kar* по акающей группе, а по окающей – *kur* в клинописи есть название и “стран”, и “городов”. Так-то, – замечает Март, – *gurta* с *kar* как будто слова различные: на самом деле, помимо общности первой основной части, рядом с *gurta*>*kurta* в значении “города” налицо и *karfa* и его двойник *kar-qc*. Это, как уже разъяснялось, в Африке название *Har* – *θa* – *go[n]* – *gin* || *karqedon*, город досемитический так же, как Ольвия у нас доэллинская. От яфетических *gurta* – *kurta* || *karθa* один шаг до **gord* – **град** и **город**, представляющий собою другой тип основы сравнительно с *gurta*>*kurta*, с окающей огласовкой и с озвончением конечного согласного *t*>*d*». ¹⁰⁰

Как правило, каждое племя у славян имело один город, и только если оно было многолюдным и мощным, оно могло иметь и большее количество городов. Такими городами, например, у восточных славян в X в., по Константину Багрянородному, были: у полян – Самбатас (Киев), у северян – Чернигога (Чернигов), у кривичей – Милиниска (Смоленск), у словен – Немогарда (Новгород) и др. У чехов и моравян города в древности назывались по именам своих племён, т.е. город собственного имени здесь не имел, его имело только племя; таковы, например, названия городов: *Dudleby*, *Netolici*, *Dečany*, *Holasovice*. Так же назывались здесь и сёла – по имени своих родов: *Vojnici*, *Vojmany*, *Mnetici*, *Domažilici* и др. Если же на территории одного и того же племени, кроме главного города, имелись и другие города, то эти последние назывались уже либо по имени своего основателя, либо по своему положению. Таковы, например, у чехов: *Tetin*, *Ljubošín*, *Kazin*, *Devin*, *Chvrasten* (впоследствии – Вышеград), *Praga*, *Budeč*; у полабских хорватов – *Časlav*, *Lutomyšl*, *Vratislav*, *Uzetov*, *Havran*, *Chlumeče* (*Dobroslavúv*); у мо-

99. Н.Я.Март. Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык. Избр. раб., V, 508; его же, Скифский язык, там же, стр. 217 и сл.; его же, Родная речь – могучий рычаг культурного подъёма, там же, стр. 410; его же, Карфаген и Рим, *fas* и *jus*. Избр. раб., т. IV, стр. 161-193.

100. О суффиксе -*θa* см. Н.Я.Март, Сухум и Туапсе. Избр. раб., т. V, стр. 158; его же, Первая выдвигенческая яфетидологическая экспедиция по самообследованию мариев, там же, стр. 456 и сл.; его же, Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афреварии. Избр. раб., т. IV, стр. 198-229.

раван – Olomuc, Pĕrovn, Brno, Znojem, Devín, Usobrno и др. У чехов и моравян, поданным чешского историка права **Герменегильда Иречка**, вплоть до XII в. существовали только hrady и dediny, т.е. укрепленные замки и наследственно-родовые поселки; города, в современном смысле слова, чешск. mesto, возникли здесь только в XIII в. Иречек утверждает, что так же было и у всех прочих славян, т.е. не только у западных, но и у восточных и у южных. Поэтому такие термины латинских хроник, как urbs, civitas, oppidum, castrum, по Иречку, следует понимать только как «замок», но не как «город» в нашем смысле слова. Хронисты же, писавшие по-славянски, не знают в этом случае другого термина, кроме «град», «город», который Иречек передает чешским термином hrad. Названные выше латинские термины употребляются в источниках безразлично, т.е. один и тот же город у одного и того же автора одновременно или у разных авторов может называться любым из этих терминов. Так, например, город Болеслав у **Козьмы Пражского** (1039–1125) называется то urbs, то oppidum, то civitas; в славянской же легенде о св. Вячеславе тот же город называется термином *grad*: «ха ко Болеславлю-граду», «из Болеславля-града». Город Levy Hradec Козьма называет то oppidum, то castrum; Vyšehrad – у того же автора называется то urbs, то civitas, то oppidum. Интересно при этом отметить, что название того же города Вышеграда дословно переводилось на латинский язык, как Altior civitatibus (1070), и т.д.¹⁰¹

В древнейшее время города у славян строились из земли и только позже стали строиться из камня и кирпича. У некоторых славян города носили названия по материалу постройки. Чешский историк права **Карель Кадлец** отмечает, между прочим, что встречающиеся у разных славянских племён многочисленные *Белгороды* получили своё название от того, что строились из камня и затем были выбелены. В противоположность этому несколько городов, известных под именем *Землин*, т.е. «земляной», вроде Земун и Землин на территории Венгрии, или «Чёрный город» вроде венгерских Csongrad из слав. Чрънград, или Surungrad, известный в древности под латинским названием Castrum nigrum, – указывают на то, что они были построены из земли. Для постройки «белых городов» наиболее удобным местом были возвышенности и скалы, где под рукою имелось много камня; для постройки же «чёрных городов» – равнины, особенно болота, где строились на сваях «болотные города». Так некоторые города и назывались, например Blatno (Urbs Paludarum), Мозабург над Блатенским озером в Венгрии и Мозабург в Каринтии.¹⁰²

Особенно много городов-крепостей было у полабских и прибалтийских славян, что стояло в тесной связи с их международным по-

¹⁰¹. См. *Hermenegild Jireček*, Slované právo v Čechách a na Moravě. V Praze, 1863, стр. 41 и сл.

ложем и постоянно угрожавшей им опасностью со стороны соседей-неприятелей, которыми были не только немцы, но и собственные же братья-славяне. Эти города-крепости, за стенами которых, в случае неприятельского нападения, население со своим имуществом находило себе убежище, строились или на возвышенностях, или на болотах, т.е. в местностях, защищённых самою природой. Они представляли собою пустую или застроенную зданиями местность, обнесённую округлым валом, который иногда укреплялся ещё частоколом и бревнами. Здесь же обыкновенно помещались и святилища.¹⁰³ По данным географического баварского отрывка IX–X в. *Descriptio civitatum et regionum*, у племени *ободритов*, или *бодричей*, в это время было 53 таких города-крепости; у племени *вельтов*, то же – *вильчан* или *вильцев* – 95; у *глинян* или *линян* – 7; у *сорабов*, которых цитируемый источник называет *surbi*, было 50 городов; *лужичи* и *мильчане* имели по 30 городов; *додешане* – 20, какое-то племя, фигурирующее в этом источнике под именем *osterabtrezi*, имело свыше 100 городов.¹⁰⁴ В мирное время большинство этих городов-крепостей оставались, конечно, пусты, как, например, город Кореница на острове Руяне, о котором **Саксон Грамматик** говорит: «...*locus pacis tempore desertus*». Но во время войны сюда стекалось все окрестное население, и в борьбе с неприятелями, в отстаивании своей независимости эти города становились его опорными пунктами.¹⁰⁵

Это был один, наиболее ранний тип городов у поморско-балтийских славян. Другой тип, более поздний, представляли собою *особые крепости*, возникшие вследствие потребности обезопасить внешние пределы страны, куда также во время угрожающей опасности стекалось окрестное население, но эти крепости уже имели у себя постоянный гарнизон или стражу. Такие крепости строились, главным образом, на границах племенных объединений, отчасти и внутри страны. В историческое время такими именно городами были почти все славянские города на балтийском Поморье. Наиболее известными городами у полабских и прибалтийских славян были: 1) у *ободричей* – Вилиград, обычно именуемый в источниках *Miklinburg*, *Зверин*, *Виссемир* или *Висмар*, *Розток* у устья р. *Варны*; 2) у *вагров* –

102. См. *Karel Kadlec*, *O politycznym ustroju Slowian, zwlaszcza zachodnich przed X wiekiem*. «Początki kultury słowiańskiej» – в изд. *Encyklopedia Polska* Краковской Акад. Наук, т. IV, вып. 2. W Krakowie, 1912, стр. 72.

103. См. *А.Котляревский*. *Древности права балтийских славян*. Ч. 1, Прага, 1874, стр. 34; см. подробное описание «Равенсбергского городища» у *В.М.Флоринского*, назв. соч., т. 1, стр. 157 и сл.; здесь же даются указания на старую литературу предмета и приводится обширный материал по городскому строительству у разных народов.

104. См. *А.Котляревский*, назв. соч., стр. 34; *Karel Kadlec*, *Introduction à l'étude comparative de l'histoire du droit public des peuples slaves*. Paris, 1933, стр. 22 сл.

105. *А.Котляревский*, назв. соч., стр. 35.

Старград; 3) у *полабан* – Ратибор, нынешний Ratzeburg, и Любице, нынешний Любек; 4) у *лютичей*, или *велетов* (*вильцев*), – Дымин, Вологощ, Узноим и Волин (Юмна, Винета, Волын); 5) у *поморян* – Щегин, *civitas antiquissima et nobilissima in terra Pomeranorum, materque civitatum*; Камин, Колобрег и Белград; 6) у *запснян* – нынешний немецкий Gützkow; 7) у *ратарей* – Радегост, впоследствии Ретра, имевший девять ворот и знаменитый храм с золотою статуей бога Сварожича-Радегоста. Ретра считался германцами одним из главнейших языческих городов; источники говорят об этом городе: *civitas vulgatissima Rethre, sedes ydololatriae, metropolis Slavorum Rethre, antiquissima urbs*; расположен был этот город в районе Доленского озера, теперь Tollensee, но точнее местоположение его неизвестно; 8) у племени *руян*, они же – *раны*, *руны* и *рутены*, т.е. *русские*, – город Аркона, славившийся своими несметными богатствами и храмом, посвящённым богу Свантовиту; город Кореница, теперь Garz с храмами Ругевита, Поревита и Поренутя, и др.

Большое количество городов-крепостей, т.е. замков, имела в древности Польша. Наиболее укреплёнными из них, по свидетельству **Анонима Галла** (XII в.), были: Познань, Гнезно, Владислав и Гдеч, – *de aliis vero civitatibus et castellis et nobis longus et infinitus labor est enarrare, et vobis forsitan fastidiosum fuerit hoc audire*, т.е. «*о других городах и нам было бы в долгий и бесконечный труд рассказывать, и вам, быть может, слушать*». ¹⁰⁶ К числу древнейших городов в Польше принадлежали также два города у наиболее рано выступающего в источниках племени *вислян*, Краков и Вислице. ¹⁰⁷

«Княжеские укрепления», известные в источниках под именем *castra principis*, деревянные или каменные строились в Польше как в пограничных местностях (*in finibus regionum, ukrainne zamki*), по выражению анонима Галла – *in finibus regionum ab hostibus conservandis*, – так и внутри страны по пути неприятельских набегов. *Nunciatum Pomernos exivisse*, – говорит тот же источник, – *contra Zutok regni custodium et clavem*. Замок этот находился на дороге набегов из Померании. ¹⁰⁸

Из чешской истории известен интересный в этом смысле приказ князя Болеслава от 932 г., о котором сообщает Козьма Пражский. В этом приказе мы читаем следующие строки: *Nic volo et jubeo, ut mihi opere romano aedificitis murum urbis nimis altum per gyrum*. Население сопротивляется распоряжению князя, возлагающего на него тяжёлую повинность – строить для князя высокий, круглый каменный замок в римском стиле. Князь убивает одного из сопротивляющихся,

106. См. *Данилович*. Исторический взгляд на древнее образование городов. «Русский исторический сборник» Погодина, т. IV, кн. 2 и 3. М., 1841, стр. 192.

107. *Michal Bobrzyński*. Dzieje Polski w zarysie. Т. I. 1927, изд. 4-е, стр. 57.

108. См. *Данилович*, назв. соч., стр. 183 и сл.

et statim, — продолжает далее источник, — ad ducis voluntatem edificant civitatem spisso et alto muro (т.е. с крепкою и высокою стеною), opere romano, sicut hodie cernitur (т.е. «как он виден и по сей день»), quae ex nomine conditoris Boleslav dicitur. Аноним Галл говорит об одном из таких польских замков: Castrum Bitom munitione situque naturae et aquarum circumcicione inexpugnabile.¹⁰⁹

Как можно видеть из цитированного выше приказа Болеслава, замки в Чехии (Богемии) строились круглой формы (per gyrum); в Польше же такие замки строились четырёхугольные. Как в Богемии, так и в Польше они строились на естественных или насыпных холмах и имели по углам зубчатые сторожевые башни (turres), отчего получили название urbes turritae, т.е. «башенные замки».

Как у южных, так и у западных славян постройка этих городов-крепостей или замков лежала на обязанности населения, составляла одну из его «всеобщих повинностей», от которой освобождались только привилегированные лица и монастыри. На обязанности же населения лежал ремонт этих крепостей, поставка военной стражи (custodia, burgardia, stróza), снабжение построенных в крепости магазинов продовольствием и фуражом. Начиная с XII в., грамоты говорят об освобождении монастырских крестьян от обязанности постройки и ремонта княжеских замков. Например, в одной грамоте от 1145 г. читаем: «*Absolvimus omnes homines (monasterii) a stróza... a castrorum edificatione seu pontium quorumlibet*». В грамоте от 1203 г. читаем о монастырских крестьянах: «*Nec castra principis construant, vel emendabunt aequaliter, nec ad expeditionum ibunt*»¹¹⁰ и т.п.

По характеристике проф. **М. Бобржинского**, польский замок был центром хозяйственной и политической жизни народа. Это были места, укрепленные прежде всего своим естественным положением, а затем расположенные либо на взгорье, либо среди непроходимых лесов и болот, окруженные рвом, валом или засеками. В замках собирались веча, отправлялось богослужение, производился народом обмен продуктами своего земледельческого и промышленного труда; здесь же народ хранил хлебные запасы на случай надобности; сюда, наконец, в минуты опасности он укрывал своё имущество. В мирное время в замке оставалась дежурная стража или гарнизон из населения, но вообще замок оставался пустынным и ни в малейшей степени не имел характера города. Если же у народа имелся князь, то он жил в замке; его личный двор придавал замку больше живости, но это ещё не делало замок городом.¹¹¹

109. См. Данилович, назв. соч. стр. 184, примеч. 1.

110. Там же, 183-185; Бобчев, назв. соч., 266; подробнее о чешских и западно-славянских городах см. обстоятельное исследование Dr. J.L.Piř. Starožitnosti zeme česke. Díl III. Čechy za doby knížeci. Svazek I, Praha, 1909.

111. Dzieje Polski w zarysie, Wyd. 4-te, t. I, 1927, § 3, стр. 52 и сл.

Константин Багрянородный (X в.) называет у сербов города: Десница, Чернабуча, Медюреч, Дрежник, или Дресник, Лешница, Солина; в Боснии – Катеро и Десник; в княжестве захлумско – Хлум, Стагнон, Мокреск, Дабреск; в Пагании – Острог, Лабиница, Мокро, Вруля и т.д.¹¹²

Древнейшими городами у болгар, известными с VII–X вв., были: *Преславец* (русс. Переяславец на Дунае); первый укрепленный пункт *Аспаруха*, с VII в. – *Плиска* или *Плесков*, второй *Преслав*, основанный тем же Аспарухом в VII в., столица Болгарии до Симеона; *Великий Преслав* на р. Тиче, с X в., столица Болгарии со времени Симеона; города – *Варна* (с VII в.), *Дичин*, *Дристор* (Силистра), *Средец* (Сердика), позднее (с IX в.) *Триадица* (теперь – София), *Преспа*, *Охрид*, *Мьглен*, *Воден* в Македонии и др., *Търново* (с XI в.) – столица второго болгарского царства.¹¹³

Если не оказывалось подходящей по естественным природным условиям территории для постройки укрепленного места, славяне на полуострове ограничивались в таком случае неприступной с двух-трех сторон горной вершиной и пользовались ею как своим убежищем на случай нападения неприятеля. На равнинах для постройки укрепления они обыкновенно выбирали какой-нибудь болотистый участок, окружали его земляным валом, укрепленным хворостом и деревьями, и снаружи окружали его рвом, оставляя один вход в такое укрепление. Кроме того, для тех же целей славяне использовали старые, хорошо сохранившиеся или полуразрушенные укрепленные пункты своих предшественников. Такие укрепленные пункты у болгар известны под именем *градище* (русс. *городище*, польск. *grodzisko*). При благоприятных природных условиях местности с течением времени вокруг градища группировалось на постоянное жительство население – ремесленники, торговцы, крестьяне. Разросшись количественно, это население окружало свой пригород новым валом, плетневой или бревенчатой оградой или рвом, наполненным водою. Так возникал *новый город*, или *место*, в древнем значении этого слова. Последующие насельники такого «Новгорода» образовывали *подградия*, или *подгороди* (*suburbium*, *vicus*), которые в свою очередь с течением времени огораживались новой защитительной стеною. Таким образом, старый военный укрепленный пункт, город-крепость или *градище* (хисарь), *царев кремль* (др.-русс. *детинец*) с течением времени превращался в торгово-промышленный центр.¹¹⁴

112. В.М.Макушев. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб., 1861, стр. 114.

113. См. В.М.Макушев, назв. соч., стр. 114; С.С.Бобчев, История на старобългарското право. София, 1910, стр. 268.

114. С.С.Бобчев, назв. соч., стр. 266-268.

Древнейшим типом городов у восточных славян в IX–X вв. были земляные города, т.е. укрепленные пункты, огороженные земляным валом, который в летописях называется *спом*, *приспом*, *переспом*, *осыпью*, впоследствии *валом*, *земляною стеною* или *земляным городом*. О высоте этих валов можно судить по уцелевшим их остаткам. Так, например, Костромской вал имеет отвесную высоту 10 саж., Стародубский – 6–8 саж., Суздальский – 8–10 саж., Белозерский – 8 саж., Мосальский – 10 саж. и т.п. С наружной стороны этот вал был окружен рвом глубиной от 2 до 4 саж. Памятниками таких городов являются *Новгородское городище*, находящееся к югу от Новгорода, на правом берегу Волхова; *Старая Ладога* (с. Успенское), на левом берегу Волхова, только впоследствии была обнесена деревянными стенами, а в XII в. – каменными; *Изборское городище*; *Старая Рязань*, Киев до XI в., *Владимир-на-Клязьме*, *Тверь* и расположенный недалеко от Твери древний город, известный сейчас под именем *Пекунское городище*, и др.

С IX в. у восточных славян начинают строиться деревянные города типа *острога*, т.е. деревянного частокола из свай, поставленных стоймя и заостренных сверху, либо рубленой бревенчатой стены. Эти деревянные укрепления воздвигались или на старом земляном валу или позади вала, образуя таким образом вторую линию укреплений. О постройке земляных городов читаем в летописи: «и пришед (Володимер) из Киева в Суздальскую землю, постави град во своё имя Володимер и спом насыпа» [*Воскр. спис.*» под 6498 г. (990)]. В войне с Ярополком Владимир, осаждая Киев, окружил свой стан окопами: «и стоя Володимер обрывся на Дорогожичи, между Дорогожичем и Капичем, и есть ров тот и до сего дни». «В лето 6654 (1146)... и поидоша к Новугороду и пришедше сташа у переспы...». О построении деревянных городов в летописи употребляются уже другие выражения: «поча города рубити» или «города ставити». «Прия Рюрик власть всю один и пришед к Ильмену и срубил город над Волховом и прозваша Новгород».

По свидетельству русских историков, *каменные города* (стены) стали строиться у восточных славян в XI в. Первая каменная городская стена была построена в Киеве великим князем Ярославом в 1037 г. В 1044 г. начат был постройкою каменный детинец Новгорода. В 1114 г. (6622 г.) «Заложен бысть Ладога каменнем на приспе» (Ип. сп.), т.е. на вершине старого земляного вала, и т.д.¹¹⁵

Образцом городского строительства у восточных славян может служить старейший в X в. город Северянской земли – Чернигов, расположенный, как правило для древнеславянских городов, на высоком берегу Десны. По археологическим данным, сообщаемым проф. Д.Самоковасовым, первоначально Чернигов занимал только

115. См. В.М.Флоринский, назв. соч., гл. IV, стр. 133–183.

площадь в размере около 500 аршин в окружности; впоследствии это так называемый *детинец*. «В XI в. город Чернигов составляли уже два города – внутренний “днешний город”, или *детинец*, впоследствии *кремль*, или *кремник*, и наружный или “*околный город*”, или “*кромный город*”, или просто “*кром*”, и занимал в составе этих двух городов уже очень большую площадь. Впоследствии к этой площади был прибавлен третий город, а в московское время к трём старым городам был присоединён четвёртый, площадь которого тоже была обведена земляным валом и рвом».¹¹⁶

Картину быстрого роста славянских городов в X–XII столетиях рисует следующий летописный рассказ о построении города Холма и последующем его расширении, как княжеской резиденции: князь Даниил «виде место красно и лесно на горе, обходящу округ его поле, и вопроша тоземець: “как именуется место се”. Они же рекоша: “Холм емю имя есть”. И возлюбив место то...; и сотвори градець мал, и видев же, яко бог помощник емю и Иоан спешник емю есть; и созда град ный...; и нача призывати прихожае Немце, и Русь, иноязычники, и Ляхи; идяху день и во день, и чюоты, и мастере всяции бежаху из татар, седельници, и лүчници, и тўлници, и кўзнице железу и меди и сребру, и бе жизнь и наполниша дворы окрест града поле и селы...».¹¹⁷

Что касается названия для внутренней части города-крепости *днешний город*, или *детинец*, то первый термин возводят обычно к наречному образованию дне – «внутри», образованного от существительного *дна* – «матка», «внутренность». Второй же термин, *детинец*, не имеет определённого толкования: некоторые возводили его к глаголу *деть* или *девать*, т.е. помещать, укрывать, во время угрожающей городу военной опасности имущество и ценности, в том числе и детей. Таким образом, *детинец* означает «обеспеченное убежище для детей». Наконец, ввиду того, что телохранитель при князе в старину назывался *детский отрок* и что эти телохранители составляли отборную княжескую гвардию, помещавшуюся во внутренней, центральной части города-крепости, и имели своим назначением охрану князя и его семейства, предполагают, что *детинец* означает или место для охраны князя, или место, поручаемое защите его личных телохранителей.¹¹⁸ Что касается термина *кремль*, или *кремник*, то в старину так называлась центральная часть города-крепости, огороженная каменной стеною. Истолкование этого термина в своё время дал Н.Я.Марр в статье «Бретонская

116. Подобно Чернигову, Новгород имел внутренний и внешний город: Киев – старый Киев и великий Киев; Владимир – новый и печерный город; Москва – белый город, земляной город, деревянный город и Китай город и т.п. (Самоковасов, подробнее Пич).

117. См. Д.Самоковасов. Северянская земля и северяне по городищам и могильникам. М., 1908, стр. 35 и сл.

118. В.М.Флоринский, назв. соч., 1, стр. 135.

нацменовская речь в увязке языков Афревразии» (IV, 198-229), увязав его происхождение с тою же основой *kar*, – которая присутствует и в наименовании гор *Карпаты* и имеет в данном случае значение «камень», затем – «гора». В халдском клинописном языке Армении на Ванском озере в М. Азии, относящемся к IX–VII вв. до н.э., отмечено слово *karī* или *karī* в значении «камень», первая же часть этого термина *kar* – в том же халдском языке значит «крепость», «замок». К этой основе Н.Я.Марр возводит и русский термин «кремль».

По подсчёту **И.И.Срезневского**, в Киевской Руси во время Игора (X в.) было свыше 20 городов: Белоозеро, Витичев, Вручев, Вышьгород, Изборск, Киев, Коростень, Ладога, Любечь, Муром, Новгород, Овруч, Перемышль, Пересечень, Полоцк, Псков, Родня, Смоленск, Туров, Червень и Чернигов.¹¹⁹

В летописи по Лаврентьевскому списку говорится: «**Рюрик раздая мѹжем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, друтому Белоозеро**», а в Ипатьевском списке эти города именуются *волостями*: «**Рюрик... раздая мѹжем своим волости – овому Полотеск, овому Ростов, друтому Белоозеро**». В 1908 г. проф. Самоквасов подчеркнул, что такой же смысл слова *город* и *волость* имеют в известном летописном свидетельстве о стародавних вечах русских славян: «**Новгородци бо изначала, и Смоленяне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти, яко же на дѹмѹ, на веча сходятся, на что же старейшини сдѹмають, на том же пригороди стануть**». ¹²⁰ Отметим попутно, что аналогичную картину политического строя мы наблюдаем в самом начале XII в. и в федерации городских волостей западного Поморья, в состав которой входили города Щетин, Волин, Узноим, Пырица и Камень. Старейшим городом был Щетин, остальные города-волости по отношению к нему были пригородами. Во главе федерации стоял князь **Варгислав**, резиденцией которого был пригород Камень.

Когда насаждавший здесь по поручению польского князя **Болеслава** христианство епископ **Оттон Бамбергский**, посетив Пырицу и Камень, явился в Волин, старейшины, города, посоветовавшись между собою, заявили Оттону, что было бы неправильным с их стороны принять новую веру, которую не принял ещё Щетин, и что они не могут нарушить давний обычай своих предков без дозволения почитаемых ими сановников Щетина. Это заставило Оттона отправиться в Щетин. Угрожаемые разгромом страны со стороны Болеслава щетинцы решили принять христианство, и только после этого такое же решение приняли и волинцы.¹²¹

119. Цитирую по В.М.Макушеву, стр. 113.

120. См. Д.Самоквасов. Северянская земля и северяне по городищам и могильникам. М., 1908, стр. 27.

121. М.Любавский. История западных славян. М., 1918, стр. 38 и сл.

О восточных славянах в первой половине X в. писал Аль-Масуди, отметивший, между прочим, что «они имеют много городов» и что «первый из славянских-царей», «царь Дира – имеет обширные города и многие обитаемы страны; мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами...». ¹²² Эту столицу государства царя Дира был город Киев, именуемый у современника Масуди, персидского писателя Аль-Истахри, *Куяба*. ¹²³ Эти купцы прибывали в Киев не только в X в., но и значительно ранее, вероятно, ещё со времён римского владычества в Даккии, о чём говорят многочисленные клады римских монет, найденные на территории Киева и его области; приходили они не только с востока и запада, но также с севера и юга. Торговые сношения Киева с Византией засвидетельствованы для IX в. К этому времени «путь из варяг в греки» пользуется уже широкой международной известностью. С X в. завязываются торговые сношения Руси с Западом через Польшу, и этому именно обстоятельству Аноним Галл приписывает первые начатки знакомств Запада с Польшей, где она была почти неведомой страной. *Sed quia regio Polonorum ab itineribus peregrinorum est remota, et nisi transeuntibus in Russiam pro mercimonio, paucis nota,* – говорит Галл. В XI в. Киев поражал Дитмара Мерзебургского своим народонаселением, количеством церквей, восемью рынками и несметными богатствами товаров. В XII в. Киев уже имел регулярные торговые связи с Регенсбургом. Регенсбургские купцы имели здесь свои торговые дома, а отправлялись они в Киев за покупкою меховых товаров через Энс и Вену. Киев в это время славился на Западе как мировой рынок меховых товаров. ¹²⁴

Таким образом, некогда город-крепость Кья, Киев, он же Куяба и Самбатас, уже к XI в. вырос в мировой торгово-промышленный центр, т.е. стал городом в современном смысле слова. Широкую градостроительную деятельность в Киевской Руси летопись связывает с именем **Владимира Святославича**, о котором под 988 г. читаем: «**Рече Володимер: се не добро, еже мал город около Киева**», что, очевидно, делало Киев малозащищённым с восточной стороны; «**и нача ставити города по Десне и по Востри и по Трубежеви и по Буге и по Стугне, и поча нарѹвати мѹже лѹчше от Словен и от Кривич и от Чѹди и от Вятч, и от сих насели грады**». ¹²⁵

Археологические изыскания проф. Самоквасова на территории Северянской земли вскрыли наличие здесь не менее 300 городищ, правда, различных культур, начиная с каменной. По летопис-

122. См. *А.Я.Гаркави*. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб, 1870, стр. 137.

123. Там же, стр. 193.

124. См. *Данилович*, назв. соч., 165 и сл.

125. Цит. по *Д.Я.Самоквасову*, назв. соч., стр. 24.

ным же данным, в Северянской земле было 72 города, известных по имени, но так как летопись, говоря о том или ином городе, не всегда называет его имя, то можно предполагать, что число городов на территории Северянской земли в действительности было значительно больше.¹²⁶ По тем же данным, большое количество городов имелось в древности и в других районах. Так, например, летопись говорит о 80 городах на Дунае, взятых Святославом Игоревичем в 967 г.; о 8 городах, лежавших по Волге между Княтинным и Угличем, на пространстве около 60 вёрст; о многих городах, лежавших по Десне между Сосницею и Черниговом, и по Днепру, между Вышгородом и Речицею и т.д.¹²⁷

Проф. Д. Самоквасов, стоявший на точке зрения, что «общественная жизнь русских славян началась городом, а не хутором», и что «из городов уже, по истечении многих лет их существования, русское народонаселение стало занимать открытые местности и образовало сёла и хутора»,¹²⁸ установил на основании археологического материала и показаний письменных источников, «что в России дотатарского времени существовали многие тысячи городов по бесспорному фактическому материалу». ¹²⁹ Если допустить, что каждый населённый пункт, независимо от его размеров, от количества населения, от политического значения и торгово-промышленной роли в ряду других населённых пунктов данной территории, имел свой город, т.е. естественное ли, природное укрепление в виде, например, неприступной горной вершины и т.п., или соответственным образом искусственно укреплённую площадку-бастион, тогда, пожалуй, можно было бы согласиться с Самоквасовым, что общественная жизнь русских славян, как и других народов, началась городом, а не хутором и не селом, что как будто бы, подтверждается показаниями летописи, рассказывающей, например, о том, что древляне, разбитые в поле войсками Ольги и Святослава, «повегоша и затворнишася в градех своих»; что княгиня Ольга, «посъла ко граду, глаголющи: что хотите доседети? а вси гради ваши предашася мѣне, и яшася по дань, и делаютъ нивы свозя и земле»; что «ѹнчи и тиверци седяху по Бѹту и по Днепру и приседяху к Дѹнаеви; и бе множество их... сѹть городи их и до сего дне» и т.п.

Однако наличность села у восточных славян, вопреки утверждению Самоквасова, засвидетельствована летописью, как западными источниками засвидетельствована наличность посёлка *vicus* для западных славян. Существенная разница между населёнными пунктами у славян в древности определялась не наличностью города-

126. Там же, стр. 32-34.

127. Цит. по Д.Я.Самоквасову, назв. соч., стр. 165 и сл.

128. Там же, стр. 47 и др.

129. Там же, стр. 48.

крепости или hrad и hradec, gród и grodek, а организационно-политическими функциями того или иного города, с которыми естественно было связано и дальнейшее развитие отдельных населённых пунктов, которое с течением времени привело одни из городов-крепостей к образованию позднейших так называемых старейших городов, как центров организационно-политической, торгово-промышленной, культурной и религиозной жизни всей волости или жупы, другие – к образованию пригородов, а третьи оставило на исконном их положении сельского посёлка, т.е. села. Таким образом, если исходить из допущения, что каждый населённый пункт, независимо от количества его населения и размеров занимаемой им территории, имел свой укреплённый бастион, и совершенно игнорировать затем естественный исторический процесс развития этих населённых пунктов, не одинаковый для каждого из них в отдельности, тогда только можно было бы согласиться с теорией Самоквасова, которая, отвергая теорию родового и общинного быта на догосударственной стадии жизни славян, исходила из положения, что «на низшей ступени культуры и гражданственности осёдлых народов область, занятая данным земледельческим племенем, является заселённой только **городскими общинами**, состоящими в полной политической разрозненности», причём «каждый городок с прилегающим к нему участком земли составляет территорию автократической общины, управляемой общинным собранием и городским начальником, над которым нет высшей власти, кроме веча общины». ¹³⁰

Кроме того, одним из основных назначений городов-крепостей, согласно показаниям всех источников, было служить местом укрытия для простого населения от угрожавшего неприятеля (refugium); укрываясь в города, народ сносил сюда и свои наиболее ценные для него пожитки. Отсюда, вопреки утверждению Самоквасова, явствует, что народ жил не только в подгородах, но и за пределами городов и подгородей, т.е. в сёлах (чешск. dediny) и т.д. ¹³¹

Остатки древних славянских городищ, эти tumuli slaviales или tumuli veterum Slavorum, нередко поражают наблюдателя огромностью своих размеров, ввиду чего постройка их часто связывается народным преданием с исполинами, как tumulus gigantis. Таков, например, славянский курган на о. Рюгене (ранее XI в.), именуемый Dobewog, по-славянски Добевор. О нём рассказывается, будто он воздвигнут мгновенно (doba) исполином, высыпавшим песок из

130. Цит. по Д.Я.Самоквасову, назв. соч., стр. 58; подробное обоснование своей точки зрения проф. Д.Я.Самоквасов дал в своих «Исследованиях по истории русского права», вып. 1, М., 1896, гл. VI-VII, стр. 83-107.

131. Подробнее об этом см. у Pič, назв. соч., специальная глава Učel a význam hradišt, стр. 298-323; 323-328; Karel Kadlec, О politycznym ustroju Slowian и пр., см. выше; стр. 31-72; O. Balzer, Chronologia najstarszych kształtów wsi słowiańskiej i polskiej. «Kwartalnik Historyczny», Rocznik XXIV, zes. 3-4, 1910, стр. 359-406.

меха (wog). Это толкование исторического названия представляет собою не что иное, конечно, как обычное народное осмысление забытого значения старого термина, но устанавливаемая преданием связь его с исполином указывает на грандиозность сооружения. Такие же легенды связаны и со многими курганами или остатками древних земляных валов в Польше.¹³²

О чешских городищах (hradiště) как колоссальных памятниках далёкого прошлого, вызывающих даже своими остатками удивление, говорит чешский археолог Dr. J.L.Piř.¹³³ Особенно в этом смысле у чехов обращают на себя внимание городища с остатками обожженных каменных валов, приписываемые иногда предполагаемым дославянским насельникам территории Чехии, кельтам *бойям*. Таких городищ в Чехии, по данным Пича, имеется девять. В своём прекрасно изданном труде Пич даёт подробное интересное описание разнообразных по материалу постройки, по плану, по размерам, по системе расположения валов и т.п. чешских и других славянских городищ, о чём мы здесь подробнее говорить не будем, так как этот специальный предмет выходит за пределы нашей темы.

К числу древнейших чешских городищ автор относит городища с глиняными валами и среди них на первое место ставит: *Тетин*, вдова резиденция св. Людмилы; *Либиче* и *Врацлав*, связанные с именами династии Славниковичей и Вршовичей; упоминаемый несколько раз у Козьмы Пражского в XI–XII вв. *Левый Градец*, затем *Джувич*, связанный с именем князя **Олджиха**, и др.

По рассказу **Аль-Бекри**, относящемуся к западным славянам, славяне большую часть своих крепостей строят таким образом: *«Они направляют к лугам, обильным водами и камышом, и обозначают там место круглое или четырёхугольное, смотря по форме, которую желают придать крепости, и по величине её. И выкапывают вокруг него ров и выкопанную землю сваливают в вал, укрепивши её досками и сваями наподобие битой земли, покуда стена не дойдёт до желанной высоты. И отмеряется тогда дверь с какой стороны им угодно, а к ней приходят по деревянному мосту»*.¹³⁴ Это показание Аль-Бекри о земляных или глиняных городах-крепостях у западных славян подтверждается археологическими изысканиями Пича. О Праге (Фрага) тот же арабский источник сообщает, что он выстроен из камня и извести и представляет собою богатейший торговлею город. *«Приходят к нему из города Кракwa (Кракова) русы и славяне с товарами и приходят к ним (жителям Фраги) из стран тюрок мусульмане и евреи и тюрки, также с това-*

132. См. Данилович, назв. соч., стр. 178-183.

133. См. его же, *Čechy za doby knížecí. – Starožitnosti zeme česke. Dil. III, sv. 1. V Praze, 1909, стр. 201 и сл.*

134. См. *Л.Куник и В.Розен. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. I, СПб, 1878. Приложение к XXXII т. «Записок Академии Наук», стр. 48.*

рами и с миткалями византийскими, и вывозят от них муку, олово и разные меха. Страна их лучшая из стран севера и богатейшая жизненными припасами...» и т.д.¹³⁵

О размерах городищ на территории восточных северян подробно говорит проф. Самоквасов.¹³⁶ Среди городищ встречаются здесь не только городища более крупных и более мелких размеров, но и городища «грандиозных размеров», вроде, например, Бельского городища. В описании этого городища, составленном в 1895 г., говорится, что своими грандиозными размерами оно напоминает известные укрепления у Матронинского монастыря и г. Грубска в Киевской губ. и у села Немирова в Подольской губ.¹³⁷ Таким образом, города значительных размеров имелись в древности не только у северян, но и у других племён Киевской Руси, что говорит о соответственном развитии торгово-промышленной и культурной жизни древней Руси. Согласно данным археологических исследований, большие городища, состоящие из двух, иногда и из трёх укрепленных площадей, лежащих рядом, обведённых каждое валами и рвами, как, например, в Чернигове, имеются в каждой волостной группе и представляют собою остатки так называемых *старейших* городов, т.е. волостных общественно-административных, судебных, военных и религиозных центров, где жил волостной князь и собиралось вече. Городища небольших размеров представляют собою остатки младших волостных городов, или волостных *пригородов*, известным образом связанных со старейшим городом и координировавших свою деятельность с его решениями, или же пограничных укреплений («мал городок»).

Таким образом, древнеславянский русск. *город*, югослав. *grad*, чешск. *hrad* или польск. *gród*, сначала просто как укрепленный территориальный пункт, а с течением времени как укрепленное поселение, был нераздельно слит с территорией волости или жупы, или кастелянии, составлял с нею одно целое и вначале не имел своего собственного имени, а назывался или по имени племени, для которого он служил укрепленным пунктом, или по имени своего основателя; многие же мелкие земляные города-крепости или бастионы, не развившиеся в пригороды, вероятно были безыменными. Другими словами, *город*, *civitas* и *волость*, жупа, кастеляния, будучи разными по существу предметами, на военно-административном и юридическом языке означали у древних славян в историческое время, по-видимому, одно и то же, т.е. волость. Чешский археолог J. Pič

135. См. Л.Куник и В.Розен. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. I, СПб, 1878. Приложение к XXXII т. «Записок Академии Наук», стр. 49.

136. См. Д.Я.Самоквасов, Северянская земля и северяне по городищам и могильникам. М., 1908, стр. 11 и сл.

137. Там же, стр. 9, прим. I; там же, о размерах северянских городищ, стр. 11 и сл.

объясняет это тем, что имя старейшего города волости заслонило собою с течением времени имя племени, что, как он предполагает, относится ко времени ещё до Козьмы и Нестора, т.е. до XI в. «*Лучан (племя) современные люди, – пишет Козьма, – называют теперь по городу Žatec – жатчане*». Имя же provincia, т.е. волость Žatec сплошь да рядом выступает у Козьмы вместо имени племени; provincia Belina вместо имени племени *лемузов*; provincia Gradec вместо имени племени *хорватов*. Подобный же процесс исчезновения племенных названий J. Pič отмечает также и на Руси, где племенные имена *полян, ссвсрян, кривичей, словян* оказались довольно рано заменёнными названиями: земля Киевская, Черниговская, Смоленская, Новгородская и т.д.¹³⁸

138. Dr. J. Pič. Čechy za doby knížecí. T. I, 1909, стр. 299; см. *его же*: Starožitnosti zeme české, cz. III. Подробнее о древнеславянских городах см.: Wocel, Pravek zeme české. Praha, 1868, стр. 388 и сл.; Д.Я.Самоквасов. Древние города России, 1873; Andre, Wendische Wanderstudien. 1874, стр. 98-132, статья Heidenschancen und Steinwälle der Lauwitz; Pitsch (Pič). Zur rumänisch-ungarischen Streitfrage. Leipzig, 1886, стр. 148-268, Die altslavischen Burgen; Д.Я.Самоквасов. Северянская земля и северяне по городищам и могильникам. М., 1908; *Его же*. Исследования по истории русского права, М., 1908, стр. 21-25; Braniš, Storočeske hrady. Praha, 1909.

Глава V

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ

Города были центром ремесленного производства и торговли, откуда славянские (русские) купцы предпринимали свои поездки к болгарам и хазарам на Волгу, по Джурджанскому (Каспийскому) морю вплоть до Тегерана и Багдада и по «пути из варяг в греки», т.е. по Днепру и Чёрному (Русскому) морю в Константинополь, доставляя сюда, главным образом, меха бобров и чернобурых лисиц, а также меха соболя, белычи, куницы, горностаевы и др. Кроме мехов славянские купцы вывозили на эти рынки и другие товары, вроде мёда, воска, сырых кож, янтаря, рожек и т.п., а также и невольников. Товарообмен киевских славян с Византией был юридически оформлен специальными торговыми договорами в 907, 911 и 945 гг., представляющими собою исключительный интерес и в смысле своего содержания, и в смысле формы, рисующих высокоразвитую экономическую и культурную жизнь Киевской Руси в X в., а равно и высокоразвитое государственно-правовое сознание её руководящих политических верхов. Из Византии, судя по словам Святослава Игоревича, которыми он в беседе с матерью Ольгой мотивировал своё желание обосноваться в Преславе на Дунае, а также по другим источникам, восточные славяне получали золото, паволоки, т.е. дорогие ткани, вина, плоды и фрукты («овощеве равноличнии»), стеклянную посуду, «всяко узорочье» и пряности.

Арабские источники, говоря о вывозной торговле славянских и русских купцов, в числе предметов их сбыта на заграничных рынках называют: меха выдры, чёрных лисиц, меха соболя, в том числе и чёрного соболя, мёд, свинец и ввухов.

Что касается южных славян, то, занимая территорию на великом пути из Европы в Азию через Константинополь и Солунь (Via Singidunum и Via Egnatia), они издавна были втянуты в мировой товарооборот по суше и по морю, а также по Дунаю. Римский город (municipium), выросший часто из военного лагеря, составлял вместе с прилегающим к нему округом со всеми населёнными пунктами единое целое, единую общину, полноправными гражданами которой были, однако, только землевладельцы (possessores); на их землях работали рабы и местные крестьяне на правах мелких арендаторов-колонов. Производственные и потребительские нужды римского города и его армии обслуживались местным населением, которое занималось скотоводством, земледелием, разработкою рудников и пр.

Когда на полуострове выросло первое болгарское царство, которое уже в X в., при царях **Симеоне** и **Самуиле**, занимало огромную византийскую территорию в южном, юго-западном и северо-западном направлениях, служившую издавна богатейшим источником хозяйственных ресурсов Римской империи, то Болгария оказалась владельницей не только огромного внутреннего сырьевого рынка, но также и всего Черноморского побережья от устья Дуная на севере и вплоть до г. Салмидесус (Мидия) на юге, в ближайшем соседстве со столицей Византии, со всеми старыми торговыми черноморскими городами и гаванями, а на юге и северо-западе – главнейших торговых путей, ещё в римское время соединявших Византию и Солунь через Средец (Софию) и Сингидунум (Белград) с Западом. Все это давало широкие возможности для развития производительных сил страны и её товарообмена с соседями и обуславливало наличие в составе болгарского общества уже в это время довольно солидного слоя торгового сословия, равным образом как и защиту его интересов со стороны государства. Об этом свидетельствует, прежде всего, мирный договор с Византией, заключённый **Тервелем** уже в 716 г., 4-й пункт которого стабилизировал положение болгарских купцов на византийском рынке и тем самым обеспечивал для Болгарии успешное развитие торговых связей с Византией. В начале IX в. при **Омортаге** болгарские купцы уже появляются в Баварии и Аахене, а в 824 г. Омортаг вступает в дипломатическую переписку с королём франков **Людовиком**, с которым несколько позже, в 864 г., **Борис** заключает мирный договор. Спустя два года после этого, в 866 г., Борис обменивается несколькими дипломатическими миссиями с Римом, шлёт своё посольство в Регенсбург и завязывает активные торговые связи с Веною. Ближайший преемник Бориса, его сын **Владимир**, заключает в 892 г. мирный договор с немецким королём **Арульфом**, обеспечивавший доставку в Моравию болгарской соли из соляных копей в Венгрии (вблизи Будапешта), входившей тогда в состав Болгарии. Одновременно с выступлением Болгарии, начиная с середины IX в., на широкую арену международной жизни, в связи с чем стоит и принятие Борисом в 865 г. христианства, крепнут и её торговые связи с Европой как сухим путём, так и по Дунаю. Ежегодно на её ярмарках регулярно появляются торговые караваны из-за границы; на её территории живёт много иностранцев, посвящающих себя торговле и ремеслам. Значение Болгарии, как сырьевого рынка и неисчерпаемого источника продовольственных ресурсов для Византии, поднимало её удельный вес в международной политике настолько, что иностранные купцы, имевшие торговые связи с Болгарией, производили свои операции в Константинополе и в Салониках под защиту болгарского подданства. При Борисе был организован в Константинополе специальный болгарский рынок, а когда византийское правительство, нарушив договор, произвольно пе-

ренесло этот рынок в Салоники, Симеон объявил в 894 г. Византии войну, и т.д. Ко времени Симеона относится возникновение на Дунае ряда цветущих торговых болгарских городов, среди которых первое место занимал уже известный нам Переяславец, который несколько позже киевский князь Святослав называл «центром своей земли» ввиду его обширной торговли и мечтал перенести сюда свою столицу.

О торговле хорватов в древности мы имеем несколько показаний Константина VIII Багрянородного, который говорит о том, что хорваты на своих морских судах, сагинах и кондурах, вели торговлю по Далматинскому побережью вплоть до самой Венеции. Из хорватских племён славились в древности как искусные мореплаватели особенно *неренчане*.

Широкие торговые связи с Европой и Азией поддерживали в древности также и западные славяне, о чём говорят, между прочим, арабские монеты халифов Омайядской и Абассидской династий VIII и IX вв., находимые на славянском побережье Балтийского моря. Но особенно тесные торговые связи западные славяне в древности поддерживали с Германией, наследием чего в языках польском и чешском осталось немецкое слово для монеты: польск. *pienadz* и чешск. *penize* восходят к нем. *Prennig*. Основным предметом вывоза у западных славян, как и у восточных, были меха; *куна* (т.е. куница) служила для обозначения денег, а «гривна кун» (*marca sunnagum*) сделалась здесь, как и у восточных славян, меновой единицей. Кроме мехов западные славяне, как и восточные и южные, торговали мёдом и воском.

По свидетельству франкского летописца **Фредегара** (конец VII в.), уже в VII в. к славянам приезжали купцы с запада, но особенно высокого развития торговля у западных славян достигла в X и XI вв. Центрами торговли были города на Балтийском приморье: главный город бодричей *Рарог*; город вагров *Старград*; затем *Юлин*, или *Волин*, и *Щетин* в дельте Одера; *Колобрег* в устье р. Персанты и *Гданск* – на Висле.¹³⁹

Массовое трудовое славянское население в древности известно преимущественно как *земледельцы* и *скотоводы*, о чём говорит целый ряд византийских авторов, начиная с VI в. (Маврикий, Менандр, Феофилакт Симокатта). Земледелие было особенно высоко развито у восточных славян и давало здесь самые разнообразные виды зерновой продукции. «**А вси ваши городи, – говорит Ольга древлянам, – ...делают нивы своя и землю свою**». По летописи, вятичи платят дань «**козаром по щелягү от рлда**».

Данные археологических раскопок, а также письменных памятников и языка говорят о широко развитой земледельческой культуре

139. См. М.Любавский, назв. соч., стр. 18.

у всех славян и, в частности, у восточных славян, в жизни которых хлеб составлял основной продукт питания. Уже в XI в. здесь был известен очень широкий ассортимент зерновых и культурных злаков: пшеница, просо, овёс, рожь, ячмень, горох, мак, лён. Общим термином для названия всех видов зернового хлеба у всех славян в древности было *жито* (совр. вост.-сл., южно-сл. и польск.). Как о наиболее популярном продукте питания у славян, восточные и западные источники говорят о *просе*.

Рядом с земледелием у всех славян было распространено *скотоводство*. Археологические раскопки говорят о том, что древние славяне знали лошадь, быка, овцу, козу, свинью, собаку; из птицы – курицу.

Выше мы уже цитировали показание **Иоанна Эфесского** о славянах VI в., который, говоря о том, что славяне «стали богаты», среди богатств их (золото, серебро, оружие) называет также табуны лошадей. На похоронах руса в известном описании **Ибн-Фадлана** приносятся в жертву быки, лошади, собака, петух и курица. Кроме названных животных, в жертву приносились овцы. По показанию **Ибн-Дада**, «*славяне пасут свиней наподобие овец*».

Константин Багрянородный говорит об овцеводстве у хорватов. Чехи славились своими лошадьми; поморские славяне разводили рогатый скот.

Ибн-Якуб пишет, что славяне воздерживались есть кур, потому что они им вредили и способствовали заболеванию рожею (болезнь, которая была очень распространена), но зато они ели говяжье мясо и гусей. «*Владимир Киевский, став после принятия христианства милостивым, распорядился, чтобы по его княжеству всем больным развозили хлеб, мясо, рыбу, овощи и мёд в бочках*». Позднее **Оттон**, епископ **Бамбергский**, обратив в христианство литовцев и померанских земледельцев, запретил им в шестой день недели употреблять в пищу молоко и мясо. Молочные продукты вообще были у славян в большом употреблении. Наконец, весьма характерным показателем популярности скотоводства у славян может служить такой разительный факт, что среди небогатого вообще пантеона богов, язычники-славяне имели специального «скотьего бога» Велеса, или Волоса, охраняющего стада и покровительствующего скотоводству.

Не менее популярным промыслом у всех славян было *пчеловодство*. Мёд был любимым напитком у славян. Известны в этом смысле показания арабских и персидских писателей – **Ибн-Дада**, **Масуди**, **Ибн-Растех**, **Кардизи** и др., а также **Приска** (448). Мёд и воск у всех славян составляли одну из основных статей вывоза и обложения, ввиду чего древнерусское законодательство («Русская Правда») уделяет большое внимание охране пчеловодческой промышленности (бортничество). Ольга справляла тризну по **Игоре** с питьём мёда; **Владимир Киевский**, отразив в 996 г. печенегов, «со-

твори праздник велик, варя 300 провар мёду и созываша боляры своя и посадники, старейшины по всем градом и люди многы». Такою же популярностью мёд пользовался и у западных славян.¹⁴⁰

В промышленной жизни древних славян большое место занимала *охота*. Дорогие меха – бобровые, куны, беличьи, собольи, чернобурой лисицы и др. составляли одну из основных и наиболее существенных статей славянского вывоза и служили предметом даннического обложения: поляне, северяне и вятичи платили дань «по белой веверице от дыма»; древляне платили «по черне куна».

Выше уже было отмечено слово «куна» у западных славян в значении денег и «гривна кун» как меновая единица. Ввиду крупного торгового значения охотничьего промысла охота в быту и в хозяйстве славянских князей и знати занимала видное место, и охотничий инвентарь составлял специальную статью в их хозяйстве. Интересный в этом смысле материал даёт известное «Поучение Владимира Мономаха».

Широко распространённую пищу у древних славян, наряду с хлебом и мясом животных, была *рыба*, о чём говорят археологические раскопки. Константин Багрянородный говорит о *рыболовстве* у хорватов. Особенно широкой популярностью этот промысел пользовался у поморских славян. Западные источники (Гельмольд) говорят о том, что поморские славяне в ноябре ловили у острова Рюгена *сельдь*.¹⁴¹ Наконец, западные славяне, чехи и поляки, отчасти и восточные славяне занимались также и горной промышленностью.

Отмеченные выше характерные особенности народного быта и хозяйства древних славян прекрасно иллюстрируются обширным вещевым материалом археологических раскопок.¹⁴²

140. См. Любор Нидерле, Быт и культура древних славян, Прага, 1924, стр. 58-74.

141. См. В.М.Макушев, назв. соч., стр. 120.

142. См., например, Б.А.Рыбаков, Анты и Киевская Русь, «Вестник древней истории», 1939, кн. 1 (6), стр. 319-337.

Глава VI

ВОЕННОЕ ДЕЛО

На войну славяне шли обыкновенно *пешими*, прикрыв тело *броней* и имея на голове *шлем*, при левом бедре тяжёлый щит, за спиною *лук со стрелами*, пропитанным ядом; кроме того, они были вооружены обоюдоострым *мечом*, *секирою*, *копьем* и *бердышом*.

С течением времени, начиная, по-видимому, с X в., славяне ввели в свою военную практику и конницу, о чём можно судить по показанию **Льва Диакона** относительно армии **Святослава**. Не исключена, конечно, возможность наличия у славян кавалерийских отрядов и в более раннее время. По показанию **Константина Порфирородного** (X в.), у хорватов имелось 60 тысяч всадников. Личная дружина князя у всех славян была конною.

Постоянного войска у славян не было. В случае военной надобности в поход выступали все мужчины, способные носить оружие, а детей и жён с пожитками они укрывали в города или в леса. Маврикий рассказывает о характерном для славян искусстве прятаться в воду и с помощью длинной камышины для дыхания долго оставаться под водою, не замечаемыми неприятелем. Славяне предпочитали сражаться в теснинах и ущельях, поражали врагов внезапным нападением из-за скалы или из-за кустарника, во время боя устраивали искусственный *заслон из телег*, строили *валы* и *засеки*; обычным боевым строем у славян был *треугольник*, или *клин*, *кабан*, *кабанья голова*, называемый в русских летописях *свиньёю*, откуда, между прочим, в современном русском языке ведёт своё начало выражение «подложить свинью», т.е. устроить кому-либо неприятность, помешать в каком-нибудь деле и т.п. В общем, надо сказать, древние славяне были большими мастерами в военном деле, любили войну и, надёленные отвагою, мужеством, стойкостью и выносливостью, представляли собою прекрасную военную силу, пользуясь в этом отношении широкою известностью у своих соседей как на востоке, так и на западе, которые охотно принимали их к себе на военную службу.¹⁴³ Из отдельных лиц, состоявших у византийцев на военной службе и занимавших крупные командные должности, известны, например, в 469 г. начальник фракийских войск **Анангаст**, ант или славянин по происхождению; в 30-х годах шестого века ант **Хвилибуд** (**Хилвуд**), командовавший греческими гарнизонами на Дунае; в середине VI в. ант **Доброгаст** – начальник византийской черноморской эскадры и

¹⁴³. См. *В.М.Макушев*, назв. соч., стр. 128-133.

др.¹⁴⁴ Славяне принимали участие в византийской экспедиционной армии в Италии против готов, в византийско-персидской войне 554 г. и т.д. О военном искусстве славян, которого они достигли к концу VI в., говорят, между прочим, известные слова Иоанна Эфесского: *«Они стали богаты, имеют много золота, серебра, табуны лошадей и оружие и научились вести войны лучше самих римлян»*. Прибавим к этому, что названный автор не принадлежал к числу лиц, сколько-нибудь сочувствовавших или симпатизировавших славянам; напротив, они для него были «проклятым народом».

Однако славяне шли на войну не только хорошо материально вооружённые, но и в веселом, бодром настроении, с музыкой, свирелями, бубнами и с танцами, часто не помня об осторожности. Так описывает болгарский поход Святослава византийский писатель Скилица.¹⁴⁵

144. См. Б.А.Рыбаков, назв. ст., 328; А.В.Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи. «Вестник древней истории», М., 1939, кн. 1(6), стр. 105.

145. М.С.Грушевский. Киевская Русь, СПб, 1911, стр. 385.

Глава VII

ФИЗИЧЕСКИЙ ТИП

По имеющимся в нашем распоряжении отзывам современников, древние славяне отличались высоким ростом, крепким телосложением, тёмно-русым (рыжеватым) цветом волос, большой выносливостью и были народом предприимчивым, отважным и воинственным. *«Все они, – говорит о славянах Прокопий, – рослы и сильны, цвет лица имеют не совсем белый, волоса ни русые, ни вполне чёрные, но рыжеватые...»*. *«Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились (высадились) на реке Атиль»*, – пишет **Ибн-Фадлан** в своём «Путешествии на Волгу» в 20-х годах X в. *«И я не видел (людей), – говорит он, – с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красны»*.¹⁴⁶ О рыжих (или русских) волосах у славян и об их румянце говорит **Аль-Масуди** (X в.).¹⁴⁷

По свидетельству **Казвини**, *«славяне имеют рыжие волосы, цвет тела красноватый и отличаются большою живостью...»* Западные писатели, византийцы и немцы, не менее арабов удивлялись высокому росту и крепкому телосложению славян, их силе и ловкости.¹⁴⁸

Византийский историк X в. **Лев Диакон**, описывая киевского князя **Святослава Игоревича** (942–972), говорит о нём, что он был среднего роста, не слишком высок, но и не низок, брови имел густые, глаза голубые, нос короткий, борода была сбрита, на верхней губе густые и длинные волосы; голова совершенно брита, с одной стороны висел чуб, что означало знатность рода, шея сильная, плечи широкие, и вообще он был очень хорошо сложен.

Летопись говорит о **Мстиславе Ярославиче** (XI в.): *«все же Мстислав дебал телом, черьном лицем, великома очима»*, а князя **Владимира Васильковича** (XIII в.) она же описывает такими чертами: *«Сий же влаговерный князь Володимерь возрастом все высок, плечима велик, лицем красен, волосы имея желтые кудрявы, бороду стригый, рѹкы же имея красны (т.е. красивые) и ноги»*.¹⁴⁹

146. См. «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». Перевод и комментарий под ред. акад. И.Ю.Крачковского. Изд. АН СССР, М. – Л., 1937, стр. 78.

147. См. *А.Я.Гаркави*. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб, 1870, стр. 5 и 138.

148. *В.М.Макушев*, назв. соч., стр. 153.

149. См. *М.С.Грушевский*. Киевская Русь, т. I, СПб, 1911, стр. 376-378.

Представление о белокурости славян было настолько популярным на Востоке, что племенной термин *саклаб*, *сакалиба*, т.е. «славянин», приобрел здесь характер синонима для названия всякого краснолицего, беловолосого или рыжеволосого человека вообще, о чём можно судить, в частности, на основании арабского лексикографа **Абу-Мансура** (X–XI вв.). «Славяне – племя красного цвета, имеющие русые волосы... Человека красного цвета называют славянином, по причине подобия его цвету Славян». ¹⁵⁰

Однако говорить на основании этих данных, учитывая при этом и имеющийся в распоряжении исследователя краниологический и остеологический материал, о каком-либо единстве и своеобразии антропологического типа древних славян не приходится, как не приходится говорить в этом же смысле не только о современных славянах, но и о любом из современных европейских народов. Возникнув в глубокой древности в процессе племенных скрещений, пережив в своей позднейшей истории уже в древности многочисленные встречи, культурные влияния и физические связи с народами востока и запада, севера и юга, древние славяне, как в ещё большей степени и их современные потомки, представляли собою в антропологическом отношении комплексный тип, который, территориально взятый, мог иметь гораздо более отличий от своих племенных сородичей иной территории, нежели от своих племенных инородичей-соседей. Между периферийными территориями эти отличия в деталях антропологического типа древних славян были, несомненно, особенно разительными, что мы наблюдаем и в настоящий момент не только между отдельными славянскими народами, не представляющими, впрочем, в общем своём этнографическом составе какого-либо единства антропологического типа, но, по той же причине, и внутри каждого отдельного славянского народа. В краниологическом отношении, замечает проф. Л. Нидерле, современные славяне более различаются между собою, нежели от своих неславянских соседей. ¹⁵¹ Ту же картину представляют собою современные славяне в антропологическом отношении и по всем прочим показателям. Мы не имеем никаких оснований предполагать иную картину и для славян в древности, начиная с VI в. н.э., когда они впервые попадают на страницы путевых очерков и исторических сочинений восточных и западных авторов, отмечавших в них преобладавшие, очевидно, черты, наиболее бросающиеся в глаза наблюдателя-брюнета, – тёмно-русый или рыжеватый цвет волос, и не отмечавших тех случаев, которые не обращали на себя их внимания. ¹⁵²

150. См. *Гаркави*, назв. соч., стр. 279; *Вестберг*. К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНПР, 1908. II, стр. 1; *В. Макушев*. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб, 1861, стр. 153.

151. *L. Niederle*. О рйvodu Slovanй. V Praze, 1896, стр. 39.

Глава VIII

БЫТ И НРАВЫ

Что касается показаний тех же авторов о быте и нравах древних славян, то с этими показаниями надо обращаться весьма осторожно: часто они явно тенденциозны, а иногда, как, например, у знаменитого **Ибн-Фадлана**, весьма ценного в других отношениях, и просто анекдотичны. Объясняется это тем, что эти авторы чаще всего были знатными путешественниками, представителями родовитой и служилой арабской знати, или же это были придворные историки, аристократы, состоявшие на службе византийских императоров и подходившие обыкновенно к «варварам» или с некоторой предвзятой аристократической нетерпимостью, несколько свысока, как к скотоподобным существам низшей породы, что мы имеем, например, у **Ибн-Фадлана**; или же просто с тенденциозной враждебностью, как к своим врагам, что мы наблюдаем, например, у некоторых византийских авторов. Поэтому показания этих источников всегда имеют только относительную ценность, требуют сугубо критического к себе отношения, но тем не менее они остаются единственным письменным источником, и притом источником с богатым и разнообразным материалом, игнорировать который мы не имеем права.

Древние славяне жили обыкновенно в местах, естественно-защищённых от нападений врагов самою природою, т.е. в лесах, на горах, у болот и у рек. По словам **Маврикия**, славяне живут в лесах, у рек, болот и озёр, в местах неприступных, а **Йорнанд** замечает о славянах: «У них болота и леса заменяют города», что надо понимать не в том смысле, что у славян не было городов как пунктов поселения, а в том смысле, что болота и леса заменяли им города, как укреплённые прикрития, за стены которых они укрывались от нападающих на них врагов. Интересные строки описанию быта и нравов восточных славян посвящает автор «Повести временных лет», не стесняющийся, впрочем, заведомо гущать краски, когда он говорит о неполянских славянах, проявляя в данном случае, по-видимому, конфессиональную тенденциозность: поляне были в его время уже христианами, а прочие племена, о которых он говорит в своём летописании, держались в своих массах, по-видимому, ещё языческого культа.

По характеристике летописца, поляне – народ кроткого и тихого нрава и имеет «стыдение» к своим снохам, к сестрам, к матерям и к родителям, а снохи у полян имеют «великое стыдение» к свекровям

152. Подробнее на эту тему см. у *Л.Нидерле* в названном выше труде.

и к деверям. Поляне, по летописцу, знали брачные обычаи, т.е. брак, оформленный и санкционированный известной традиционной народной обрядностью. «**А древяне, – говорит летописец, – живяху звериньскымъ образомъ, и убиваху друг друга, ядуще все нечисто, и брака у них не бываше, но умыкаху у воды девица. А Радимичи, и Вятичи, и Север один обычай имеютъ: живяху в лесе, якоже всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословне в них пред отьци и пред снохами, и браци не бываху в них, но играща межю селы, и сужахуся на игрища, на плясання и на вся бесовьскыя песни, и ту умыкаху жены себе, с нею же кто совещався; имеютъ же по две и по три жены...**».

По сообщению летописца, эти же народы совершали по умершем тризну, а затем труп сжигали на большом костре и, собрав после этого кости, «**вложаху в сѹдннѹ малѹ, и поставляху на столпе на пѹтехъ, еже творять Вятичи, – замечает летописец, – и ныне**». Таких же обычаев, по летописцу, придерживались и кривичи и прочие язычники, «**не ведуще закона божия, но творяще сами себе закон**».¹⁵³

По описанию арабского писателя **Ибн-Даста** (X в.), «*страна славян – страна ровная и лесистая; в лесах они и живут. Они не имеют ни виноградников, ни пашен. Из дерева выделывают они род кувшинов, в которых находятся у них ульи для пчёл, и мёд пчелиный собирается. Это называется у них **сидж**¹⁵⁴, и один кувшин заключает в себе около 10 кружек его. Они пасут свиней подобие овец*».

Ибн-Даста, как и **Ибн-Фадлан**, описывает практикуемый у славян обряд сожжения покойников, о чём говорят также и **Аль-Масуди** и **Ибн-Хаукаля**, а **Ибн-Вахшия** в связи с этим замечает: «*Я удивляюсь славянам, которые, несмотря на крайнее своё невежество удаление от всякой науки и мудрости, постановили о сожжении всех своих мертвецов, так что не оставляют ни царя, ни другого человека без сожжения после смерти*».¹⁵⁵ Исключительно яркую картину похоронного обряда сожжения знатного руса со всеми сопровождающими его деталями, в том числе и с закланием на могиле покойника для погребения вместе с ним одной из его жён, даёт **Ибн-Фадлан**. О сожжении вместе с мужем и его жены у славян говорят также **Аль-Масуди** и **Ибн-Даста**. Археологические раскопки славянских погребений подтверждают данные арабских источников.

153. А.А.Шахматов. Повесть временных лет, т. I, Петроград, 1916, стр. 12 и сл.

154. Нет никаких оснований не видеть в этом названии медового напитка древнерусского слова, независимо от его происхождения в русском языке, о чём в своё время говорил уже Сенковский; ср. совр. русское сычевка – «варёный, питьевой мёд» (В.Даль, Толк. словарь, 3-е изд., т. IV, стр. 687); ср. у Кольцова: «мед сыченый» («Крестьянская пирушка»). Полное собр. соч., изд. АН, СПб, 1909, стр. 47).

155. См. А.Я.Гаркави, назв. соч., стр. 259.

По свидетельству **Прокопия**, славяне жили «в дрянных избах, разбросанных на большом расстоянии одна от другой». Другой, западный, источник, **Гельмольд**, говорит о славянах, что они не заботятся о постройке своих домов, а обыкновенно сплетают себе избышки из хвороста, лишь бы укрыться от дождя и непогоды. «Едва раздастся клик военной тревоги, – говорит этот автор, – они поскорее заберут весь хлеб, спрячут его с золотом, серебром и всеми дорогими вещами в яму, уведут жён и детей в надёжные убежища, в укрепления, а не то в леса, и не останется на расхищение неприятеля ничего, кроме одних изб, о которых они не жалеют ничего». ¹⁵⁶ Ибн-Даста говорит о славянах, что ввиду сильных холодов, которые бывают в их стране, каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, к которому приделывает деревянную остроконечную крышу, наподобие (крыши) христианской церкви, и на крышу накладывает землю. В такие погреба они переселяются со всем семейством и, остаются в них до весны. ¹⁵⁷ Обогревают они это жильё следующим образом: зажигают дрова, и на огне раскаляют камни до красна. Когда же раскалятся камни до высшей степени, поливают их водой, от чего распространяется пар, нагревающий жильё до того, что снимают уже одежду.

Изображая славян как выносливый и закалённый, но примитивный и малокультурный народ, ограниченный в своих потребностях, предпочитающий беззаботность жалкого существования, умеренность в пище и праздную, но свободную жизнь труду, византийские авторы, тем не менее, говорят о них, что они не злы и не коварны (**Прокопий**); что они ласковы с чужеземцами (гостями), принимают их у себя, провожают из одного места в другое, куда им нужно, и даже, если приключится гостю какая-нибудь беда по вине хозяина, то тот, кто принял после него гостя, выступает против нерадивого, считая честью для себя вступить за гостя; что своих рабов не задерживают в неволе навсегда, как другие народы, но назначают им определённое время (службы) и потом предоставляют на выбор – вернуться ли на родину с известным вознаграждением, или же остаться у них в качестве свободных товарищей; что славянские женщины целомудренны выше всякого вероятия, так что большинство их считают смерть своих мужей своею собственной смертью и добровольно удавливают себя, потому что для них вдовство – уже не жизнь; что славяне не хотят никому служить или быть под властью; что они выносливы при всяких лишениях – жаре, холоде, дожде, недостатке одежды и пищи, но у славян, говорят эти же источники, нет согласия, они упрямы, не желают подчиняться в своих взглядах мнению большинства, следствием чего являются кровавые столкно-

156. См. *В.М.Макушев*. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб, 1861, стр. 109.

157. См. *А.Я.Гаркави*, назв. соч., стр. 266 и сл.

вения (Маврикий, Лев Мудрый). Немецкий писатель **Адам Бременский** говорит о поморских славянах: «*Нет народа более гостеприимного и приветливого, чем они*». Даже балтийские пираты, по свидетельству **Гельмольда**, отличались гостеприимством и щедростью. Для гостя и странника славянин готов был жертвовать всем, что у него было лучшего. Заботиться о больных и престарелых, кормить их и покоить считалось у славян священным долгом. Сам Гельмольд имел случай непосредственно убедиться на приёме, который устроил ему князь вагрский Прибыслав, в широком гостеприимстве славян и пришёл к заключению, что нет народа приветливее славян своим гостеприимством. В приглашении гостя, пишет он, они все как бы нарочно соревнуют друг другу, так что никогда не приходится страннику самому просить у них приёма. Что ни приобретает славянин своим трудом, хлеб ли, рыбу ли, дичь ли, он все израсходует на угощение, и считает того лучшим человеком, кто щедрее... По свидетельству другого немецкого автора (**Сефрид**), у поморян каждый хозяин имел специальную чистую и нарядную избу, служившую только для стола и угощения; в ней всегда стоял накрытый стол со всякою едою и угощением, ожидавший гостей. По словам Адама Бременского, всякий приезжий иностранец пользовался у балтийских славян всеми гражданскими правами туземцев. Даже и саксы, говорит он, приезжающие к ним в город Юлин, самый большой из всех городов Европы, получают равные права с туземцами, лишь бы во время своего пребывания не совершали публично христианских обрядов. Весь народ там, говорит этот автор, предан ещё языческим заблуждениям; впрочем, относительно нравов и гостеприимства не найти людей честнее и добродушнее.¹⁵⁸

Аналогичную характеристику славян дают и арабские источники, говоря о нравах восточных славян. Так, например, арабский писатель **Ибн-Дада** (X в.) говорит о русах, что с рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде; что у них большое число городов, и что они живут на просторе; гостям оказывают почёт и обращаются хорошо с чужеземцами, которые ищут у них покровительства, да и со всеми, кто часто у них бывает, не позволяя никому из своих обижать или притеснять таких людей. Во всяком случае, замечает **Ибн-Дада**, если кто из них обидит или притеснит чужеземца, *помогают последнему и защищают его*.¹⁵⁹

Как восточные, так и западные источники единодушно говорят об отваге и воинственности славян. Так, например, арабский писатель **Ибн-Якуб** говорит о славянах, что они народ отважный и воинственный и никто не сравнился бы с ними в силе, если бы не разрозненность их многочисленных, обособленных племён.¹⁶⁰ Ту же ха-

158. В.М.Макушев, назв. соч., стр. 148, 154, 161 и сл.

159. А.Я.Гаркави, назв. соч., стр. 268.

рактику славян даёт и **Аль-Бекри** (XI в.), говоря: «Славяне народ столь могущественный и страшный, что, если бы они не были разделены на множество поколений и родов, никто в мире не мог им противостоять». ¹⁶¹ С этой характеристикой арабских писателей совпадают и более ранние отзывы византийцев.

Добродушные, приветливые и гостеприимные, независимо от национальности гостя, в домашней обстановке, отважные и воинственные, как они рисуются у древних авторов, славяне на войне проявляли непримиримую и беспощадную свирепость. По свидетельству **Прокопия**, переправившись в 549 г. через Дунай, славяне ужасным образом опустошили всю Иллирию до Эпидамна; встречных, без разбора возраста, частью умерщвляли, частью уводили в плен, лишая их имущества. В 550 г., взяв в плен вождя греческого войска Азбада, они сожгли его на костре. Взяв приступом сильную крепость на Эгейском море Топер (Боар-калеси), они умертвили всех жителей – мужчин до 15 тысяч человек, расхитили имущество, а жён и детей отвели в рабство... И долго вся Иллирия и Фракия, замечает Прокопий, были покрыты трупами. Встречных они убивали не мечом, не копьём и не каким-либо иным оружием, а сажали на кол, распинали на кресте, били батогами по голове; иных, заперши в шатры вместе с быками и овцами, которых не могли увести с собою, безжалостно сжигали. О киевском князе **Святославе** Лев Диакон рассказывает, что, взяв город Филиппополь, он посадил на кол 20 тыс. его жителей, а узнав, что мизяне (болгары) перешли на сторону императора, он приказал отрубить головы 300 знатнейшим и самым богатым из них. Аналогичные же факты сообщают и немецкие источники (Видукинд, Адам Бременский, Гельмольд) о полабских и прибалтийских славянах, расправлявшихся таким же образом с ненавистными им христианскими миссионерами, епископами, священниками, церковными служителями и христианскими храмами и монастырями, выполнявшими свою миссионерскую деятельность у славян функции немецких завоевателей и служившими для них опорой. Но славяне, надо иметь в виду, не выступали в данном случае в качестве каких-то исключительных извергов: защищая свою свободу, которая была для них дороже всего на свете, славяне платили своим врагам приблизительно то же монетою, какую получали от них с гораздо более тяжёлыми жертвами, в чём должны беспристрастно признаться и немецкие авторы (Гельмольд). ¹⁶² Славянам был присущ героизм на войне, и свои военные подвиги в защиту родины и свободы они всегда считали для себя делом чести, славы и доблести. И это они блестяще доказали на востоке и на западе славными

160. См. *М. Грушевский*, Киевская Русь I, СПб., 1911, стр. 384.

161. См. *В. М. Макушев*, назв. соч., стр. 145.

162. *В. М. Макушев*, назв. соч., стр. 156-159.

подвигами на протяжении всей своей боевой истории, начиная с IV в. н.э., в борьбе с гуннами, аварами и уграми, с греками, с немцами, с шведами, с татарскими ханами и с польскими панями, стойко и мужественно защищая свою родину и свою свободу.

«И понде Святослав на гръкы, – рассказывает летопись в своих повествованиях о болгарских походах киевского князя Святослава Игоревича, – и изидоша противу рұси. Видевъше же рұсь, убояшася зело мъножества вон.¹⁶³ И рече Святослав: “ўже нам некамо ся дети, волею и неволею стати противу; да не посраммим земле Рұсьскые, нъ лязем костню тў: мертви бо срама не имам; аще ли побегнем, то срам имам; и не имам ўбевати, но станем крепько, азъ же пред вами понду; аще моя голова ляжетъ, то промыслите о себе”. И реша вон: “идеже глава твоя, тў и главы наши сложим”. И исполчихася Рұсь, и Греци противу; и сразистася полка; и остўпиша Греци Рұсь. И бысть сеча веланка; и одоле Святослав, и бежаша Греци...».¹⁶⁴

Эти события относятся к X в. Но вот ещё одна аналогичная страничка из истории славян более раннего времени VI в. «Аварский хакан (Баян) отправил посольство к Лаврите (вариант – Дабрите) и к важнейшим князьям славянского народа, требуя, чтоб они покорились аварам и обязались платить дань. Лаврита и славянские князья отвечали: “Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу. Не другие нашу землёю, а мы чужою привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи”»¹⁶⁵.

По своей природе славяне, как они рисуются в источниках, были весёлым, жизнерадостным и темпераментным народом. Они любили музыку, пение и пляски и, подогрев себя «мёдом сыченым», к которому славяне всегда были большими охотниками, – ибо «Рұси есть веселне пити, не может без того быти», как, по преданию, киевский Владимир ответил болгарским миссионерам, – «с плясаньем, гуденьем и пасканьем» славяне проводили свои народные гулянья, справляли свои праздники, несли свою трудовую жизнь и переживали свою печаль и горе. Они собирались на «играща межю селы, на плясания и на вся бесовьскыя песни, и тў ўмыкаху жены себе». «Долгими песнями» прощается с жизнью девушка перед насильственной смертью на могиле своего господина в описании похоронного обряда у Ибн-Фадлана. Феодосий Печёрский, войдя однажды к князю Святославу, застал у него «многая играющи пред нимь: овы гұсьльные гласы испущающе, дрўгыя же органьные гласы поюще, и инем замарьныя писки гласящем, и тако всем играющем и веселящемся, якоже обычай есть пред кня-

163. Греков было 100 тысяч, а русских всего 10 тысяч.

164. А.А.Шахматов. Повесть временных лет, т. I, П. 1916 г., стр. 83.

165. Цитирую по статье Б.А.Рыбакова, Анты и Киевская Русь. «Вестник древней истории», 1939, кн. 1, стр. 328.

земь». Лучшим подтверждением того, что всякие игрища, скоморошества, музыка и пение были обычным народным развлечением у славян, свидетельствуют многочисленные обличительные выступления христианского духовенства, направленные против «бесовского пенья и блудного глумления». Насаждая христианскую мораль и благочестие, духовенство усердно, но бесплодно старалось вытравить их из народного обихода. Арабский писатель X в. Ибн-Даста, описывая быт и нравы славян, говорит: *«Есть у них разного рода лютни, гусли и свирели. Их свирели длиною в два локтя, лютня же их осьмиструнная. Хмельной напиток приготавливают из мёду. При сожжении покойников предаются шумному веселию, выражая тем радость свою милости, оказанной ему (покойнику) богом»*. Спустя же год по смерти покойника, по показанию того же автора, славяне справляют тризну, т.е. поминки по покойнике, уже в значительно более широком масштабе: *«Берут кувшинов 20 мёду (а каждый кувшин, т.е. жбан, заключает в себе около 10 кружек его), иногда несколько больше, иногда несколько меньше, и несут их на тот холм, где собирается семейство покойного, сдят, пьют и затем расходятся»*. При Владимире, говорит летописец, рассылая по городу припасы для убогих и нищих, возили и «мёд в бочках».¹⁶⁶

166. См. М. Грушевский, назв. соч., стр. 384 и сл.; А. Я. Гаркави, назв. соч., с. 264 и сл.

Глава IX

РЕЛИГИЯ

В основе религиозных представлений первобытных славян, органически связанных с их хозяйством (земледелие и скотоводство), лежало представление о борьбе двух начал или двух сил – светлой и тёмной, доброжелательной и враждебной человеку, благотворящей и приносящей зло: плодородия с бесплодием, лета с зимой, света с тьмою. Изучение славянского народного календаря и народных обычаев даёт интересный и богатый в этом смысле материал. Весь круговорот современных славянских праздников, начиная с конца декабря, с *коляды*, представляет собою пережиток старых языческих представлений, связанных с чествованием творческих сил природы, слившихся нередко впоследствии с христианскими праздниками. Так, языческий праздник рождения солнца слился с христианским праздником рождения Христа и Нового года, на которые и была перенесена вся языческая обрядность, связанная с чествованием рождения солнца и возрождающейся природы. Полная победа солнца над мраком, лета над зимой приходится на май – июнь и отмечается в славянских народных обрядах инсценировкой похорон зимы или смерти.¹⁶⁷ У русских так называемые *костромы* или *кострубоньки*, в Польше и в Моравии – *tarrana*, *tarca*, у болгар – *герман* или (уменьш.) *германчо* и пр.; в одних местах её топят в воде, в других – закапывают в землю.

В славянских народных обрядах, связанных с рождением, свадьбою, похоронами, до сих пор сохраняются пережитки старых языческих представлений о судьбе человека, о загробном его существовании, о взаимоотношениях между человеком и природою и многих других подробностях и деталях народного мировоззрения и быта на более ранних ступенях его развития.

Здесь нет ничего случайного или бессмысленного; каждая мелочь имеет свою историю и своё значение, как имеет его и каждая самая ничтожная вещица материальной культуры древности, добытая из земли во время археологических раскопок. Византийский историк Прокопий (VI в.) пишет о славянах: «Они признают единого бога, громовержца, единым владыкою вселенной и приносят ему в жертву быков и иных священных животных. Судьбы они не знают и не верят, что бы она имела какое-либо влияние на людей. Но когда им угрожает смерть в болезни или на войне, они обещают, если её избегнут, принести богу жертву за спасение и, спасшись, исполняют свой обет,

167. См. Е.В.Аничков. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. СПб., 1903, ч. 1.; D-г Hanuš Machal, Nakres slovanskeho bajeslovi. Praha, 1891, стр. 192, 204.

думая, что эту жертвою купили себе жизнь. Они поклоняются также рекам и нимфам и некоторым другим божествам; всем им они приносят жертвы и при этих жертвоприношениях гадают».

Из этой случайной, далеко не исчерпывающей всего вопроса заметки византийского историка следует: 1) что система религии у славян в VI в. представляла собою обоготворение сил природы, которые казались им проявлением воли и деятельности высших живых существ (анимизм); 2) что их мирозерцание было лишено более глубокого, с точки зрения византийца, понимания жизни окружающей их природы и взаимной зависимости её явлений (не знали судьбы); 3) что славяне-язычники чтили множество богов, но вместе с тем признавали единого бога-владыку, громовержца; очевидно, остальные боги мыслились ими подчинёнными громовержцу и зависимыми от него; 4) что славяне поклонялись также рекам и нимфам; 5) что служение богам выражалось в форме жертвоприношения быков и других священных животных, а также в гадании, через которое боги сообщали людям свою волю. Имени «единого бога, громовержца», которого славяне признают «единым владыкою вселенной», византийский историк не назвал.

У восточных славян в X–XI вв. таким «богом-громовержцем», соединявшим в своём лице и функции «единого владыки вселенной», был **Перун**. Мы имеем все основания предполагать, что имя этого бога было известно некогда и южным славянам. Об этом свидетельствует целый ряд сохранившихся здесь до настоящего времени переживаний, связанных, несомненно, с культом Перуна. Так, например, до сих пор у болгар сохраняется имя Перун и женские имена – Перуна, Перунка, Перуника, Перуница, а также имена Парун и Паруна. Эти же имена встречаются и в фольклоре как у болгар, так и у сербов. Кроме того, у всех южных славян до сих пор живут названия различных местностей, связанные с именем Перун: Перуня весь, Перуны врх, гора Перун – у словенцев; гора Перун – в Боснии, то же в Далмации; село Перуновац – в Сербии; горная вершина Перинатица, село Перуника – там же; город Перин – в Болгарии и горная цепь Перин – в Македонии и т.д. Наконец, у всех южных славян встречается название цветка «Перуника» (*Iris germanica*), так же как у латышей полевая горчица называется «Перуновым цветком». То же самое растение перуника у сербов называется также *богшиа*, т.е. божий цветок. Имеются указания на то, что в болгарском народе память о Перуне сохранялась вплоть до начала XIX в., о чём в 1841 г. писал известный болгарский деятель-просвещенец эпохи Возрождения В.Априлов в сочинении «Денница новоболгарского образования», говоря, что *«нынешние болгары в своих народных песнях славят Перуна, Коляду, Ладу и Леля»*.¹⁶⁸

168. См. *Йордан Иванов*. Культ Перуна у южных славян. «Изв. Отд. русск. языка и словесности ИАН», 1903, IV.

Вместе с принятием христианства культ бога громовержца и дожденосца был перенесён на св. Илью. Так случилось у новогреков с Зевсом и Гелиосом (солнце), у германцев – с богом Тором, у кавказцев – с богом грома Шибле, которому в Абхазии молились от бездождия и которого чеченцы отождествляли с Ялием (Ильёй). Илья, как громовержец и дожденосец, фигурирует в юго-славянской народной поэзии и в народных повериях. По этим повериям, гром происходит от движения коней и колесницы св. Ильи по небу, а молния – это искры, вылетающие из-под копыт его коней.

Однако бог грома и молнии у восточных славян – Перун представляет собою, по-видимому, более поздний продукт творчества первобытного теогонического мышления. Как бог грома и молнии, или небесного огня в его частном выявлении в молнии, Перун представляет собою продукт позднейшей дифференциации, точнее – диссоциации более ранних теогонических представлений человека, связанных с небесным огнём вообще и с самим небом. Выше Перуна и старше его должен был быть некий бог **Небо**, как верховное божество, как единый великий бог, т.е. бог-Небо.¹⁶⁹ С течением времени, в связи с развитием теогонического мышления, протекавшего в процессе диссоциации представления о едином вначале боге-небе на несколько или множество богов, воплощавших в себе ту или иную, частную или долевою эпифанию неба, эти вновь возникшие боги могли постепенно, во-первых, вытеснить из сознания представление о первичном верховном боге-небе и, во-вторых, перенести это представление на одного из вновь созданных богов-эпифаний из начального единого бога-неба, по тем или иным причинам выдвинувшегося в мышлении на первый план и занявшего в пантеоне богов первенствующее место.

В религиозных представлениях балтийских славян отмечается наличие, наряду с многочисленными второстепенными божествами, и *единого всликого бога*, который является вместе с тем *специально небесным богом* (Гельмольд, XII в.).¹⁷⁰ Имя этого бога, как видели мы выше, осталось Прокопию неизвестным.

Данные Киевской летописи (под 1114 г.) о том, что древнегреческий Гефест, служивший в древнейшее время *«выражением могучей силы огня, проявляющейся, преимущественно, в вулканических странах»*, и представлявший собою *«великое творческое существо»*, – это **Сварог**, а сын его, Гелиос, бог солнца, – это «сын Сварогов, еже есть Дажьбог»; с другой стороны, данные известных обличений язычества о том, что люди – *«огневе молятся, зовуще его Сварожичем»*, уже давно привели исследователей к мысли, что в этом Сва-

169. См. Н.Я.Март: 1) О небе, как гнезде праздничней; 2) Из семантических дериватов «неба»; и др.; Избр. раб., т. II, 1936.

170. См. М.Грушевский. Киевская Русь. СПб., 1911, стр. 390.

роге мы имеем того древнего главного, «единого бога» творческой силы природы, который выступает так определённо ещё у Прокопия. Мысль эта в настоящее время не является, однако, общепризнанной; имя же Сварога в пантеоне богов у восточных славян в X в., накануне принятия христианского культа, не фигурирует.¹⁷¹

Верховный бог неба у южных славян носил, по-видимому, имя **Бог**. Об этом можно заключать на основании того, что солнце называется здесь **Божичем**, т.е. сыном верховного божества – Неба, т.е. *Бога*. У сербохорватов и словенцев праздник рождения Христа (25 декабря), совпадающий астрономически с началом нарастания солнечного дня, т.е. с нарождением солнца, называется *Божичем*, у болгар – *Божик*. Накануне 25 декабря (по ст. ст.), в так называемый рождественский сочельник, у всех южных славян совершается обряд сжигания «бадняка», т.е. дубового полена. Дуб у всех народов посвящен верховному богу Неба, громовику – Зевсу, Юпитеру, Перуну. Название для «дуба» в сербском языке – *грм* – является исходным моментом для позднейшей увязки дерева дуба с богом грома, что мы имеем и в других языках.¹⁷² Рождественский сочельник у южных славян называется «Бадни вечер». Горящий «бадняк», дерево, посвящённое верховному богу Неба, т.е. сам верховный бог – Небо, символизирует рождение солнца, его сына *Божича*.

В памятниках болгарской письменности встречается имя верховного божества неба *Дый*, или *Дий*, увязываемое с именем римского Юпитера – *Dies pater*, верховный бог дня и света, «светящийся Юпитер», *Jupiter lucetius*. Имя бога Дый стоит здесь рядом с первостепенными славянскими богами – Перуном, Хорсом и Трояном.¹⁷³

У западных славян, по показаниям Гельмольда (XII в.), богом богов, т.е. единым богом, властвующим над прочими богами, происходящими от крови верховного бога, был бог руян, **Святовит**, или **Свантовит**, бог неба и небесного света, олицетворяющий вместе с тем и дневной, солнечный свет, т.е. солнце.

Идол бога Святовита находился в знаменитом Арконском храме на острове Руяне. Он имел четыре головы на четырёх шеях; две головы были обращены вперёд и две назад и каждая из пары этих голов смотрела одна направо, другая налево. Подробное описание этого идола со всем его культом дал **Саксон Грамматик** (ум. 1204). Бог Святовит пользовался широкой популярностью не только у всех славян, посылавших в его святилище в Аркону богатые дары, но также и у соседей славян, например у датчан. Как греческому Зевсу

171. См. *М.Грушевский*. Киевская Русь. СПб, 1911, стр. 390 и сл.; *D-g Haniš Machal*, *Nakres slovanskeho bajeslovi*. Praha, 1891, стр. 20-21; 32 и сл.

172. Подробнее на эту тему см. *Н.С.Державин*. Перун в языковых и фольклорных переживаниях у славян. «Язык и литература», т. III.

173. См. *А.С.Фаминцын*, *Божества древних славян*, I, СПб, 1884, стр. 123-126.

и римскому Юпитеру, верховным богам неба, так и Святовиту была посвящена птица орёл. У позднейших авторов Святовит называется солнцем, почитавшимся славянами в образе Святовита, и вообще солнечным богом, т.е. солярным божеством. Первоначальное же его значение – верховное божество Неба.¹⁷⁴

У поляков, согласно показаниям древних польских летописцев и историков (Длугош, М. Вельский и др.), таким же небесным верховным богом вселенной был **Иесса**, приравниваемый к Юпитеру. По другим данным, высшим богом у поляков-язычников был бог Trzy, т.е. **Трибог**, истукан которого имел, по преданию, три головы. В Щетине высшим владыкою признавался **Триглав**, властвовавший над тремя областями мира, в том числе и над небом.¹⁷⁵

У лужицких сербов верховное божество носило имя **Прабог**; второстепенных богов по отношению к **Прабогу** они называли **Прибогами**.

Что касается восточных славян, то и здесь некоторые исследователи, исходя из известных показаний летописи, где в договорах князей Игоря и Святослава с греками говорится: «**Да будет клят от бога и от Перуна**», «**да имеем клятву от бога, в его же веруем, в Перуна и в Волоса, скотья бога**», – склонны видеть в имени Бог имя верховного божества отдельного от других великих богов, Перуна и Волоса, или Белеса, а о его первенствующем месте среди прочих богов говорит, по мнению сторонников этого мнения, и то, что в обоих приведённых случаях имя Бога стоит на первом месте (Фаминцын, Леже).¹⁷⁶

Наличность на территории восточных славян местностей в роде «Белые боги» (урочище близ с. Городок в окрестностях Москвы) или названия «Троицко-Белобожский монастырь» в Костромской обл., а также уцелевшее у белорусов воспоминание о Белобоге в лице **Белуна** как источника богатства и милосердия, дают основание Фаминцыну предполагать, что и восточным славянам были известны **Белобог** и **Чернобог**. В некоторых местах у восточных славян была отмечена наличность представления о **Деде** как верховном небесном боге. Аналогичное представление отмечает Афанасьев у болгар в образе **Дядо-господ**, который некогда ходил по земле в образе старца и поучал людей пахать и вообще возделывать землю.¹⁷⁷ Восточно-славянский **Дед**, украинский **Дід**, болгарский **Дядо-господ**, белорусский **Белун** и т.п. – все это различные варианты одного и того же верховного божества неба, **Белобога**.

174. Подробнее см. у *Haniš Machal*, *Nakres slovanskeho bajeslovi*. Praha, 1891, стр. 26-30.

175. А.С.Фаминцын, назв. соч., стр. 140; *Haniš Machal*, назв. соч.; стр. 30 и сл.

176. Против этой точки зрения возражал М. Грушевский; см. его «Киевская Русь», стр. 391 и сл., примеч. 5.

177. А.С.Фаминцын, назв. соч., стр. 143.

В Ипатьевской летописи, которая передаёт имя «высшего бога» **Феоста**, т.е. Гефеста греческого источника (Малала), именем **Сварог**, назван «**Голнце-царь, сын Сварогов, еже есть Дажьвог**». Таким образом, бог солнца, он же бог огня, у балтийских и восточных славян названы одним и тем же именем **Сварожич**, т.е. дети бога Сварога¹⁷⁸.

У западных славян – чехов, словаков, моравян – бог солнца был известен под именем **Ясонь**, то же **Несень** или **Хасонь**, т.е. *ясный, белый* бог, Белобог. Имя бога **Ясонь** или **Несень** продолжает бытовать до сих пор в топонимике на огромном пространстве территории, занятой в настоящее время или занимавшейся некогда в прошлом славянами в Богемии, Моравии, Далмации, Славонии, Хорватии, Штирии, Крайне, Истрии, Сербии, Галиции, Силезии, Саксонии, Пруссии, Мекленбург-Шверине. Бог Сварожич у балтийских славян имел своего идола в Ретрском храме (Титмар Мерзебургский, X-XI вв). Ему был посвящён сохранившийся при храме конь. В этом же Ретрском храме, по данным более поздних авторов XI и XII вв. (Адам Бременский, Гельмольд), находился золотой идол бога **Редегаста**, или **Редигаста**, или **Радегаста**, которого эти авторы называют главным богом Ретрского святилища. Очевидно, Сварожич и Радегаст были только разными именами одного и того же бога солнца, Сварожича, который был вместе с тем и богом огня и богом войны (имел соответственные атрибуты – вооружение, на голове – птица с распростёртыми крыльями, на груди – изображение головы быка), а также и богом плодородия. Бог Радегаст пользовался у славян широкой популярностью, и имя его отложилось во множестве географических названий у западных и восточных славян.

К солнечным богам у западных славян, кроме главного бога солнца Сварожича или Радегаста, принадлежали – **Руевит**, имевший на острове Руяне специально посвящённый ему храм с идолом бога, имевшего семь лиц на одной голове, и **Поревит**, имевший там же свой храм и идола с пятью головами. Семь лиц у идола Руевита и пять голов у идола Поревита объясняются как 7 месяцев лета и 5 – зимы.

Подобным богу Руевиту, богом плодородия и вместе войны, славянским Марсом, у балтийских славян был бог **Яровит**. Ежегодно около 15 апреля в честь этого бога в Гавельберге, где он пользовался почитанием, устраивалось грандиозное празднество. В его святилище в Волегасте висел на стене огромный щит искусной работы, весь обитый золотом; простым смертным прикасаться к нему не разрешалось; он мог быть тронут с места только во время войны, когда, с верою в победу, его несли впереди войска.

Кроме названных выше солнечных богов в источниках упоминаются ещё, по-видимому, аналогичные с ними западно-славянские:

178. Там же, стр. 143-146.

Припекало, бог солнцепёка, иссушающего солнечного зноя, и **Генниль**, с чествованием которого были связаны весенние пастушеские праздники. Фаминцын подчёркивает тесную идеологическую связь славянских солнечных богов – Белбога, Ясона, Сварожича (Радегаста), Святовита, Руевита, Яровита, Геннила с богом солнца древних италийцев – Марсом, он же Marmar, Mamers, Mavors, в основе названия которого maг- или mas- видят отложение понятия как о блеске, так и о мужской производительной силе. Названные славянские боги воплощают в себе все функции бога Марса (светлый, сияющий бог, воитель, оракул, плододавец, покровитель скота).

У восточных славян бог солнца носил имя **Хорс** в различных вариантах огласовки этого имени (Харс, Хоурс, Хърс, Хръс, Хрос), иногда составное имя **Хорс Дажьбог**. В древней Умории имя Хорс было известно, между прочим, как эпитет бога Марса в форме дательного падежа – Marte Horse. А.С.Фаминцын в своём капитальном исследовании «Божества древних славян» приводит огромный топонимический материал, в котором он видит отложение имени бога Хорса, в формах Хорс, Орс, Орш и Рос, не только на обширном пространстве территории Средней Европы, населённой в древности славянами, но и далеко за её пределами, вплоть до Франции, Англии, Шотландии и островов Северного моря, и приходит к заключению, что слово Хорс, столь распространённое между юго-западными и западными славянскими народами и германцами, скандинавами, англосаксами и др., значит *конь* (ср. соврем. англ. horse – «конь»). Отсюда делается вывод, что Хорс Марс это «Конь Марс».

Культь Марса теснейшим образом был связан с конем: ему ежегодно приносился в жертву конь; конь же принадлежал и к эмблемам Марса, как и бык, волк и дятел.¹⁷⁹ Конь – тотем бога Марса, что то же Хорса, бога солнца, бога производительных сил природы, покровителя хозяйства скотовода: ср. лошадиный череп в бытовой обрядности у славян. «Слово о полку Игореве» говорит о «великом Хорсе», великом коне – Солнце, которому «**Всслав князь... волаком путь прерыскаше**». Как известно, «конь» представляет собою мифологический двойник того же «солнца» («неба»)¹⁸⁰.

«И нача княжити Володимир в Києве един, – читаем мы у киевского летописца, – и постави кумиры на холме, вне двора теремьнаго: Перуна древяна, а главу его сребряну, а ус злат, и Хорса, и Дажьбога, и Стрибога, и Семарьгла, и Мокошь. И жьряху им, наричуще я боги, и привожаху сыны своя и дщери, и жьряху бесом, и оскверняху землю тревами своими; и осквернися кровьми земля Русьская и холм то».

179. См. А.С.Фаминцын, назв. соч., стр. 199-201.

180. См. Н.Я.Март, К семантической палеонтологии в языках неафетических систем. Избр. раб., 1936, т. II, стр. 284.

Исходя из широкого отложения в топонимике Средней Европы имени Хорса, а также принимая во внимание трёхлетнее пребывание Владимира в земле Варяжской, т.е. в Балтийском Поморье, и богатую отделку идола Перуна, сооруженного Владимиром, Фаминцын склонен полагать, что Владимир вывез из Поморья от славян вагров или их соседей бодричей, где мы знаем вендского Сатурна с золотой головой и идола Черноглава с серебряными усами, или готовые уже изображения богов, или, по крайней мере, вендских художников. Бога Хорса Фаминцын считает для Киева иноземным богом, вывезенным Владимиром вместе с его идолом из Балтийского поморья.¹⁸¹ Наличие же отложений имени бога Хорса в различных его огласовках на огромном пространстве территории в Средней Европе, занятой некогда славянами, приводит исследователя к заключению, что «под именем Рус или Рос скрывается какое-то древнее общеславянское слово, в основании которого после всего вышесказанного можно, кажется, с некоторою вероятностью предположить слово *хръс* или *хърс*, как эпитет бога солнца»,¹⁸² в связи с чем, по автору, стоит и известное выражение «Слова о полку Игореве» – «Дажьбожий внук», которым автор называет русский народ, как «детей неба» или «солнца» Хорса, по связи племенного имени *рус* или *росс* именем бога Хорс,¹⁸³ или же просто, как «солнце», подобно тому, как не только армяне, но и их предшественники в той же стране, *халдини халди*, означая «солнце», в своё время, в силу коневодной организации именуемой ими социальной группировки, понимались как «кони», и слово *халди*, действительно, и означало «коней», будучи спиранным двойником баскского «лошадь».¹⁸⁴

К числу солярных божеств у восточных славян принадлежал и **Дажьбог**. Ипатьевская летопись так именно его и называет: «**Солнце царь, сын Оварогов, еже есть Дажьбог**», «**Солнце, его же наричють Дажьбог**». Позднейшим отголоском древнеязыческого Дажьбога являются, по толкованию Ягича, сербский и болгарский **Дабог**, но с функциями сатаны, врага христианского небесного бога. Происхождение имени Дажьбог одними (Фаминцын) разъясняется из сопоставления с данными германской мифологии, где имеется бог Таг,

181. См. А.С.Фаминцын, назв. соч., стр. 202 и сл.

182. Там же, стр. 209.

183. См. А.С.Фаминцын, стр. 205.

184. См. Н.Я.Марр, К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории. Избр. раб., т. III, 1934, стр. 167. Н.Я.Марр в своих статьях и исследованиях неоднократно останавливается на теме «конь» или «лошадь» и даёт огромный материал, иллюстрирующий палеонтологическую увязку семантики «коня» с «солнцем», на чем останавливаться здесь подробнее мы не имеем, к сожалению, возможности. Точку же зрения Фаминцына по вопросу о терминах *руси* *хърс*, как домысел (для своего времени не лишенный интереса), сейчас надо оставить, как устаревший и решительно расходящийся с современным пониманием термина *рус*, *рос*.

сканд. Dag или Daug, бог дня, владеющий «светлогривым конем». Таким образом, славянский Дажьбог, по этому толкованию, первоначально есть **Дажий бог**, или *Дажьбог*, т.е. бог дня. Подобно Хорсу он мог попасть на восточно-славянский Олимп от прибалтийских славян-вагров (Мекленбург), где в XII, XIII и XIV вв. имеются, между прочим, Дажья область, Дажье озеро, Дажий лес и т.п. Другие (Крек, Миклошич, Ягич, Махал) увязывают имя Дажьбог с повелительной формой глагола «дати» – «даждь» и толкуют его, как «дай благо, богатство» (Крек), или как dispensator divitiarum divitias dans, т.е. «распределитель благ, дарующий блага» (Миклошич), или, наконец, как deus dator – «бог даритель» (Ягич, Махал).¹⁸⁵

К числу солярных богов у восточных славян принадлежал также и бог **Ярила**, которого сближают с Яровитом или Радегастом балтийских славян. Этимологическое значение термина Ярила, по толкованию Ефименко, – «быстро распространяющийся весенний свет или утренний солнечный свет, возбуждающий растительную силу в травах и деревьях и плотскую любовь в людях и животных, потом юношескую свежесть, силу и храбрость в человеке. Отсюда следует, что Ярила, как божество, должен быть богом восходящего или весеннего солнца, богом похоти и любви, богом произрастителям и покровителем животных, производителем растений, богом силы и храбрости. В таком смысле наш Ярила тождествен с Яровитом гаволян». ¹⁸⁶

У белорусов Ярила представлялся молодым, красивым, разъезжающим на белой коне, в белой мантии, с венком из цветов на голове; в правой руке он держит человеческую голову, а в левой – маленький снопок ржаных колосьев. Белорусская обрядность до последнего времени сохраняла пережиточно память о Яриле, преимущественно связанном с весенними полевыми работами, как приносящем плодородие нивам. В обрядности великорусов культ Ярилы отложился преимущественно своею фаллическою стороною, как бога «припекающей» стороны солнца, вызывающей в природе похоть (ярь), сочетание полов и обильное плодородие. С богом Ярилой в этом именно смысле здесь был связан обряд погребения бога, в котором Ярила фигурирует в виде старика или куклы с большим фаллосом («Ярилины игрища»), справляемый в конце мая или в июне, при проводах отходящей весны.¹⁸⁷ Пережитки культа Ярилы отмечены также и у южных славян, где вместо восточно-славянского Ярилы фигурирует *Герман*. В румынской обрядности вместо Ярилы или

185. См. *Haniuš Machal*, Nakres slovanskeho bajeslovi. Praha, 1891, стр. 31.

186. Цитирую по *Фаминцину*, назв. соч., стр. 220.

187. Там же, стр. 222 и сл.; на стр. 223-232 приводится обширный этнографический и фольклорный материал, связанный с «Яриловыми игрищами».

Германа выступает в аналогичной обстановке *Калоян* или *Скалоян*, а также *Траян*. О широком распространении фаллического культа у множества народов древности мы здесь говорить не будем.¹⁸⁸

Родственным с Ярилой божеством у всех славян был бог *Тур*, бог солнца и плодородия, он же – бык, богато отложившийся в топонимических названиях на огромном пространстве Восточной и Средней Европы, отчасти и на смежных с ними на западе, неславянских, как в прошлом, так и в настоящем, территориях.

Имя Тура в «Слове о полку Игореве» выступает как эпитет князя Всеволода: «яр-тур», «буй-тур», которым подчёркивается его воинственность, храбрость, буйность, ярость. Бог Тур богато отложился и в славянском фольклоре, как бог солнца и света; он выступает здесь в образе многорогого или златорогого тура или тура-оленья, барана с золотыми рогами и т.п.

В святочных песнях выступает почти тождественный с Туром *Авсень*, он же *Овсень*, *Говсень*, *Таусень* и др., некогда, по-видимому, бог возрождающегося весеннего солнца, имевший своим тотемом козла, который в новогодней обрядности и выступает в роли полномочного заместителя своего бога. Однако вначале культ Авсенья не исчерпывался одним только козлом, а имел, вероятно, более широкое окружение, на что, между прочим, указывает чешское поверие о появлении накануне Рождества на небе *золотого поросёнка*, или *поросёнок*, как культовое блюдо в эти дни, а также представление о золотом кабане-вепре и т.п.

К кругу солнечных богов у древних славян относился также и бог *Лад*, очень широко отложившийся в славянской топонимике и в народных весенних и свадебных песнях у восточных и южных славян в качестве припева. Это было весеннее божество, бог любви, «*бог женитвы, веселяя, утешения и всякого благополучия; сему жертвы приношаху хотящие женитися, дабы его помощию брак добрый и любовный был*» (Густинская летопись). Таким образом, бог Лад (и Лада) был родственен богу Яриле, и празднование его похорон во время высшего солнцестояния, там, где оно справлялось вместо Ярилы, сопровождалось той же обрядностью, что и похороны Ярилы.

У западных славян, чехов, словаков, мораван, у сербохорватов, словенцев, у болгар божество солнца заменено святым *Яном* или *Иваном*, у болгар *Иванов день* известен под именем *Енюв ден*: к этому дню у болгар приурочены похороны чучела или куклы и т.д. В Ивановскую ночь у чехов, словаков, мораван поются «святоянские» песни; огни, зажигаемые в эту ночь называются «святоянскими» огнями. У чехов в эту ночь сжигалось дерево (сосна или ель), доставленное из леса. У поляков ивановский праздник и ивановские огни назывались сobotками, песни – «сobotскими песнями». У украин-

188. См. Ст. Л.Костов, *Культът на Германа у българите*. «Известия на Българското археологическо Дружество», т. III, св. 1, 1912, стр. 108-124.

цев и белорусов празднование Иванова дня носит название праздника *Купала*, который сопровождается обрядом сжигания или потопления чучела – Купала и дерева – Марены, причём купальское чучело бывает одето в женское платье и самое имя **Купало** фигурирует иногда в песнях в женской форме – **Купала, Купалка**. По свидетельству Снегирёва, в Ярославской, Тульской и Рязанской губерниях праздник *Купала* называется *Ярилоу*.¹⁸⁹

Киевский летописец рассказывает, что, заключив мир с Олегом, византийские императоры Лев и Александр скрепили его клятвой, «целовавшие сами крест, а Олега водившие на роту и мужа его по русьскому закону, и кляшася оружием своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотнемъ богомъ, и утвердиша мир». В апокрифическом «Хождении Богородицы по мукам» в перечне лиц, которые были обращены в богов, фигурирует **Велес**. В «Слове о полку Игореве» Баян назван «Велесовым внуком». Таким образом, бог *Волос*, или *Велес*, у восточных славян был «скотным богом», т.е. богом богатства, благосостояния, материальных благ человека. Но вместе с тем с именем этого бога связывались, по-видимому, и функции греческого бога солнца и света, Аполлона, покровителя искусств и поэзии и одновременно бога стад и пастухов. Все это даёт основание и в славянском Волосе – Велесе видеть солярное божество.¹⁹⁰ В древнечешских памятниках Велес выступает как *бсс* или *чорт*. С принятием христианства функции бога Велеса и его почитание были перенесены на св. Власия (Блазия), *βωων φρουρός*, т.е. «хранитель стад» у византийских греков, каким он был известен также у русских славян, у болгар и у греков.¹⁹¹ Древнее название одной из новгородских улиц *Волосова*, на которой, по преданию, стоял кумир Волосов, а впоследствии была построена церковь Власия, покровителя скота, монастырь *Волотов* и церковь богородицы на *Волотове* там же свидетельствуют о том, что культ Велеса был известен не только в Киеве, но также и на севере Руси, в Новгороде; он же был известен и в Ростове, и во Владимире.

Кроме богов, древним славянам были известны также и **богини**: *Лада*, *Весна*, *Морана*, *Дева*, или *Девана*, *Сива* (Жива), *Прилегала*, *Подага*, *Мокошь* и др.

Некоторые были склонны сопоставлять *Ладу* с Венерой, как богиню тепла и ласки. Потребня доказывал, что имя *Лада* возникло позднее из песенного рефрена. **Весна** и **Морана** – персонификации времён года. **Дева** и **Девана** тождественны с весною. **Сиву** называет Гельмольд рядом с богами Провом и Радигастом. **Припега-**

189. См. Фаминцын, назв. соч., стр. 266-270.

190. См. Срезневский, ЖМНПР, ч. 41, стр. 52-54.

191. См. Н.Масчал, назв. соч., стр. 34.

ла, о которой имеется упоминание в письме архиепископа Адельгота из Магдебурга от 1108 г., остаётся тоже под сомнением. В *Поддзге*, исходя из этимологического толкования слова, некоторые видят существо, обитающее в рощах. Богиня **Мокошь** довольно популярна в источниках, начиная с известного летописного сообщения об идолах, поставленных Владимиром в Киеве, и кончая позднейшими повериями северных великорусов. В ней видят богиню-патрона прядения и стрижки овец.¹⁹²

Кроме названных выше богов и богинь, древние славяне чтили, как особые божества, *солнце, луну, звезды, огонь, воду, горы и деревья*. Арабский писатель X в. Аль-Масуди говорит о славянах, что «некоторые из них суть христиане, между ними находятся также язычники, точно так же солцепоклонники».¹⁹³ Два века спустя, другой арабский писатель, **Ибрагим-бен-Весиф-Шах** (ок. 1200), говорит о славянах, что некоторые из них, будучи христианами, поклонялись солнцу и другим небесным светилам. **Константин Багрянородный** (X в.) рассказывает, что «*Россы* (на пути в Царьград в 949 г.) *у весьма великого дуба приносили в жертву живых птиц*». В церковном уставе, приписываемом Владимиру Киевскому, прозванному святым, запрещалось молиться под «*овином* (т.е. огню), или в рощеньи, или у воды». В «Слове Христолюбца» (по списку XIV в.) говорится: «*И огневие молятся, зовуще его Евдвожичем... молятся огневие под овином*». В «Слове о том, как первое погани суще языци кланялися идолом», приписываемом Иоанну Златоусту, говорится: «*иньми (куры) в водах потопляеми суть, а друзини к кладезям приходяще молятся и в воду мечють велеару (?) жертву приносяще; а друзини огневи и каменнью, и рекам, и источникам, и берегыням, и в дрова, нетокможе преже в поганьстве, но мнози и ныне то творять... и через огонь скачють, мнящесь крестяны, а поганьская дела творять*» (Тихонравов).

«*И еже жроуть* (т.е. приносят жертву) *весом и болотом и колодязем*», писал в послании своём митрополит **Иоанн Русский** в XII в. В слове **Кирилла Туровского** (XII в.) «о злых дусех» (по списку XV в.) читаем: «*не нарицайте себе бога на земли, ни в реках, ни в студенцах, ни в птицах, ни на воздухе, ни в солнце, ни в луне, ни в камени*». В апокрифе – «*Хождение богородицы по мукам*» (XII или XIII в.) говорится: «*они все богы прозваша: солнце и месяц, землю и воду, звери и гады*» и т.д.¹⁹⁴

Солнце представлялось древнему славянину, как горящий небесный огонь, как круг, колесо, как око неба. Эти древнейшие представления славян о солнце, луне и звездах отложились в огромном количестве поверий в позднейших воззрениях славян, в славянском

192. *Н.Мачал*, назв. соч., 35 и сл.

193. *А Я.Гаркави*. Сказания мусульманских писателей и пр., СПб., 1870, стр. 125.

194. См. *Фаминцын*, назв. соч., стр. 30 и сл.

фольклоре¹⁹⁵. Различные явления природы, облака, дождь, буря, гром и молния, оказывавшие непосредственное и притом нередко решающее влияние на жизнь и хозяйство первобытного человека и своєю грандиозностью поражавшие его сознание, не могли быть истолкованы им иначе, как действия каких-то мощных сверхъестественных сил или же как сами эти сверхъестественные силы, выявляющиеся в соответственных действиях, враждебных или доброжелательных человеку. Эти сверхъестественные силы его сознание представляло себе или в виде каких-либо великанов (антропоморфизм), или в виде огромных животных и зверей (зооморфизм). Так, например, тучи представлялись в образе небесных коров, волков, овец или барашков, у чехов – в образе «баб». По другим представлениям тучи – это огромные простыни великанов, сшитые и наполненные водою; великаны тянут простыню на веревке, куда желает бог; иногда им не удаётся удержать в руках простыню или же порвется веревка, и тогда пойдёт проливной дождь, и т.п. Буреносная туча – это великан *Баба-Яга костяная нога*, либо *Кощей*. Ветер представлялся славянину в образе *коня* или *белого коня*, которого весь мир не может удержать на узде. Образ коня-ветра или коня-вихря, как популярный поэтический образ, общеизвестен.

В «Слове о полку Игореве» ветры названы внуками Стрибога: *«Се ветри, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами на храбрыя полки Игоревы»*. В народных сказках часто фигурируют ветер-отец и ветер-мать; мать ветра носит имя Бура-кобыла и отождествляется с Бабой-ягой; ветер, таким образом, является сыном буреносной тучи. В фольклоре восточных славян ветер представляется в образе старого человека со скованными губами, он дышит только через зубы, отчего поднимается буря; если бы ему расковали губы и он мог бы дышать полным ртом, то он мог бы все на свете раздуть, сравнял бы горы о долинами и наступил бы конец света. Обширный в этом роде материал из славянского фольклора приведён у Махала.¹⁹⁶

* * *

Древние славяне верили, что при рождении ребёнка особые существа предопределяют ему судьбу. У русских эти существа назывались *Рожаницы*, у болгар *Наръници* или *Орисници*, *Урисници*; у сербов *Sudnice*, *Sugjenice*, у хорватов и словенцев *Sudjenice*, *Sujenice*, и т.п. Рожаницам молились и клали им пищу – хлеб, сыр, мёд. Излюбленным кушаньем рожаниц была *кутья*. Эти существа представлялись в виде красавиц-девушек или приветливых, ласко-

195. Материал см. *Н.Махал*, назв. соч., стр. 39-61.

196. См. *Н.Махал*, назв. соч., стр. 70-73.

вых старушек; у хорватов и словенцев они красивы, как *вилы*, с круглыми лицами и одеты в белое платье, головы их повязаны белым платочком, а шеи украшены драгоценными золотыми, серебряными и бриллиантовыми украшениями; в руках они держат зажжённые свечи.¹⁹⁷

В виде особых живых существ (персонификация) древний славянин представлял себе *счастье* и *несчастье* или *долю* и *недолю*, а равно и *судьбу* (у сербов – *осуд*), посылающую человеку счастье или несчастье; так же он представлял себе *горе*, *беду* и *нужду*; *злыдни*, *болезни*, *смерть*.

Древние славяне чтили **предков** в образе домашних божков. Это – *Дед*, *Дід*, *Дзяд*, *Дедушка* или *Дедушка-домовой*, *хозяин*, *хозяйинушко* и др. Это старичок невысокого роста, одетый в красную рубашку и подпоясанный тёмно-синим поясом, с белой бородою и жёлто-седыми волосами на голове; живёт он обыкновенно в печке, за печкой или под печкой. Этот основной образ Домового имеет в разных местах свои варианты. Домовой может превращаться в различных животных – в собаку, кошку, в медведя с человеческой головой. С культом Домового у славян связано множество обрядов и поверий.¹⁹⁸

* * *

Характеризуя религиозные воззрения славян, Прокопий, как видели мы выше, говорит, между прочим, о славянах: «*Они поклоняются также рекам и нимфам и некоторым другим божествам...*»

К этой группе божеств у южных, восточных, отчасти и у северозападных славян принадлежат, прежде всего, *вилы*, у современных болгар *самовилы*, *самодивы*, *юды* и *самоюды*. Происхождение их связывается с горами, лесами, с росой и т.п., что даёт основание говорить о теогонической связи этих существ с облаком. По старонародным представлениям, это или души покойников, или же девушки, умершие без крещения, или же гордые девушки, наказанные богом, который превратил их ноги в копыта, и оттого они прикрывают их длинным белым платьем, и т.п. Они представляются в образе красивых молодых женщин с бледными лицами, с длинными, распущенными русо-золотистыми волосами, спускающимися сзади до земли, одетыми в белое или голубое платье. Сила и жизнь вилы заключается в её волосах. Их фигуры тонки, как ель, тело их прозрачно и легко, как у птицы, а потому они слывут как легкокрылые. Глаза их горят блеском; голос их настолько очарователен, что кто раз его услышит, не может затем никогда его забыть. Кто раз увидит вилу, он тоскует затем по ней всю жизнь и умирает от тоски.

197. См. *H. Machal*, стр. 76-80; приведён обширный фольклористический материал.

198. См. там же, стр. 89-98; там же и о других домашних божках, стр. 98-107.

Все эти характерные черты дают исследователю основание видеть в вилах олицетворение быстро несущихся по небу облаков, озаренных ярким солнечным светом.¹⁹⁹ В связи с этим стоит приписываемая вилам способность перевоплощаться в белую лебедь, в сокола, в коня. По месту обитания среди вил различаются: *вилы облаковые, вилы наземные и вилы водяные*. У болгар различаются *самовилы лесные и самовилы морские*; у других славян, кроме того, ещё *вилы гор*. Вилы проводят время в пении и в танцах; танцуют они и в облаках и на земле, заманивая в свои танцы молодых людей, пастушков, певцов, музыкантов и награждая их за это счастьем или несчастьем и т. д.

В южно-славянском фольклоре вилы составляют исключительно богатый и разнообразный сюжетным содержанием отдел, как разнообразны по своим функциям и сами вилы.²⁰⁰

К этой же группе существ относятся *русалки* у восточных славян, представляющиеся в образе красивых, чарующих девушек с серыми, голубыми или чёрными глазами и густыми бровями, с русыми, чёрными или зелёными распущенными и спадающими сзади до колен волосами. Как и у вил, сила русалки кроется в её мокрых волосах; если волосы высохнут, русалка гибнет. Она имеет стройный и гибкий стан, прикрытый зелёными листьями или белою рубашкой без пояса. Русалки живут в водах, в лесах, на полях и нивах. По старонародным представлениям, русалки – это души детей, умерших без крещения либо утопленных и задушенных, а также женщин и девушек, погибших самоубийством.²⁰¹

К группе русалок принадлежат *мавки* (майки, нейки, навяки, навье). Мавки – это некрещёные дети, утопленные матерями. Они представляются в образе толстощёких детей с распущенными волосами, либо в образе молодых красивых полунагих или одетых в белую рубашку девушек с светлыми кудрявыми волосами. Они живут в лесах и в степи, принимают вид знакомых личностей и мелькают перед глазами путника, чем приводят его в конце концов в бесчувственное состояние.²⁰²

По толкованию А. Н. Веселовского, вилы и русалки по своему происхождению представляют собою *олицетворение предков*. По мнению Г. Махала, вилы и русалки первоначально – это «водяные девы», *персонификация небесных облаков*; впоследствии этот образ осложнился скрещением в нём явлений облачных с хтоническими (подземными), в результате чего возникли вилы и русалки водяные и наземные; как связанные с растительными силами природы, они

199. См. *Н. Machal*, назв. соч., стр. 108 и сл.

200. Там же, стр. 111-115.

201. См. *Н. Machal*, назв. соч., стр. 115-119.

202. См. *Н. Machal*, назв. соч., стр. 119-121.

могут быть названы растительными демонами; наконец, в образе этих существ отложились и представления о загробной жизни, о душах покойников, и таким образом в вилах и русалках оказались слитыми воедино культ природы с культом предков. В русалках получил преобладание культ предков, в вилах – культ природы. Впоследствии культ вил у южных славян расширился в том отношении, что вилы слились с другими лесными, водяными и полевыми существами и приняли на себя их функции. В конце концов, как и другие мифические существа, они перешли вообще в демонов (вещуны, чародейницы)²⁰³.

К группе божков типа вил и русалок принадлежат, помимо множества других существ, наиболее популярные у восточных славян **Леший** (*Лешак, Лесовик, Лесник, Лисун, Полисун*), у украинцев – *Перелесныйк (Пидлесныйк)* и **Водяной** (*Водяник, Водовик, Дедушка Водяной*); у словенцев *Povodnji, Diviji mož* или *Muk*; у чехов, моравян и силезцев – *Vodnik, Vodni muž, Mužiček*, а также у чехов – *Nastram*, на Мораве *Bestrman*, в Силезии *Hasrman (Vaserman, Vastrman)*; у сербов-лужичан – *Wodny muž* или *Nyks, Nykus*; у поляков – *Topielec, Toplec*.

Леший представляется в образе сильного, крепкого и здорового «мужика», одетого в бараний тулуп (кожух), с глазами без бровей и ресниц, с зелёными волосами и такими же усами, с волосатым телом и длинными ногтями. Он живёт в корнях и в стволах деревьев, а также на полях, и, в зависимости от этого, в лесах – имеет рост, равный высокому дубам и соснам, а на полях – может быть малого роста, как трава. Некоторые сопоставляют *Лешего* с древнегреческим *Паном* и видят в нём *персонификацию лесной природы*, в особенности – олицетворение явлений жизни леса в его движениях, вызываемых ветром, ввиду чего *Леший* имеет характерные особенности, общие с существами ветра.²⁰⁴

Что касается *Водяного*, то у русских он представляется в образе лысого старика с одутлым животом и опухлым лицом, с высокою сетяною шапкой на голове, с поясом из водяной травы на теле и иногда с гусяными ногами. Он может иногда принимать человеческий образ, но его можно узнать по тому, что с левой полы у него каплет вода. Подобно тому как *Леший* может принимать образ различных лесных зверей, из которых он особенно любит медведя, так и *Водяной* обладает способностью перевоплощения, особенно в рыб. Живёт *Водяной* в глубинах рек, ручьёв и озёр, особенно вблизи мельниц. Как *Леший* представляется неограниченным повелителем леса и его обитателей, зверей и птиц и называется поэтому *Лесным царём*, так и *Водяной* представлялся в образе верховного повелителя вод и его обитателей – рыб и водяных животных. У словенцев *Водяной* пред-

203. См. *H.Machal*, назв. соч., стр. 123.

204. См. *H.Machal*, назв. соч., стр. 124-126; 143-149.

ставляется то в образе красивого парня или охотника, то в образе мужчины с длинными усами, то в образе большого деда, одетого в зелёное платье и пестрые кальсоны, с красною шапкою на голове и в стеклянных или серебряных башмаках. По пояс – он зелёного цвета; волосы и усы у него зелёные, а от пояса – он рыба и т.д.

У чехов Водяной представляется в образе маленького мужчины с зелёными волосами и такими же глазами, с ястребиным носом; из правого глаза у него каплет кровь, а с волос постоянно течёт струёй вода. Он красиво одет: на нём жёлтые штаны, зелёный или красный кафтан с длинными полами и золотыми пуговицами; на голове – зелёная шляпа, украшенная красным букетом цветов. Его можно узнать по тому, что с левой (или правой) полы его кафтана каплет вода. В руке он держит зелёный пруттик; этим прутиком он ударяет по воде, и она перед ним расступается. Он мягок, как воск, поэтому его нельзя схватить и т.д.

Аналогичный образ Водяной имеет и у сербов-лужичан. Нижне-лужичане представляют себе Водяного как существо, способное к различным перевоплощениям, особенно в ребёнка, одетого в белую рубашечку, а жена Водяного обращалась в лягушку и т.д.

Не входя в подробности, отметим в заключение, что круг пережитков старых, дохристианских верований у современных славянских народов, воспроизводящих довольно широкую картину религиозных представлений у славян в древности, далеко не исчерпывается теми фактами, которые мы отметили выше. Кроме них можно ещё отметить следующее. У чехов, мораван и словаков, а также из южных славян – у словенцев и из восточных – у галичан-украинцев в числе лесных существ имеются так называемые «*дикие люди*» – «дикие женщины» и «дикие мужчины», сплошь покрытые волосами; у украинцев – *лісовы людв*; у поляков – *Dziwożony*, то же *Boginje*, *Bogienki* (*Bogunki*); у мораван – это *колдуны* и *вещуньи*. Затем сюда относятся «лесные женщины» или «лесные девушки», известные у словаков под именем *босорки*, и т.д.; «*дух скал*», «*дух гор*», последний у словенцев носит название *Димек*, *Лабер*, *Белич*, *Лабус*; у сербов – *Горянин*. «Дух полудня» – *полудневик*, у сербов-лужичан *Přezpolnica*, или *Připolnica*, *Dopolnici*, *Wotpolnici*; *Serpolnica*, *Serpušuja* и т.п.; последние названия связаны с *серпом*; у чехов, мораван и в Силезии – *Polednici*; у поляков – *Poludnica*, *Poludniówka*, *Przypoludnica*. *Полудницы* представляются в образе воздушной белой девушки; верование связано, по-видимому, с *встрем* и *вихрем* и олицетворяет собою несущийся в поле в летнее время столб пыли.

У русских славян отмечено существо, охраняющее зрелое колосистое поле – *Полевик* или *Полевой*; у чехов то же в образе женщины *Žithola*; у белорусов – божество колосистого хлеба – *Белун*; у галичан – *Житный дед* – с тремя бородатыми головами и тремя огненными языками; у украинцев – *Железна баба*, или *Житна баба*, или *Житна матка*.

В числе богов или божков, т.е. сверхъестественных существ, древние славяне чтили не только леса, поля и нивы, но также реки, моря, озёра, источники, о чём говорят многочисленные исторические показания, начиная с Прокопия.²⁰⁵

Царь-батюшка река – у украинцев, река *Дунай* или *Дунай Иванович* – русских, река *Днепр*, а также *Дон*, *Днепр*, *Волга*, *Сухман-река*, *Волхов*. Днепр, Волга и Западная Двина были некогда людьми: Днепр – брат, а Волга и Двина – сестры. Морем владеет *морской царь* или *чудо-юдо*, он любит, музыку и пение; у словаков это *Водяной король* и его жена – *водяная королева*; у украинцев, кроме того – *морские люди*, или *мемозины* (мелюзины), то же *фаляроны*, т.е. войско фараона, погибшее в море при преследовании евреев; в море живут *сыроиды* (греч. сирены) – «в Туретчине за Дунаем»; у лужицких сербов – это *Морские девы*; то же у чехов – *Vodní pannu a ženu*; у словаков – *Vodopranenku* или *Bilé pani*, т.е. «белые женщины»; у нижних лужичан это – «водяные юнгфры»; у поляков то же – *Wodni pannu* или *Wogunki*, а муж их *Woginiarz*; у словенцев – *Povodnje device* (*Водяные девушки*) и т.д.²⁰⁶ Кроме названных выше богов и божков, древние славяне чтили *огонь*, в том числе и *огонь домашнего очага*, а также небесный огонь падающих метеоритов. Последние представлялись в образе летящих драконов: у чехов – *Zmek*, *Zmok*; у поляков *Smok*; у белоруссов *Цмок-домовик*. Иногда он представляется в виде птицы, например, сокола у русских славян; у чехов и словаков – мокрой курицы. У западных славян *Смок* – существо доброжелательное к дому: он заботится о материальном благосостоянии дома. У болгар *Смок* высасывает у людей кровь, уносит беспризорных детей к себе и заботливо их воспитывает, а затем они превращаются в *Смоков*. Аналогичное существо известно у сербов-лужичан под именем *Plón*; у чехов к этой же группе существ относятся – *Plevnik* или *Plivnik* и *Plašivec*; в некоторых местах последним термином называют *метсоры*, что явно указывает на происхождение данного бога у чехов. *Plašivec* – это вестник огня, пожара. Иногда он представляется в виде петуха, крылья которого покрыты фосфором, а также в виде огненного шара или огненной птицы с длинным горящим хвостом.

К этой же группе славянских *огневых божков* относятся так называемые *блуждающие огни* или *огоньки*, а также «болотные огни»; у русских – это души покойников или чаще – заколдованные клады, которые по истечении срока заклатья блуждают по земле и выявляют себя людям в различных видах – золотой веточки, золотого петуха, золотой курицы с цыплятами, барашка, козы, теленка, быка, коровы, белого коня, волка, поросёнка, жёлтой собаки, кошки и т.п. Кроме того, эти же клады олицетворяются в образе нищего старика,

205. См. *H.Machal*, назв. соч., стр. 141.

206. См. *H.Machal*, назв. соч., стр. 141 и сл.; стр. 149.

в виде старичка с ноготок и с бороδοю с локоток; у белорусов – это *Дзедка* или *Дзедзя*. У чехов, *блуждающие огни* (Bludičky или Svetýlka) – души умерших, особенно души умерших без крещения детей или души самоубийц (на виселице или утопленников) и т.п.; это злые, враждебные человеку существа, но их можно склонить в свою пользу. У чехов же – это горящие клады. К этой же группе «блуждающих огней» и «болотных огней» у чехов относятся «Огненный человек» (Ohnivý или Žhavý muž), который показывается людям на болотах в виде огненной бочки, горящего снопа, огненного круга, колеса, столба, собаки и т.п.; он доброжелательно настроен к людям, помогает им своим советом во всех трудных случаях, но за службу требует благодарности. Подобные же существа известны у лужицких сербов – Bludnik, Blud, Bludničky, Bludne sviečky; у поляков – Bledniki, Swietliki или Swieczniki, Latańce, Błędne śrutła; у южных сербов – *мацарули*; у словенцев – это Vedomci или Vedúnci.

Отметим, наконец, распространённое в славянском фольклоре, особенно у болгар, представление о мертвецах, выходящих из могил и сосущих у людей кровь. У болгар это – *вампиры*, *ватирьы*, *вспирьы* или *вупирьы*; у сербов – *вампиры*, *лампиры*, *лапирьы*, *апирьы*, *апирины*; у поляков – Vampir, Upiór, Upiierzusa; у украинцев – *вампир*, *вспыр*, *вопыр*, *опыр*, *втыр*, *опир*, *упер*, *упырь*; у белорусов – *упыр*; у русских – *вампир*, *упирь*, *упырь*, *обырь*; у черногорцев и герцоговинцев – *тенац*, *тейнац*, *лорко*, *орцо*; в Далмации – *козлак*.

Вампиры могут принимать образ коня, волка, собаки, кошки, совы, петуха, ворона, клубка, снежного шара, копны сена и т.п. По представлениям русских славян, вампиры летают в облаках, ездят на лошадях по окрестностям, шумят и лают, пугают путников, бросаются им под ноги, перебегают дорогу; они могут проникать сквозь щель, так что и запертые двери не уберегают от них; обладают огромными зубами и т.д. *Вампиры* выходят из могил по ночам, особенно в полночь; обратно в могилу их загоняет пение петуха. *Вампиры* высасывают кровь у спящих людей, особенно у детей, а затем и у взрослых; поэтому у болгар они известны как *кръвници*, у словенцев – *pijavice*. Они высасывают кровь также и у животных. Для того чтобы парализовать злую деятельность вампиров, покойников, заподозренных в вампирстве, откапывают из могил и пробивают у них сердце колом боярышника, осиновым, кленовым или липовым; кроме того, практикуется и целый ряд других мероприятий.²⁰⁷

У сербов и хорватов *вампиры* отождествляются с *волкодлаками*. По широко распространённому у всех славянских народов верованию, *волкодлаки* – это люди, способные обращаться в волка и в таком виде причинять зло людям. Особенно популярны эти существа

207. См. Н.Мачал, назв, соч., стр. 150-163; 182-187.

ва в болгарском фольклоре, где они носят названия: *връколак*, *влъколак*, *фъркуляк*; у словенцев – *волкодлак*, *вукодлак*, *вулкодлак*, *вркодлак*; у сербов и хорватов – *вукодлак*; у чехов в Силезии – *Vlkodlak*; у словаков – *Vlkolak*, *Vrkolak*; у поляков – *Wilkolak*, *Wilkolck*; у украинцев – *волколак*, *вовкулак*, *волкун*; у белорусов – *волколак*, *вавкулак*; у русских – *волкулак*.

Верование это нашло своё отражение в «Слове о полку Игореве», где оно приурочено к князю **Всеславу**, который – «людей судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь волком рыскаше; из Кыева дорыскаше до кър Тмѹтороканя; великомѹ Хорсови волком пѹть прерыскаше». Несколькими строками выше о нём же говорится, что он – «Отвори врата Новѹграду, разшибе славу Ярославѹ, скочи волком до Немиги с Дѹдѹток». Аналогичное предание связывается в болгарских народных преданиях с младшим сыном известного царя Симеона (начало X в.) **Бояне**, который слыл колдуном и мог превращаться в волка. В старо-сербском законнике 1262 г. говорится, что волкодлаки производят затмения солнца и луны. По болгарским народным поверьям, фъркуляки рождаются от связи женщин с вампирами; потомки фъркуляков носят название Джададжи, т.е. чародеи. По поверьям словенцев, волкодлак – это человек, который может по собственной воле превращаться в волка и затем опять становиться человеком и т.д. По поверьям других славянских народов (поляков, украинцев), волкодлаки – это люди, превращающиеся в волка только в определённое время года. Волкодлаками становятся люди, рождающиеся ногами вперёд или рождающиеся от матери-женщины и отца-волка; они подобны человеку, но все тело их покрыто волчьей шерстью и они имеют волчьи зубы; или же они наполовину волки, наполовину – люди (словенцы). По поверьям словаков, волкодлаком становится покойник, которого вынесли на кладбище головой вперёд, а не ногами. У украинцев отмечено поверие, что на св. Власия (11 февраля) вовкулаки превращаются в собак или чёрных кошек и сосут молоко коров, кобыл и овец, что они душат лошадей, а на рогатый скот насылают мор. По этим же поверьям, волкодлаком может стать человек по заклятию ведьмы. От обыкновенных волков волкодлаки отличаются тем, что имеют три лапы волчьи, а четвёртую ногу человеческую. Волкодлаки могут превращаться не только в волка, но также в коня, корову, собаку, чёрную кошку, гуся, курицу и т.п.²⁰⁸

Всем славянам известно существо, которое мучит спящих людей. У чехов оно называется *мура* (ст.-чешское и моравское мора), мурак; у словаков – *кикомора*; у сербов-лужицан – *мурава*, *морав*, *мырава*, *вурлава*; у поляков – *мора*, *мара*, *змора*, *морус*; у южных славян – *мора* и т.д. Это живое существо, мужчина либо женщина, от которого по ночам уходит душа, принимает различные виды и мучает спящих людей. У русских *мора*, *мара*, *маруха*, *кикомора*, *ши-*

208. См. *H.Machal*, назв. соч., стр. 180-182.

шимора отождествляется со смертью. Держа голову под мышкой, она блуждает ночью под окнами домов и называет имена хозяев либо домашних; кто отзовётся, тот должен умереть. По представлениям болгар, *мора* – это душа умершего без крещения ребёнка; она душит людей во сне. По поверьям чехов и поляков, мура отличается от людей тем, что имеет густые чёрные брови, сросшиеся над носом; кроме того, по представлению чехов, мура имеет остроконечную голову и плоскую ступню. По народным поверьям, *мурую* (*морюю*) человек бывает от рождения. Ребёнок, родившийся со сросшимися бровями или с зубами, – это будущий *мора* и т.п. Покидая на время, в полночь, с 12 до 3 часов, тело человека-мура и возвращаясь затем обратно к нему же, мура, по польским поверьям, принимает различные виды: стельба соломы, белая длинная тень, белая кошка; у сербов-лужичан, кроме того, кожаный мех, кость, белая мышь, змея, кот; у поляков – муха, мышь, собачонка и др.; у сербов – белая шерсть, мотылек, муха или какой-нибудь зверек. По представлениям сербов-лужичан, мура может принимать вид также белого мужчины либо чёрной женщины, которые имеют жесткий язык, грубое, как полотно, тело и ездят на козле. В поверьях поляков *мура* представляется в виде молодой девушки; у сербов – в виде белой лошади. Мура проникает сквозь щели, поэтому укрыться от неё невозможно. Она душит спящих людей и высасывает у них кровь. По поверьям поляков, имеется семь мар: одна ездит на коне, другая на быке или на корове, третья – на изгороди, четвёртая – на терновнике, пятая – на метле, шестая – на свинье, седьмая – на человеке. По поверьям лужичан, мура обладает большою силою и повредит ей чем-либо нельзя. Однако, по народным представлениям, имеется целый ряд средств, которыми можно от неё избавиться.

Ввиду того, что мура появляется по ночам, она известна также под именами *Nočnice* – у словаков, *Nocnica* – у поляков, *ночница* – у сербов, *нички* (нычки) – у русских, где мора, мара, маруха представляются в виде маленьких существ женского пола, которые сидят за печкой и ночью прядут пряжу, а у женщин иногда портят кудель; в спящих людей любят бросать кирпичи. В русских поверьях они отождествляются с *кикоморами*, маленькими существами женского пола с головою в наперсток и с телом, как солома. Кикоморы живут за печкой. Они происходят от детей, умерших некрещёными или проклятых родителями. По русским поверьям, мары, таким образом, принадлежат к числу *домашних божков*.²⁰⁹

Древнеславянские верования в злых духов отложились у славян в позднейших представлениях о *чертях*. Теогония *чертей* широко представлена в огромном фольклорном материале у всех славян. Помимо общераспространённого названия у всех славян *чёрт*

209. См. *H.Machal*, назв. соч., стр. 175-180.

(польск. *czart*, верхне-лужицк. *czert*, ниже-лужицк. *cart*, укр. *чорт*, *черт*, белор. *чорт*, русск. *черт*), он называется также у словенцев – *vrag* (то же русск., болг., сербск., польск.), *złodi*, *hugić*; у украинцев – *кадук*, *дидько*, *болотьянык*, *морок*, *мара*, *дыво*, *лыхо*, *бида*, *нэдоля*, *облуд*. Черти в народных поверьях часто заступают собою лешего, водяного домового и вообще домовых божков. В последнем случае у западных славян он носит названия: *špiritus*, *špirek*, *garášek*, *diblik*, *pikulik* и др. Общераспространёнными у всех славян названиями для *черта* служат также – *дьявол* и *бес*.

Одним из пережитков языческой старины у всех славян служат поверья в *ведьм* и *колдунов*. Это существа, наделённые сверхъестественною силою или большими знаниями (ведением), чем обыкновенный человек. Эти представления так же широко отложились в славянском фольклоре, как и представления о чертях. Чаще всего эти существа носят названия, производные от слова «ведение» или «ведение», т.е. знать, знание. У словенцев – это *věšča*, *věšna*; у болгар – *вештица*, *вештирица*; у сербов и хорватов – *vještica*; у словаков – *vedomkyne*; у поляков – *wieszczka*, *wiedma*; у кашубов – *wiešćica*; у украинцев – *відьма*; у белорусов – *ведзьма*; у русских – *ведьма*, *вещица*, *вещунья*; соответственные существа мужского пола: у словенцев – *věšec*; у болгар и сербов – *вештац*, *вјештац*; у словаков – *vedomec*; у русских – *ведьмак*, *ведун*, *вещун*. Они же называются именами *знахарка*, *знахарь* (словенцы, русские, украинцы); у чехов и у русских они известны также под именем *чародеев* и *чародеек*; у русских – также *кудесник*, *окудник*, *колдун*; у словаков – *волхвица*; у русских – *волхв*; у хорватов – *vichvosc*, *vichoves*, *vichvica* и др.

Характерную особенность этих существ составляет способность превращаться в собаку, в кошку, в кошку, в птицу, в клубок ниток, в жабу. Они могут летать по воздуху с быстротою крылатого ветра, а для того, чтобы быть лёгкими, они смазывают себя магической жидкостью. Они ездят верхом на людях, на конях, на коровах, на волках, кошках, чёрных петухах и на других животных; часто довольствуются только метлою, кочергою, лопатой, граблями и т.п. Они пользуются также коврами-самолётами и семимильными сапогами. С ведьмами связывается представление о силе обладания явлениями природы: они посылают на землю град, грозу и ветер; скрывают росу, дождь и небесные светила и оказывают влияние на урожай. По поверьям украинцев, ведьмы не только похищают с неба росу и дождь и прячут их в своих сундуках, но также снимают с неба солнце, луну и звёзды. Ведьмам и колдунам известна магическая сила трав. Блуждая по полям и лесам, они собирают лечебные травы, выкапывают корни и пользуются ими при лечении болезней, при отыскании кладов, при колдовании. Ведьмы и колдуны умеют зализывать раны, лечить болезни, останавливать кровотечения, помогать

при укусе змеи и бешеной собаки. Но вместе с тем ведьмы могут причинять вред домашнему скоту, в особенности коровам. Чародеи и чародейницы могут узнавать воров, находить потерянные вещи, предсказывать будущее, заклинать домового, кикомору и других злых духов. Отсюда название колдуна у русских *шптун*, ведьмы – *шптуха* или *шптунья*. По народным поверьям, имеется целый ряд средств, которыми можно бороться с злыми действиями этих существ: бузинные веточки, сложенные накрест, – в Моравии; нож, воткнутый под верхнюю доску стола, или кочерга, приставленная к дверям загнутым концом вверх, и т.п. (у русских) и т.д. Для того чтобы ведьмы не могли причинять вреда домашнему скоту, в стойлах укрепляют терновые или осиновые ветки. По поверьям украинцев, против ведьм предохраняет мак, чертополох, чернобыль, чеснок, веточки вербы и т.п.

Приведённые выше характерные для ведьм особенности дают основания видеть в этих существах олицетворение облачных явлений: ведьмы, как видели мы выше, могут принимать разнообразный вид, летать по воздуху, похищать солнце, луну и звёзды, посылать на землю дождь, град, грозу и ветер. В образе ведьмы-доярки коров видят тот же образ тучи (чёрная корова), дающей дождь (молоко).²¹⁰

Приведённый выше материал, характеризующий религиозные представления древних славян, частью документально засвидетельствованные историческими источниками, частью пережиточно отложившиеся в народных верованиях или в суевериях и предрастудках, вымерших или постепенно вымирающих в народном сознании вместе с успехами народной культуры, распространением просвещения и подъёмом массовой народной культурности, прекрасно характеризует общий уровень социального мышления славянского земледельческого и скотоводческого общества на более ранних ступенях его развития, начиная, приблизительно, с VI в. и вплоть до принятия христианства. В основе этих представлений лежит *анимизм*, т.е. представление о явлениях природы как о существах, наделённых, подобно человеку, разумом и волей к действию, но обладающих сверхъестественною, магической материальной силой, подчиняющей своей власти как личную жизнь человека, так и жизнь его хозяйства, т.е. его скота и его полей.

По понятиям древнего славянина, все космические, метеорологические и вегетативные явления природы – это проявления сознательной воли и действия живых сверхъестественных существ. По этим представлениям, природа не мертва, но живёт и мыслит, как живёт и мыслит и человек, но она сильнее человека и, вмещаясь в его жизнь и в его хозяйство, подчиняет человека своей власти.

210. См. *H.Machal*, назв. соч., стр. 164-171; 172-175.

Явления природы, как выявления воли и действия сверхъестественных существ, и сами по себе являются такими существами, подчиняющими человека своей власти и приносящими пользу или вред ему лично и его хозяйству. Это – вездесущие, всемогущие, всезнающие и всеведущие боги и божки, поражающие сознание человека сверхъестественной мощностью своей непреодолимой силы и загадочной, таинственной грандиозностью её выявлений в окружающей его жизни. Эту систему мышления можно охарактеризовать как *анимистический пантеизм*. Она в высшей степени характерна для первобытного общества с низким уровнем развития производительных сил, со связанностью отношений людей в рамках процесса, создающего их материальную жизнь, а вместе с тем со связанностью всех их отношений друг к другу и к природе.

Как мы уже знаем, славяне выступают впервые в истории довольно поздно, когда общественная жизнь их ушла уже значительно вперёд сравнительно с первобытно-коммунистическим строем, который для них был уже изжитым этапом, равным образом как изжитым этапом было для них и обусловленное этим строем мышление. История застаёт славян на стадии военной демократии и общины-марки, т.е. на стадии зарождения частной собственности, разлагавшей старые родовые отношения и закладывавшей основы феодальных отношений. Это был переходный этап в развитии славянского общества, т.е. в развитии производственных отношений, обусловливавший собою и соответственный этап в развитии мышления. Поэтому славяне ещё не монотеисты, а пантеисты, и их верховное божество, представляемое в источниках в довольно смутных очертаниях, вызывающих сомнение в существовании такого существа вообще у славян, является не представителем единоначалия и единовластия, чего не знала и реальная славянская общественность эпохи военной демократии, а чем-то вроде племенного верховного жупана, по отношению к которому прочие боги и божки были теми родовыми царьками – *ῥήγες*, о которых говорит Маврикий в VI в., или теми родовыми жупанами, о которых говорит Константин Багрянородный в X в. Переходностью общественного строя от первобытно-коммунистического общества и характерных для него производственных отношений к феодальному обществу и феодальным отношениям объясняется наличие в мышлении древнего исторического славянина унаследованных по традиции от предыдущих этапов общественного развития уже в готовом виде представлений о душе и духах предков, продолжающих своё существование рядом с человеком в различных воплощениях, охраняющих традиционный уклад старого семейно-родового быта от разлагающих начал новых, наступающих на него социально-производственных отношений феодализма. Этим же объясняется, с другой стороны, и отсутствие в мышлении исторического славянина тотемистических представлений: исторический славянин

уже не знает тотема, т.е. богопочитания определённых животных и предметов как покровителей рода или племени, но тотемические переживания продолжают бытовать в его мышлении в форме представления о способности перевоплощения явлений и сил природы, а равно и души, отделившейся от своей материальной оболочки, в различных животных и в предметы неодушевлённой природы.

Бог в мышлении древнего славянина эпохи военной демократии и начальных этапов развития общины-марки – не тот или иной предмет окружающей его одушевлённой (животные, птицы, гады) и неодушевлённой (растения) природы (религия на более ранних ступенях развития общественно-производственных отношений), но всегда определённое, конкретное, мыслимое как материальное, но невидимое и неосязаемое, а потому и таинственное существо, иногда воплощающееся в то или иное животное или растение (персонификация или олицетворение). Бог для древнего славянина-язычника не дух, а материя, хотя и непостижимая для его сознания. Это был народный бог, бог собственного народного производства, гораздо более близкий и понятный народу своею материальностью, нежели бог-дух, троичный в лицах и пр., позднейшей, насквозь идеалистической христианской религии, чем, в частности, и объясняется тяжёлая, упорная и длительная, принимавшая нередко насильственные, кровавые формы, борьба христианской догмы с язычеством у славян, одержавшая, в конце концов, как более передовое мышление, победу над язычеством, но не вытравившая окончательно из народного мышления в эпохи феодализма и капитализма глубоко укоренившихся в нём пережитков язычества, продолжающих жить в эксплуатируемых народных массах в капиталистическом обществе вплоть до настоящего дня в виде грубых, примитивных, враждебных культуре и прогрессу человечества предрассудков и суеверий.

ЧАСТЬ II

ПЕРВЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ У СЛАВЯН И ИХ ИСТОРИЯ В ДРЕВНОСТИ (VI– XI вв.)

Глава I

ГОСУДАРСТВО САМО (623–658)

В середине VI в. (558 г.) в приазовско-каспийских степях впервые выступает в истории кочевой народ *авары*, или *вары*, известный киевскому летописцу под именем *обры*. Заключив союз с аланами, авары отправили посольство в Византию с предложением римской державе своих дружеских услуг в качестве союзников и защитников её от врагов, каких у этой державы было немало среди северных варваров и к каким принадлежали, в частности, и савиры. В этих переговорах с Византией авары имели, между прочим, в виду получить на Византийской территории землю для поселения и кочевья. Византийское правительство, никогда не пренебрегавшее случаем купить себе дружбу того или иного из варварских племён, благосклонно приняло посольство авар и предложило им для поселения территорию в Посавской Паннонии (между реками Савой и Дравой). После этого авары, выполняя свои союзнические обязательства перед Византией, разбили своих соседей с запада – *савиров*, одного из враждебно настроенных к Византии варварских народов Прикавказья, нанесли удар утургурам и, заключив союз с болгарами-кутургурами, напали на антов, о чём было сказано выше. Поко-

рив антов, авары ушли на запад, где в начале 60-х годов заняли указанную им византийцами территорию, составлявшую славянскую область Сирмиум (впоследствии Срем), а затем, истребив, по договору с лангобардами, гепидов в 568 г., заняли вместе со своими союзниками, болгарами-кутургурами, всю славянскую Паннонию, откуда затем производили непрерывные разорительные набеги на Византийскую территорию, став для нее, как и для других соседних народов, и в первую очередь – для славян, злейшим и опаснейшим врагом. Насилья аваров над славянами в VI, VII и VIII вв. нашли отзвук у киевского летописца в словах: «**Снже обрн воєваша на словєны и насилєне творяху женам дүлєвським: аще поєхати бүдяши обрину, не дадѣше впрѣчи ни коня ни волу, но велѣше впрѣчи 3 ли 4 ли 5 ли жен и телегу, и повєсти обрїна; и тако мучаху дүлєбы. Быша бо обрн телом велїци, а үмом горди, и бог потрєви я, и помроша вси, и не остаєа ни єдни обрїн; и єсть прїтча в Русї и до сєго днє: погывоша акї обрї, нүжє несть ни плєменє, ни наслєдка**». ²¹¹

Насилуемые аварами, паннонские, чешские и моравские славяне в 623 г. восстали против своих угнетателей. Во главе восстания стоял, или же был одним из наиболее активных его участников, некто **Само**. Ему удалось объединить для отпора аварам ряд соседних чешских и паннонских славянских племён в союз племён, и Само был избран славянами в короли (*dux*). Так были заложены основы первого славянского государства на западе, но ему не удалось окрепнуть и вырасти в подлинную государственную организацию. Под руководством Само славяне, тем не менее, с успехом расправились с аварами и сбросили с себя их тяжёлое иго, вели борьбу с франками и разбили армию франкского короля **Дарогера**. ²¹²

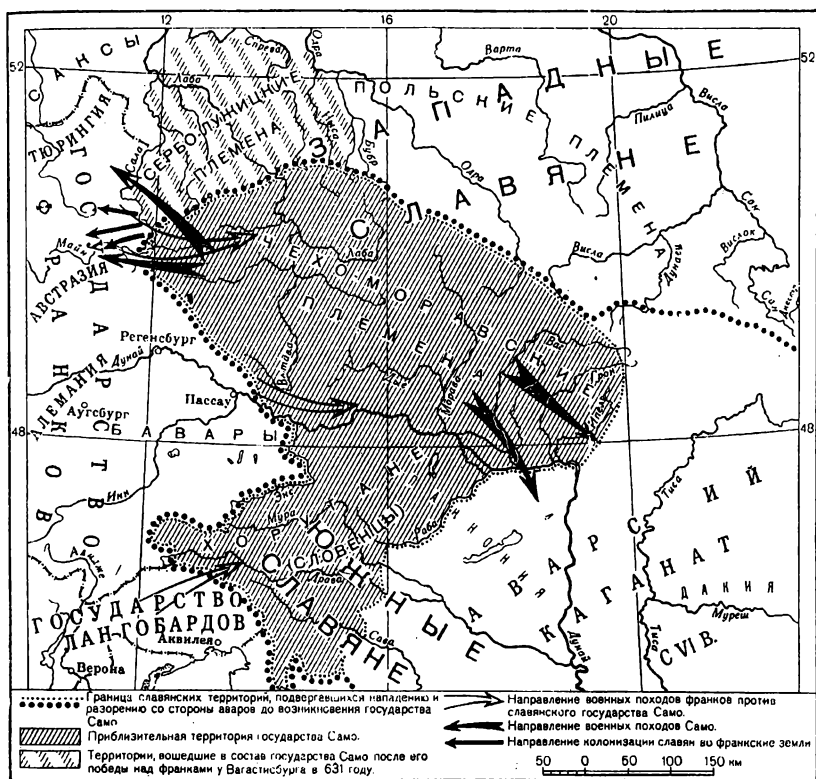
В 658 г. Само умер и с его смертью распалось и начинавшее складываться организованное им государственное объединение группы западно- и южно-славянских племён. Центром державы Само была Чехо-Моравия, а его столицей, как предполагают, уже известный нам Вышеград (Градище) на р. Мораве.

Франкская хроника VII в., известная под именем летописи **Фредегара**, говорит о Само, что он был родом франк, что он собрал вокруг себя значительное число торговцев и отправился с ними к славянам-венедам с торговыми целями.

В это время славяне восстали против авар, и Само присоединился к ним. Между тем, названное выше сочинение IX в. *De conversione* и пр. Зальцбургского анонима (*Anonimus Salisburgensis*) называет Само славянином. Исследовавший специально этот вопрос чешский историкограф **Фр. Палацкий** пришёл к заключению, что Само был славянин, родом из племени велетов; около 622 г. этому племени угрожало

211. А.А.Шахматов. Повесть временных лет. II. 1916, стр. 11.

212. См. *De conversione Bagoariorum et Carantanorum libellus*, IX в. (871 г.).

Государство Само

подчинение владычеству франков и, чтобы не подчиняться чуженациональному владычеству, Само ушёл со своим родом к чехо-моравским славянам, где быстро приобрёл широкую популярность.²¹³

По-видимому, Само был энергичным и предприимчивым человеком, с хорошими организаторскими способностями, чем и объясняется и его оппозиция против франкского наступления на велетов и быстрые успехи его в Чехо-Моравии.

213. Fr. Palacki, Ueber den Chronisten Fredegar und seine Nachrichten von Samo. «Jahrbücher des hohmischen Museums», 1830.

Глава II

ЧЕХИЯ И МОРАВИЯ

§ 1. ВЕЛИКОМОРАВСКОЕ КНЯЖЕСТВО (818–906)

После распада во второй половине VII в. западно-славянского государства Само часть чехо-моравских племён оказалась данниками Западно-Римской империи, хотя по существу и не входила в её состав. После же распада монархии Карла Великого в IX в. эта группа племён (союз племен), освободившись вместе со своею территорией от даннических обязательств, приобретает независимость и вырастает в государство во главе с князем **Моймиром** (818–846), первым исторически засвидетельствованным князем Великоморавии.

Моймир расширил границы Великоморавского государства на восток, объединив под своею властью соседние славянские племена, и в 830 г. изгнал из Нитранской области (район современной Словакии между Дунаем и Гроном) князя **Прибину**. Изгнание Прибины из Нитры стояло, по-видимому, в связи с натянутыми в правление Моймира чешско-немецкими отношениями, которые вызывались стремлениями восточно-франкских или немецких государей политически подчинить себе Чехию. Прибина усердно поддерживал миссионерскую деятельность франкских князей, разрешив им, будучи сам язычником, основание солноградским архиепископом **Адалрамом** костёла в Нитре, т.е. постоянной немецкой агентуры в самом центре Моравии. В враждебных отношениях Моймира к Прибине

сказалась борьба Моймира против подчинения Чехо-Моравии в церковном отношении франкам, за которым стояла, несомненно, и зависимость политическая, т.е. борьба за церковную независимость Великоморавии.

Изгнанием Прибины из Нитры Великоморавская держава Моймира расширила

*... omni in quibus hactenus cessavit. Simili modo etiam episcopus successor
... in illis partibus deinceps omni gestit pastoralis. Unde
ordinans presbiteros et mittens in slaviam. in partem videlicet gran
... et in partem panonie illis ducibus et comitibus sic prede*

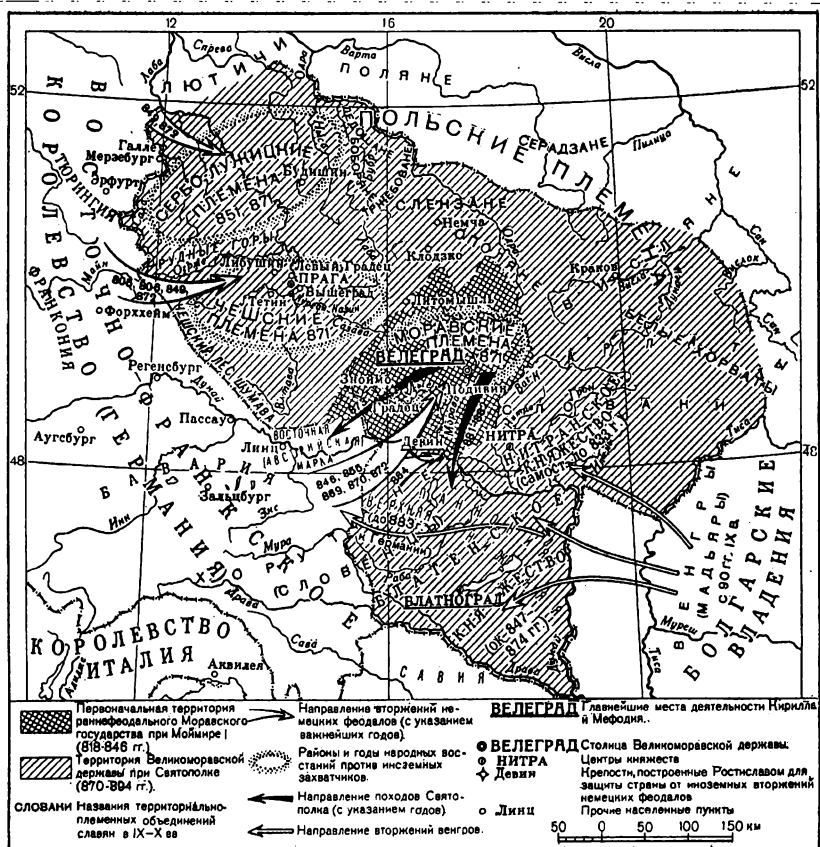
*... ecclesiam quam primum cum omnibus profano tractat de quo per archiepiscopum
... pro prelo. in usum fructuarium unius de saluberrimis habendi. Postquam
... regionem primum misit lupum archiepiscopus magistrus de saluberrima*

Первые упоминания о князе Прибине, IX в.

свои владения на угорских славян вплоть до р. Грона, где южною границей её был Дунай. Прибина же после своего изгнания из Нитры нашёл себе приют у паннонского маркграфа **Ратбода**, где принял христианство. Позже **Людовик Немецкий** дал ему в ленное владение часть Нижней Паннонии у р. Салы, впадающей в Блатенское (Балатон или Платтен) озеро (847), и Прибина стал вернейшим прозелитом христианского культа и преданнейшим другом франков, основал город Мосбурк (теперь Шалавар) и строил костёлы.

Между тем Людовик, на долю которого при разделе Франкской монархии по Верденскому договору 843 г. выпала восточная часть, устремил теперь свои взоры на соседних славян, и на первых порах его усилия не были безуспешными. В 845 г. он обратил в христианство 14 чешских воевод, а в 846 г. уже предпринял поход против Моймира, сверг его с престола и посадил на его место его племянника **Ростислава**. Однако на обратном пути из Моравии чешскими землями франкское войско Людовика потерпело поражение. Такими же неудачами; сопровождалась и последующие его походы на Чехию, и, ободренный этими успехами чехов, Ростислав тоже решил сбросить с себя франкское иго и занял против Людовика настолько враждебную позицию, что в 855 г. Людовик с огромными силами выступил против Моравии. Ростислав воздержался от боя и укрылся в сильно укреплённый лагерь. Людовик тоже не решился его преследовать и отступил без боя, но в отместку Ростиславу самым беспощадным образом разорил Моравию. На этом, однако, враждебные отношения Людовика к Ростиславу не прекратились, как не прекратились и его антиславянские агрессивные планы, и в 858 г. он стал вновь готовиться к походу на славян. Осуществлению плана Людовика помешало обострение враждебных отношений к нему его брата **Карла Лысого** и сына **Карломана**, маркграфа австрийского. Карломан нашёл себе поддержку в союзе с Ростиславом, но против этого союза восстал верный вассал Людовика Прибина, питавший самые враждебные чувства к Ростиславу. В ответ на это в 860 или 861 г. мораване вторглись в Нижнюю Паннонию, подвергли её разгрому и убили Прибину. Место Прибины в «Блатенском княжестве» занял его сын **Коцел**, враждебно настроенный к франкам и их настойчивой захватнической политике по отношению к Великоморавии.

Расправившись в 862 г. с сыном Карломаном и приведя его к повиновению, обеспечив себе, с другой стороны, союзом с болгарским князем **Борисом** свои юго-восточные границы, Людовик стал готовиться к решительному выступлению против своего злейшего врага Ростислава, который ответил на это отправкою в том же 862 г. специального посольства в Константинополь к византийскому правительству с просьбой прислать ему учителей. *«Наш народ отверг язычество, но мы не имеем учителей, которые наставили бы нас в истинной вере на нашем языке»*, — говорили послы от имени Ростис-

Великоморавское государство

слава византийскому императору. Это обращение великоморавского князя к Византии ясно говорит о намерении Ростислава обеспечить себе церковную независимость, связаться с Византией и тем самым обеспечить Великоморавии и независимость политическую. В ответ на просьбу Ростислава византийское правительство командировало к нему в 863 г. двух братьев, уроженцев города Солуни, **Константина (Кирилла)** и **Мефодия**. Первый из них был выдающимся по своему времени учёным и вместе с тем испытанным дипломатом, второй — талантливым организатором. С этой моравской миссией Константин и Мефодия, основоположников и пионеров славянской письменности у славян, создателей славянской азбуки (Кирилл) и переводчиков первых культовых книг с греческого языка на славянский (древнеболгарский, солунско-македонский) язык, связаны славные

страницы в мировой истории Великоморавии. Она становится колыбелью славянской культуры и просвещения, которые затем быстро расходятся отсюда во все стороны славянского мира, проникают к болгарским славянам на полуостров, к западным славянам в Польшу и на восток в Киевскую Русь и всюду создают широкое культурно-просветительное движение на родном славянском языке.

Плодотворная деятельность Константина и Мефодия в Моравии продолжалась 3 года и 4 месяца. Константин был занят здесь главным образом литературной и учительской работой, Мефодий – организационной. За время своего пребывания в Моравии они заложили здесь основы независимой от франков национальной церкви на родном для местного населения славянском языке. Но так как церковный вопрос был в это время повсюду прежде всего вопросом политическим, то организацией национальной церковной иерархии и церковного управления из христианским культом по византийскому обряду Ростислав, прежде всего, укреплял политические позиции своей национальной государственности, а свою церковную унию с Византией усиливал её международное положение обеспечением Моравии политической дружбы с южными соседями, Болгарией и Византией, непосредственно смыкавшимися тогда своими границами с франкской державой. С этого момента политическая борьба Ростислава за независимость Великоморавии с франками заострялась на церковной проблеме, ввиду чего культурно-просветительная и организационная работа солунских братьев в Моравии протекала в исключительно напряжённой обстановке борьбы с франкскими-баварскими епископами, имевшими за свою спину Людовика, и велась она под лозунгом борьбы вновь организованной моравской церкви во главе с Мефодием за национальный (славянский) язык в богослужении и основные принципы христианского культа по восточно-римскому обряду.

Борьба эта не замедлила вылиться вскоре в форму вооружённого выступления Людовика против Ростислава. В 864 г. он предпринял тщательно подготовленный поход на Моравию. Поход сопровождался «благословением» римского папы **Николая**. Переправившись с огромным войском через Дунай у Довины (вероятно, у нынешнего Девина, старой крепости при впадении Моравы в Дунай), Людовик встретился с Ростиславом, и Ростислав принужден был, ввиду значительно превосходящих сил противника, сдать на условиях, продиктованных Людовиком. Условия эти обязывали Ростислава со всеми его вельможами к верности и преданности королю до конца его жизни. Создавшееся для Великоморавии положение вещей продолжалось до 869 г., т.е. до года общеславянского восстания против Людовика.

Культурно-просветительная деятельность солунских братьев не ограничивалась только Моравией. Во время одной из своих поездок в Рим к папе в 867 г. они остановились по дороге у паннонского князя Коцела в Мосбурге (Шалавар) на Блатенском озере, т.е. в районе, населённом тогда словенцами.

Коцел радушно принял Константина и Мефодия, усвоил от них славянскую грамоту и поручил им, как говорит легенда, по пятидесяти учеников с тем, чтобы они обучили их чтению славянских книг.

После смерти в 869 г. младшего из братьев Константина, последовавшей на 42-м году его жизни, культурно-просветительную миссию у западных славян продолжал один только Мефодий с группой своих ближайших сотрудников. С этого же года специальной буллой римского папы Адриана (867–872) славянский язык впервые был санкционирован для западных славян в качестве языка культа. Одновременно с этим, по представлению Коцела и личному докладу Мефодия, римской курией была восстановлена в Среме епископская кафедра, упразднённая в 582 г., когда Срем был захвачен аvaraми. **Карл Великий**, освободив Паннонию от аваров, включил эту кафедру в состав солноградского архиепископства, т.е. подчинил её ведению франкского церковного управления. Вместе с восстановлением сремской кафедры создавался церковный центр обширной паннонско-моравской области; другими словами, Великоморавия получала собственное, независимое от немецкого духовенства церковное управление во главе с Мефодием, в качестве епископа, и с подчинением его непосредственно римской курии. Таким путём упрочивалось политическое положение Великоморавии, которая в борьбе с франками становилась тем самым под протекторат Рима.

Как и следовало ожидать, создание независимой славянской церкви на границе баварской державы вызвало протест со стороны баварского епископа. Пасауское епископство питало виды на Моравию, а солноградское архиепископство – на Паннонию. Эти «виды» разгорелись ещё больше с тех пор, когда из рук баварского епископата уплыли столь лакомые куски, как Моравия с Паннонией. Пока был жив Коцел, он ревностно поддерживал Мефодия в его организационной работе. Но после его смерти, около 874 г., положение вещей изменилось к худшему. Часть Нижней Паннонии, простиравшейся вплоть до Блатенского озера, с городом Петовией (слав. Птуй), как центром, отходила к сыну Карломана **Арнульфу** как Дудлебское графство, в связи с чем эта часть паннонско-моравской епархии отходила в ведение солноградского архиепископа. Что же касается верхней и восточной Паннонии, то после смерти Коцела эти области отошли в ведение князя Нитры **Святополка** (871–894), который в союзе с Карломаном баварским сверг с Великоморавского престола своего дядю Ростислава и осенью 870 г. выдал его франкам, где он был ослеплен и осужден на пожизненное заключение в монастырь. Однако уже в 871 г. Святополк изменил франкам и, нанеся им поражение, завладел Моравией и утвердился на Великоморавском престоле, признав верховную власть франков. Это, впрочем, не спасло его от мести франков. В том же 871 г. он был арестован франками, увезён из Моравии в г. Регенсбург и предан суду, а

франки в это время, захватив Моравию, предавали страну опустошению, чем вызвали восстание моравян против немецкой оккупации. Регенсбургский суд оправдал Святополка, и баварское правительство поручило ему усмирение восставшего народа, пообещав в награду за это вернуть ему его прежние княжеские права. Но Святополк, явившись в Моравию, стал на сторону восставших, разбил немцев и затем в течение ряда лет, вплоть до 874 г., вёл с ними в союзе с чехами и полабскими славянами войну, в результате чего, по миру, заключённому с немцами в 874 г. в Форхгейме, был признан независимым князем Моравии.

В правление Святополка Моравия достигает значительных успехов, и имя Святополка приобретает широкую популярность не только в Моравии, но и за её пределами у всех соседних славянских народов. Вторая половина правления Святополка проходит в атмосфере обостренных отношений с немцами, которые несколько раз опустошают Моравию в ответ на опустошительные вторжения Святополка во владения Арнульфа (Нижняя Паннония). Кроме того, правление Святополка отмечено появлением на территории Моравии большого числа немецких колонистов и усилением немецкого влияния. Возможно, что в связи с этой «немецкой» политикой Святополка стоит и его поддержка латинского духовенства, а в связи с этим и неприязненные отношения к Мефодию, который не пользовался его поддержкой и был предоставлен моравским князем собственным силам в обострившейся борьбе с латинским (немецким) духовенством и его притязаниями на моравскую епархию.

Против беззащитного старика Мефодия поднялась ожесточённая травля со стороны латинского духовенства, и в конце концов без всяких оснований он был арестован немецкими епископами и сослан в Свабы, где провёл в заключении 2,5 года в тяжёлой обстановке всевозможных лишений и истязаний. Святополк оставался безучастным к судьбе Мефодия. Попытки Мефодия лично связаться с Римом парализовались его врагами, и только случайно узнав из сообщения какого-то Лазаря (предположительно – ученика Мефодия) о судьбе, постигшей Мефодия, папа **Иоанн VIII** привлёк к ответственности епископов, учинивших своевольную расправу над Мефодием. Благодаря вмешательству папы Мефодий был освобожден из заключения, доставлен в Моравию к Святополку, и с этого времени начинается его широкая организационная работа в Моравии и за её пределами. В 874 г., по сообщению чешского летописца Козьмы, Мефодий обратил в христианство чешского (богемского) князя **Боривоя** и его жену **Людмилу**. К этому же времени относятся сношения Мефодия с каким-то повислянским князем-язычником, который «силен вельми, сядя в Висле, ругашеся христианом и пакости деяше».

Между тем преследования Мефодия со стороны франков не прекращались. Они обвиняли теперь Мефодия в ереси, а также в совер-

шении богослужения на славянском языке. Они сфабриковали подложное письмо от папы, требовавшее отстранения Мефодия от дел, но Мефодий настойчиво продолжал свою деятельность, а в 880 г. после поездки в Рим и личного доклада папе по возбуждённым против него клеветническим обвинениям папа Иоанн VIII утвердил Мефодия в должности архиепископа Моравского и вновь санкционировал славянский язык как язык культа для славян, о чём в специальном послании папа ставил в известность Святополка. Святополк, однако, и после этого продолжал занимать враждебные позиции против Мефодия, что сказалось, в частности, в его выдвижении на должность нитранского епископа некоего **Вихинга**, злейшего врага Мефодия и славянского культа. Опираясь на Святополка и сильную немецкую партию, Вихинг с момента своего назначения на пост нитранского епископа, вместо сотрудничества с Мефодием, повёл против него ожесточённую клеветническую кампанию. После смерти в 882 г. доброжелательно настроенного к Мефодию папы Ионна VIII Мефодий предпринял трудное путешествие в Константинополь, где имел встречу с императором **Василием** (867–886). Предполагают, что во время этой поездки он имел встречу также и с болгарским князем Борисом и в обоих случаях знакомил своих собеседников со славянскими книгами, что отвечало интересам вновь присоединённой тогда к Византии болгарской церкви. Имеется также предположение, высказываемое на основании одного из источников (болгарская легенда), о том, что крещение болгарского князя Бориса было произведено Мефодием. В это же время славянские книги проникли и к хорватам, ближайшим соседям паннонских славян, и быстро приобрели здесь широкую популярность.

Последние годы своей жизни в Моравии Мефодий был занят главным образом широкой литературно-переводческой работой. Умер Мефодий 6 апреля 885 г., назначив накануне смерти своим преемником одного из ближайших своих учеников и сотрудников **Горазда**. Где был похоронен Мефодий, неизвестно. Предполагают, что в столице, основанной великоморавским князем Ростиславом, находившейся в окрестностях нынешнего города Градище, где близлежащий к нему Велеград, вероятно, как думают, носит имя этой столицы.

Немедленно после смерти Мефодия Вихинг предпринял ряд шагов перед римской курией (папа **Стефан V**, 885–891), которые привели к тому, что кандидат Мефодия Горазд не получил утверждения в должности преемника Мефодия. На эту должность был назначен поддержанный Святополком Вихинг; славянский язык был запрещён под угрозой анафемы к употреблению в качестве языка культа, и вся плодотворная и огромная культурно-просветительная деятельность Мефодия была подвергнута со стороны папы резкому осуждению, что, впрочем, не помешало той же латинской церкви вскоре после этого признать Мефодия святым. Этот факт, взятый

вместе со всеми прочими, ему предшествовавшими, ясно говорит о том, что последнее письмо папы Стефана было подложным, а в подлогах Вихинг зарекомендовал себя уже и ранее большим мастером. Как бы то ни было, но дальнейшие успехи развития славянского языка и славянской письменности в Моравии, получившие блестящее начало в деятельности солунских братьев, были парализованы.

Многочисленные ученики Мефодия во главе с Гораздом и Климентом, выдающимся славянским писателем, подверглись при содействии Святополка, преследованию и были изгнаны из Моравии. Часть их была продана в рабство; другая часть – наиболее выдающиеся последователи и ученики Мефодия – **Горазд, Климент, Лаврентий, Наум, Савва, Ангеларий** и др. были заключены в тюрьму, а затем под конвоем препровождены к придунайским областям и изгнаны из владений Святополка. Оттуда Климент, Наум и Ангеларий прибыли по Дунаю в Белград, где были гостеприимно встречены наместником болгарского князя Бориса-Михаила, который препроводил их затем к Борису, принявшему в их судьбе живейшее участие. Дальнейшая плодотворная литературная и учительская деятельность Климента и Наума протекает затем уже в Болгарии, поддержанная здесь Борисом и его преемником Симеоном.

С ликвидацией в Моравии славянской письменности и независимой славянской церковной организации была порвана культурная связь западного славянства с южным, а также, вероятно, и с восточным, где пионерами христианского культа и славянской письменности, ещё до официального принятия христианства киевским князем Владимиром от Византии, были именно западные славяне,²¹⁴ которые с этого времени включаются в сферу влияния римско-католической культуры. Церковное управление захватил в свои руки Вихинг, ставленник Святополка и ревностный поборник политических интересов в Моравии короля франков.

В 885 г., после нескольких лет непрерывных войн, Святополк заключил с королём Арнульфом мир и получил от него, в благодарность за помощь, оказанную Арнульфу в захвате престола, под свою власть Чехию, а также бывшее княжество Прибины Паннонию, находившуюся после смерти Коцела во власти немцев. Кроме того, в состав Великоморавского княжества при Святополке вошли, частью в порядке добровольного присоединения, частью – в порядке насильственного подчинения, группа славянских племён по Эльбе и Одру, по Лужице (лужицкие сербы), силезские славяне, северно-венгерские словаки и часть галицких славян в Карпатах. Однако после смерти Святополка моравского, при его сыновьях **Моймире II** и **Святополке II**, часть этих племён, воспользовавшись борьбою

214. См. *Н.К.Никольский*. Повесть временных лет, как источник для историй начального периода русской письменности и культуры. Сборник по русскому языку и словесности АН СССР, т. II, вып. I, Л., 1930.

братьев за престолонаследие, отложились от Великоморавского княжества. Внутренние распри между Моймиром и Святополком повлекли за собою вторжения на моравскую территорию немцев, предававших её беспощадному разорению и значительно ослабивших её мощь и подорвавших в глазах славянских племён её политический авторитет как державы, обеспечивавшей входившим в её состав племенам безопасность от немецких вторжений.

Отложившийся от Великоморавского княжества чешский союз племён, во главе со своими князьями **Спитигневом** и **Вратиславом**, признал немецкий протекторат над Чехией, что спасло этот западный участок Великоморавского княжества от разгрома его уграми (венграми), постигшего в 906 г. Моравию. Вместе с вторжением на территорию Великоморавии и разгромом её уграми Великоморавское государство прекратило своё существование, словацкий народ оказался отрезанным от чешско-моравских племён и в течение последующей тысячи лет своего существования находился под венгерским гнетом. Уцелевшая же от нашествия угров (венгров) или мадяр западная часть Великоморавского государства, Чехия или Богемия стала естественным политическим центром чешско-моравских племён, и вскоре на смену Великоморавского княжества здесь выросло новое государственное объединение – Богемия, или Богемское княжество.

Между тем ожесточённая борьба Вихинга со славянским языком продолжалась вплоть до 892 г., когда мирные отношения между Святополком и Арнульфом были нарушены и между ними началась новая, длительная борьба. В 893 г. Вихинг отказался от своей епископской деятельности в Моравии и перешёл на службу к Арнульфу в качестве его советника. С уходом Вихинга моравская церковь осталась без главы.

Спустя несколько лет после этого старший сын и преемник Святополка Моймир II предпринял ещё одну попытку воссоздать независимую церковную организацию в Моравии. Римская курия охотно пошла ему навстречу, и немедленно в Моравии было организовано церковное управление, подчинённое непосредственно Риму. Против этой инициативы римской курии в 900 г. ополчился баварский епископат, всегда считавший Моравию подведомственной в церковном отношении своей юрисдикции. В специальной жалобе он резко опротестовал мероприятия папы и выступил с не менее резкой националистической травлей славянского народа, не желая упускать из своих рук доходной статьи, какую представляла для немецких епископов Моравия. Однако ещё в X и XI столетиях славянское богослужение кое-где поддерживалось в Моравии, о чём говорят два дошедшие до нас знаменитые древнейшие памятника моравского происхождения, написанные глаголицей, так называемые «Киевские листки» и «Пражские отрывки». О том же свидетельствуют и славянские легенды о св. Вацлаве и св. Людмиле. Последняя, жена

богемского князя Боривоя, обращённого вместе с нею в 874 г. в христианство Мефодием в Велеграде, умерла в 921 г. Она хорошо знала славянскую грамоту и посвятила в неё своего внука **Вацлава**, который умер в 935 г.

Около 972 г. папа **Иоанн XIII** дал разрешение на организацию епископства в Праге, причём не исключалась возможность создания этого епископства на славянской основе. В 1032 г. в Богемии был создан **Прокопием**, получившим своё образование в моравском Велеграде, знаменитый в истории славянской культуры и письменности Сазавский монастырь со славянским обрядом. После смерти Прокопия (1053) этот монастырь постигла неприятность: князь **Спитигнев** изгнал в 1057 г. из Богемии сазавских монахов, и они со своим настоятелем Витом удалились в Венгрию, но спустя некоторое время князь **Вратислав II** (1061–1092) через специальное посольство к венгерскому королю вновь вызвал их из Венгрии в Сазавы. Он же возбудил ходатайство перед папой **Григорием VII** о признании в Чехии славянской литургии, на что в 1080 г. со стороны Рима последовал решительный отказ. После этого Сазавский монастырь продержался недолго. **Бретислав II** в 1097 г. разогнал сазавских монахов вместе с настоятелем монастыря **Божетехом**, передал монастырь латинским бенедиктинцам, а славянская письменность с корнем была вырвана из монастыря, и все славянские книги были основательно и начисто уничтожены.²¹⁵ Из Моравии же славянская грамота и первые славянские книги проникли не только в Киев на Русь, что было уже отмечено выше, но также и в Польшу, которая знала в это время и письменность на древнеславянском языке и славянское богослужение. Центром славянской письменности в Польше был монастырь Тынце возле Кракова. Одновременно с разгромом в 1097 г. Сазавского монастыря был разгромлен и Тынецкий монастырь, что нашло свой отклик в древнерусском житии Феодосия Печёрского и в Печёрском Патерике. Акад. А.И.Соболевский, в частности, считал знаменитый в истории славянского языка и письменности глаголический памятник, известный под именем «Киевские листки», памятником именно польской письменности XI в.²¹⁶

215. «Et libri linguae eorum deleti omnino et disperditi, nequaquam ul terius in eodem loco recitabuntur». — См. Dr. *František Pastřnek*, *Dejiny slovanských apostoľů Cyrilla a Methoda. V Praze*, 1902.

216. См. А.И.Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб. 1910. Сб. ОРЯС АН, т. LXXXVIII, № 3, стр. 106-109.

§ 2. БОГЕМСКОЕ КНЯЖЕСТВО (874–1041)

Согласно легенде, записанной чешским летописцем Козьмою Пражским в XII в., первым князем чехов был **Крок**. Его дочь и наследница **Любуша**, говорит это предание, вышла замуж за **Премысла** (чешск. Přemysl, дословно Размы'сл или Рóзмысл), который был простым пахарем из с. Стадицы в области племени лемузов, и от этого Премысла пошёл затем род чешских князей или чешская (богемская) княжеская династия *Премысловичей*, по-чешски Пшемьсловичей: Незамысл, Кресомысл, Гостивит, Боривой и др.

Богемское княжество выросло из союза чешских племён, занимавших территорию в форме ромба, ограниченного со всех сторон горными кряжами: Шумава, Крушные или Рудные горы, Чешский лес, Судеты, Крконоши (Исполиновые горы) и Чешско-моравской возвышенностью со стороны. Моравии и орошаемого реками Лабой (Эльба) и её главными на этой территории притоками – Влтава и Огра.

Первым, исторически засвидетельствованным князем Богемии (Чехии) был **Боривой**, или **Буриной**, из рода Пшемьсловичей (874–879). Боривой вместе с женою **Людмилой**, как мы уже знаем, первый из чешских князей принял христианство в столице Моравии, Велеграде. По возвращении к себе на родину Боривой построил здесь первый христианский храм. Центром Богемского княжества был город Прага.

При Боривое и его ближайших преемниках Богемское княжество находилось ещё в стадии перерастания союза чешских племён (см. выше) в государство. Боривой был верховным князем всего союза. Ему были подчинены воеводы, или жупаны, т.е. князья отдельных племён, представители наиболее экономически сильных племенных родов, или так называемых лехов; племенным воеводам были подчинены старейшины, или владыки отдельных родов, входивших в состав племенных образований. Боривой был, прежде всего, воеводою наиболее мощного, центрального племени в чешском союзе племён, именно чешского племени, которому в истории чешской (богемской) государственности и принадлежит главная организующая роль. Воеводе чешского племени подчинялись все племенные воеводы как вождю или князю союза племён. Наличие всесоюзного верховного вождя на начальном этапе развития чешской государственности не успела ещё прочно спаять в единой государственности все племена и тем самым парализовать сепаратистские устремления отдельных племенных вождей, выступавших иногда на стороне врагов союза и его верховного вождя. По существу это была классовая борьба за верховную власть в союзе внутри наиболее экономически сильного социального слоя лехов, т.е. экономически господствовавшей в племенах имущественной знати, превратившейся тем самым в племен-

ную родовитую знать. Чешские Пшемысловичи представляли собою в этом именно смысле, т.е. в имущественном отношении, самый сильный во всём союзе чешских племён и поэтому самый знатный род, захвативший в свои руки политическую власть в союзе племён и благодаря своим огромным богатствам сумевший мобилизовать вокруг себя значительные военные силы и привлечь на свою сторону широкие круги племенной знати (лехов) не только в среде собственно чешского племени, но и в среде других племён, входивших в состав чешского союза. Борьба Пшемысловичей с племенными воеводами была по существу борьбою чешских лехов – Пшемысловичей за укрепление своей верховной всесоюзной власти с другими племенными лехами – претендентами на ту же роль в союзе племён. Ко второй половине XI в. эта борьба закончилась укреплением центральной княжеской власти Пшемысловичей, полную ликвидацией последних остатков родового строя и племенных объединений и превращением бывшего союза чешских племён в централизованную бюрократическую аристократическую монархию с неограниченною княжескою властью во главе, опиравшеюся на свою дружину, составленную из представителей бывшей родовой знати (лехов), и управлявшею государством через ту же знать, но не в порядке народного избрания, как это было при родовом строе, а в порядке назначения сверху, т.е. в качестве княжеских чиновников всевозможных степеней и рангов. Вместе с постепенной ликвидацией родового строя и образованием аристократической монархии трудовые массы чешского народа, утратив свои былые политические права, превратились в объект неограниченной эксплуатации как со стороны князя, так и со стороны его дружинников – наместников и чиновников князя.

Этот внутренний процесс становления чешского государства протекал одновременно и параллельно с борьбою чешских князей за политическую и национальную независимость чешского государства в его напряжённом международном окружении. Мы уже знаем, что при Боривое Чехия входила в состав Великоморавского княжества и что после разгрома его в 906 г. уграми Чехия, признав уже в 895 г. протекторат немецкого короля Арнульфа, при князе **Вратиславе** (905–921) успешно отразила попытку угров подчинить и её вместе с Моравией своей власти и, воспользовавшись затем внутренними смутами в Германии, прервала свои даннические с нею отношения. Премнику Вратислава, его сыну **Вацлаву** (921–935), пришлось военною силою заставить князя племени зличан **Радислава** признать верховную власть чешского князя. Этою внутреннею междуплеменною борьбою Вацлава воспользовался германский король **Генрих I**. В 929 г. он вторгся в Чехию, проник до самой Праги и заставил чешского князя восстановить свои даннические отношения с Германией. Вацлав погиб от предательской руки своего брата Болеслава, который был князем чешского племени пшован, область которых принад-

лежала Пшемисловичам. Заняв после убийства Вацлава чешский княжеский престол, **Болеслав I Грозный** (935–967) в течение первых 14 лет своего княжения вёл упорную, но безуспешную борьбу с немцами (**Оттон I**) за независимость Чехии, принимал затем участие в качестве союзника немцев в борьбе последних с мадьярами (уграми) и после разгрома мадьяр в 955 г. присоединил к Чехии Моравию и часть смежных с Чехо-Моравией польских земель в верховьях Одера. Во внутриплеменных отношениях ему пришлось вести борьбу с воеводою луцким и литомержицким **Добромиром** и подчинить его верховному князю, а также задушить восстание лехов и владык племени пшован.

Внутренняя политика его сына **Болеслава II** (967–999) носила тот же характер борьбы за верховную власть Пшемисловичей с князьями племени зличан, воеводою Любицким **Радиславом Славником** и его сыновьями **Собебором** и **Войтеком**. Последний был пражским епископом, известным под именем **Адальберта**, и личным другом немецкого короля **Оттона III**. Славниковичи вели борьбу против чешских Пшемисловичей в союзе с немцами и польским королём **Болеславом Храбрым**. В 995 г. Болеслав II разорил столицу зличан Любицу и, присоединив к своим владениям обширные земли, подвластные зличанам, окончательно сломил сильную оппозицию Славниковичей.

Ещё более упорную борьбу Пшемисловичей с племенными воеводами и лехами пришлось вести сыну и преемнику Болеслава II, **Болеславу III**, прозванному **Рыжим**. Восстание племенных владык и лехов против чешского князя, под главенством лехского рода Вршовичей, приняло настолько широкий, ожесточённый и угрожающий характер, что Болеславу III пришлось бежать за границу, в Германию. В Чехии с этого времени наступили тяжёлые внутренние неурядицы. Болеслав III жестоко расправлялся с племенными владьками и лехами, предавал их массовому уничтожению, на что последние отвечали Пшемисловичам новыми и новыми восстаниями под руководством Вршовичей, и тем не менее Пшемисловичи, поддержанные Германией, не выпустили из своих рук княжеского престола. Внутренними неурядицами, наступившими в Чехии со времени Болеслава III, пытался воспользоваться польский князь Болеслав Храбрый. После бегства за границу Болеслава III, поддерживая Вршовичей, он посадил на княжеский престол в Праге своего брата **Владибоя**, а после его смерти в 1003 г. продолжал поддерживать Вршовичей в их борьбе с Пшемисловичами, братьями Болеслава III – **Яромиром** и **Ольдржихом (Ульрихом, 1012–1034)**, и захватил в свои руки земли, включённые в своё время Болеславом I в состав Чешского княжества, т.е. Моравию и Силезию. Однако сыну Ольдржиха **Бжетиславу (Брячислав)** удалось навсегда воссоединить Моравию с Чехией. Бжетислав (1035–1055)

окончательно ликвидировал последние остатки родового строя в Чехии, превратив родовых владык и лехов в служилую аристократию, непосредственно подчинённую князю, вместе с чем в Чехии ликвидировались и последние остатки народовластия. Хотя областные веча ещё и продолжали собираться, но они уже не избирали князя, и круг их ведения был ограничен местными делами, решающая же роль на них принадлежала знати, княжеским чиновникам. Такой же характер получил теперь и общеземский сейм. Племенные разграничения вместе с воеводами исчезли, и постепенно стали забываться и самые имена племён. Чешское (Богемское) княжество окончательно сложилось и окрепло в аристократическую монархию с неограниченной княжеской властью, сосредоточенной в руках Пшемисловичей, обладавших к этому времени огромными богатствами, народные же массы оказались лишёнными каких бы то ни было политических прав.

Укрепив свои позиции внутри страны, Пшемисловичи, однако, не чувствовали себя обеспеченными в смысле политической независимости со стороны своего мощного соседа Германии. По-видимому, именно поэтому Бжетислав мечтает о создании, в противовес Германии, не менее мощного славянского государства и в осуществление своих планов завоёвывает Польшу, но в дальнейшем развитии этих планов встречает решительное сопротивление со стороны объединённых сил римского папы и германского императора **Генриха III**. Последний предпринимает в 1040 г. поход против Чехии, закончившийся поражением немецкой армии при Домажлице в западной Чехии, недалеко от Баварской границы, но в следующем же году возобновляет свои военные действия против Бжетислава и вынуждает его признать зависимость Чешского княжества от Германии. Таким образом, Бжетиславу, достигшему огромных успехов в деле внутренней стабилизации чешской государственности, не удалось тем не менее обеспечить Чехии независимость в международных отношениях. Внутренняя же стабилизация чешской государственности дала основания Бжетиславу провести реорганизацию системы престолонаследия, которая была рассчитана, прежде всего, на упорядочение внутрдинастических отношений в роде Пшемисловичей, но фактически уже в самом начале XII в. дала совершенно обратные результаты. В силу этой реорганизации системы престолонаследия пражский княжеский стол закреплялся в порядке наследования за старшим в роде Пшемисловичей и превращался в великокняжеский стол, возглавлявший всё Чешское княжество; младшие представители того же правящего рода получали в своё ведение уделы. Таким образом, начиная с Бжетислава, Чешское княжество вырастает в удельное великое княжество. В международных же отношениях, в силу своей зависимости от Германской империи, оно известно как *Богемское герцогство*.

При одном из ближайших преемников Бжетислава, втором из его сыновей, великом князе **Братиславе II** (1061–1092), помогавшем **Генриху IV** в его внутренней борьбе с германскими князьями и во внешней напряжённой борьбе – с римским папою **Григорием VII**, к Чехии в 1086 г. была присоединена, в качестве ленного дара императора, смежная с Чехией на северо-востоке область лужицких сербов. Эта так называемая Верхняя Лузация, т.е. Верхняя Лужица, единственный островок, уцелевший от огромного некогда сплошного сербского населения, занимавшего территорию начиная от пограничных с польским народом рек Бобры и Гвизды – на востоке и вплоть до бассейна притока Лабы Салы и далее – на западе, сохранила благодаря этому присоединению к Чехии вплоть до 30-х годов настоящего столетия свою культурно-национальную самобытность.

В том же 1086 г. Братислав II получил от Генриха IV титул короля, дававший чешскому великому княжеству политическую независимость. Но за преемниками Братислава II этот титул не был восстановлен, и Чешское княжество вновь оказалось в зависимости от Германской империи.

Глава III

ПОЛЬША

(870–1138)

Народное предание рассказывает, что поляне решили избрать своим князем того, кто в состязании на скорость первым добежит до цели. Таким оказался некто **Лешек**; он и стал князем польского племени полян. С именем Лешка народное предание связывает начало объединения родственных польских племён под гегемонией полян. Его сын и преемник **Лешек II** продолжал объединительную политику отца и приобрел столько земель, что наделил ими двадцать одного сына, которые должны были управлять своими владениями под верховною властью старшего из них **Попела**. Сын Попела, **Попел II**, говорит предание, отравил всех своих дядёв и приказал бросить их тела в озеро Гопло. Вышедшие из тел дядёв мыши съели Попела II, и тогда старейшины польского племени избрали в князья **Земовита**, сына колесника из Крушвицы, **Пяста**.

Древнейший средневековый польский историк-хронист **Мартин Галл** (Gallus, XII в.) сообщает на страницах своей летописи следующее предание: князь гнезненской земли Попел и простой крестьянин-землепашец Пяст справляли одновременно каждый семейный праздник. В это время сюда пришли два странника. Отвергнутые князем Попелом, они были радушно приняты крестьянином Пястом и в благодарность за гостеприимство совершили чудо, в результате которого еда и питьё для угощения гостей так умножились, что Пяст пригласил к себе на праздник князя Попела со всеми его гостями. Вскоре после этого Попел был изгнан из страны и нашёл себе приют на каком-то острове, где его и съели мыши. В князья народ избрал сына Пяста, Земовита (870–890), который первый положил начало объединению польских племён в государство. Его преемниками были: сын **Лешек** и затем внук **Земомысл**, продолжавшие политику отца и деда.

Земовит, Лешек и Земомысл – это первые, исторически засвидетельствованные гнезненско-познанские князья. В конце X в. княжеский стол занял сын Земомысла – **Мешко**, или **Мечислав I** (960–992). Таким образом, наиболее экономически мощный из всех польских племён союз Полянских племён явился первым в Польше центром перерастания союза племён в государство, т. е. первым центром образования польской государственности во главе с князьями из

рода Пястов. Как и в Чехии, этот процесс имел своим исходным моментом накопление огромных богатств в руках рода Пястов, т.е. в руках верховного союзного Полянского князя, что давало ему возможность, прежде всего, содержать при себе и на свои средства многочисленную, хорошо вооружённую дружину, с помощью которой Пясты, такой же дворянский землевладельческий слой (шляхта) в Полянском родовом обществе, как и чешские лехи, легко могли предпринимать удачные грабительские набеги на соседние племена и тем самым увеличивать свои богатства и расширять свои земельные владения, с одной стороны, и с другой – хорошо обеспечивать материально и своих дружинников. Так, например, источники говорят о Мешке, что он имел у себя 3 тысячи рыцарей, способных к бою, которых сотня равняется десяти сотням других аналогичных военных организаций, что он давал им одежду, коней, оружие и все, что им нужно (Аль-Бекри, XI в.). Ближайший преемник Мешка, его сын **Болеслав**, прозванный **Храбрым** (992–1025), имел у себя войско в составе уже 20 тысяч. Располагая такими силами, верховный полянский князь без особого труда мог ликвидировать родовые организации с возглавлявшими их владыками-князьями внутри своего племени, зачислив последних в состав своих дружинников-рыцарей. Затем он проделал то же самое и с родовыми организациями-союзами и в среде соседних племён, присоединяя их земли путём военного захвата к своим владениям, а их родовых владык-князей включая в состав своей дружины-рыцарей, где они поступали на полное иждивение князя, превращаясь из выборных народных собраниями (веча) своих ополей или жуп (русск. вервь) владык и князей в рыцарей-дружинников полянского князя и образуя в целом военно-служилый класс, состоявший на службе у князя в его полном распоряжении.

С ликвидацией родового строя неизбежно исчезали и племенные организации с возглавлявшими их воеводами-князьями. С другой стороны, и сам полянский князь из избранного волею народа на племенном вече воеводы племени превращался в государя, в богатого земельного собственника, владельца огромной территории, опиравшегося на мощную собственную военно-аристократическую дружину рыцарей-шляхты и через неё же управлявший и своими обширными владениями. Это были княжеские чиновники, именуемые в латинских источниках *баронами*. С ликвидацией родового строя, протекавшей не вдруг, но постепенно, в процессе материального укрепления княжеской власти ликвидировались и общеплеменные народные собрания – вече, и их функции переходили теперь к княжескому совету из тех же дружинников-рыцарей, княжеских сановников и должностных лиц по личному выбору князя. Только в исключительных случаях созывались вече, к участию в которых приглашался и простой народ, но только из того района, где в данный момент присутствовал князь для разрешения местных спорных вопросов.

Таким образом, как и в Чехии, в Польше процесс ликвидации родового строя привёл к образованию государства, выросшего из полянского союза племён, на основе усиления материальной мощи полянского рода Пястов и роста частной собственности родовой знати.

Как и повсюду, в других аналогичных случаях, государство в Польше явилось, таким образом, учреждением, которое, по характеристике Энгельса, обеспечивало вновь приобретённые богатства отдельных лиц от коммунистических традиций родового строя. Оно не только освящало прежде столь малоценную частную собственность и это освящение объявляло высшею целью всякого человеческого общества, но и приложило печать всеобщего общественного признания к развивающимся одна за другою новым формам приобретения собственности, а следовательно, и к непрерывно ускоряющемуся накоплению богатств, которое увековечивало не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущих и господство первого над последним.²¹⁷

Верховная власть в польском государстве, как оно сложилось к XI в., принадлежала *королю*, управлявшему государством на правах неограниченного монарха, объединявшего в своём лице все высшие административные, судебные и военно-командные функции. Государственная территория составляла частное владение короля, и он распоряжался ею по собственному усмотрению, получая в собственное же распоряжение и все государственные доходы, в том числе и все даннические повинности с трудового населения.

В административном отношении польское государство делилось на *каштелянии*, или *поветы*. Во главе поветов стояли королевские наместники, так называемые *каштеляны*, представлявшие в своём лице на местах неограниченную королевскую власть; они были судьями, сборщиками податей и командующими местными войсками. В качестве помощников при королевских наместниках состояли: *судья*, *скарбник* (казначей) и *коморники* (судебные пристава и полицейские чиновники). Каштелянии, или поветы, делились на *ополя*; во главе каждого ополя стоял *жупан*, или *пан*. Административным и военным центром каштелянии был *грод*, укреплённый пункт (русск. «город», лат. *castellum*). Все названные выше должностные лица составляли армию королевских *урядников* (польск. *urzednik*), т.е. чиновников, королевскую бюрократию, состоявшую на службе и иждивении короля. Представителями высшей бюрократии были: *вогвода*, заместитель короля по верховному командованию армией во время войны; *канцлер*, заведовавший королевской канцелярией, и целый ряд придворных чинов: *чашники*, *стольники*, *конюшие*, *ловчие*, *скарбники*, *коморники*.

217. Фридрих Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1932, стр. 107 и сл.

При короле состоял рыцарский отряд его личной охраны. Королевское же войско было размещено по городам и в лагерях. Оно делилось на полки (по тысяче человек в каждом), на сотни и на десятки, а по вооружению – на рыцарей панцирных, носивших в качестве военного обмундирования шишак и кирасу, т.е. панцирь, и вооружённых копьём (oszeper, «ощеп») и мечом, а также на рыцарей щитовников, вооружённых деревянными щитами и копьями. Как армия чиновников, так и дружина и войско содержались на средства короля. Основным источником этих средств королю служили массы трудового народа, так называемые кмети (польск. kmieć), т.е. крестьяне. Польское крестьянство в это время пользовалось личной свободой, землёй и правом свободного передвижения, за что вносило в королевскую казну плату в виде целого ряда поборов: поральное, подымное, подворовое, ссыпное (ser) – с урожая хлеба, «нарез» (narraz) – со скота для королевского стола; «стража», или сторожевое (stróza), – на содержание военного гарнизона; при разъездах князя (короля) или его урядников крестьяне обязаны были поставлять перевозочные средства – лошадей (podwoły) и возы (rowóz) и перевозить багаж короля и всей его своры (przewod), а на остановках доставлять им продукты питания (stan, stacya, stanowisko, nastawa).

Уже князь Мешко (по-русски «Медведь»), он же Мечислав I, выступает в истории как владетель огромной территории, доставшей ему по наследству от отца Земомысла, обнимавшей земли полян, серадзян, ленчан, кувявов, мазуров, белых и чёрных хорватов в Карпатах. На западе владения этого полянского, или польского, князя доходили до Одры, на юге они граничили с Чехией, на востоке с ятвягами и Русью, на севере с поморскими славянами (поморяне) по левой стороне Вислы и с пруссами – по правой. Однако в военном отношении Польша в это время оказалась не настолько ещё окрепшей и организованной, чтобы выдержать натиск своего мощного западного соседа – германцев, и Мешко, разбитый маркграфом Героном, наместником северо-восточной германской провинции (марки), принужден был признать ленную зависимость Польши от Германии (**Оттон I**). В предупреждение худших для себя последствий от возможных дальнейших нажимов на Польшу со стороны германцев он поспешил принять христианство (966) по латинскому обряду, а два года спустя, в 968 г., организовал по тем же соображениям и познанское епископство, подчинённое магдебургскому архиепископству, созданному Оттоном I для укрепления своих политических позиций в среде вновь обращённых в христианство полабских славян. Угрожаемый постоянно со стороны западного соседа и недостаточно ещё обеспеченный внутри страны в обстановке напряжённой племенной борьбы, Мешко боролся за своё самосохранение, имея руки развязанными для любого маневрирования, и, заключая

союзы то с немцами, то с полабскими славянами, легко изменял и тем и другим, смотря по тому, на чьей стороне в данный момент оказывалась сила и с кем ему именно в данный момент было выгоднее поддерживать союзнические отношения. Во всяком случае, он так же энергично вместе с немцами выступал против полабских славян, как не менее энергично боролся вместе со славянами же против немцев. Словом, в своей внешней политике и в международных отношениях он действовал смотря по обстоятельствам.

В тех же целях самосохранения он старался заключать родственные союзы с соседними государями, причём по тем же, очевидно, соображениям выдавал дочь **Зигфриду** три раза замуж: сначала за шведского короля **Эриха**, потом за норвежского **Олафа** и, наконец, за датского **Свена**. *«Стараясь извлечь выгоду из каждой смуты в Германии, – говорит о Мешке польский историк, – он покидал друзей в нужде и соединялся с их врагами. Когда по смерти Оттона I вспыхнула война между кандидатами на трон – сыном покойного Оттоном II и Генрихом баварским – Мешко поддерживал последнего, но лишь до тех пор, пока первый не одержал верх. Покорившись Оттону II, Мешко не сохранил верности его потомку. Как только по смерти императора вспыхнула новая война за престол между его малолетним сыном Оттоном III и Генрихом баварским, Мешко вторично изменил саксонской династии. И лишь тогда, когда Оттон III вышел из борьбы победителем, Мешко принёс ему ленную присягу, обещал дружбу и подарил верблюда».* Характеризуя в приведённых выше словах политику Мешко, польский историк говорит о его благоразумии и предусмотрительности.²¹⁸ Во всяком случае, незадачливые далёкие преемники князя Мешка, господа Мосьцицкие, Пилсудские и Беки в своей международной политике были не менее «благоразумны» и «предусмотрительны», однако из этого ничего не вышло, очевидно потому, что в своё время они не догадались подарить западному соседу верблюда. Жить бы им во времена Мешка, когда верблюды имели успех!

Перед смертью «благоразумный» Мешко разделил свои владения между сыновьями от двух своих жён: первой – **Дубровки**, дочери чешского князя Болеслава I, и второй – **Оды**, бывшей монахини, которую он выкрал из монастыря. Старший сын его Болеслав Храбрый, получив в свои руки власть, немедленно ликвидировал «благоразумие» отца тем, что изгнал из своих владений младших братьев с их матерью Одой, а доставшиеся им по наследству от отца владения присоединил к своим землям. Затем, заключив союз с киевским князем **Владимиром** и признав свою зависимость от Германии, которую он усердно поддерживал в её наступлении на полабских и прибалтийских славян, обеспечив себе таким образом восточный и западный тыл, Болеслав завоевал поморских славян. Через христианских

218. См. Влад. Грабеньский. История польского народа. СПб, 1910, стр. 12.

миссионеров он стал нащупывать почву для овладения землями пруссов; захватил ряд соседних с Польшею чешских владений на юге; организовал в Гнезне с разрешения Германии польское архиепископство, что положило начало независимости Польши от Германии в церковном отношении; получил корону непосредственно из рук германского императора и титул патриция римского народа, что, однако, не давало ему политической независимости: захватил земли соседивших с Польшею вдоль её западных границ сербов-лужичан и мильчан и, воспользовавшись внутренними неурядицами в Чехии, пытался присоединить Чехию к Польше. Захватническая политика Болеслава, приведшая к значительному расширению территории владений Болеслава, и, в частности, его вмешательство в чешские дела привели польского князя к вооружённому столкновению с Германией, которое тянулось в течение 14 лет и закончилось в 1018г. миром и договором о взаимопомощи с Германией, по которому в руках Болеслава остались Лужицы, область мильчан и Моравия.

Заключив мир с Германией и подкрепив свои силы немецкими войсками, Болеслав поспешил в Киев на помощь своему зятю **Святополку Владимировичу**, который, убив своих младших братьев **Бориса** и **Глеба**, захватил в это время в свои руки киевское княжество, но был изгнан из Киева братом **Ярославом Новгородским**. Болеславу удалось овладеть Киевом и посадить на киевский стол Святополка. Пробыв в Киеве одиннадцать месяцев, Болеслав вернулся в Польшу, разграбив по дороге Червонную Русь (Хорватию) в Карпатах, и в 1025 г., без санкции римского папы и германского императора, был самочинно коронован гнезненским архиепископом, чем формально утвердил свою политическую независимость от Германии.

Разбухшая в результате насильственных захватов Болеславом чуженациональных территорий, Польша расплзлась по швам и распалась тотчас же после смерти Болеслава, при его сыне **Мешке II** (1025–1034). Венгерский король **Стефан** отнял у польского князя подкарпатскую Словакию; датский **Канут**, прозванный **Великим**, занял Поморье; чешский **Бжетислав I** отнял Моравию; великий князь киевский **Ярослав Мудрый** воссоединил с Киевской Русью отторгнутую от неё поляками Червонную Русь; германский император **Конрад II** – Лужицы и область мильчан.

После смерти Мешка II, ввиду малолетства его сына **Казимира**, Польша вступила в полосу бескоролья (1034–1040). Государством управляла мать Казимира, **Рихеза**, племянница **Оттона III**. Эти годы бескоролья отмечены в истории Польши первою народною революцией, массовым восстанием наиболее угнетённых классов польского общества, рабов и кметей, страдавших от невыносимой эксплуатации и непосильных королевских поборов. Веками накопившийся народный гнев вылился, наконец, в форму беспощадного погрома не только непосредственных народных насильников и экс-

плуататоров – чиновников, рыцарей и ксендзов, но и всего, что так или иначе носило на себе печать эксплуатации и насилия: городов, костёлов и самого христианского культа, отказываясь от которого, народ возвращался к старым культовым традициям родового строя – к язычеству. Восстание рабов и кметей приняло широкие размеры и внесло значительное расстройство в государственную жизнь монархической Польши. Вдовствующая королева с сыном бежала в Германию, где нашла себе приют у Генриха III. В среде племенной знати возродились старые традиции племенного сепаратизма, насильственно придушенные в своё время грабежом и разбоями польских князей и парализованные монархией Пястов. Страна подверглась нападению Бжетислава Чешского, который взял города Краков, Теч и Гнезно и угрожал полным завоеванием Польши, чему помешало вмешательство Генриха III в пользу Польши.

С помощью немецких войск Казимир вернулся в Польшу, задушил народное восстание и вступил в исполнение своих наследственных княжеских прав (1040–1058). Обеспеченный со стороны Чехии поддержкою Генриха III, Казимир женился на дочери Ярослава Мудрого, **Марии Добронеге**, и этим родственным союзом укрепил свои позиции и на востоке, что дало ему возможность воссоединить с Польшею отложившуюся от неё Мазовию. Он занялся реставрацией пошатнувшейся за годы народного восстания монархической Польши и её хозяйства, ввиду чего был окрещён феодальными историками именем «Реставратора» и «Обновителя» Польши, хотя никакого обновления в государственную жизнь Польши он, по существу, не внёс: он восстановил рабовладельческий аристократический монархизм со всеми связанными с ним привилегиями эксплуататорских классов и укрепил бесправие трудовых масс польского народа.

Внешние политические обстоятельства содействовали усилению монархического деспотизма преемника Казимира – его сына **Болеслава**, прозванного **Смелым** или **Щедрым** (1058–1080). **Генрих IV** был занят борьбою с папою **Григорием VII**; Чехия, Венгрия и Россия переживали внутренние неурядицы на почве борьбы князей за уделы. Это дало Болеславу Смелому возможность путём военных вмешательств в династические распри укрепить своё влияние в Венгрии поддержкою князя **Белы** и его потомков против его брата **Андрея** и его потомков; в Чехии – поддержкою **Яромира** против брата **Братислава**; на Руси – поддержкою изгнанного из Киева великого князя **Изяслава** и захватом в 1069 г. Киева. Ловя в мутной воде рыбу, Болеслав создал себе в международном окружении известный политический авторитет решающего фактора, в чём сам он был убеждён, по-видимому, больше всех, ввиду чего занял вызывающую позицию по отношению к своему защитнику и опекуну **Генриху IV**, которому был обязан и своим тронem и всеми своими успехами. **Генрих IV** объявил Болеслава бунтовщиком и

лишил его престола. В ответ на это Болеслав в 1076 г. устроил себе торжественную коронацию. Это, однако, не спасло его от печальной развязки.

Упоенный внешними головокружительными успехами, питавшими его честолюбие, Болеслав не доглядел того внутреннего взрыва, который он сам же подготовлял себе своим деспотизмом. Положение в стране приняло настолько острый характер, что стало невыносимым даже для его ближайших сановников-аристократов, привыкших обыкновенно к покорному раболепию перед королевскою властью и из личных выгод, которые давала им преданная служба королю, содействовавших укреплению королевского деспотизма. Военный авантюризм Болеслава становился им, очевидно, невмоготу. Против короля организовался заговор во главе с его младшим братом **Владиславом Германом**, поддержанным сановниками в лице воеводы **Сецеха** и Краковского епископа **Станислава** из Щепанова. Заговор был раскрыт. Со зверской жестокостью Болеслав расправился с заговорщиками; епископа Станислава он собственноручно изрубил в куски. Но это не спасла положения. Оппозиция оказалась настолько сильною, что Болеслав принужден был сложить оружие и бежал за границу.

После бегства Болеслава польский престол занял его брат **Владислав I Герман** (1080–1102). Будучи ставленником оппозиции, свергнувшей с престола Болеслава, Владислав оказался всецело в руках воеводы Сецеха, который пользовался им как орудием для достижения своих целей. Основная цель Сецеха и его ближайшего окружения была направлена к ликвидации династии Пястов и к замене её новою, своей собственной династией. Осуществить свои замыслы Сецеху и его партии, однако, не удалось, потому что и Пясты имели в стране, сильную группу своих сторонников. При их поддержке сыновья Владислава I, **Збигнев** и **Болеслав**, подняли против отца и воеводы Сецеха восстание, в результате которого Сецех был изгнан из Польши, а Владислав, сохранив за собою верховную власть, разделил государство между Збигневом и Болеславом, отдав Збигневу в удел Великую Польшу (земли полян) и Мазовию, а Болеславу – Малую Польшу (Краков) и Силезию.

После смерти Владислава-Германа между братьями начались раздоры и борьба за верховную власть, в результате которой интриговавший против брата Збигнев лишился своих владений. Болеслав, прозванный **Кривоустым** (1102–1138), присоединил удел брата к своим владениям и единолично управлял объединённым королевством, а перед смертью поделил свои владения между сыновьями, установив в Польше ту же систему престолонаследия, построенную на принципе сеньората, т.е. старшинства в роде (удельная система), которая в это время уже действовала на Руси (Ярослав Мудрый, 1054) и в Чехии (Бжетислав I, 1055).

Глава IV

ПЕРВОЕ БОЛГАРСКОЕ ЦАРСТВО

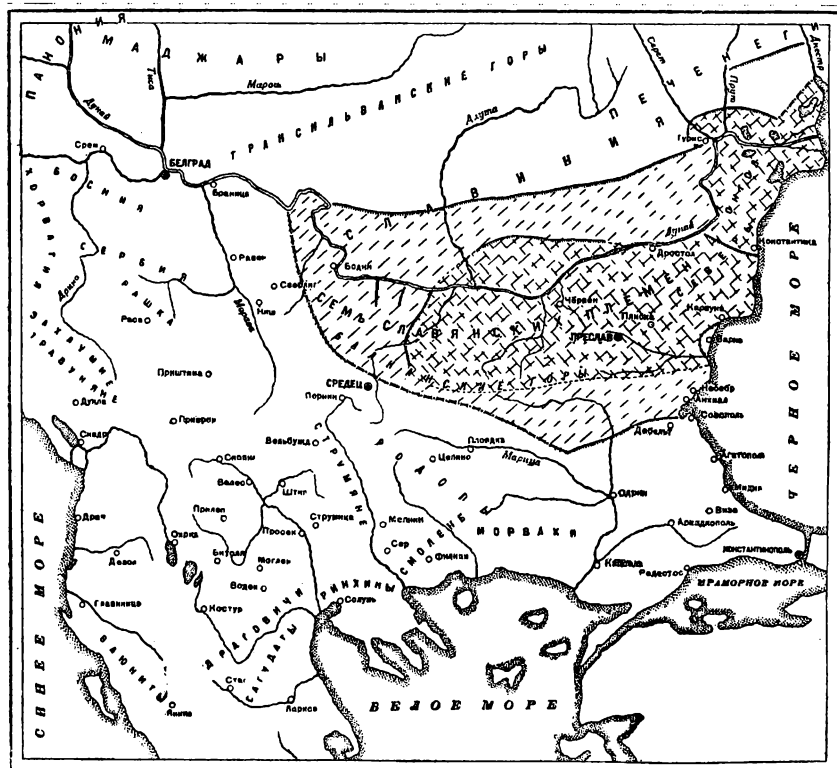
(679–1018)

В 1866 г. русский учёный А. Попов открыл интересный документ, написанный на русском языке с сохранением в тексте слов и выражений на каком-то загадочном языке. Этот документ оказался списком или именником первых болгарских князей с древнейших времён до 765 г.²¹⁹ и представляет собою очень ценный документ, позволяющий восстановить с большою точностью хронологические даты правления болгарских князей до **Аспаруха**, но особенно начиная с Аспаруха и его ближайших преемников. До Аспаруха в этом списке названы болгарские князья или ханы: **Авитохол**, **Ирник** – оба из династии Дуло; **Гостун** – из рода Ерми; **Курт**, **Безмер** – из той же династии Дуло. «**И потом**, – читаем мы в списке, – **приде на страну Дуная Исперих князь тожде и доселе**». А затем следует продолжение списка, составленное после Аспаруха при одном из его преемников, в котором названы: **Исперих** из династии Дуло (сын Курта, или Куврата, см. выше), вступивший на болгарский престол, согласно расшифровке проф. Златарского, в течение 642 г. и переправившийся через Дунай в 660 г., **Тервель** из той же династии; **Севар** – то же; **Кормисош** – из рода Вокиль; **Телец** из рода Угаин; **Умор** из рода Укиль (Вокиль); **Винех** – то же; год вступления на болгарский престол Винеха, последнего из князей, поименованных в списке, – 765–766 н.э.²²⁰

Заклучив в 679 г. мирный договор с Византией (**Константин IV Погонат**) и установив, согласно договору, границы своего государства, Аспарух тем самым юридически оформил международное признание вновь возникшего на византийской территории болгарского государства как самостоятельной, независимой державы. Этот договор Константина IV с «варварами» не пользовался популярностью в византийском обществе, и ближайший преемник Константина IV, его сын **Юстиниан II** (685–711), попытался нарушить договор с бол-

219. См. *А. Попов*, Обзор хронографов русской редакции. М. 1866, I, 25 и сл.; проф. *В.Н. Златарски*, История на българската държава през средните векове, I, ч. I, София. 1918, стр. 219, 226 и сл., 379–382 и др. Отдельные загадочные неславянские слова и выражения в этом списке пытались расшифровать: Гильфердинг, Иречек, Куник, Радлов, Гези Куун, Вамбери, проф. Кембриджского университета Вугу, проф. В.Н. Златарский.

220. *В.Н. Златарский*, Болгарское летоисчисление. «Изв. Отд. русск. языка и словесности ИАН», т. XVII (1912), кн. 2; см. его же, Имали ли са българите своё летоброение? «Списание на Бълг. Акад. на науките», т. I, I (1911), стр. 16–24.

Болгария в VII-VIII вв.

гарами и с этой целью предпринял поход против Болгарии, но в одном из балканских походов был разбит болгарами и едва сам лично успел спастись бегством.

Свергнутый вскоре после этого с престола, он обратился за помощью к преемнику Аспаруха, князю **Тервелю** (702–719), пообещав ему богатые подарки и свою дочь в жены, если только он поможет ему вернуть престол. Тервель пошёл навстречу просьбе Юстиниана и в 705 г. неожиданно для византийского правительства явился со своим войском, составленным «из болгар и славян», к самым стенам византийской столицы. В результате этого военного выступления Тервеля Юстиниан был восстановлен на престоле, Тервель же всемерно получил от византийского императора царскую мантию, был провозглашён кесарем. Кроме того, он получил дополнительный прирезок византийской территории к своим владениям по ту сторону главного Балканского хребта, так называемую Среднегорскую область с плодороднейшими долинами по р. Тунже (Туловско

поле) и притокам р. Марицы, известную впоследствии под именем Загорие, и в 706 г. с богатыми подарками вернулся в Болгарию. В официальных документах византийского правительства Тервель после этого стал именоваться титулом «канасивиги», т.е. великий князь. Византийское правительство не могло, однако, мириться с создавшимся положением вещей и ещё раз после этого попыталось ликвидировать «варваров», но и на этот раз болгарам удалось нанести византийской армии сокрушительный удар. В Византии наступили внутренние неурядицы, чем воспользовался Тервель, дважды в это время опустошивший византийские владения, и византийское правительство вынуждено было заключить с Тервелем в 716 г. новый, выгодный для Болгарии, договор, который оставался в силе в течение всего правления **Льва III (717–741)**.

При ближайших приемниках Тервеля (Кормисош, Винех, Телец, Сабин, Умар, Телериг, Кардам), начиная с 735 г. и вплоть до вступления на болгарский престол **Крума (802–815)**, Болгария становится жертвою сложных внутренних неурядиц, связанных с борьбою партий в среде боярства (бойлы). Она переживает несколько династических переворотов, чем искусно пользуется византийское правительство, стараясь частью интригами в среде болгарского боярства, частью непрерывными военными мероприятиями, наконец – всемерным разжиганием национальной славяно-болгарской розни внутри княжества максимально ослабить его политическую и военную мощь. Тем самым оно старалось окончательно добить своего ненавистного соседа и узурпатора византийской территории, имеющего перед собою огромный резерв славянского населения на полуострове для дальнейшего расширения своих владений и укрепления своего политического влияния и своей мощи, угрожавших самому существованию империи. В связи с этим стоит и «славянофильская» политика византийского правительства, выражавшаяся, в частности, в законодательной реформаторской деятельности императоров Исаврийской династии, в издании так называемой эклогии земледельческого закона (*Nomos georgicos*). Последний заведомо был рассчитан на укрепление византийского влияния в среде славянского населения на полуострове в целях противодействия успехам славянской объединительной политики болгарского правительства. Однако все усилия раздираемой внутренними классовыми противоречиями, угрожаемой на востоке со стороны арабов и разлагавшейся теократической империи парализовать политические успехи Болгарии и остановить её дальнейшее наступление на византийскую территорию были тщетным. «Варварская» Болгария во главе с такими выдающимися для своего времени государственными деятелями и полководцами-завоевателями, как Крум (802–815), Омортаг (815–831), Борис-Михаил (852–888) и Симеон (893–927), продолжала с каждым годом расширять свою территорию на полуострове за счёт византийских владений и укреплять политическую и военную мощь.

КРУМ (802—815)

Когда вождь франков **Карл**, прозванный **Великим** (768—814), объединив под своею властью все германские племена и создав таким образом обширное государство, ликвидировал на территории Паннонии последние остатки аварской державы, **Крум**, поддерживавший добрососедские отношения с аварами, занял принадлежавшие аварам юго-восточные районы Венгрии, а также область Банат, заселённые аварами и славянами, и таким образом Болгария на Тиссе и Саве вступила в непосредственное соприкосновение с великой

Болгария при Круме и Омортиче (начало IX века)

державой франков и значительно усилила свои территориальные и военные ресурсы. С другой стороны, новые территориальные приобретения Болгарии на северо-западе лишали Византию непосредственной сухопутной связи с Западом, т.е. наносили серьёзный удар по её экономическим интересам, что, по-видимому, и явилось главной причиной того, что византийское правительство нарушило свой мирный договор, заключённый императрицей **Ириной** с предшественником Крума – **Кардамом**, а новый император **Никифор I** (802–811) в 807 г. открыл военные действия против Крума. Начиная с этого времени, болгарско-византийские отношения при Круме носят исключительно напряжённый характер и протекают в обстановке жесточайших военных столкновений, ужасающего взаимоистребления массового мирного населения, кровавых погромов, грабежей, причём «культурные» византийцы в этом отношении ничем не уступают «варварам» Крума. В одном из бесконечных военных столкновений с византийской армией, которыми наполнено все правление Крума, чаще всего при этом не по инициативе последнего, 26 июля 811 г. болгары нанесли византийцам поражение, какого до тех пор ещё не знала история Византии. Командующий византийской армией император Никифор был убит в бою, все его военачальники уничтожены. Болгарам досталась огромная военная добыча.

По преданию, Крум насадил голову Никифора на копё, а затем приказал череп его оковать в серебро и в дни больших торжеств пил из этой чаши здравицу за своих славянских бояр и им предлагал пить из неё же. Однако Крум был не только варваром-завоевателем, жившим захватническими устремлениями, грабежом и насилиями, приносившими ему огромные доходы; он был вместе с тем и хорошим организатором своего далеко ещё внутренне не окрепшего и не благоустроенного государства. Он привлекал к себе на работу иностранных специалистов, вроде арабских военных инженеров и греческих финансистов и т.п.; ему же предание приписывает и широкую законодательную деятельность, направленную к урегулированию внутренней политической и общественной жизни страны.

ОМОРТАГ (816–831)

После смерти Крума и кратковременного, в течение нескольких месяцев, правления его преемника **Цоко**, свергнутого с престола и убитого партией Крума, на престол был возведён сын Крума, знаменитый впоследствии «канасивиги», как величают его надписи, **Омортаг**, или **Мартагон** (815–831), ещё более расширивший границы Болгарии за счёт византийской территории, основавший в 821 г. новую столицу **Преслав** и оставивший после себя целую библиотеку надписей на камнях и на колоннах, в которых Омортаг говорит о своих успехах и достижениях. Заключив с Византией тридцатилет-

ний мирный договор, Омортаг обратил все своё внимание на северо-запад и северо-восток своих владений. На северо-западе подвластные ему племена – тимочане, кручане и бодричи, угрожаемые наступлением на них с севера франков (**Людовик Благочестивый**, 778–840), стали добровольно переходить под власть франков; на северо-востоке, в Валахии и в Бессарабии, болгарские владения стали тревожить угры. Попытка Омортага договориться с Людовиком и уточнить государственные границы не увенчались успехом: Людовик не ответил на соответствующее приглашение Омортага, и последнему пришлось разрешать этот вопрос военными средствами, т.е. походом по Драве в свои северо-западные владения. В конце концов, Омортагу пришлось отказаться от части своих владений на крайнем северо-западе, в Посавской Паннонии, удержав, однако, за собою города Сирмиум (теперь Срем) и Сингидунум, получивший с этого момента имя Белград. Эти районы оставались во владении Болгарии вплоть до 1018 г., когда так называемое Первое болгарское царство, сломленное, наконец, Византией, прекратило своё существование и было превращено в византийское наместничество.

БОРИС-МИХАИЛ (852–888; ум. 907)

С именем князя **Бориса**, или **Богориса**, связывается крупнейшее событие в истории болгарского народа, которое внесло существенные изменения во внутреннюю жизнь болгарского общества и в международное положение Болгарии и заложило основы её новой культурной жизни и новых политических отношений. Этим событием было *принятие Борисом христианства по византийскому обряду*.

Уже с первых веков своего поселения на полуострове языческая славянская масса столкнулась здесь с христианством, которое стало распространяться на полуострове начиная с II в., а в IV веке в городе Сердице (София) уже был созван и духовный собор (343), что говорит об успехах, достигнутых к этому времени христианской пропагандой в этих районах Римской империи. В это же время христианская догма была объявлена господствующей религией в Византийской империи (**Константин Великий**), ибо к этому времени эта догма фактически была, очевидно, уже господствующей среди местного населения, в том числе, несомненно и среди известных кругов славянского населения на полуострове. Таким образом, в то время как высшие классы болгарского общества (Крум, Цоко, Омортаг) оставались язычниками и боролись с христианской пропагандой, видя в ней византийскую интригу, угрожающую существованию Болгарии, известные круги славянского населения в значительной своей части формально уже были христианами, т.е. культурно, а стало быть, и политически уже были втянуты в сферу византийского влияния.

Болгария при Борисе-Михаиле (852-888 гг.)

К IX в. Болгария уже представляла собою крупную политическую единицу, активно выступавшую на арене международных отношений. С нею ищет союза моравский князь **Ростислав** в своей борьбе с **Людовиком Немецким**; с нею же ищет союза и Людовик Немецкий, мечтавший о захвате Моравии. Последнему удаётся привлечь Бориса на свою сторону, но, чтобы ещё более тесно связать союзные узлы, он настаивает перед Борисом в 862 и 863 гг. на принятии христианства. Вопрос о принятии христианства в эту эпоху для правящих классов Болгарии был, прежде всего, вопросом политическим. Современное международное право великих держав нетерпимо относилось к политическим организациям, где ещё сохранялся

языческий культ: оно отказывало им в признании, отрицало легальность их существования, рассматривало их как налетчиков и узурпаторов. Для молодого, развивающегося и крепнущего политического организма, каким в это время была Болгария, такое положение в области международных отношений было невыносимо: оно мешало естественному развитию организма.

В то время как Людовик немецкий через голову Ростислава моравского вступил в сношения с Борисом, имея в виду вовлечь его в союз для нажима против Моравии, Ростислав моравский, с своей стороны, через голову болгар вступил в сношения с Византией, в результате чего в 863 г. византийским правительством была отправлена в Моравию специальная миссия с культурно-просветительными заданиями во главе с известными солунскими братьями – **Константином (Кириллом)** и **Мефодием**, из которых первый был не только выдающимся учёным, но и одним из выдающихся византийских дипломатов. Таким образом болгарский тыл оказался бы весьма небезопасным на тот случай, если бы Людовик вздумал осуществлять своё намерение захватить Моравию. Мало того, пока Людовик собирался прибрать к рукам Моравию, Византия неожиданно в 863 г. предприняла наступление против Бориса, вынудив его просить мира, а в 865 г. Борис принял христианство от Византии, объявив его государственной религией: этого требовали внешние и внутренние политические интересы болгарского князя.

Нельзя, однако, думать, чтобы сторонники германского влияния в правящих болгарских кругах могли спокойно отнестись к своему поражению и победе своих противников, византийско-славянской партии. По всем вероятностям, они пели определённую интригу, требовали пересмотра дела, доказывали необходимость для Болгарии союза с Людовиком именно, а не с Византией, с которой у них ещё не все счёты были сведены и на которую у болгар имелись свои виды.

Несомненно также и то, что эту оппозицию составляло старое болгарское боярство, потерпевшее, вместе с принятием христианства, поражение и в борьбе за своё политическое преобладание и ограничение княжеского абсолютизма. В этой сложной политической обстановке Борис (в христианстве – **Михаил**) по секрету от Византии в 866 г. неожиданно обратился к римскому папе с просьбой, чтобы тот изложил ему основы истинного христианского учения, разрешил бы вопрос о болгарском патриархате, дал бы руководство в гражданских делах и выслал бы ему духовных лиц, которые наставили бы его народ. С аналогичною же просьбой он обратился одновременно и к Людовику Немецкому.

Рим, заинтересованный в том, чтобы захватить Балканский полуостров в сферу своего влияния, охотно пошёл навстречу Борису. Однако, когда Борис потребовал конкретного разрешения интересовавших его вопросов, в частности – вопроса об организации церковного управления, Рим стал вести себя весьма уклончиво, не скрывая

тенденции сосредоточить светскую власть в своих руках. В 870 г., воспользовавшись заседавшим тогда в Константинополе церковным собором, Борис провёл вопрос через этот собор, который решил дело в пользу подчинения Болгарии в церковном отношении Византии. Немедленно после этого, невзирая на протест папских легатов, византийский патриарх **Игнатий**, по соглашению с Борисом, назначил для болгарской церкви особого архиепископа. Таким образом болгарский князь Борис-Михаил получил, в конце концов, то, что отвечало его стремлениям к упрочению международного положения Болгарии как самостоятельного государства, к укреплению абсолютизма во внутреннем управлении и к установлению добрососедских отношений с Византией.

Акт принятия Болгарией в IX в. христианства от Византии определял собою дальнейшее направление и характер её культурно-политического развития. Как в организации внутреннего управления, так и во всём быту, в искусстве и литературе господствующих классов правящая Болгария имела для себя высшим образцом и непререкаемым авторитетом Византию, её организацию власти, быт её двора, её церковность, её искусство и литературу. К этому образцу она тянулась, ему она подражала, его она воспроизводила в мелочах для того, чтобы, сравнившись с ним, состязаться с ним же в борьбе за первенство власти.

С именем князя Бориса-Михаила в истории болгарской культуры, помимо принятия христианства, связывается ещё два крупных события, имевших в своё время большое культурно-общественное значение. Во-первых, это приглашение Борисом к себе моравских учеников знаменитого в истории славянской книжности и просвещения моравского учителя Мефодия – **Климента, Наума, Ангелария** и др., которые, преследуемые после смерти своего учителя (885) его преемником **Вихингом**, принуждены были бежать из Моравии и, переправившись через Дунай, попали в пределы тогдашней Болгарии, в Белград, откуда наместником болгарского князя **Боритаканом** были направлены к Борису. Борис использовал этих образованных пионеров славянской грамоты и просвещения в своих культурно-политических целях, назначив, между прочим, Климента – организатора, проповедника и писателя – на должность учителя в Кутмичевицу в Охридской области (Македония), где он и умер в 916 г. в сане епископа Величского, оставив после себя целый ряд литературных трудов, имевших крупное культурно-историческое значение.

Во-вторых, при болгарском князе Борисе был переведён на славянский язык византийский сборник законов, известный под именем «Номоканон», или «Кормчая книга», первый писанный свод законов, наставлений и правил церковного и светского характера.

При Борисе-Михаиле территория болгарского царства расширилась ещё больше сравнительно с территорией Болгарии при Оморта-

ге. В неё входили теперь, между прочим, вся Македония за исключением её юго-западной части с г. Солунью, а также сербские области Призрен, Ипек и Рашка.

В 888 г. Борис-Михаил отрекся от престола в пользу старшего своего сына **Владимира** и по обычаю того времени «удалился на покой» в монастырь. Но когда его сын обнаружил намерение восстановить права старого язычества, он арестовал Владимира, ослепил его и заключил в тюрьму, а вместо него посадил на престол младшего своего сына **Симеона**, после чего вновь удалился в монастырь, где принял схиму и скончался 2 мая 907 г.

СИМЕОН (893–927)

Получив воспитание при византийском дворе, **Симеон** своими глазами видел, наблюдал и проникался «свечаями и обычаями» византийского абсолютизма, видал его пышный церемониал, его дворцовую роскошь и богатство, золото и пурпур, его искусство и науку, и по настроению стал истым византийцем. Эта школа сослужила Симеону хорошую службу, когда он взошёл на болгарский престол и повёл непримиримую, агрессивную политику против своего же учителя, Византии.

Все устремления Симеона во внешней политике были направлены в основном к захвату Константинополя и византийского престола. Действуя как искусный полководец и тонкий дипломат, Симеон, с одной стороны, ведёт непрерывные войны с Византией (894, 896, 904, 913, 920–924), значительно расширяет границы старой болгарской державы, доходившей теперь на юго-востоке почти до самых стен Константинополя (Визе, Люле-Бургас, Эскибаба, Родосто), на юге охватывавшей Димотику, Серес, Македонию и Албанию, на западе – побережье Адриатического моря и старосербскую область Рашку; объединяет под власть болгарской государственности целый ряд новых славянских племён и областей. С другой стороны, в своей агрессивной захватнической политике он впервые сталкивается со своим западным соседом, славянскими племенами сербов, сидевшими в области между реками Ибар и Лим. К IX в. Симеон уже образовал здесь вокруг себя первую независимую Сербскую державу, которая хотя и входила в состав Симеоновой Болгарии, но неохотно мирилась с этим положением вещей, стремясь свергнуть с себя болгарское великодержавное иго, что сербам и удалось сделать в 924 г., когда они нанесли поражение болгарским войскам и отстояли свою независимость.

Занять византийский престол Симеону, однако, так и не удалось, но свои военные и политические успехи он завершил провозглашением себя в 925 г. «Вазилевсом», т.е. *«царём, цесарем и самодержцем всех болгар и ромесв»*, и стал официально титуловаться: *«во Христа бога благоверный царь и самодержец всех болгар и греков»*.

Этот титул, хотя бы номинально приближавший положение болгарского князя к роли и положению византийского императора, интересен, в частности, в том отношении, что он показывает, что в конце IX и в начале X в. балканские славяне, вошедшие с VII в. в состав болгарской державы и составлявшие её коренное и основное массовое население, известные при первых болгарских князьях византийским историкам всегда под именем *славян* наряду с другим упоминаемым ими же этническим именем *болгар*, очевидно уже утратили своё старое племенное имя – *славяне* и получили имя своей политической организации, т.е. имя *болгар*. Другими словами, болгарская государственность передала своё имя и своему неболгарскому, славянскому населению, так что «болгарин» во время Аспаруха и его ближайших преемников (VII–VIII вв.) означал ещё именно *болгарина аспаруховой дружины*; в конце же IX в. это имя уже *означает* славянина болгарского *государства*, которое к этому времени и по культуре и по языку было уже славянским государством.

Что касается внутренней политики царя Симеона, то она органически вытекала из его основного стремления к захвату Византии, диктовавшемуся политическими и хозяйственными интересами господствующих классов болгарского общества. Для того чтобы подготовиться в международном масштабе признание захвата византийского престола, Симеон должен был озаботиться тем, чтобы и в культурном отношении он был равным Византии так же, как он был равен ей своей территорией и своими политическими успехами. Византия была центром науки, искусства, литературы. И Симеон, получивший хорошее литературное образование при византийском дворе, создаёт у себя при болгарском дворе славянский литературный центр, сам занимается литературою, по выражению византийского патриарха Николая, «ежедневно напоая свою душу живоносною водою учения и любознательно перечитывая книги древних»; переводит избранные сочинения византийских (греческих) авторов на славянский язык, вроде, например, **Иоанна Златоуста** (Златоструй, «Симеонов сборник»); поручает ряд литературных работ другим лицам, поддерживая всячески литературную и культурно-просветительную работу у себя в Болгарии. При Симеоне развивают свою большую литературную деятельность уже названный нами выше Климент, один из образованнейших людей своего времени, затем пресвитер **Константин**, экзарх **Иоанн** («Шестоднев»), черноризец **Храбр** («О письменах») и др. Это литературное движение, характеризующееся в истории славянских литератур обычно как «золотой век» славянской письменности, легло в основу последующего литературного развития у всех славян на востоке и западе и создало из Болгарии своего рода колыбель славянской литературы и образованности.

Кроме того, некоторыми учёными (Зигель, Флоринский) инициативе Симеона приписывается издание компилятивного сборника законов, известного под именем «Закон судный людем», хотя болгарский

учёный проф. С.С.Бобчев склонен отнести составление этого юридического памятника скорее к предыдущей эпохе, к эпохе Бориса.

Верный византийским традициям своего родителя и сам убеждённый «византиец», Симеон завершил укрепление своей власти, лишив феодалов права наследования в своих областях и введя взамен наследственного права назначение верховною властью на должности жупанов доверенных лиц, вследствие чего полунезависимые феодалы превратились в провинции, во главе управления которых стояли местные органы центральной правительственной власти. Таким образом, в начале X в. Болгария по своему государственному, политическому и социальному строю, а равно и по культуре господствующих классов, представляла собою приближение к Византии с её абсолютизмом, с господством светского и духовного чиновничества и знати, с закабалённым, угнетаемым и разорённым непрерывными войнами массовым населением.

По мере того, как крепла мощь господствующих классов и официальная Болгария все более и более превращалась в маленькую Византию с большими претензиями занять место разлагавшейся и умиравшей большой Византии, все более и более росла и углублялась пропасть между высшими правящими классами и народом, между официальными государственностью и церковностью, с одной стороны, и народным сознанием – с другой. Это непримиримое противоречие послужило основой, на которой развилось и вспыхнуло в Болгарии в её народных низах при ближайшем преемнике Симеона – **Петре** (927–969) огромное революционно-рационалистическое движение, известное под именем *богомильства*.

ПАДЕНИЕ ПЕРВОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА

Блестящие успехи Симеона в области внешней политики, блеск его двора и богатства духовной и светской правящей знати, купленные дорогою ценою крови и разорения народа, не обеспечивали устойчивости и прочности полуфеодалной болгарской державы, и со смертью царя Симеона начинается процесс её быстрого упадка и разложения.

Преемником Симеона на болгарском престоле явился второй из его сыновей, кроткий, богобоязненный и миролюбивый **Пётр** (927–969). Старший, **Михаил**, по неизвестным причинам был отстранён от престола и пострижен в монахи. Ввиду молодости Петра в качестве советника и руководителя Симеон приставил к нему его дядю **Георгия Сурсовула**. Эти обстоятельства, по-видимому, сослужили роль стимула к развитию в правящих болгарских кругах внутренних трений и борьбы за власть.

Трения начались с момента заключения Георгием Сурсовулом на очень выгодных для Болгарии условиях мира с Византией (927).

Болгария была признана в границах, оставленных ей Симеоном; за болгарским князем официально был признан титул царя; за болгарскою церковью – полная независимость и собственный патриарх, да кроме того Византия обязалась платить Болгарии ежегодную дань. Политический мир был скреплён заключением родственного союза между византийским и болгарским дворами женитьбою царя Петра на внучке императора **Марии**.

Однако заключение этого мира, по-видимому, не отвечало ни интересам, ни настроению сильной придворной военной партии и поддерживавшего её феодального боярства, а разоренные города и закрепощённое в большинстве своём за светскими и духовными земельными вотчинниками крестьянство не могли быть для правительства Петра какою-либо опорой в его борьбе с притязаниями феодалов. Напротив, разоряемое постоянными войнами и эксплуатируемое агентами светской и церковной власти массовое городское и сельское население или спасалось бегством в Византию и Сербию, или уходило в леса и горы, или же переходило в ряды антиправительственной оппозиции.

Поэтому правление Петра отмечено несколькими боярскими восстаниями, в одном из которых фигурировал отстранённый от престола Михаил (в Струмицкой области, в 930 г.), а в другой – младший сын Симеона – **Иван** (подготовка заговора против Петра происходила в 928 г.). Эти восстания обыкновенно жестоко подавлялись, но одно из подобных же восстаний, именно восстание одного из македонских феодалов **Никола**, окончилось для него удачно. Из западных областей болгарского царства он образовал независимое государство, стал во главе его, а Петру оставил восточную часть Болгарии. Таким образом, в 963 г. Симеонова Болгария распалась на два самостоятельных царства: восточное и западное.

Вместе с вступлением на византийский престол воинственного **Никифора Фоки** положение восточно-болгарского царства, теснимо к тому же с севера мадьярами, становилось критическим. В 968 г., решив покончить с униженным положением болгарского данника, с одной стороны, и с другой – восстановить свои бывшие экономические выгоды, связанные с обладанием торговых путей на полуострове, находившихся в руках болгар, Никифор Фока не только отказался платить болгарам дань, но и с позором выгнал из Константинополя болгарских послов, явившихся сюда за данью. Такая неожиданная и резкая перемена византийской политики по отношению к Болгарии объяснялась крупными военными и политическими успехами Никифора Фоки на востоке в борьбе Византии с арабами.

Наметив план действий против болгар, Никифор Фока, при содействии специального эмиссара, херсонесца **Калокира**, поднял против болгар киевского князя **Святослава**. Вести борьбу со Святославом выпало на долю уже преемнику Петра, его сыну **Борису** (969–972).

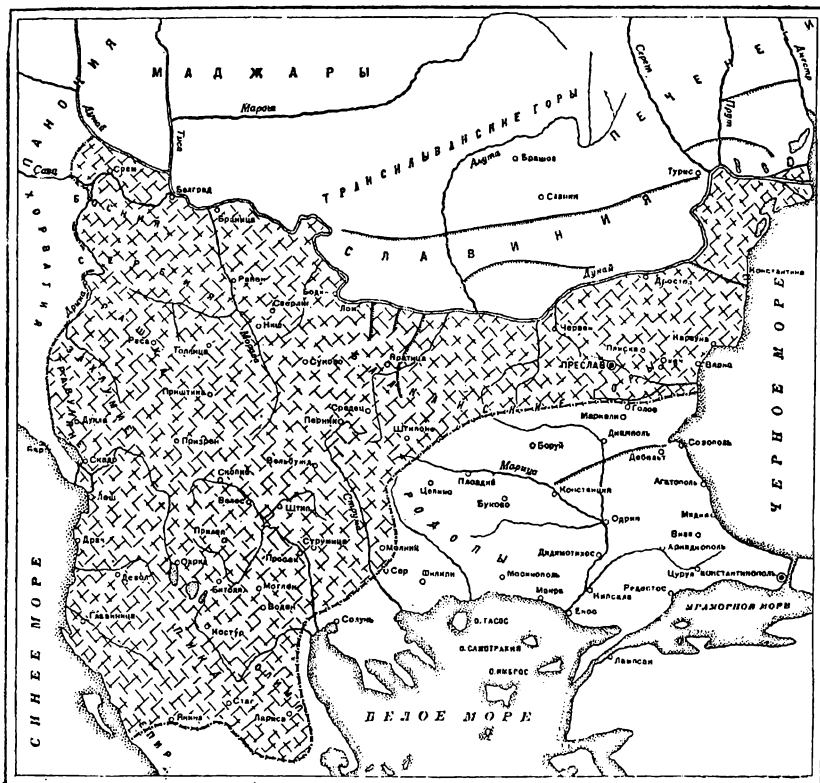
В конце весны или в начале лета 968 г. Святослав во главе 60-тысячной армии спустился в лодках вниз по Днепру и Чёрным морем двинулся в устье Дуная. Болгария была застигнута врасплох, и выставленная ею против Святослава 30-тысячная армия была разбита русским князем и заперлась в Доростоле (болг. Дръстър, древнеримск. Durostrum, теперь Силистра).

Согласно показаниям нашей летописи под 6475 (968) годом, Святослав в связи с поражением болгар, «**взя город 80 по Дунаеви, и седе княжа тѹ, Переяславци, емя дань на Грьцехѹ**». Центром своих болгарских владений Святослав сделал город Преславец, т.е. Малый Преслав, расположенный на правом, болгарском берегу Дуная, против болотистого озера Балта, между нынешними городами Черна-вода и Хърсов (Гирсово). Это был очень важный торговый пункт, лежавший в самом узком месте между Дунаем и Чёрным морем. По объяснению проф. Златарского, летописное выражение «город 80 по Дунаеви» следует понимать не в прямом смысле слова, как 80 городов, расположенных вдоль побережья Дуная, но как 80 городов придунайской области или в области Дуная, т.е. в северо-восточной Болгарии. Таким образом, в первый свой поход на Болгарию Святослав, по объяснению проф. Златарского, завоевал нынешнюю Добруджу и часть Делиормана.

Чтобы спастись от киевского князя, болгарское правительство вступило в переговоры с Византией и одновременно предложило печенегам напасть на Русь и тем самым заставить русских с их князем очистить Болгарию, на что печенеги согласились и осадили Киев. Это заставило Святослава поспешить в Киев, но значительную часть своей армии он оставил в Болгарии.

Ликвидировав в Киеве угрожавшую ему со стороны печенегов опасность, в следующем же 969 г. Святослав вновь направился в свою болгарскую область. «**Не любо ми есть в Києве быти, – говорил Святослав своей больной старушке-матери Ольге, – хочу жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середѹ земли моеи, яко тѹ вся благая сходятся: от грек золото, паволоки, вина и овощье различныи, из чех же, из Угрь серебро и комони, из Руси же скорѹ и воск, мед и челядь**».

Во вторую болгарскую экспедицию 969 г. Святослав продвинулся из своего Переяславца уже далее на юг, занял самую столицу Болгарского царства – Великий Преслав, где захватил в плен болгарского царя **Бориса II** со всем его семейством и братом **Романом**, и, перевалив через Балканский хребет, взял Пловдив (Филиппополь), завоевал, таким образом, всю Болгарию и через Адрианополь проник на византийскую территорию, вплоть до нынешнего Люле-Бургаса (Аркадиополь). Встревоженная наступлением Святослава, угрожавшего уже теперь самой столице империи, Константинополю, Византия в лице преемника Никифора Фоки, **Иоанна Цимисхия** (969), принуждена была принять меры против своего же вчерашнего союзника и нанесла Святославу ряд жестоких поражений. Заключив в 972 г. мир с

Болгария при царе Самуиле

Византией, Святослав покинул Болгарию и направился в Киев, но по дороге, у днепровских порогов, был убит из засады печенегами.

Открыв военные действия против Святослава, Цимисхий уверил болгар, что единственное его намерение – спасти Болгарию и восстановить её попранные права. Закончив, однако, борьбу со Святославом, Иоанн Цимисхий объявил Болгарию присоединённой к империи, уничтожил болгарский патриархат, подчинив Болгарию в церковном отношении византийскому патриарху. Он оставил всюду свои гарнизоны и увёл с собою в Константинополь болгарского царя, где последний принужден был всенародно снять с себя знаки царского достоинства и стать в ряды византийских сановников в звании магистра империи.

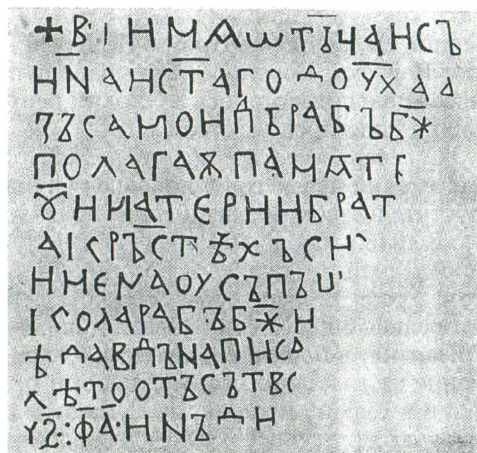
Вместе с этим актом восточно-болгарское царство прекратило своё независимое существование (971), но западно-болгарское царство со столицей сначала в Софии, а затем в Охриде, куда был перенесён и патриарший престол, продолжало сохранять свою политическую не-

зависимость под управлением сыновей Николы – **Давида, Моисея, Аарона и Самуила**. Воспользовавшись вспыхнувшим в восточной Болгарии восстанием против Византии, они объединили всех болгар в борьбе против византийского ига. Младший, **Самуил**, который после смерти других братьев и бежавшего к нему из византийского плена сына Петра, **Романа**, в 980–1014 гг. был фактическим болгарским царём, имея свою базу западное болгарское царство, своими военными предприятиями наводил ужас на Византию, но спасти Болгарию ему всё же не удалось. Византийский император **Василий II**, прозванный **Болгаробойцем** (976–1025), стал систематически наносить удар за ударом Болгарии и отбирать у неё одну за другою её области, пока, наконец, в 1014 г. в сражении при горах Беласицы болгары не были разбиты наголову. По свидетельству византийского историка, Василий ослепил 14 тысяч пленных болгар, оставив на каждые сто душ по одному с одним глазом, который должен был быть поводырем остальных. Когда об этом жестоком поступке Василия донесли царю Самуилу, которому бегством удалось спастись от пленения, то с ним, говорят, произошёл удар, и он скончался.

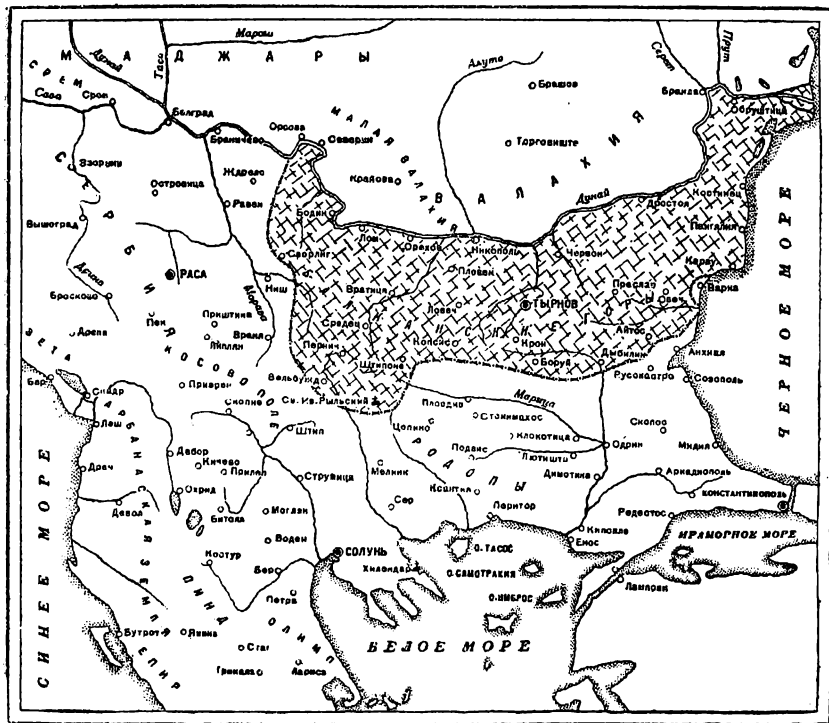
После смерти Самуила Болгария ещё несколько лет отчаянно боролась с греками за свою независимость, но в 1021 г. взятием Срема на Дунае Византии удалось сломить последние остатки болгарского сопротивления, и вся Болгария в своих обеих составных частях, восточной и западной, подпала под греческое иго, была обращена в византийское наместничество с греческими чиновниками и духовенством и обложена материальными повинностями.

Положение вещей в Болгарии под греческим игом приняло в конце концов такой характер, что, по-видимому, стало забываться и самое имя болгар и Болгарии; по крайней мере, византийские историки начала XII в. говорят о Мизии, о Загорье вместо Болгарии, и о *влахах* вместо болгар.

Страдавшее от непопулярных поборов и злоупотреблений болгарское население боролось со своими насильниками восстаниями. Из этих восстаний известны: 1040 г. в Нише и Скопии под предводительством внука царя Самуила, **Петра Деляна**, и 1072 г. в Маке-

Старославянская надпись царя Самуила

Болгария при Асене и Петре (1185-1197)

дони, с главным центром в Призрене, под предводительством Георгия Войтеха. Восстания эти подавлялись византийскими войсками, население подвергалось жестоким репрессиям, истязаниям и разорению и спасалось бегством в горы.

С севера в то же время пределы Болгарии были открыты для вторжений печенегов и половцев (куманов), поддерживавшихся попустительством византийского правительства.

В 1048 г. около 800 тысяч печенегов переправились через замерзший Дунай, вторглись в Болгарию и рассыпались по всем её областям, грабя незащитные города и деревни. В 1064 г. в Болгарию вторглись 600 тысяч половцев и подвергли её новому опустошению. Византия, в борьбе с болгарским народным движением за освобождение от тяжёлого ига бесправия и произвола, впервые вызвала из Азии в Европу и турок, поселив отряды их в Македонии по р. Вардару и в окрестностях Охриды в качестве своих жандармов. Беспрепятственное хозяйничанье этих пришельцев на полуострове превратило цветущую некогда Болгарию в сплошную пустыню.

Кое-где, преимущественно в малодоступных горных областях, сохранились, однако, полунезависимые вотчины болгарского боярства, платившего Византии дань и поддерживавшего торговые связи с окрестным горным пастушеским населением. Из среды этого боярства с течением времени выдвинулись два брата, **Фёдор** и **Асень**, ставшие в 1186 г. во главе нового восстания. Старший из них, Фёдор, был провозглашён в Тырнове «царём болгар и греков» и принял имя сына царя Симеона – **Петра**. Попытки Византии задуть это восстание окончились неудачей, и в следующем 1187 г. она принуждена была заключить с болгарам мир и признать независимость Болгарии. Пётр отказался от престола в пользу своего брата Асеня, который и был коронован в Тырнове на царство с титулом «царь болгар и волхов». Пётр же принял на себя должность правителя восточных провинций Болгарии с центром в г. Преславе. Так было положено начало второму Болгарскому царству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dr. *Konst. Jireček*, *Dejiny naroda bulharskeho*. Praha, 1876; то же, русск. изд., в переводе *Ф.К.Бруна* и *В.И.Палаузова*. Одесса, 1878; то же, болг. изд. «Историята на българите». Тырново, 1886.
 2. Проф. *В.Н.Златарски*. История на българската държава през средните векове, т. 1. Първо българско царство. Ч. 1. Епоха на хунно-българското надмощие. София, 1918; ч. 2. От славенизацията на държавата до падането на първото царство. София, 1927 г.
 3. Dr. *František Hybl*, *Dějiny naroda bulharskeho*. Díl I. V Praze, 1930.
 4. *М.С.Дринов*. Началото на Самуловата държава. – 1875–1876 г. См. Съчинения на М.С.Дринов, т. 1, София, 1909, стр. 317-364.
 5. *Его же*, Южные славяне и Византия в X веке. 1875 г. См. там же, стр. 365-520.
 6. *Матвей Соколов*. Из древней истории болгар. СПб, 1879 (I. Образование болгарской национальности; II. Принятие христианства болгарскими славянами).
 7. Академик *Н.С.Державин*. История Болгарии. Том I. Происхождение болгарского народа и образование первого болгарского государства на Балканском полуострове. Москва – Ленинград, 1945.
- Литература по специальным вопросам истории болгарского народа названа в указанных выше сочинениях общего характера.

Глава V

СЕРБИЯ И ХОРВАТИЯ

(IX–XII вв.)

После кратковременного существования державы **Людевита Посавского** (819–822) в бассейне среднего Дуная (западная часть Славонии), представлявшей собою первый опыт организации государственности у юго-западных славян – сербов, хорватов и словенцев, быстро ликвидированный франками, в середине IX в. в Загорье, на территории, расположенной между реками Ибар и Лим и занятой сербским племенем, в области Рашка, т.е. Рашская земля, с городом Раса (теперь Новый-Базар), впервые начинает складываться сербское государство. Эта исторически исконная область балканских сербов, основное ядро сербской государственности, известна сейчас у сербского народа под именем «Старая Сербия». В эпоху турецкого владычества на полуострове она входила в состав Новобазарского санджака.

Основную базу, на которой выросло сербское государство, был союз родственных западно-балканских славянских племён, в среде которых наиболее экономически мощное и организационно окрепшее в лице своей родовой знати, жупанов, сербское племя заняло постепенно ведущую роль, включив в свой состав и растворившиеся впоследствии в нём окрестные племена, быстро утратившие в этом племенном скрещении свои собственные племенные наименования. Окружавшая сербское племя международная политическая обстановка диктовала сербским жупанам настоятельную необходимость укрепления своей обороноспособности в целях охраны своей богатой плодородной территории, своих владений и хозяйства, т.е. усиления своей военной мощи против наступающих с северо-запада франков, с адриатического побережья – Венеции, с востока – болгар и с юга – Византии. Связанное своими прекрасными водными путями – реки Ибар, Колубара, Дрина и Морава – с великой Дунайской артерией, где в это время протекала бурная жизнь международных столкновений и борьбы за обладание ею и всем её бассейном – Тисса, Драва, Сава – их богатейшими скотоводческими и земледельческими районами, сербское племя давно уже было втянуто в круговорот мировых событий, которые, начиная с VII в., развивались в этих придунайских районах. Оно не было изолировано от окружавшего его внешнего мира, с которым было тесно связано своею экономической жизнью и события которого разыгрывались у самого порога владений сербских жупанов.

Их ближайшие сородичи с севера – бодричи Срема, браничевцы и кучане Поморавии уже были включены с начала IX в. в состав болгарских владений Крума и Омортага; та же участь угрожала и сербам. Правда, она их не миновала, и уже при болгарском Симеоне в первой четверти X в. не только владения сербского племени, но и владения целого ряда родственных западно-балканских племён входили в состав Симеоновой Болгарии вплоть до Адриатического побережья на юг от р. Бояны. Тем не менее борьба сербских жупанов за своё самосохранение во всей этой сложной международной обстановке толкала их к усилению своей военной мощи, в целях защиты своей собственности, своей жизни и своих политических интересов, а этого можно было достигнуть только путём укрепления материальной базы и политической власти, т.е. путём насильственного захвата смежных племенных территорий.

Говоря о происхождении сербов, Константин VIII Багрянородный называет безыменного князя, который впервые привёл сербский народ в Иллирик, что приурочивается им к первой половине VII в. Этому князю наследовал сын, затем внук и т.д. по порядку, вплоть до Вышеслава – VIII в.; ему наследовали, по Константину Багрянородному, **Родослав**, **Просигой** и, наконец, **Властимир** (по Шафарику, между 836 и 843 гг.).

Властимиру принадлежит первая, исторически засвидетельствованная попытка собирания сербской земли путём захвата смежных племенных территорий, что создавало ему необходимую для укрепления власти экономическую базу. Помимо Рашской земли, в состав владений Властимира уже входила довольно обширная территория, простиравшаяся далеко на северо-запад, вплоть до рек Босны и Врбаса, правых притоков Савы, и включавшая в себя, кроме Старой Сербии, и территорию восточной Боснии. Так было положено начало сербской государственности. Аналогичный процесс перерастания союза племён в государство мы наблюдаем в это же время и у смежного с сербами на западе, родственного им племени *травуньян* или *требинцев*, где в роли сербского Властимира выступает жупан Бела.

Государство жупана Властимира и государство жупана Белы – это были два наиболее удачливые зародышевые центра начальной сербской государственности. Сознание общности классовых интересов привело вскоре этих двух племенных вождей, основоположников сербской государственности, к заключению родственного союза: сын Белы – Крайна, или Краяна, женился на дочери Властимира, провозгласившего своего зятя самостоятельным князем (первая половина IX в.).

Обширные владения Властимира после его смерти достались трём его сыновьям: **Мунтимир**у, он же **Мутимир**, **Строимир**у и **Гойнику**у, управлявшим государством сообща под верховенством старшего из них, Мутимира.

Однако, возникнув на территории Византийской империи явочным порядком, не располагая ещё в начале своего существования тою военною силою, какою в это время (середина IX в.) располагала Болгария, ослабляемое внутри династическими распрями сыновей Властимира, созданное им молодое сербское государство очень быстро, на первых же порах своего существования, было ликвидировано Византией как независимое государство, и сербские жупаны приуждены были признать её верховную власть

При Мунтимире болгарский князь Борис-Михаил заключил мир с сербами, для чего лично предпринимал поездку в сербскую столицу, Расу, а когда возвращался в Болгарию, его сопровождали в качестве охраны двое сыновей Мунтимира, **Борен** и **Стефан**, за что Борис отблагодарил их богатыми, по выражению источника, подарками, состоявшими из двух рабов, пары собак, пары соколов и 90 штук мехов.

Устранив в 872 г. от власти своих соправителей-братьев, Мутимир остался самодержавным властителем Сербии как её великий жупан; ему были подвластны жупаны остальных сербских племён, за исключением неречан, которые почти всегда были независимыми.

Изгнанные Мутимиром из Сербии братья нашли себе приют в Болгарии у князя Бориса. Здесь, по инициативе Бориса, сын Строимира – **Клонимир** (у сербских историков – **Кломинир**) женился на болгарке, и от этого брака у Клонимира родился в Болгарии сын **Чеслав** или **Часлав**, которому впоследствии пришлось сыграть крупную роль в истории болгарско-сербских отношений при преемнике Бориса, царе Симеоне.

У великого жупана Мутимира было трое сыновей: **Прибислав**, или **Прибеслав**, **Бран**, или **Вран**, и **Стефан**. В 890 или в 891 г. Мутимиру наследовал старший из них, Прибислав. Через год его сверг с престола двоюродный брат Пётр, сын изгнанного из Сербии Мутимиром брата его Гойника, проживавший в эмиграции у хорватов.

Пётр умер, коварно захваченный болгарами, в темнице в 917 г. После этого сербский престол перешёл к внуку Мутимира, сыну Врана, **Павлу**, который правил три года. В 920 г. его сменил **Захарий**, сын старшего из Мутимировичей – Прибислава, томившийся также в темнице у болгар. В необходимую минуту они использовали его против Павла, прогнав которого из Сербии, Захарий захватил в свои руки власть. Когда болгарско-сербские отношения обострились, Захарий, после ряда военных столкновений с болгарами, бежал в Хорватию, а болгары, коварно арестовав всех сербских жупанов, разгромили Сербию. Семь лет спустя после этого сербский престол в 934 г. занял Часлав, бежавший из Болгарии и отдавшийся под власть Византии. Так рисуется древнейший период политической истории сербов по данным Константина Багрянородного.

По свидетельству того же автора, белые хорваты, жившие за Багбареей (ἑκετθεν Βαγυβαρείας) и подчинённые королю франков и саксов, имели собственного князя. Когда, по показанию того же источника, хорваты, изгнав из Далмации аваров, поселились на территории Далмации, они имели своим князем отца Порги, а затем Поргу. Это событие приурочивается к VII в. Самостоятельного князя тогда же имели и посавские хорваты; в правление князей Порги и Порины (Борна) они приняли христианство от Рима. При **Михаиле II Бальбе** (820–829) хорваты, сербы, захлумцы, тревуняне и др., отпав от Римской (т.е. Византийской) империи, говорит Константин Багрянородный; «сделались самовластны и независимы» и управлялись своими жупанами – старшинами (см. выше).²²¹

Из хорватских князей после Борны Константин Багрянородный называет **Терпимира**, его сына **Красимира** и сына последнего, **Мирослава**, убитого баном **Прибунией**, или **Прибиной**, занявшим после него княжеский стол. Другие источники после Борны называют хорватских князей: **Ладислава** (821) и **Мислава** (около 839), преемником которого был Терпимир, называемый и у Константина Багрянородного. Около 864 г. великим жупаном Хорватским был **Демогой**²²² и т.д.

В то время, когда Византия ликвидировала сербское государство Властимира, как узурпатора её территории, у неё же под боком, у самых стен столицы в конце IX и в самом начале X вв. успело вырасти огромное болгарское государство Бориса-Михаила и его сына Симеона, захватившее в свои руки почти всю византийскую территорию на полуострове, в том числе и земли, занятые сербскими племенами, и угрожавшее самому существованию империи. Это катастрофическое для Византии положение вещей вынуждает византийское правительство, в целях противодействия завоевательным успехам Болгарии, пересмотреть и коренным образом изменить свою сербскую политику. Путём всевозможных подачек и возведением в сан византийского проконсула, ей удаётся привлечь на свою сторону хорватского князя **Томислава** (910–930) и тем самым укрепить его политические позиции как верховного хорватского князя. Теми же средствами Византии удаётся привлечь на свою сторону также болгарского ставленника в Сербии, жупана **Павла Брановича** (917–920), и владельца Захлумья, **Михаила**. Однако византийское правительство, продолжая по-прежнему рассматривать славянское население на полуострове как варваров и захватчиков византийской территории, явно плелось в хвосте событий. Признаваемые византийцами за «варваров», славянские народы полуострова в лице своих ведущих племенных элементов, жупа-

221. Проф. *В.Т.Дитякин*. Образование государства у хорватов. «Исторический Журнал», 1944 г., № 10-11.

222. *Конст. Грот*. Известия Константина Багрянородного о хорватах и сербах. СПб., 1880, стр. 123 и сл.

нов и князей, уже выросли в солидную материальную силу, не укладывавшуюся в рамки старых, патриархально-родовых отношений. С другой стороны, они выросли в силу, которую не мог удовлетворить почётный титул проконсула разлагавшейся империи, бессильной оказать существенную материальную поддержку своим «проконсулам» против угрожающей им со всех сторон опасности потерять не только свой почётный титул, но и все своё состояние вместе с территорией и самую жизнь. Вот почему Томислав, не ожидая возможности признания независимости своего государства со стороны Византии, обратился к римскому папе за королевской короной, и римская курия охотно пошла навстречу хорватскому князю, политически заинтересованная, особенно после неудачи, постигшей её в переговорах с Борисом болгарским, в вовлечении народов полуострова в сферу своего влияния. Томислав получил от Рима и королевскую корону и признание независимости за хорватским государством, что, однако, нисколько не поколебало его добрососедских отношений с Византией. Больше того, в это именно время византийское правительство добровольно передало во владение хорватского «проконсула» далматинские города, представлявшие собою жизненную необходимость для Хорватии, тем более, что в это же время особенные виды на эти города, равно как и на все Адриатическое побережье, питала Венецианская республика. Включение в состав Хорватии богатых торговых далматинских городов значительно, конечно, усиливало и материальные ресурсы Томислава и политическую мощь его государства. Этим, в частности, объясняется и то обстоятельство, что после захвата мадьярами в конце IX в. Блатенской Паннонии, находившейся во владении Арнульфа баварского, в которую входила также и Посавская Паннония Людевита, славянское население последней, между Дравой и Савой, перешло под власть Томислава. Таким образом, к началу X в. на Балканском полуострове выросло обширное и мощное *Хорватское королевство*.

Ту же линию поведения византийское правительство усваивает и по отношению к сербским жупанам, подчинённым болгарскому царю Симеону или находившимся в вассальной от него зависимости, вроде, например, сербского жупана Часлава, сына Клонимира, из рода Властимировичей, владетеля Рашской области, бывшей сербской державы Властимира. После смерти болгарского царя Симеона (927) в правление его слабого преемника **Петра** (927–969) в Болгарии, утомленной и ослабленной непрерывными военными предприятиями Симеона, начинается резкий упадок завоевательной энергии и поднимаются серьёзные внутренние неурядицы. Эти неурядицы приводят, в конце концов, первое болгарское царство к полному расстройству и захвату его Византией. В 932 г. сербский жупан **Часлав Клонимирович** (932–960), бывший вассал болгарского царя Симеона, родившийся от матери-болгарки и воспитывавшийся в Болгарии, поднял при поддержке Византии восстание против Болгарии и передался под

власть Византии. Чаславу удалось захватить целый ряд соседних племенных областей и подчинить под свою власть обширную территорию в центре бывших владений Симеона, начиная от Савы и Дуная на севере и вплоть до области Зеты на юго-западе и р. Моравы на востоке.

Однако и Хорватии Томислава и Сербии Часлава едва удалось только пережить своих основателей: Сербия была вновь завоевана Византией. Сербская родовая знать, спасаясь от византийского плена, бежала на запад, в приморскую горную область Зету, занятую родственными племенами, и здесь в конце X в. возник новый центр сербской государственности – Сербская Зетская держава, впоследствии Черногория, во главе с зетским князем **Воиславом** (ум. 1051).

Воспользовавшись наступившими в Византии неурядицами, Воислав объединил под властью зетского князя все старые сербские области, в том числе Боснию и Рашку. Его преемник Михаил в 1076 или 1077 г. получил от папы Григория VII (по тем же соображениям, по которым римская курия в аналогичном случае охотно пошла навстречу хорватскому Томиславу) знаки королевской власти, в связи с чем Сербское Зетское государство становилось независимым королевством, а сербский князь – кралем, т.е. королём. Столицей Сербского королевства в это время был город Скадар (Скутари, Шкодра).

Преемником Михаила был его сын, король **Бодин** (1081–1101), исполнявший при отце, в последние годы его жизни, обязанности соправителя. Назначением себе в преемники сына Михаил нарушал старый родовой порядок вещей, в силу которого отцу должен был наследовать на престоле не сын, а старший в роде Воиславичей. Родовая знать восстала поэтому против кандидатуры Бодина, но конфликт был улажен вмешательством верховного главы сербской церкви, дуклянского архиепископа, и Бодин занял королевский престол.

Правление Бодина протекало в атмосфере напряжённых отношений с Византией, которые были урегулированы только в 1095 г. заключением специального договора о пограничном размежевании Сербии и Византии. В силу этого договора в состав Сербского королевства Бодина входили: Зета (нынешняя Черногория), Босния, Герцеговина и северные районы «Старой Сербии». Таким образом, Бодину удалось с успехом наладить взаимоотношения с Византией, но ему не удалось всё же ликвидировать оппозиции в среде своих *племищей*, или *властелей*, т.е. родичей. Наиболее активные из них были захвачены им и убиты, другие бежали в Дубровник. Преследуемые Бодином, они скрылись из Дубровника в Константинополь, где были охотно приняты как элемент, пользуясь которым византийское правительство всегда могло поддерживать внутренние распри в Сербском королевстве и таким путём достигать своих целей. Эта же оппозиция родичей привела к тому, что после смерти Бодина Сербское Зетское королевство распалось на три независимые друг от друга части: Зету, Рашку и Босну. На этом закончилось своё историческое существование Сербское Зетское королевство.

В XII в. независимая Босна во главе с баном **Боричем** с 1155 г. попадает на короткое время под власть Венгрии (мадьяр), а затем, с 1166 г., – под власть Византии; Рашку в 1168 г. захватывает в свои руки поддержанный Византией великий жупан **Стефан Неманя**, который в 1170 г. присоединяет к своим владениям и Зету (Черногорию). Политическим центром сербского народа по-прежнему становится Рашка, т.е. исконная область сербского племени на полуострове, «Старая Сербия», во главе с великим жупаном Стефаном Неманем, под верховную власть Византии, как одна из её провинций. Таким образом, ко второй половине XII в. на смену Зетской Сербии на полуострове вырастают два новых политических и культурных центра сербского народа: Босна, или Босния, и Рашка. Босния с этого времени попадает в сферу культурного влияния Запада и католичества, Рашка – в сферу влияния Византии и православия. Рашка же становится и центром образования нового Сербского государства во главе с династией Неманичей.

Что касается Хорватского королевства, то, в противоположность росту материальной и политической мощи Сербского королевства, оно после смерти Томислава (930) идёт к упадку и, по выражению сербского историка, становится «тенью томиславовой Хорватии» (Ст. Станоевич). Воспользовавшись временным ослаблением Хорватии, Венецианская республика начала с нею упорную борьбу за обладание Далмацией, но хорватский король **Пётр II Кресимир** (1058–1074) вышел победителем в этой борьбе, и Далмация осталась в составе его владений. Ему же удалось значительно расширить границы своего королевства и вообще поднять политическую мощь государства до такой высоты, какой Хорватия никогда не достигала ни до Петра Кресимира, ни после него. С другой стороны, по политическим соображениям, Пётр Кресимир в церковном вопросе держался римской ориентации, что вызвало напряжённые отношения между королём и хорватской общественностью. На Сплитском церковном соборе в 1060 г. славянский язык был запрещён, как язык церковного культа, в Далмации. До этого он был запрещён и по всей Хорватии, но, по-видимому, это запрещение не имело решающей силы, и славянский язык продолжал оставаться и после этого в Хорватии языком культа, чем и объясняется решительное постановление Сплитского собора. Однако это постановление в широких кругах хорватской общественности вызвало решительный протест, что привело, начиная с 1071 г., к организации в Хорватии трёх национальных епископств, которые оставались всё же в зависимости от Сплитского митрополита. Таким образом, спорный церковный вопрос в Хорватии был разрешен наполовину: она получила славянский язык в качестве языка культа, но не получила церковной независимости. В то же время Сербии удалось создать в Баре независимую национальную церковную организацию (архиепископию) в границах сербского государства.

После смерти Петра II (1074) Венеция в 1076 г. вновь захватила в свои руки хорватские далматинские города, и с этого момента независимая Хорватия навсегда потеряла Далмацию. Преемник Петра Кресимира, **Звонимир** (1076–1089), не сумел поддержать Хорватию на высоте достижений своих предшественников, и она быстро пошла к упадку. Как рядовой вассал римской курии, он без всякой надобности впутался в европейские дела, в войну норманнов с Византией и Венецией и в распри папы Григория VII с немецким Генрихом IV. Все это привело к расстройству внутренних дел в государстве и вызвало общее недовольство, тем более, что укрепление на среднем Подунавье мощи мадьяр стало серьёзной угрозой для Хорватии, лежавшей на пути их дальнейшего продвижения на юг, в Моравскую долину и на Адриатическое побережье. Воспользовавшись внутренними династическими распрями, наступившими в ослабшей Хорватии после смерти Звонимира, в 1091 г. мадьяры легко проникли в Посавскую Паннонию (Славонию) и подчинили её своей власти, а после этого, воспользовавшись царившей в Хорватии анархией, сюда явился для наведения порядка, очевидно по родственным соображениям, венгерский король **Коломан**, как брат жены Звонимира, и после битвы на Гвозду, где погиб в бою последний король независимой Хорватии – **Пётр III**, в 1102 г. овладел всею Хорватией. С этого времени *Хорватское королевство* как самостоятельное государство надолго прекратило своё независимое существование.

ЛИТЕРАТУРА

1. *К. Грот*, Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах. СПб., 1880.
2. *Ст. Станојевућ*, Историја Српског народа. Београд, 1910. *Его же*. Историја срба-хрвата и словенаца. Београд, 1924. *Его же*. Историја Срба, Хрвата и Словенаца. 1920; 2-е изд. 1924; русск. изд. 1917; франц. изд. 1919.
3. *Ferdo Šišić*, Povijest Hrvata. Zagreb, 1925.
4. *К. Јиреček*, Geschichte der Serben. Gotha, 1911, В. I; то же на сербск. яз. Историја Срба, 1, 1922.

Н.С.Державин: жизнь и научная позиция советского академика

Николай Севастьянович Державин (1877–1953) начал свою научную и педагогическую деятельность ещё в дореволюционный период. Довольно рано определился круг его научных интересов, которым он будет следовать всю свою долгую жизнь: проблемы развития славянства в различных аспектах — лингвистическом, этническом, политическом.

Детство Н.С.Державина прошло в приазовском болгарском селе Преславе (бывш. Таврическая губерния). Это объясняет его хорошее знание болгарского языка, что пригодилось учёному в дальнейшей профессиональной деятельности. После блестящего окончания Симферопольской гимназии Н.С.Державин учился в Петербургском историко-филологическом институте, а затем в Историко-филологическом институте Безбородко в Нежине (с 1897 по 1900 г.). Провинциальному студенту после завершения образования оказалось крайне сложно найти своё место в научных кругах, но в это время ему оказал поддержку известный харьковский славист, один из основателей болгаристики, М.С.Дринов. Продолжавшиеся научные изыскания Николай Севастьянович сумел преемственно совместить с педагогической деятельностью.

В начале XX в. он преподавал русский язык и литературу в Батумской гимназии, затем в Первой тифлисской гимназии. Впоследствии об этом периоде деятельности учёного советский академик Н.Я.Марр, которого называют учителем Н.С.Державина, писал следующее: «Молодой педагог Н.С.Державин, специалист по русскому языку и литературе, без всяких научных связей в Петербурге, должен был найти выход на месте, в Тифлисе, в самый разгар культурных гонений на национальные языки Кавказа... Как ряд русских, преподававших свой родной язык грузинам (надо сказать к их чести — с чутким вниманием к национальному чувству учащихся), Н.С.Державин не вступил в фалангу русификаторов и ... в рамках русификаторской научной организации учебного округа, вне навязывавшейся им великодержавной тенденции, преподаватель русского языка занялся этнографией и поместил шесть очерков по ней о гурийских грузинах, об армянских армянах, о малоазийских греках, об абхазах, о казаках Кубани. частью в "Материалах для описания местностей и племён Кавказа" и частью в "Известиях Кавказского отделения Русского географического общества"»²²³.

Наряду с педагогической деятельностью Н.С.Державин все более втягивается в научно-исследовательскую работу. На молодого учёного обращают внимание. В 1903 г. от Академии наук он был командирован в Турцию и Болгарию. В Стамбуле Державин активно работал в богатой библиотеке Русского археологического института и был даже избран его членом-корреспондентом. В Болгарии Николай Севастьянович накапливал материалы по болгарской этнографии и языку, работал в библиотеках Софии. В 1910 г. за счёт средств Академии наук учёный снова посещал Болгарию. К этому времени он успешно сдал магистерские экзамены по славяноведению в Петербургском университете. Особенностью второй поездки Державина в Болгарию было применение им для записи живой речи фонографа, являвшегося в то время большой научной новостью. С помощью демонстрации фонозаписей учёный доказал существование в России особого болгарского диалекта с редким для собственно Болгарии звуком, названным профессором Милетичем «сильно глухим» (ъ)²²⁴.

223. Записки об учёных трудах действительных членов Академии наук СССР по Отделению общественных наук, избранных в 1931-32 годах. Л.: АН СССР, 1932. С. 12-13.

Именно с болгарской тематикой были связаны первые публикации Державина. С 1898 г. появляется ряд работ тогда ещё молодого исследователя, посвященные языку и быту южнорусских болгар²²⁵. Эти работы, а также практический опыт, приобретённый в ходе поездок, были обобщены в двух капитальных трудах: «Болгарские колонии в России. Материалы по славянской этнографии» (София, 1914) и «Болгарские колонии в России. Т. 2. Язык. Обзор говоров. Общие итоги, выводы и наблюдения. Тексты» (Пг., 1915). В 1916 г. за второй том Н.С.Державин получил в Петроградском университете степень магистра славянской филологии²²⁶. Необходимо отметить, что его труды неоднозначно воспринимались в научных кругах, более того — последняя работа встретила очень острую критику. Позднее советские историки объясняли это отстаиванием молодым учёным идей, исходивших от живой речи, и поэтому абсолютно неприемлемых для всей массы специалистов-лингвистов. Академик Н.Я.Марр отмечал, что только благодаря поддержке выдающегося российского источника, лингвиста и историка **А.А.Шахматова**, «ценившего Державина за его широкую установку исследования языка от живой речи и комплексно с учётом этнографических данных», тот был удостоен учёной степени²²⁷.

В дореволюционный период совершенствовалось мастерство Н.С.Державина как педагога. Во время преподавания в Тифлисе Николай Севастьянович стал организатором «Общества народных университетов» и Союза кавказских педагогов. В Петербурге продолжилась педагогическая работа учёного, при этом он выступал и как практик, и как теоретик: в 1912-17 гг. являлся приват-доцентом Петербургского (Петроградского) университета, одновременно преподавал в 11-й, затем 6-й гимназиях столицы русский язык и словесность. Итог его учительской деятельности в дореволюционный период был подведён в опубликованной в 1917 г. книге «Основы методики преподавания русского языка и литературы в средней школе». В том же году Н.С.Державин был избран профессором кафедры славяноведения Петроградского университета.

Именно талант Н.С.Державина как педагога-организатора, педагога-методиста и практика был прежде всего востребован после Октябрьской революции 1917 г. Он стоял у истоков формирования советской средней и высшей школы, быстро нашёл своё место в новых условиях: являлся заведующим одной из трудовых школ Петрограда, одновременно возглавлял ряд отделов и комиссий Политпросвета Петроградской области, выступал настойчивым пропагандистом новой орфографии. В 1918—1923 гг. был опубликован ряд методических трудов Державина, которые способствовали оформлению советской педагогики. Эта деятельность закрепляла за ним репутацию человека, абсолютно лояльного к новой власти.

Вполне закономерным являлось назначение Наркомпросом в мае 1922 г. Н.С.Державина первым советским ректором Петроградского университета. Эту должность он занимал в течение трёх лет — до мая 1925 г. Ему принадлежит решающая роль в реорганизации Петроградского университета в русле новых идеологических и организационных установок советской власти. В то же время Н.С.Державин возглавлял преобразованный по его же инициативе Институт сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) (в 1930 г. переименован в Институт речевой культуры). Трудно однозначно

224. Берков П.М. Краткая характеристика научной, педагогической и общественной деятельности // Николай Севастьянович Державин. М.-Л.: АН СССР, 1949. С. 11.

225. В 1898 г. — «Очерки быта южнорусских болгар», в 1900 г. — «У болгар в Таврической губернии», в 1901 г. — «Русские буры», в 1902 г. — «Звуковые особенности говора болгар-поселенцев Бердянского уезда Таврической губернии».

226. Славяноведение в дореволюционной России. М., 1988. С. 371.

227. Записки об учёных трудах действительных членов АН СССР. С. 14-15.

оценить роль этого научно-исследовательского учреждения в развитии лингвистики и литературоведения. В Советском государстве теория классовой борьбы закономерно проникла в гуманитарные науки и даже в область языкознания. Марксистская теория, диалектико-материалистический метод, теория классовой борьбы не только деформировали правильное понимание языковых, а вслед за ними и этнических процессов, но и приводили к регрессу в области гуманитарных знаний. Вульгаризация гуманитарных наук нашла выражение в господстве в области языкознания теории автохтонного стадийного развития языков (глоттогенической теории) Н.Я.Марра, а в исторической науке — школы М.Н.Покровского.

Что касается научной работы Н.С.Державина первого десятилетия после 1917 г., то для этого периода характерно возвращение учёного к дореволюционным наработкам и преобладание работ по различным вопросам филологии. Так, в печатном органе ИЛЯЭВ «Язык и литература» были опубликованы статьи Н.С.Державина по вопросам албановедения, которым он занимался в период командировок от Академии наук. Было напечатано и старое исследование учёного «Следы древнегрузинских цеховых организаций по данным современной этнографии». И эта работа вновь была высоко оценена академиком Н.Я.Марром: «Самая тема в условиях выясняющихся в языке ныне местных факторов возникновения цехов в Грузии и Армении и актуального общего вопроса о способе азиатского производства по своей значимости в истории материальной культуры представляет исключительный интерес и для общего учения о языке в глоттогенической части и для взаимоотношений, в частности, армянского и грузинского языков»²²⁸. В тот же период появляется ряд работ Н.С.Державина по истории русской литературы. Учёного интересуют самые различные темы: язык и орфография Пушкина, стиль Короленко, «Фрегат Паллада» Гончарова, «Былое и думы» Герцена, феномен «Мёртвого дома» в русской литературе XIX в., произведения Островского, Белинского, Тургенева, Герцена, Ломоносова. Можно отметить, что во всех работах Н.С.Державин выступает как филолог, лингвист, этнограф, но не как историк. И в более ранний, и в последующий периоды основные работы Н.С.Державина были связаны с изучением литературы и фольклора: «Литература независимой Польши» (1916), «Мицкевич и Герцен» (1927), «Перун в славянском фольклоре» (1932), «Творчество Т.Г.Шевченко в его историческом и идеологическом окружении» (1932).

Положение Н.С.Державина — заметной фигуры в советской науке и высшей школе — обязывало его принимать активное участие в деятельности общественных организаций. С 1922 по 1928 г. он являлся депутатом Ленсовета, в одну из сессий которого был членом Исполкома совета. В те же годы учёный стал одним из организаторов Секции научных работников Союза работников просвещения, несколько лет он входил в состав её Центрального совета в Москве.

Уже в 1928 г. по предложению Н.Я.Марра кандидатура Н.Державина была представлена для выдвижения в члены Академии наук. Но у тогдашней академической элиты нашёлся формальный предлог отклонить кандидатуру ученика Марра. Державин был отстранён вследствие заявления Е.Ф.Карского, о том, что уже есть два академика-слависта, а тот был бы третьим²²⁹. Тем не менее в 1931 г., по представлению академика Н.Я.Марра, Н.С.Державин всё-таки был избран действительным членом Академии наук СССР. Он шёл на выборы даже не являясь членом-корреспондентом, но благодаря мощной поддержке всеильного тогда творца «нового учения о языке» выборы превращались в формальность. В составленной Марром «Записке об учёных трудах Н.С.Державина» особо подчёркивалось значение его работ по «новому учению о языке» — «яфетидологии». Это «учение» и легло в основу монографии Н.С.Державина «Пронес-

228. Записки об учёных трудах действительных членов Академии наук СССР. С. 13.

229. Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004. С. 355.

хождение русского народа: великорусского, украинского, белорусского», которая была востребована властными идеологами и издана отдельной книгой в 1944 г. Поэтому имеет смысл остановиться на теоретических основах концепции Державина подробнее.

«Новое учение о языке» зародилось ещё в дореволюционный период, но окончательно оформилось в 20-е гг. XX в. в трудах Н.Я.Марра. Основной мыслью этого исследователя являлось утверждение о том, что генезис языков происходил не по линии лингвистического древа, как на том настаивала классическая индоевропейстика, а, напротив, путём смешения и «скрецивания» языков. Отсюда следовало, что все народы возникли автохтонным путём (эта идея наиболее выразительно представлена в публикуемом труде Н.С.Державина). Согласно учению Н.Я.Марра, язык, культура, раса, религия и т.п. — это исторические категории, при этом культура и языки являются к тому же классовыми по своей сути.

Н.Я.Марр отрицал существование генетически этнических культур: по его мнению, существовала только «культура человечества определённых стадий развития», которая была единой по происхождению. Культурные же особенности, по мысли учёного, по своему характеру и происхождению были «не местно-национальными, а реально-классовыми»²³⁰. Предметом исследования историков должны были быть не специфические линии развития отдельных культур, а универсальные стадии культурного развития. Это соответствовало основной идее школы М.Н.Покровского, требовавшей изучать прежде всего этапы общественного развития, общие для истории всех народов, независимо от отличий между ними. Перманентный процесс изменений первоначально единой культуры был обусловлен социально-экономическими сдвигами. Так, по мысли Н.Я.Марра, праисторические языки, которые он называл яфетическими, трансформировались в индоевропейские в результате открытия и начала широкого использования металлов²³¹. В представлении Марра яфетические языки — это не отдельная этническая семья, а особый этап в развитии всех языков, соответствующий определённой ступени социально-экономического развития. Индоевропейские, тюркские, финно-угорские или другие языки возникли из яфетических языков при переходе на новую глоттогенетическую стадию вследствие возникновения новых социально-экономических условий²³². Предложенная Н.Я.Марром теория, очень слабая в научном отношении, в то же время соответствовала идеологии большевистского интернационализма с её прогнозом будущего «слияния наций». Только поддержка новой власти позволила учению Марра приобрести статус «единственно правильной революционной марксистской теории» в языкознании. Новая государственная идеология требовала культивировать не национальное, а классовое и интернациональное самосознание²³³. Совершенно созвучной этому стала «яфетическая теория», полностью отрицавшая все предшествующее языкознание.

Н.С.Державин, представлявший официальную советскую науку, безусловно, должен был взять на вооружение теорию Марра. Более того, это стало условием его вознесения на советский научный Олимп. Как отмечалось, именно благодаря поддержке академика Н.Я.Марра Державин был избран действительным членом Академии наук СССР. С Марром связывали Державина давние отношения. Ещё в 1924 г. по представлению Н.Я.Марра Державин получил должность второго заместителя директора РПБ (Русской публичной библиотеки). Ему было поручено руководство административно-хозяйственной и финансовой деятельностью библиотеки. Кроме того в функции учёного вошли и чисто библиотечные вопросы: участие в комплектовании иностранной периодики, выделение краевед-

230. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 1. М.; Л., 1933. С. 236.

231. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 5. М.; Л., 1935. С. 325-326.

232. Юсова Н. Указ. соч. С. 183.

233. Робинсон М.А. С. 146.

ческих фондов, наблюдение за славянскими фондами, руководство издательской деятельностью библиотеки и др. Занимая должность заместителя директора РИ ПБ, Державин выступил с инициативой создания Отделения «Славика», в котором предлагал собрать издания на западославянских и южнославянских языках. В начале 1929 г. Отделение было создано и Державин его возглавил, покинув должность заместителя директора РПБ. Но уже в сентябре 1930 г. на основании постановления Комиссии по чистке аппарата ПБ Отделение «Славика» было ликвидировано. Державин работал консультантом РПБ до июля 1931 г., когда Президиум Академии наук СССР поручил Державину организовать и возглавить Институт славяноведения в Ленинграде. Институт просуществовал только до 1934 г. В изданных Институтом славяноведения двух томах его трудов особое внимание уделялось теории Марра. Н.С.Державин в предисловии к первому тому (на первой же странице) заявлял, что «положительные достижения этого учения... в эпоху идеологического кризиса, теоретического разброда и методологической косности, характерных для современной филологической науки на Западе, явились действительно новой наукой». Следование ей открывает «широтнейшие перспективы и возможности для новой плодотворной работы на основах марксистско-ленинской методологии»²³⁴. Внеаучное, через государственно-партийные рычаги, продвижение «нового учения о языке» приводило к вытеснению из науки и высшей школы носителей академических традиций. В науке (причём в её высшем эшелоне) оказывались люди, быстро усвоившие некоторые простейшие положения марксистской доктрины, а также учёные старой школы, отказавшиеся от своего прошлого и объявившие себя приверженцами марксизма²³⁵.

В это время ряд российских славистов был обвинён в «реакционном панславизме», в то время как национальные историки — украинские, белорусские — получали яркие «буржуазных националистов»²³⁶. В таких условиях Н.С.Державина, видимо, смогла спасти только верность идеям «нового учения о языке» Н.Я.Марра. Но потребность государства в продолжении разработки славянской тематики привела к восстановлению славистических научно-исследовательских структур.

Уже в ходе Великой Отечественной войны — в 1942 г. — Президиум Академии наук СССР поручил Н.С.Державину организовать и возглавить Славянскую комиссию, включённую в 1946 г. в состав восстановленного Института славяноведения. Таким образом, Н.С.Державин непременно находился во главе ведущих научно-исследовательских учреждений СССР, занимавшихся славянской тематикой.

В довоенное десятилетие расширяется тематика славистических исследований Н.С.Державина. На протяжении 30-х гг. XX в. он подготовил к печати ряд монографий, посвящённых новой болгарской литературе (о Стояне Михайлове, об Алеко Константинове и др.), были закончены два тома «Истории Болгарии в древнейших времён до начала XIX в.». Советское славяноведение Н.С.Державин представляет на международном уровне. Так, в 1929 г. он участвовал в Международном конгрессе славянских филологов в Праге, а в 1933 г. — в V Международном конгрессе историков в Варшаве.

С началом Великой Отечественной войны деятельность Н.С.Державина ещё более активизировалась. Он выступал с многочисленными публичными лекциями, докладами, статьями, брошюрами, посвящёнными борьбе с агрессором, деятельно участвовал в организации в Москве всеславянских митингов и митингов учёных-антифашистов. В апреле 1942 г. он был избран председателем Антифашистского комитета советских учёных. В то же время осуществлялась работа Н.С.Державина по изучению этногенеза славянских народов.

234. Цит. по: Робинсон М.А. Указ. соч. С. 183.

235. Там же. С. 183-184.

236. По так называемому «делу славистов» были арестованы и осуждены учёные-славяноведы Н.Н.Дурново, Г.А.Ильинский, А.М.Селищев, Н.А.Туницкий и др.

В 1944 г. был опубликован один из основных его трудов «Происхождение русского народа: великорусского, украинского, белорусского». Значимость этого труда как в полной мере отразившего официально-партийное видение исторического прошлого восточного славянства, была оценена тем, что за него (а также за работы «Славяне в древности» и «Христо Ботев, поэт-революционер») Н.С.Державин в 1948 г. получил Сталинскую премию 1-й степени.

В годы войны учёный возобновил свою преподавательскую деятельность: с 1941 по 1949 г. он являлся профессором и заведующим кафедрой славяноведения на филологическом факультете МГУ, читал лекции. Не прерывалось и его восхождение по ступеням административной карьеры: в 1942 г. Державин был избран в члены президиума АН СССР. Удивительно, как в тяжелейших условиях военного лихолетья он мог совмещать напряжённую педагогическую деятельность с исследовательской работой, активную общественную деятельность с административной работой. А вскоре после войны Н.С.Державин подготовил к печати ещё одну монографию по древнейшей славянской истории — «Славяне в древности» (1946).

Заслуги советского академика в полной мере были оценены ещё при его жизни: он был награждён орденами Станислава 2-й степени, двумя орденами В.И.Ленина, болгарским орденом Св. Александра 2-й степени. Наибольшим уважением пользовался Н.С.Державин в Болгарии, с историей и культурой которой связано большинство его исследований.

В 1945 г. он в третий раз посетил Болгарию — его пригласили на Славянский собор в Софии, собранный по случаю торжественного празднования 67-й годовщины освобождения болгарского народа российскими войсками от турецкого ига. В ряде городов Болгарии ему пришлось читать лекции, выступать на собраниях, митингах, банкетах,езде непременно встречая очень тёплый приём. Деятельность учёного широко освещалась в прессе²³⁷. Ещё в 1944 г. Софийский университет присвоил Н.С.Державину степень доктора «honoris causa», в 1946 г. он был избран почётным членом Болгарской академии наук. Болгарские города Свиштов и Пловдив избрали его своим почётным гражданином, а в Софии его именем названа одна из улиц.

Жизнь Н.С.Державина как нельзя лучше отражает путь развития советской науки, охватывая период её становления и функционирования в эпоху сталинского тоталитаризма. Четко улавливая политико-идеологическую конъюнктуру, подстраиваясь под нее, выбирая наиболее востребованные в тот или иной момент темы для исследования или занимаясь вопросами, считавшимися партийным руководством «безобидными», Н.С.Державин смог максимально высоко подняться по карьерной лестнице. Жизнь советского академика завершилась в 1953 г. вместе со сталинской эпохой. Похоронен он был на Литераторских мостках в Петербурге.

Н.С.Державин не был специалистом по проблеме этногенеза славян — до монографии 1944 г. у него не было серьёзных научных исследований, посвящённых этой проблеме²³⁸. Лишь в конце 30-х гг. академик только приступил к исследованию этого сложного вопроса. Это обусловило то обстоятельство, что автор публикуемой работы во многих своих положениях следует выводам других исследователей, прежде всего своего учителя Н.Я.Марра. Как уже отмечалось, теоретической основой монографии Н.С.Державина «Происхождение русского народа: великорусского, украинского и белорусского» являлась глоттогеническая теория, или «новое учение о языке». В то же время современные исследователи обнаружи-

237. Берков П.М. Краткая характеристика научной, педагогической и общественной деятельности // Николай Севастьянович Державин. М.-Л.: АН СССР, 1949. С. 16-17.

238. К этой тематике относится только статья П.С.Державина 1931 г. в Вестнике древней истории «Об этногенезе древних народов днепровско-дунайского бассейна. (К постановке вопроса)» (№ 1. С. 279-289).

вают во взглядах Державина явные следы дореволюционной концепции «триединства» (это нашло выражение уже в названии монографии ученого: «И происхождение русского народа — великорусского, украинского, белорусского»). Восточное славянство (для обозначения которого Державин использует термин «русский народ») понималось им как «триединый русский народ». Вследствие этого вопрос об этногенезе восточных славян и у Державина, и у ряда ведущих советских историков довоенного периода подменялся вопросом этногенеза «великого русского народа». Возвращение к дореволюционной историографической традиции приводило к удревлению, а тем самым к утверждению исторических корней и единства собственно российской нации, а в целом соответствовало общей идеологической концепции возрождения российской национальной идеологии²³⁹.

Наряду с этим для Державина были характерны и идеи панславизма, или идеология славянского единства. Современный исследователь А.М.Дубровский называет Н.С.Державина «старым панславистом», поскольку идеи общеславянского единства тот проводил ещё в дореволюционных своих публикациях²⁴⁰. Но нужно отметить, что идеи панславизма в 30-е гг. становятся и государственной идеологией в связи с необходимостью (а таковая была прямо определена на XVII съезде ВКП(б)) противостояния нацистской идеологии пангерманизма. Историки были нацелены на показ высокого уровня социально-культурного развития славянских племён и народов в древнейший период истории²⁴¹. Неудивительно, что с началом Великой Отечественной войны Н.С.Державин стал одним из авторов докладной записки Государственному Комитету обороны, в которой возродил свои дореволюционные взгляды на славянское единство²⁴².

В полном соответствии с глоттогенической теорией Державин представлял возникновение «русского народа» как постепенный процесс, начавшийся ещё в доисторические времена и представлявший собой межплеменные скрещивания, которые трансформировали предшествующее племенное наследие в новом племенном образовании. «Русский народ» или «русские славяне» эти дефиниции используются учёным для обозначения восточных славян в целом. Следуя рассуждениям Державина, хозяйственно-экономическое и культурно-историческое развитие «русского народа» привело к постепенному сложению «трёх новых этнографических и культурно-исторических образований — великороссов, украинцев (малороссов) и белоруссов [sic!], трёх братских народов, образующих ... каждый в отдельности особую нацию и все вместе в своём единстве — русский народ как мощное племенное целое»²⁴³. Предками «русского народа» Державин (вслед за Марром) называл киммерийцев, скифов, сарматов, находившихся на доиндоевропейской, яфетической стадии развития²⁴⁴. Особое место советский академик отводил в этногенезе славян трипольской культуре III тыс. до н.э., видя в её представителях протославян (вслед за В.В.Хвойко). Это мнение стало едва ли не догматическим. Даже ведущий советский специалист по истории Древней Руси Б.Д.Греков вынужден был в своей послевоенной монографии возвести этногенетическое начало восточных славян к трипольской культуре²⁴⁵. Автохтонистская теория в публикуемом труде Н.С.Державина приобрела гипертрофированный характер. По его мнению, «... начиная с эпохи палеолита и

239. Юсова Н. Указ. соч. С. 223.

240. Дубровский А.М. «Весь славянский мир должен объединиться»: идея славянского единства в идеологии ВКП(б) в 1930—1940-х годах // Проблемы славяноведения: Сб. науч. ст. и мат.-лов. Вып. 1. Брянск, 2000. С. 200.

241. Юсова Н. Указ. соч. С. 193.

242. Там же. С. 254.

243. Державин Н.С. Происхождение русского народа — великорусского, украинского, белорусского. М., 1944. С. 98.

244. Там же. С. 10-20.

вплоть до наступления железного века ... здесь [в юго-западной части территории Советского Союза] жил один и тот же в основном ядре народ»²⁴⁶.

Уже в периоде Киевской Руси Н.С.Державин находил начало позднейшей языковой дифференциации «единого русского народа». Ссылаясь на исследования Л.А.Шахматова, он выделял три племенных субстрата будущих восточнославянских народов. Важнейшим фактором, который привёл к разделению «русского народа» на три группы племён (позднее преобразовавшиеся в три народа), по мысли учёного, был процесс феодальной раздробленности²⁴⁷.

Первым с рецензией на труд Н.С.Державина откликнулся ведущий советский славист, чья деятельность была теснейшим образом связана с Беларусью, первый ректор Белорусского государственного университета, академик АН БССР В.И.Пичета. Пичета, уделявший значительное внимание проблемам происхождения славянских народов²⁴⁸, в целом негативно оценил труд Державина. В то же время он соглашался с мыслью последнего, что «восточнославянские племена составляют в целом русский народ и что в период племенных объединений не закончился процесс складывания великого русского народа»²⁴⁹. В.И.Пичета прямо повторял мысль Н.С.Державина о том, что три восточнославянских народа «представляют собой каждый в отдельности особую нацию, а все вместе — в своём единстве — русский народ как мощное племенное целое»²⁵⁰. Однако Пичета отмечал, что процесс формирования русского народа в действительности был более сложным и не настолько прямолинейным, как это представлял Державин²⁵¹.

Публикуемая монография Н.С.Державина, безусловно, не соответствует современному пониманию этногенетических процессов. Однако и сейчас в ней можно обнаружить мысли, созвучные современному уровню знаний. К их числу следует отнести утверждение о том, что субстратом современных восточнославянских народов были летописные группы племён, получившие на этапе государственно-политического развития общее имя «Русь»²⁵².

Можно бесконечно уличать академика Н.С.Державина в допускаемых этимологических ошибках (в рамках прямолинейного использования метода лингвистических соответствий), крайне поверхностном понимании этногенетических процессов и т.д. Но для своего времени монография Н.С.Державина была всё-таки шагом вперёд. В советской исторической науке довоенного периода этногенетическим исследованиям вообще уделялось совершенно недостаточно внимания. В целом публикуемая монография Н.С.Державина об этногенезе восточных славян представляет главным образом историографический интерес.

**Канд. ист. наук, профессор О.А.Яновский,
канд. ист. наук, доцент С.Н.Темушев**

245. Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX веков. СПб., 1996. С. 241.

246. Державин Н.С. Указ. соч. С. 7.

247. Юсова Н. Указ. соч. С. 225.

248. См., напр., работу, относящуюся к тому же периоду: Пичета В.И. Образование белорусского народа // Вопросы истории. 1946. № 5-6. С. 3-29.

249. Пичета В. [Рецензия]: Державин Н. Происхождение русского народа — великорусского, украинского, белорусского. М., 1944. // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 122.

250. Пичета В. [Рецензия]: Державин Н. Происхождение русского народа — великорусского, украинского, белорусского. М., 1944. // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 123.

251. Юсова Н. Указ. соч. С. 290.

252. Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб., 2005. С. 53.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИКА Н.С.ДЕРЖАВИНА

Николай Севастьянович Державин родился **15.12.1877** года в с. Преслав (б. Бердянского уезда, Таврической губернии).

1896 г. Окончил с золотой медалью гимназию в г. Симферополе. Поступил в Историко-филологический институт (С.-Петербург), откуда со второго курса перешёл в Историко-филологический институт Безбородко в Нежине.

1900 г. Окончил Историко-филологический институт Безбородко.

1900—1907 гг. Преподаватель русского языка и литературы в средней школы Батума, а позже — гимназии Тифлиса.

1903 г. Научная командировка от Академии Наук в Турцию и Болгарию. Избран членом-корреспондентом Русского археологического института в Константинополе.

1906 г. Возглавлял организованное рабочими Тифлиских железнодорожных мастерских «Общество народных университетов» и основал 12 школ грамотности для местного населения (Тифлис). Член правления Союза кавказских педагогов (Тифлис).

1907 г. Переехал в Петербург. Сдал магистерские экзамены по славяноведению при Петербургском университете.

1909—1910 гг. Научная командировка от Академии Наук в Болгарию.

1912—1917 гг. Приват-доцент Петроградского университета.

1916 г. На Историко-филологическом факультете Петроградского университета защитил магистерскую диссертацию «Болгарские колонии в России».

1917 г. Профессор Петроградского университета.

1920—1928 гг. Член Губернского совета рабочих и крестьянских депутатов (Петроград-Ленинград).

1922—1923 гг. Член Исполкома Губернского совета рабочих и крестьянских депутатов (Петроград).

1922—1926 гг. Ректор Ленинградского университета.

1922—1933 гг. Директор Научно-исследовательского института языков и литератур народов Востока и Запада (Ленинград).

1923—1925 гг. Председатель Комиссии по улучшению быта учёных (Ленинград). Председатель группы левой профессуры (Ленинград).

1924—1929 гг. Член Правления Облпрофсоюза работников просвещения (Ленинград).

- 1926—1928 гг.** Декан Факультета языка и литературы Ленинградского университета.
- 1926—1931 гг.** Член Центрального совета Секции научных работников.
- 1925—1937 гг.** Член бюро Секции научных работников (Ленинград).
- 1925—1949 гг.** Заведующий кафедрой славянской филологии Ленинградского государственного университета.
- 1928—1938 гг.** Заведующий кафедрой русского и славянских языков Филологического факультета Ленинградского государственного университета.
- 1929 г.** Участник Конгресса славянских филологов (Прага).
- 1929—1931 гг.** Заместитель директора Государственной публичной библиотеки (Ленинград).
- 1931 г.** Избран в действительные члены АН СССР.
- 1931—1934 гг.** Директор Института славяноведения АН СССР.
- 1933 г.** Участник V Международного конгресса историков (Варшава). Научная командировка от Академии Наук СССР в Чехословакию (Прага).
- 1941—1949 гг.** Профессор и заведующий кафедрой славянской филологии Московского государственного университета.
- 1942 г.** Избран в члены Президиума АН СССР. Избран членом Всеславянского комитета.
- 1942—1949 гг.** Председатель Антифашистского комитета советских учёных.
- 1944 г.** Награждён орденом Ленина за выдающиеся заслуги в деле развития науки и подготовки кадров в связи с 125-летием Ленинградского госуниверситета. Присвоена степень доктора «honoris causa» Софийского университета (Болгария). Избран в действительные члены Академии Педагогических наук РСФСР.
- 1945 г.** Награждён вторым орденом Ленина за выдающиеся заслуги в развитии науки и техники в связи с 220-летием Академии Наук СССР. Президиумом АН СССР командирован в Болгарию. Участник первого Славянского собора в Софии. Болгарским правительством награжден орденом Св. Александра II ст. Член Славянского комитета СССР и член редколлегии журнала «Славяне».
- 1946 г.** Избран в почётные члены Болгарской Академии Наук.
- 1947 г.** Избран в почётные члены Академии Наук Белорусской ССР.
- 1948 г.** Удостоен Сталинской премии I степени за широко известные исследования по славяноведению и истории славян, завершившиеся работами: «Происхождение русского народа», «Славяне в древности», «Христо Ботев, поэт-революционер».
- Умер **26.02.1953 г.** в Ленинграде; похоронен там же, на Литераторских мостках.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От издателя	3
ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОГО НАРОДА	
великорусского, украинского, белорусского	5
I. Дославянский период	7
1. Население восточно-европейской части территории СССР в доисторические времена	7
2. Этнография восточно-европейской части территории СССР к концу эпохи меди и бронзы	12
3. Скифы и сарматы	13
4. Ближайшие соседи скифов на севере: невры и будины	17
II. Древнейший период в истории славян	22
1. Венеды	22
2. Славяне, анты	26
3. Готы и восточные славяне	35
III. Восточные славяне во второй половине первого тысячелетия нашей эры	42
1. Племенной состав	42
2. Этруски-расены и русский язык	47
3. Славяне – русь	49
4. Норманская теория происхождения Киевской Руси акад. А.А.Шахматова	58
5. Значение термина <i>русь</i>	66
6. Племенные группировки и основные культурные центры русского народа в IX в.	72
IV. Древнерусские племена и позднейшие народы – великорусский, украинский и белорусский	76
V. Происхождение великорусского, украинского и белорусского народов	81
Использованная литература и комментарии	102
Краткий словарь	107
СЛАВЯНЕ В ДРЕВНОСТИ	108
ЧАСТЬ I. Историко-этнографический очерк	110
Глава I. Древнейшие известия о славянах	110
§ 1. Венеды	110
§ 2. Славяне, анты	115
Глава II. Славянские племена в древности	126
§ 1. Восточные, или русские, славяне	126

§ 2. Западные славяне	131
§ 3. Южные славяне	147
Глава III. Общественный строй у славян в древности (до XI в.)	155
Глава IV. Древнеславянский город	195
Глава V. Промышленность и торговля	215
Глава VI. Военное дело	220
Глава VII. Физический тип	222
Глава VIII. Быт и нравы	224
Глава IX. Религия	231
ЧАСТЬ II. Первые государственные образования у славян и их история в древности (VII–XI вв.)	256
Глава I. Государство Само (623–658)	256
Глава II. Чехия и Моравия	259
§ 1. Великоморавское княжество (818–906)	259
§ 2. Богемское княжество (874–1041)	269
Глава III. Польша (870–1138)	274
Глава IV. Первое болгарское царство (679–1018)	282
Глава V. Сербия и Хорватия (IX–XII вв.)	300
Н.С.Державин: жизнь и научная позиция советского академика	308
Основные даты жизни и деятельности академика Н.С.Державина	316

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН СЛАВЯНСКИХ ТОВАРОВ

+7 (495) 978-03-48
 +7 (499) 794-50-72
 +7 (901) 517-03-48
 ICQ 359-583-751

СЛАВЯНСКИЕ национально-патриотические КНИГИ, календари, диски, обереги и мн. др.

Бесплатный каталог можно получить, прислав нам конверт с обратным адресом: **117556, Москва, а/я 40**

www.slavtorg.org magazin@ruspravda.org

*Наш славянский народ весь подвержен такому ока-
янству; везде на плечах у нас сидят немцы, жиды, шот-
ландцы, цыгане, армяне и греки, которые кровь из нас
высасывают. Презрению, с каким обращаются с нами
иностранцы, укорам, которыми они нас осыпают, пер-
вая причина есть наше незнание и наше нерадение о нау-
ках, а вторая причина есть наше ЧУЖЕБЕСИЕ, или
глупость, вследствие которой иностранцы над нами
господствуют, обманывают нас всячески и зовут нас
варварами.*

Юрий КРИЖАНИЧ

Державин Николай Севастьянович

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОГО НАРОДА великорусского, украинского, белорусского

СЛАВЯНЕ В ДРЕВНОСТИ

Главный редактор А.П.Брагин

Главный художник Л.Е.Щирова

Цена свободная. Подписано в печать 03.11.09.
Формат 60x90 1/16. Объём 20 п.л. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 1 000 экз. Заказ № 2666.

Набрано и сверстано в компьютерном центре ООО «ФУАинформ» (г. Минск)
Отпечатано с электронных носителей в ОАО ИПП «Правда Севера»
163002, Архангельск, пр. Новгородский, д. 32 (www.ippps.ru)

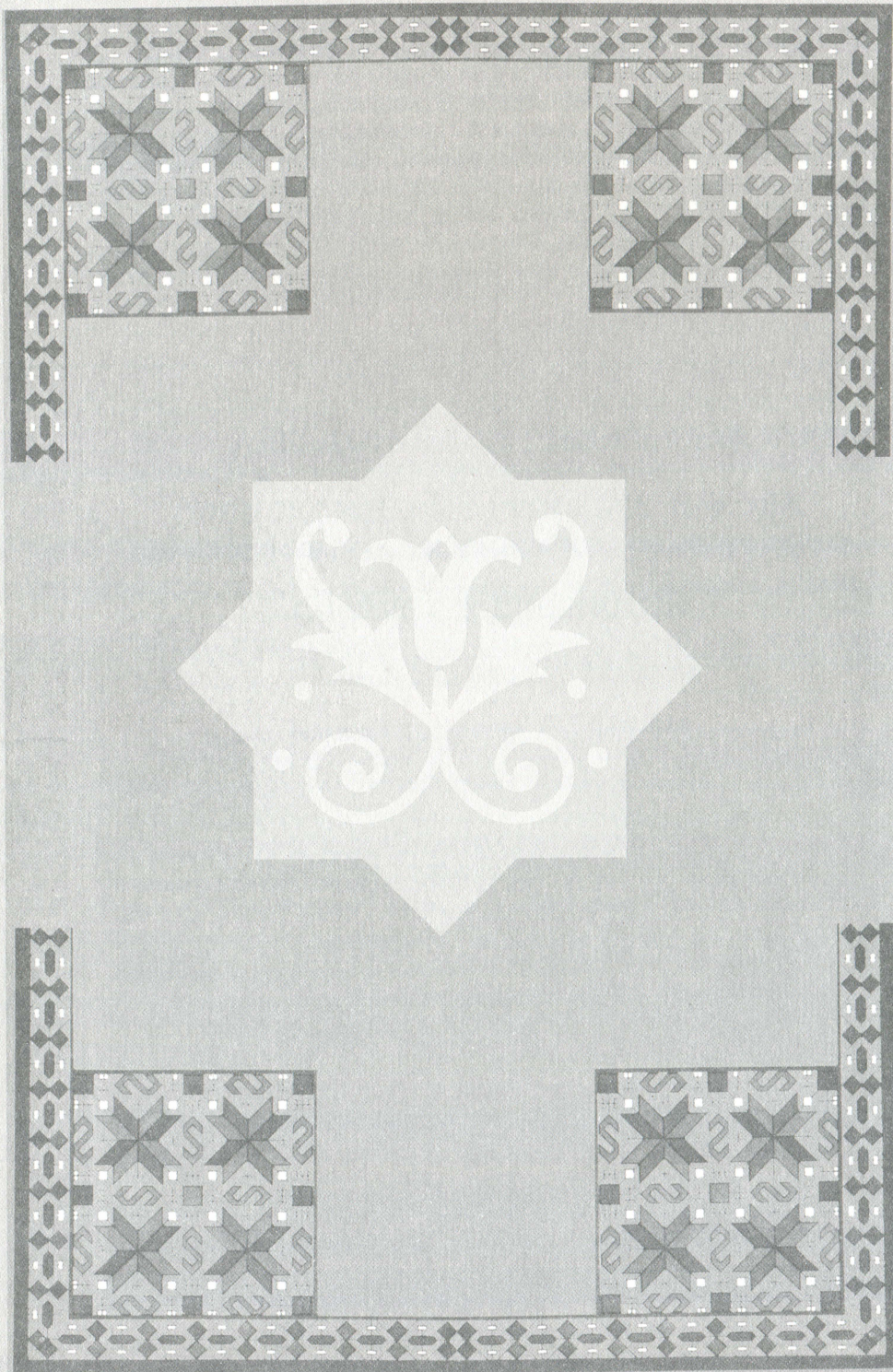
Издательская группа «РУССКАЯ ПРАВДА»

Адрес редакции: **117556, Москва, а/я 40, Аратову А.М.**
(495) 978-03-48 (499) 794-50-72

<http://www.ruspravda.org>

e-mail: info@ruspravda.org

Спрашивайте книги издательства «Русская Правда» в магазинах Вашего города!

ISBN 978-5-904021-02-3

9 785904 021023